

ДАНИЭЛЬ ЗЕД РЭЙ

ДЕТИ АМИРА:

Данрейт

Ее природа обошла своим вниманием. Ему — подарила все, что у нее было. Она посчитала, что недостатки можно исправить. Он знал, что выше головы — не прыгнуть. Она приняла зависимость как вызов. Он смирился с неизбежностью. Она решила доказать, что сможет с этим справиться. Он отстранился, чтобы посмотреть, что из этого получится. Только она — его раб. А он... Он просто влюбился в нее. Система или они? Они или система? Это — не война, это то, с чего она начнется.

Зеа Рэй Даниэль
Данфейт

Гимн тем, кого я люблю

Давным-давно Юга породила девочку, которую наделила даром предвидения. Дитя смотрело на людей и видело, когда и как они покинут этот мир. Девочка пыталась предупредить людей, рассказать им, как избежать самого страшного, но каждый совет оборачивался для тех новой петлей событий и непременно заканчивался смертью. Девочку начали бояться и, в конце концов, прокляли, дав ей имя "Предрешенная судьба". Прошли годы и девочка выросла. Будучи изгоем, она сторонилась людей, но однажды, встретила молодого мужчину. Он влюбился в нее и, оставив предрассудки глупым людям, женился на ней. Он пытался расспросить ее, когда и как умрет, но она слишком сильно любила его, для того, чтобы давать совет и обрекать на неминуемый провал. "Нет пути, кроме того, что дарован тебе свыше. Я могу указать тебе другую дорогу, но любая из них все равно приведет тебя к твоей предрешенной судьбе". Эта девушка забеременела и, рожая своего первенца, умерла. Мужчина долго горевал над своей супругой, не понимая, зачем она позволила ему жениться на ней, зная, что погибнет в результате этого. Ответ пришел к нему только в день, когда сам он, будучи стариком, умирал на руках своего ребенка. "Она знала, чем обернется для нее счастье, но все равно приняла его таким, каким оно было даровано ей предрешенной судьбой". Древняя деревийская легенда.

В центре огромного ангара стояло пятеро человек. Одни прилетели сюда, чтобы выбрать себе ученика. Другие пришли, чтобы изменить свою судьбу. Но из пятерых в этот день должно было повезти только одному, точнее одной.

Деревы, среди людей солнечной системы Амира, считались самой развитой расой. Почетное второе место занимали югуане с планеты Юга, третье — люди с планеты Тиа и, наконец, четвертое — то есть самое последнее в рейтинге и, соответственно, почете среди себе подобных, — жители планеты Сайкайрус, которых, из-за сложности произношения слова "сайкайряне" называли просто "людьми".

Когда в семье Герольда Белови родился первый ребенок — девочка — отец взял кроху на руки и пообещал, что в этой жизни у его принцессы будет все, о чем она только сможет мечтать. Появления второго ребенка вся семья ждала с нетерпением, ведь доктора предрекали рождение мальчика, и Герольд искренне надеялся, что сын в будущем станет его преемником.

Рождение этого ребенка изменило все в жизни Герольда Белови. Вопреки ожиданиям, в этот мир пришел совсем не мальчик, а маленькая девочка. Ребенка показали отцу и тут же куда-то унесли. Самого же Герольда выставили из комнаты, где к этому времени собрались доктора и запищали приборы. Он пытался позвать свою жену, но разве мог он тогда знать, что она больше никогда не откликнется на его зов...

Состояние Герольда в миг, когда он понял, что остался совершенно один с двумя малолетними дочерьми, невозможно описать. Каждый последующий год из череды лет его долгой жизни в тот самый день он вынужден был улыбаться и поздравлять свою дочь с днем рождения. Было ли ему настолько трудно или просто всем казалось, что именно трудно ему должно было быть? Как бы там ни было, его маленькая девочка всегда получала подарок вовремя и, казалось, совершенно не обращала внимания на косые взгляды и вздохи окружающей ее родни. Никто не мог сказать, что Герольд Белови не любил свою младшую дочь. Любил, но все же так, как старшую.

Маленькую девочку нарекли странным именем "Данфейт", на языке дерев означавшем "Предрешенная судьба". Многие поговаривали, что Герольд назвал ее этим именем, пребывая в состоянии безграничного горя, и невольно запечатлел тем самым темное пятно на белом сукне судьбы своей дочери. Сама же Данфейт редко задумывалась над тем, каким образом ее странное имя влияет на ее жизнь. Куда более насущной проблемой для нее было соперничество с собственной сестрой и разразившаяся на этой почве война между ними.

Мечты могут быть разными, да и цели в жизни могут разиться, но шанс устроить свою судьбу и стать одной из учениц Великих зрячих, безусловно, хотели получить обе сестры. Так началось их противостояние, протянувшееся красной нитью сквозь все детство и юность, запутавшееся в клубок из зависти и ненависти спустя долгие годы.

Они обе ждали этого момента вот уже тринадцать лет, с тех самых пор, как их отец вложил крупную сумму денег в фонд развития научных исследований планеты Дерева, и зрячие, в обмен на это, пообещали взять в ученицы одну из его дочерей.

О таком шансе простые смертные с Сайкайруса даже и мечтать не могли. Но, для Герольда, человека, владевшего одной третью ресурсов целой планеты, был оскорбительным отказ дерев забрать к себе обеих его дочерей.

Сегодня настал тот самый день, в ожидании которого столько лет прожили две сайкаирянки. Данфэйт повернулась к сестре и искоса посмотрела на нее. Айрин держалась на высоте. Ее сосредоточенное лицо и абсолютное спокойствие в очередной раз указали Данфэйт на врожденное превосходство сестры. Дани вновь посмотрела себе под ноги и едва заметно переместила массу тела с пяток на носки и обратно. Стоять вот так, неподвижно, в течение вот уже полутора часов было для нее не то, что испытанием — настоящей пыткой.

Трое незнакомцев подошли к девушкам и, не проявляя особого интереса, бегло осмотрели каждую с головы до пят. Данфэйт затаила дыхание и замерла на секунду. Никогда в своей жизни она не встречала зрячих. Ее воображение рисовало ей высоких худощавых деревьев с бронзовой кожей, черными волосами и неестественно темными глазами. Те же, кто прилетели сюда сегодня, совершенно не вписывались в построенный ею образ этих всемогущих людей. Высокие — да, темноглазые — совершенно точно, но не худощавые, наоборот: сбитые, широкоплечие мужчины, вылепленные из сухожилий и мышц. Самому старшему из них на вид было не более тридцати пяти лет. Именно этот человек возглавлял всю делегацию. Двое остальных были моложе, но уставшие, наполненные безразличием глаза будто принадлежали не этим молодым мужчинам, а старцам, смотрящим на все с позиций долго прожитых лет.

— Назовите причину, по которой Вы хотите пойти с нами? — спросил мужчина, что шел первым.

— Знание — это то, что может привести нас к Истине, — ответила Айрин и посмотрела в глаза дереву.

Зрячий встретил этот взгляд и несколько минут, словно, удерживал его на себе.

— А что ответишь ты? — снова спросил мужчина, продолжая пристально изучать Айрин.

— Я просто хочу учиться, — прошептала Данфэйт, но глаз на дереву так и не подняла.

— Значит, у тебя нет целей, — с усмешкой бросил зрячий.

Двое незнакомцев отвернулись от них и направились в сторону корабля.

— Ты, — произнес дерева и протянул руку Айрин.

Девушка поклонилась и отправилась следом за незнакомцами.

Данфэйт осталась стоять там, где стояла. Слезы заструились по ее щекам и ненависть, что дремала внутри столько лет, засвербела в сердце с новой силой. Тринадцать лет противостояния окончились полным поражением. Да, впрочем, был ли у нее вообще когда-нибудь шанс победить? Она всегда была "второй".

"Чего можно ожидать от ребенка с таким именем? Все было понятно с самого начала: кроме неприятностей эта девица ничего своей семье не принесет!" — качала головой ее старая нянька, сидя на кухне поздно ночью и изливая душу домоправительнице. Эти слова, вопреки желанию самой Данфэйт, слишком прочно засели в ее голове. Словно проклятие, она вспоминала их каждый раз, попадая в неприятности. И вот, она вспомнила их и теперь.

— Слишком спесива, — вдруг подал голос дерева и подошел к ней. — Тебе уже девятнадцать, а ты до сих пор не научилась контролировать собственные эмоции. Знание должно быть передано самым достойным, а ты, насколько я могу судить, никогда не сможешь возвыситься над самой собой.

Данфэйт открыла от изумления свой рот, а дерева тем временем развернулся и направился в сторону корабля.

— А если смогу?! — послышался громкий крик ему в спину.

Дерева остановился и, не оборачиваясь, ответил:

— Тогда я преклоню перед тобой свои колени.

— Он так и сказал? — пятый раз спрашивал ее отец, расхаживая по своему кабинету взад и вперед.

— Да, так и сказал.

— Дани, ты действительно хочешь просто учиться или мечтаешь стать "зрячей"?

— Я понимаю, почему ты спрашиваешь меня об этом.

— Правда?

— Да. Если они забрали Айрин, значит, увидели в ней потенциал. Следствием этого является простой вывод: у меня этого потенциала нет. Я не смогу стать зрячей. Да и кому вообще это нужно? — наигранно рассмеялась Данфейт. — Подумаешь, предвидеть будущее и читать чужие мысли...

— Управлять собственным телом. Обходиться без воды и пищи месяцами. Способность изувечить одним только желанием... Разве не об этом ты мечтала?

— Будь у меня талант, они забрали бы обеих. Поэтому не стоит больше говорить об этом.

— Говорить об этом мы будем, Данфейт. Ты же знаешь, для меня нет ничего невозможного.

— Нельзя купить всех, папа.

— Всех — нет, но, порой, достаточно купить одного человека.

— Что ты задумал?

— Я в свое время помог одному зрячему. И он пообещал мне не остаться в долгу.

— Кто он?

— Один из изгнанных...

Данфейт расхохоталась, но увидев очередной укоризненный взгляд отца, оборвала смех.

— Ты всегда прячешь свою горечь за маской веселья, — вздохнул отец.

Дани наигранно улыбнулась и подошла к окну.

— Он согласился забрать к себе Айрин. Честно говоря, я никогда не думал, что в спокойном характере твоей сестры кроется какой-то потенциал, но, это даже хорошо, что я ошибся... Ри, конечно, может попробовать отказаться от нашего уговора, но я знаю, как на него надавить.

— Ри?

— Ри Сиа.

— Тот самый, что создал теорию "Первоестественности"?

— Да.

— Тот, который в ходе одного из своих экспериментов уничтожил целое поселение югуан?

— В этой истории больше вопросов, чем ответов.

— Его изгнали за это!

— На него списали вину и убрали со "сцены".

— Но...

— Ты хочешь учиться или будешь прозябать здесь вместе со мной? — закричал отец и

подошел к ней. — Что ждет тебя? Деньги? Власть? Все это я и так оставлю тебе. Но вот Знание я никогда не смогу тебе дать. В свое время я отказался от такой возможности. А потом пожалел. Кто знает, возможно, я бы смог спасти твою мать...

— Ты действительно веришь в это?

— В жизни нет места "если бы". Ты можешь только делать выводы и двигаться вперед. И если тебе предоставляется шанс получить Знание, так какая разница, кто его тебе даст?

— Обучение вне Академии Ассоциации запрещено.

— Тебе всегда было наплевать на запреты. Наплюй на них и сейчас.

— Сколько же денег ты ему "подарил"?

— Столько, чтобы спасти его сына.

— Его сын — зрячий?

— Не знаю. Он никогда не говорил о нем. Как бы там ни было, тебе улетать через час.

— Папа...

— Уходи и не оборачивайся, так же, как это сделала твоя сестра. Здесь тебе больше нечего делать.

Он наклонился к ней и, положив свои руки на плечи, поцеловал в макушку. — Я люблю тебя, Дани.

— Я тоже люблю тебя, па...

Как только дверь рабочего кабинета Гарольда Белови закрылась за спиной его младшей дочери, он спокойно присел за свой стол и потянулся к стакану с виски. Знал ли он, чем для нее закончится этот путь? Вряд ли. Как бы там ни было, Герольд был уверен, что поступает правильно, а значит, судьба Данфейт, так или иначе, действительно была предрешена с самого начала.

Путь Данфейт к дому Ри Сиа был долгим и утомительным. Деревя со странным именем Ри вел отшельнический образ жизни на одной из лун планеты Юга. Достаточно далеко от Деревы и ее обитателей, но все же не так, как до Сайкайруса.

Перекинув через плечо тяжелую сумку, она спустилась по трапу собственного корабля вниз и вышла на посадочную платформу. Здесь было пусто. Данфейт обернулась и манерным движением руки приказала одному из своих провожатых вынести на перрон остальные ее вещи.

Отец сказал, что Ри встретит ее на станции, но нечто подсказывало Данфейт, что новоявленный учитель за ней не придет. Еще бы, ведь место, где она оказалась, едва ли можно было назвать "станцией". Старая бетонная постройка грозила рассыпаться прямо под ее ногами. Повсюду рос мох, а кое-где даже заросли неизвестного ей кустарника ярко-синего цвета.

Данфейт просидела на сумках около часа. Для нее это было настоящим достижением. Энергичная от природы, она всегда пребывала в движении, что, по сути, и являлось ее нормальным состоянием. Она даже не могла спокойно усидеть на стуле за обедом, постоянно ерзая, словно змея, чем приводила в ярость не только собственную сестру, но и отца. Но сейчас ей не хотелось двигаться. Что же ее остановило? Наверное, мысли о выборе дальнейшего пути, который ей предоставил неизвестный зрячий по имени Ри Сиа.

Дорога назад, домой, к отцу и привычной для нее жизни, начиналась по правую руку от

нее со спущенного трапа корабля. Это был легкий путь и, что кривить душой, вполне желанный для Данфейт. Вторая, неизведанная и явно тяжелая дорога начиналась по левую руку от Данфейт, со ступенек, ведущих вниз в чужой неизвестный мир. Что ее ждет там?

Наконец, Дани поднялась с места и, перекинув сумку через плечо, повернулась влево. Что ж, она сделала свой выбор. Подняв руку вверх, она подала знак провожатому улетать. Данфейт ушла с перрона, не оборачиваясь. Принимая решения, она никогда не оглядывалась назад. За это ее ругал отец. За это ее порицала сестра. "В тебе нет раскаяния", — говорила она. "Ты не анализируешь свои поступки, а значит, не можешь сделать выводы". "Я не жалею о прошлом, — отвечала Дани, — выбор, совершенный однажды, не изменить, а значит нет смысла ковыряться и пытаться что-либо исправить".

Данфейт в жизни было что исправлять и за что стыдиться. Но сейчас, понимая, что ввязывается в опасную авантюру, она думала только об одном: это ее шанс доказать, что она — лучшая. И пусть Айрин подавиться своим превосходством! Они выбрали ее, что ж, посмотрим, сможет ли Данфейт возвыситься над собой.

Спустившись вниз, девушка попала в просторный холл, точно так же поросший сорняками, как и перрон. Ни людей, ни табличек с указателями здесь не было. Дани подошла к единственной двери, находящейся здесь, и толкнула ее. Ничего. Данфейт подергала ручку и толкнула снова. Заперто.

Дани кинула сумку на пол и обошла холл по периметру. Другого выхода из этого помещения не было. Вернувшись на свою первоначальную позицию, Данфейт внимательно изучила замок и дверные петли. Интересно, чтобы в этой ситуации предприняла Айрин? Дани улыбнулась своим ехидным мыслям и, сделав несколько шагов назад, со всей силы ударила деревянную рухлядь ногой возле петель. Долго мучиться не пришлось: три удара и путь был открыт.

В конце узкого темного коридора мерцал приглушенный свет. Особо не размышляя, Данфейт перекинула сумку через плечо и побрела вперед. Коридор вывел ее в зал, освещенный свечами в канделябрах. Взглянув на собственное отражение на поверхности лакированного паркетного пола, Данфейт скептически улыбнулась и направилась в сторону двери, расположенной в противоположном конце зала.

— Неплохо, — услышала она позади себя и оглянулась.

В дверном проеме, через который она только что вошла, стоял высокий седовласый мужчина.

Безусловно, только дерева мог быть обладателем таких глаз. Черные, словно бездна, раскинувшаяся перед ней, в которой ничего, кроме собственного страха уже не видно. Из-за этой черноты зрачки дерева будто сливались с радужкой, и возникало ощущение, что сама смерть смотрит на нее. Как же он там оказался, этот человек?

— Хороший вопрос, девочка. Ты не заметила, что из коридора есть еще несколько выходов?

— Как Вы... — опешила Данфейт.

— Прочел твои мысли? Это просто, когда умеешь это делать.

Дани едва ли сдержала порыв выругаться про себя, но, вовремя одумавшись, начала размышлять о дохлых кроликах.

— Снова "неплохо", — рассмеялся мужчина.

— А за что Вы похвалили меня в первый раз?

— Это не похвала для аркаина, а оскорбление.

— "Аркаин"? — переспросила Дани.

— Это значит "ученик", Данфейт.

— Так Вы уже поняли, что я не та, кого Вы ожидали встретить?

— Естественно, — засмеялся зрячий. — Айрин никогда бы не стала выносить дверь с петель. Ее ловкий ум навел бы ее на мысль о том, что можно выстрелить в замок из пистолета, который спрятан в твоём правом ботинке.

— Это плазменное оружие, а Ваша чудная дверь хоть и деревянная, но пропитана савоклей.

— Теперь я скажу, что ты — молодец.

— Айрин запросто бы раскусила эту уловку, — заметила Данфейт.

— Но она бы не смогла выбить эту дверь, не так ли?

— Айрин умеет вскрывать чужие замки.

— А ты — нет?

— Слишком долго возиться. Проще выбить гнилые петли.

— Плохо, что ты не познала искусство общения с замками.

Данфейт покраснела и отвернулась. Этот человек прочел ее, как открытую книгу. Действительно, в свое время у Данфейт не хватило ни терпения, ни ловкости, чтобы постичь этот метод открытия чужих дверей, в отличие от Айрин, которая к пятнадцати годам научилась вскрывать отцовский сейф. Благо, отец об этом до сих пор не знал.

— Ты сравниваешь себя с сестрой. Это глупо.

— Так, как Вы узнали, что прилечу я, а не Айрин?

— Твой отец сообщил, — засмеялся зрячий.

— Значит, Вы и есть Ри Сиа?

— Для тебя я — Учитель.

— Приятно познакомиться, — улыбнулась Данфейт и кивнула головой.

— Добро пожаловать в мою обитель. Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

— Так, все это — Ваш дом?

— Не вся Мийя, только ее часть.

— Мийя?

— Ты прилетела на луну и даже не знаешь, как она называется?

Дани выругалась про себя.

— Аркаин не должен употреблять такие выражения, даже про себя.

— Простите.

— Сегодня тебя накормит Ирия. Она и еще несколько человек живут здесь вместе со мной. Но с завтрашнего дня ты будешь готовить для себя сама.

— Готовить?

— Я даю тебе ровно неделю, чтобы постичь это искусство. Считай это — первым твоим заданием. Кстати, тренировок со мной это не отменяет, так что советую пораньше лечь спать, ведь подъем у нас — в пять утра.

— Есть еще что-нибудь, что мне следует знать?

— Да. С этого дня мое слово для тебя — закон. Ослушаешься или выругаешься, даже про себя, будешь наказана.

— И какие формы наказания Вы практикуете?

— Со временем сама узнаешь.

К сожалению, Данфейт даже не сомневалась в том, что заявление Ри является

пророческим.

В абсолютном молчании она проследовала за Учителем назад в темный коридор. Действительно, там, где было особенно темно, в стенах находились выемки, за которыми скрывались другие едва освещенные проходы. "Лабиринт", — сделала вывод Дани и попыталась запомнить дорогу, но это оказалось абсолютно пустой затеей. Направо, налево, прямо, налево, — Данфейт пришла к выводу, что Учитель специально водит ее кругами, чтобы сбить с толку.

Как только они вышли в достаточно просторный холл, обставленный деревянной мебелью все с теми же канделябрами на стенах, Ри остановился и обратился к ней.

— Это — все твои вещи?

— Нет, остальное я оставила на перроне, — покачала головой Данфейт, продолжая рассматривать красивую резную с серебряной отделкой мебель.

— Тогда, придется вернуться за ней сейчас.

— Хорошо, — пожала плечами Данфейт и повернулась к двери, когда поняла, что Учитель никуда уходить не собирается.

Она оглянулась и посмотрела на Ри. Зрячий улыбнулся:

— Я буду ждать тебя здесь.

Данфейт снова повернулась лицом к двери, ведущей в темный коридор. Она не помнила пути назад и прекрасно понимала, что Учитель об этом знает.

— Я не буду ждать вечность, пока ты, наконец, соизволишь сделать первый шаг.

Данфейт вошла в коридор и закрыла за собой дверь. Спокойно. Что главное в лабиринте? Все время двигаться вдоль одной стены. Дани коснулась пальцами шероховатой поверхности по правую руку от нее и направилась вперед. Направо, налево, налево, прямо, тупик.....назад, направо, налево... Сколько долгих минут она плутала по этим коридорам? Тридцать? Сорок? Внутри у нее каждый раз что-то надрывалось, когда на своем пути она встречала очередную глухую стену и вынуждена была возвращаться назад. Может быть, она навсегда останется здесь? Или учитель, осознав, что она заблудилась, сжалится и найдет ее? Но, кому нужна эта жалость? Айрин никогда не теряла самообладания. Ни разу в жизни ее сестра не закатила ни одной истерики. В отличие... В отличие от самой Данфейт, конечно. Какие цели преследовал учитель, отправляя ее сюда?

Данфейт уткнулась лбом в очередную глухую стену. Ее руки задрожали, и она сжала их в кулаки. Она не сдастся. Это — проявление слабости, а Данфейт никогда не считала себя слабой. Вытерев рукавом своего термостабильного костюма ненавистные слезы, она повернула назад и продолжила свой путь вдоль стены.

Спустя еще очень долгое время она, наконец, вышла именно в тот коридор, где на одной стороне горел мерцающий свет, а с другой стороны висела сломанная дверь.

Данфейт осела на пол и начала судорожно хватать воздух ртом. Она сделала это! Дошла! Но, что дальше? Как же ей перетащить все те вещи, что она притащила с собой? Пять тяжелых транспортных ящиков на колесах. Пять!!!

Данфейт поднялась на ноги и поплелась на перрон. В иссиня-белом небе, где виднелось еще три луны и прекрасная, зеленая планета Юга, заходило белое солнце. Как только диск Амира скатится за линию горизонта, поверхность Мийи погрузится во мрак. Может, это символ? Может и ее жизнь с заходом этого солнца погрузится в такой же мрак?

Данфейт раскрыла все пять ящиков и, выкинув все вещи из одного из них на перрон, принялась отбирать только самое необходимое. Ботинки, расческа, зеркало... Зачем ей

зеркало? Разве там нет зеркал? Дани метнула стеклянный предмет в сторону и услышала треск стекла. Плохая примета. Сколько лет? Семь? "Не так уж и много", — улыбнулась себе под нос Данфейт.

Потянув за ручку собранный ящик и оставив позади себя все те дорогие и любимые ей вещи, она, не оборачиваясь, направилась назад.

Отодвинув сломанную дверь, она, наконец, попала в начало лабиринта.

Остановившись посреди этого коридора, она скептически посмотрела на проход по правую руку от нее.

— Интересно, куда же вела та дверь в зале, в которую она так и не вошла?

Данфейт оставила ящик и уверенно направилась вперед. Она пересекла огромный зал и потянулась к ручке. Открыв дверь, она оказалась в том самом холле, в который привел ее Ри.

Учитель в это время спокойно читал какую-то книгу, сидя на диване, обтянутом кожей. Заметив ее появление, он захлопнул чтиво и небрежно бросил его на пол.

— Два часа и восемь минут. Плохо, очень плохо.

— Могло быть и хуже, — ответила Данфейт и собралась идти обратно, за своими вещами, как Ри одним движением руки захлопнул дверь перед ее носом.

Данфейт передернуло. Он сделал это на расстоянии и с такой силой, что мелкие кусочки штукатурки с потолка посыпались прямо ей на голову.

— Твое время истекло. Ты и так перебрала восемь минут.

— Вы не говорили, что у меня есть всего лишь два часа!!!

— Я подумал об этом. Остальное — твои проблемы.

— Но, я не умею читать мысли!!!

— Я сказал, что это — твои проблемы.

— Это не честно!!! — закричала Данфейт и ударила кулаком в дверь.

— Еще раз позволишь себе подобное, и я выкину тебя отсюда, как собаку. Ты — аркаин. Ты сделала свой выбор. Я не твой отец, чтобы терпеть твои выходки и всплески темперамента. Сопли тебе вытирать я тоже не буду. Это — мой дом. Это — мои правила. И ты — мой аркаин. Да или нет? — взревел Ри, и Данфейт поняла, что тихо оседает на пол.

— Да, Учитель, — прошептала она себе под нос.

— Не слышу!

— Да, Учитель!

— Я не слышу!!!

Данфейт подняла голову и с ненавистью, притаившейся где-то в глубине ее сердца, прокричала:

— Да, Учитель!!!

— Хорошо. Но, за свою выходку ты все равно будешь наказана. Сто отжиманий. Начинай!

Измотанная, опустошенная Данфейт, молча, распласталась на паркете. У нее не было сил. Никаких.

— Я сказал: "Начинай"! — повторил Ри и присел обратно на диван.

Данфейт поднялась на руки и начала считать. Один, два, три, четыре...

Пот стекал по ее лицу и соленые капли падали на пол. Руки и ноги тряслись. Живот сводило судорогой. Сколько еще продлится эта пытка? Сколько еще она сможет раз подняться, перед тем как упасть и провалиться в забытье?

...Пятьдесят один...

Голова Данфейт поплыла. Она больше ничего не помнила. Она не знала, сколько отжиманий уже выполнила и сколько ей еще осталось. Последнее, что она видела перед собой — это ноги Ри Сиа, склонившегося над ней...

"Только то, что достается нам трудом, представляет настоящую ценность". Эти слова, сказанные ее Учителем, Данфейт запомнит на всю свою жизнь. Знал ли Ри, что труд этот может оказаться настолько непосильным? Данфейт этого точно не знала. Но, неисповедимы пути, выбранные Югой. Дорогу осилит идущий, и Данфейт не собиралась сворачивать назад. Слишком сильным было ее желание доказать кому-то, что она — ничем не хуже своей собственной сестры. Слишком темной была ее ненависть к той, которая оказалась все-таки лучшей...

Прошел один год...

— Данфейт! Проснись, дочка!

— А-а-а?

— Вставай, дорогая. Уже почти пять.

— Ирия?

Домоправительница с огненно рыжими волосами по имени Ирия будила Данфейт каждое утро. Дани никогда не могла понять, в котором часу встает сама Ирия, если к пяти утра эта женщина была уже одета, а на кухне давно стыл завтрак.

— Вставай. Сегодня у тебя тяжелый день.

— У меня каждый день — тяжелый, — пробурчала Данфейт, но с кровати все-таки поднялась.

Когда-то она спала в красивых шелковых ночных рубашках и каждое утро для нее готовили нечто особенное. Это было так давно... Сейчас на Данфейт была натянута длинная майка, сшитая из грубого серого льна, подаренная ей все той же Ирией. Сколько месяцев не видели ее стопы педикюра? Сколько долгих дней заживали ее руки, испещренные ссадинами и синяками? Теперь они огрубели и покрылись мозолями. Как давно ее темно-каштановые длинные волосы превратились в паклю, из-за чего Данфейт пришлось остричь их? Зато теперь их можно было расчесывать только раз в день и практически не тратить на это мероприятие времени. Что Данфейт действительно мешало — так это грудь. Именно этой части тела на тренировках доставалось больше всех. Однажды Ри посоветовал ей перевязать ее, чтобы не было так больно. С тех самых пор каждое утро она обвязывала себя метрами эластичной ткани.

Сегодня, так же как и всегда, ее день начался с душа под холодной водой и стягивания непокорной объемной груди. Как только дело было сделано, Данфейт надела свой черный термостабильный костюм, если его можно было так назвать. Латки на локтях и коленях давно испортили особый механизм в ткани, поддерживающий определенную температуру тела при любых условиях. Свои "старые" черные кожаные сапоги, купленные прямо перед приездом сюда, она давно выкинула в мусорное ведро. Слава Юге, учитель подарил ей новые, сшитые специально на заказ. Правда, счет оплатил ее отец, но это было не так уж и важно. Толстая рифленая подошва скрывала острые шипы, в каблуке ютился отсек для отмычек, за голенищем — чехол для ножа. Следующими элементами гардероба были многочисленные пояса, которые она натягивала на ноги, крепила на талии и перекидывала через плечо. Год назад она и предположить не могла, сколько металла и зарядных блоков от плазменных пистолетов будет навешивать на себя каждое утро. Но, самым любимым ее оружием оставались сюрикэны, закладываемые ровными рядами за специальную ленту на левой руке. Наконец дело дошло и до фрирайна, весившего три килограмма и фиксировавшегося лямками на спине. Купленный все на те же, отцовские деньги, этот прибор и по сей день оставался ее ахиллесовой пятой. Преодолевая воздействие сил гравитации, он позволял Данфейт парить в воздухе и прыжками перемещаться на довольно большие расстояния. Одно "но" не давало Данфейт ужиться вместе с ним. Для того, чтобы замереть, скажем, на потолке, необходимо было быстро поменять параметры воздействия создаваемого поля. Проще сказать, чем сделать. Датчики от прибора были расположены в

перчатках на пальцах обеих рук. Ошибешься с набором команд — и тебя впечатает в пол на "раз-два-три". Однажды Дани умудрилась "влететь" в стену. Два сломанных ребра заживали три недели, а Учитель отнял обезболивающие уже через семь дней.

Данфейт посмотрела на свое отражение в зеркале и улыбнулась. Интересно, насколько год обучения изменил внешний облик ее сестры? Если так же, как и ее саму, то она была бы просто счастлива.

Спустившись вниз ровно в пять утра, она поприветствовала Учителя и принялась быстро есть кашу, сваренную заботливой Ирией специально для нее. Данфейт торопилась, ведь когда Учитель коснется своим прибором стола, ее трапеза будет окончена. Таковы правила дома Ри Сиа. Странно, она привыкла к ним. Единственное, за что она теперь постоянно получала наказания, была ее старая добрая привычка нецензурно выражаться. Искоренить ее оказалось намного более трудной задачей, чем она думала. Выпаливая в сердцах очередную верткую приправленную фразу, Дани неминуемо попадала впросак. Учитель тут же назначал очередное наказание, исполнить которое каждый раз становилось все труднее и труднее. Сто отжиманий по сравнению с недельной голодовкой — просто детский лепет.

Физическая подготовка давалась Дани намного проще, нежели занятия по "Теории Мироздания" и "Силовых полей". До сих пор она не смогла прочесть ни одной чужой мысли и не сумела переместить ни одного предмета в пространстве. Проще говоря, кроме выставления блокировки собственного сознания, которую учитель раскалывал уже через две минуты, Данфейт на этом поприще не достигла ничего.

Учитель называл это состояние "сомноленцией сознания", а проще говоря "спячкой". Что мешало Данфейт проснуться оставалось не понятным. Согласно теории "Первоестественности", которую предложил в свое время Ри Сиа, каждый человек во Вселенной обладает определенными сверхъестественными способностями. Одни люди преодолевают "сомноленцию сознания" спонтанно, а другим требуются годы обучения и тренировок. Дани, конечно же, вместе с большей частью человечества принадлежала ко второй группе людей. Однажды, она даже пошутила, что относится к новой, третьей группе "невезучих", которым в этой жизни уже ничто не поможет. Учитель не понял ее юмора, за что Данфейт поплатилась. Сутки без воды охладили ее пыл, и шуточек на тему ее обучения она больше не отпускала.

— Ты сегодня не разговорчива, — заметил Учитель, кладя приборы на стол.

Дани тут же отодвинула тарелку с недоеденной кашей и откинулась на спинку стула. Безусловно, она бы с удовольствием доела кашу, приготовленную Ирией, но Учитель закончил трапезу, а значит, и Аркаин тоже.

— Я думаю о том, куда мы с Вами отправимся. Вы сказали, что познакомите меня с коренными?

— Да. Путь до поселения займет часов десять. Ты проведешь там две недели, а затем самостоятельно вернешься сюда.

— Зачем мне оставаться с ними?

— Ты сама ответишь мне на этот вопрос. Но не сейчас.

Мийя хоть и была пригодной для жизни луной, но источников воды на этой планете было крайне мало. Скалы и пустыня, — вот и все достопримечательности этого отдаленного приюта немногочисленных югуан, перебравшихся сюда столетия назад и освоивших эти земли. Именно этих людей называли "коренными" или "мийянами". Чуть позже, а точнее

всего несколько десятилетий назад, одна из влиятельных югуанских корпораций рассмотрела вопрос о строительстве на Мийе термоядерных электростанций. Тогда же и началась борьба местного населения за право остаться хозяевами собственной земли. Деньги не помогли влиятельным людям избавиться от местных, и за дело взялись наемники. Они организовали несколько баз недалеко от мест поселений мийян и постепенно воды на всех начало не хватать. Немногочисленные мийяне оказались один на один со своей проблемой, и закон в этой ситуации был не в силах им помочь.

Время шло, но ни голод, ни жажда не заставили этих людей покинуть свой родной дом. Скрытая война продолжалась здесь вот уже в течение нескольких лет. Мийяне периодически опустошали запасники воды чужаков, а те, в свою очередь, уничтожали скудный урожай коренных жителей.

Преодолев путь в сотни километров по пустыне на квадрациклах, Данфейт, впервые в жизни, попала в деревню тех, о ком раньше только слышала. Небольшой оазис посреди бескрайних песков с несколькими десятками шатров, наполовину погруженных в землю, — вот и все, что увидела Данфейт.

Как только их приближение было замечено, навстречу высыпали дети в грязной одежде из льна и, протягивая свои чумазные ручки, тут же начали попрошайничать. Ни конфеты им были нужны, ни сувениры, они молили о воде, которая в период засухи в этом месте ценилась дороже всего.

Данфейт остановилась первой и повернулась к багажному отсеку, чтобы достать один из контейнеров с питьевой водой, когда услышала громкий возглас Учителя:

— Не смей!!!

— Но, они же...

— В первую очередь вода нужна тебе самой. Во-вторых, если ты и можешь отдать им один из контейнеров, лучше передать его в руки старших, чтобы они распределили запас поровну.

Тем временем к квадрациклу Данфейт подошла женщина, на вид лет сорока, и, похлопав в ладоши, быстро разогнала толпу вопрошающих детей. Как ни странно, но маленькие оборванцы тут же разбрелись по сторонам. Ни протестов, ни слез, будто воспринимали все как данность, как закон, которому не имеют право не подчиниться.

— Добро пожаловать! — поздоровалась женщина и протянула руку Данфейт. — Меня зовут Морайя.

— Данфейт, — ответила Дани и пожала запыленную ладонь.

— Устала, наверное, с дороги. Спускайся, я проведу тебя в дом.

Данфейт искоса посмотрела на Учителя и, заметив одобрительный кивок, последовала за Морайей.

Эта женщина, одетая в лохмотья из льна, обутая в кожаные тапочки, задники которых давно были изношены, шествовала впереди Данфейт, будто королева. Ее золотистые волосы, осветленные слоем пыли, были собраны в жгут на затылке, и Дани невольно заметила, как сильно напряжены мышцы ее шеи.

Морайя остановилась возле шатра и, приподняв занавеску, пропустила Данфейт вперед. Здесь было прохладно, хотя в дальнем углу жилища горел самый настоящий огонь. Данфейт присмотрелась к нему и поняла, что этот очаг представляем собой кучку углей на тяжелой чугунной подставке. Вверх от очага вздымалась труба, и дым покидал жилище именно через нее... Земляной пол был устлан протертыми коврами, на которых кое-где были видны латки.

Широкий топчан, низкий стол в центре шатра и сундуки по периметру. Женщина прошла к очагу и вложила в него нечто, очень напоминавшее Данфейт навоз... Естественно, ведь чем еще могли топить эти люди?

Морайя присела на один из сундуков.

— Проходи, не стесняйся, — сказала женщина и улыбнулась Данфейт.

Дани присела на пол перед пустым столом и посмотрела на Учителя, что остался стоять у входа в шатер.

— Где Дали?

— У Роби.

— Покажи моему аркаину все, что считаешь нужным, и через две недели отправь ее домой.

— Конечно, — кивнула женщина и снова улыбнулась.

И тогда, впервые за тот год, что она знала Учителя, она увидела, как он улыбается в ответ. Лицо зрячего преобразилось, стало более мягким и утратило черты той высокомерности, что постоянно угадывала в нем Данфейт.

— Может, ты меня проводишь к Роби?

— Провожу, — усмехнулась женщина и посмотрела на Данфейт.

— У тебя наверняка с собой есть какие-то вещи. Ты пока можешь принести их сюда.

— Хорошо, — ответила Дани и вышла из шатра.

Морайя отсутствовала полтора часа. То ли все это время она "проводила" Учителя, то ли у женщины нашлись более важные занятия, но у Данфейт возникло ощущение, что она совсем забыла про свою незваную гостью. Когда терпение Данфейт, наконец, иссякло, девушка вышла на улицу и уверенным шагом направилась к своему квадрациклу. Во рту пересохло и она собиралась попить воды, но когда увидела, что за ней, держась на дистанции в несколько метров, плетутся все те же дети — попрошайки, поняла, что ее намерениям пришел конец. Она резко обернулась, и малыши, как по команде, сделали шаг назад.

— Вы говорите на югуанском? — произнесла Дани и улыбнулась.

— Конечно, говорят! — рассмеялась женщина, проходящая мимо. — Меня зовут Лиам, а тебя?

— Данфейт! — ответила Дани.

— Ты аркаин, не так ли?

— Да.

— Сиа уже уехал, — пожалала плечами женщина.

— Это я уже поняла, — улыбнулась Данфейт, указывая рукой на следы на земле от шин квадрацикла Ри.

— Надолго ты к нам?

— На две недели.

— Правда?

— Да.

— Тогда, может, сможешь мне приготовить лепешки?

— Но, я должна ждать Морайю.

— По-моему, сейчас ты направлялась к своему квадрациклу, — справедливо заметила женщина и улыбнулась.

— Лепешки, значит... — выдохнула Данфейт. — А еще какая-нибудь работа есть?

— Ну, можешь помочь Наитии со шкурками серманов.

— Серманов?

— Да. Зверьки такие, похожи на куатов.

— Куатов, — кивнула Данфейт. — Конечно, куаты... Они похожи на серманов... Так, могу я со шкурками помочь?

— Не любишь готовить?

— Не в этом дело, — пожала плечами Дани. — Отравить Вас боюсь.

Лиам юмора Данфейт не оценила. С каменным выражением лица, она покачала головой:

— Как же ты мужчину своего кормить будешь? Ни один из них твоей "травли" не выдержит! Сначала, найдет место, где вкусней кормят, а затем поймет, что и топчан там мягче!

Данфейт сдержала порыв и не расхохоталась.

— Может, Вы научите меня готовить лепешки, чтобы я могла вкусно накормить своего мужчину?

— Уже лучше, — улыбнулась Лиам. — Если будешь стараться, я тебе и несколько секретов раскрою, как сделать топчан мягче...

Лиам подмигнула Данфейт и хмыкнула.

— Все ясно, — пробурчала себе под нос Дани и поплелась следом за своей новой знакомой.

Чему собирался научить ее Учитель, отправив сюда, Данфейт поняла сразу. Это — мир обычных людей, которым наплевать на техники блокировки сознания. Мужчина, дети, дом, лепешки, шкурки, и умение выживать в условиях, где Данфейт без бутылки с водой, погибла бы уже через три дня. Это было другое мировоззрение, иные идеалы и совершенно чуждые для Данфейт представления о роли женщины в обществе.

— Так, ответь мне на вопрос: зачем я направил тебя в поселение? — спросил у Данфейт Учитель, сидя в своем любимом кресле напротив камина.

— Для того, чтобы я смогла узнать немного о жизни, отличной от той, к которой привыкла.

— Неправильный ответ, — улыбнулся учитель.

Данфейт подняла на него глаза и усмехнулась.

— Нет?

— Нет, — покачал головой Сиа и рассмеялся.

— Тогда почему, Учитель?

— Возможно, в следующий раз ты будешь более внимательна к деталям, и тогда сможешь ответить мне на этот вопрос.

— И когда же я снова отправлюсь к мийянам?

— Через полгода.

— Тоже, на две недели?

— Нет. Ты пробудешь там около месяца.

— Как скажете, Учитель. Тогда, возможно, уже через полгода я смогу ответить на Ваш вопрос?

— Сомневаюсь, Дани, — скептически заметил Сиа и подмигнул ничего не понимающей Данфейт.

Три года спустя.

— Данфейт! Данфейт!!! — кричала малышня, прыгая вокруг Дани, когда та доставала провиант из своего квадрацикла.

— Кто будет попрошайничать, воды не получит! — серьезным тоном ответила Дани и показала детям язык.

Дети тут же поникли и разошлись.

— Умеешь ты их уговорить, — улыбалась Лиам, забирая у Дани бесценные контейнеры с питьевой водой.

— О, Данфейт! — послышался голос Морайи, которая поспешила на помощь и без того образовавшейся толпе добровольцев. — Где ты достала все это?

— Наемники в честь засухи немного расщедрились, — засмеялась Дани.

— Ты опять принялась за свое? — возмутилась Морайя.

— Помолчи! — шикнула на нее Наития. — Скажи "спасибо", что она привезла воду. Недра этой луны принадлежат всем, так какая разница, где она ее взяла?

— Наемники придут сюда, если поймут, где теперь их провиант!

— Не придут, — ответила Данфейт. — Они и кражу-то вряд ли заметят. Видели бы Вы, сколько там всего! Содержимого одного ангара хватило бы на год, а то и на полтора.

— Совсем совести нет! — зашипела Лиам. — Это из-за них здесь засуха!

— Строительство термоядерных станций мало влияет на климат Мийи, — возразила Данфейт и передала тяжелую коробку в руки одного из мужчин. — Это не их вина, что вода ушла из этих мест.

— А чья тогда?

— Просто, в этом году слишком жарко, вот и все. Югуане то же мучаются. Если так пойдет и дальше, загорятся леса, а тогда быть беде.

— С чего бы это Амир стал так беспощаден к нам? — крикнул кто-то из мужчин.

— Когда-нибудь, он уничтожит нас, — ответила Наития. — Мы не ценим тех даров, что он нам предлагает.

— Давайте не будем об этом! — прогремела Морайя. — Сегодня Данфейт победила жажду, а значит, в ее честь мы будем жечь костер!

Не в первый раз в честь Данфейт в деревне разжигали костер. Когда Дани вычитала о новом растении, которое создали югуане специально для произрастания в пустыне, с трудом накопленные деньги ушли на покупку двадцати саженцев. Поначалу, ее затею никто не принял всерьез. Дети смеялись, мужчины косо смотрели, а женщины качали головой, когда Данфейт собственноручно высаживала ростки в сухой грунт. Но, прошло время, и зеленые побеги начали расти. Спустя год перед жителями возникла другая проблема: животных в деревне было мало — всего тридцать ринов, да и те не могли съесть все, чторосло. Волосатые морды "мамонтов", как их называла Данфейт, воротили нос от новоявленного сорняка. И Дани вновь пришлось тратить с трудом собранные деньги. Шесть сайкаирянских верблюдов быстро справились с ситуацией. "Цикл замкнулся, а навоза для топки стало больше", — смеялась тогда Морайя.

Учитель в ее "предприятия" не вмешивался. Так, посмотрит иногда на странный сорняк с узкими красными листьями, и отвернется. А когда Дани привезла верблюдов, он просто

смеялся. Конечно, по его просьбе отец заморозил счета Данфейт, переводя деньги только на имя Ри. Но Данфейт и из этой ситуации нашла выход. Оказалось, что выделанные шкурки довольно крупных грызунов серманов можно продавать. Правда, покупателей нашлось мало, да и те были скуповаты, но все же Дани смогла скопить денег и на новый термостабильный костюм, и на сюрикэны, покрытые савоклей.

Когда белый диск Амира скрылся за горизонтом, начался праздник. Женщины в расшитых платьях, дети, танцующие под звуки барабанов, мужчины, восседающие в широком кругу напротив общего костра, разведенного в честь Данфейт.

— О чем ты думаешь? — спросила Лиам, присаживаясь возле Данфейт на землю.

— Об Асми, — ответила Дани и указала рукой в сторону девушки в платье из выбеленной кожи серманов. — Почему она не украсила свой наряд камнями?

— Потому что это — свадебное платье, — засмеялась Лиам.

— Свадебное?

— Это честь для тебя, Данфейт. Пайго принял решение на твоём празднике сделать ей предложение, а это значит, что если она его примет, ты станешь покровительницей этой семьи.

— Я? Покровительницей? По-моему, они знают о жизни гораздо больше, чем я! Тем более, что я еще слишком молода, да и не замужем.

— Это не имеет значения. Они видят в тебе защитницу, и ты должна быть польщена, что они выбрали тебя на эту роль.

— И теперь мне придется омыwać их детей?

— И наставлять.

— И воспитывать.

— И стать матерью, если с Пайго или Асми что-нибудь случится.

— С моим образом жизни быстрее этот мир покину я, чем они!

Музыка стихла, и Пайго поднялся со своего места. Мужчина подошел к широким блюдам, что расставляли женщины за их спинами.

— Ты испекла этот хлеб? — спросил Пайго.

— Я, — ответила девушка.

— Дашь мне попробовать?

Асми наклонилась и взяла в руки одну из своих лепешек. Отломав кусок от нее, она обмакнула край в мед и протянула ему. Мийянин склонился над ней и широко открыл свой рот. Девушка положила кусочек ему на язык и улыбнулась. Пайго спокойно прожевал хлеб и оторвал от лепешки еще один кусок. Точно так же макнув его в мед, он протянул угощение Асми, положив его ей на язык. Как только мийянка прожевала его, мужчина наклонился и поцеловал ее губы.

Повисла напряженная тишина. Вот сейчас Асми должна дать свой ответ на предложение Пайго. Никто, конечно, не сомневался, что она даст положительный ответ, но все же...

Девушка достала из-за пояса нож и отрезала прядь волос Пайго. Затем отрезала свой светлый локон и перетерла волосы в своей ладони. Мийяне верили, что этим жестом женщина сообщает мужчине, что готова стать с ним одним целым и в доказательство своих серьезных намерений показывает цвет волос их будущих детей, смешивая свои пряди с его. Мужчина, взглянув на получившийся оттенок, сдувает волосы с ее ладони. Поцелуй любимой скрепляет узы, и пара становится молодоженами.

Пайго сдул волосы, и Асми бросилась к нему, обнимая и целуя в губы. Музыка оглушила Данфейт. Женщины закружились в праздничном танце, приглашая приглянувшихся им мужчин присоединиться к ним. Непристойные шутки в адрес молодоженов посыпались со всех сторон.

— Они слишком хорошо целуются для только что вступивших в брак!

— Пайго в ее шатер три года бегал! Добегался!!!

— Куда покровительница смотрит! Гони их, отсюда, Данфейт! Гони прочь!

Пайго обернулся и взглянул на Дани. Асми помахала ей рукой. Данфейт рассмеялась и тоже помахала рукой новобрачным. Пайго перекинул Асми через плечо и понес в свой шатер. Теперь три дня их никто не будет тревожить.

— Счастливчики! — произнесла Лиам и похлопала Данфейт по плечу. — Ты заметила, что Сайми опять с тебя глаз не сводит?

Данфейт тут же улыбнулась молодому человеку в ответ и подмигнула.

— Я ему пообещала, что подставлю Марише подножку так, чтобы она упала прямо на него.

— Данфейт...

— Что, Морайя? Это не мое, понимаешь? Я никогда не буду жить в шатре и готовить своему мужчине лепешки. Мое предназначение в другом.

— В чем же?

— Пока не могу сказать...

— Значит, сама не знаешь, чего хочешь.

— Не знаю, — честно призналась Данфейт и подняла глаза в темное небо над головой. Там, вдалеке, у самой линии горизонта виднелась маленькая красная точка.

— Морайя, что это? — спросила девушка, протягивая руку к неизвестной звезде.

— Не знаю... Никогда не видела ее раньше...

— Может, новый спутник?

— Скорее всего.

Данфейт, которая была верна своему слову, прошла вперед к танцующим женщинам. Закружившись вместе с ними, она приблизилась к Марише. Заметив, что Сайми оказался рядом, она хотела было выставить свою ногу, как вдруг Мариша сама налетела на нее и толкнула в сторону молодого человека.

Мужчина засмеялся, но Данфейт из рук не выпустил.

— Попалась! — произнес он ей на ухо.

— Хочешь поиграть с огнем, мийянин? — произнесла Дани, даже не пытаясь высвободиться из хватки сильных рук светловолосого мужчины.

— Я хочу сгореть в нем, — ответил Сайми и наклонился, чтобы поцеловать Данфейт.

— Звезда растет! — закричал кто-то за их спинами.

Данфейт отстранилась от мужчины и посмотрела в небо.

— Точно растет, — прошептала Данфейт, не сводя глаз с красной пульсирующей точки на небосводе.

Спустя несколько минут "звезда" превратилась в маленький полыхающий шар. Горизонт вдалеке озарился красным цветом, будто бы само солнце начало свой восход посреди ночи.

— Бегите, — прошептала Дани, словно прирастая к земле и цепенея от ужаса.

Мийяне, танцующие у костра, замерли на месте. Музыка стихла и снова повисла

тишина.

— Что это? — спросил Сайми. — Ракета?

— Слишком большое оно для ракеты, — покачала головой Данфейт.

— Что бы это ни было, когда оно долетит сюда, если долетит, вряд ли от этого места что-нибудь останется... — произнес Сайми и посмотрел на Данфейт.

Люди заметались вокруг. Кто-то начал кричать, кто-то цепляться за соседей, с просьбой объяснить им, что это такое. Дети, хватаясь за ноги своих матерей, как по команде, начали реветь.

— Бегите! — прокричал кто-то за спиной.

— Это не поможет, — покачала головой Данфейт. — Нам некуда бежать...

— Нужно предпринять что-то. Думай, ты же у нас умная!

Данфейт закрыла глаза и попыталась сосредоточиться.

— У Вас остались генераторы плазменного поля? Те, что я привозила в прошлом году?

— Да, мы отдали их на хранение Роби! Роби!!! Роби!!! — закричал Сайми.

Данфейт увидела Дали, бегущего к ней.

— Где мама? — плакал ребенок.

— Сейчас мы ее найдем, — прошептала Данфейт и, прижав мальчика к груди, снова посмотрела на огненный шар.

Сомнений не осталось: озаряя небо, он двигался с огромной скоростью прямо на них.

— Данфейт!

Дани обернулась и увидела седовласого Роби, бегущего к ней вместе с Морайей и Сайми.

— Мама! — закричал Дали и, спрыгнув на землю, бросился к Морайе.

— Генераторы поля! Они у Вас?

— Да! Пойдем!

Устаревшие модели генераторов, которые требовалось расставлять через каждые два метра, чтобы получить замкнутое плазменное поле, были их последней надеждой. Откуда это понимала Данфейт? Она и сама бы не ответила на этот вопрос.

— Свяжитесь с Учителем! Предупредите его! Разошлите сообщения всем, кому успеете!

— Не успеем, — ответил Роби. — Связь пропала два часа назад.

— Почему ты только сейчас об этом говоришь?! — закричала Морайя, отчего Дали стал реветь пуще прежнего.

— У нас часто связь пропадает! Откуда мне было знать, что что-то не так?

— Успокойтесь! — шикнул на них Сайми. — Сколько у нас генераторов?

— Штук пятьдесят будет.

— Данфейт, говори, что делать!

— Зови людей! Нужно расставить их по периметру на расстоянии полтора-два метра друг от друга. Окружим деревню и поле с сорняком. Запасники воды тоже окружите. Амир знает, что это такое, и что оно после себя оставит...

Мийяне заметались вокруг. Кто-то подавал генераторы, кто-то забирал и бежал расставлять их, втыкая в землю и активируя рычагом. Когда голубые неоновые лампочки на странных приборах загорались, это означало, что дело сделано. Тем временем, вокруг уже было светло, как днем. Яркий огненный шар теперь превышал размеры Амира в три раза и продолжал расти.

— Все! Все расставили! — прокричал Сайми, подбегая к Данфейт.

Она осмотрелась и ничего не поняла.

— Тогда, где поле, если вы все расставили?

— Я не знаю!

— Shaihatu!!! — во весь голос прокричала Данфейт, отчего все моментально приковали к ней свои взгляды.

Она никогда не ругалась. Никогда не повышала свой спокойный приятный голос. Всегда уравновешенная и веселая, теперь она казалась по-настоящему напуганной. Такой же, как и все они.

— Судя по скорости его приближения, у нас есть еще несколько минут. Сайми, начинай проверять датчики с севера. Я пойду тебе навстречу!

— Хорошо.

Данфейт наклонилась к Дали и, поцеловав мальчугана в щеку, побежала вперед.

— Один, два, три....пятнадцать, шестнадцать, семнадцать.....двадцать один...

Данфейт понимала, что ей становится жарко. Ее платье, сшитое из шкур, прилипло к телу, волосы промокли, а со лба начал капать пот.

— Тридцать один.....тридцать два...

Дани стало тяжело дышать. словно ее закрыли в умывальне, постоянно подливая воды на раскаленные камни.

— Сорок один.....сорок два... Стоп!

Данфейт подбежала к одному из датчиков. Ей показалось, что он не горел. А теперь горит...

Данфейт достала устройство из земли и отключила его. Глаза уже мало что видели. Вокруг зашумел ветер, поднимая пыль и песок в воздух. Данфейт закашлялась. Достав элемент питания, она постучала по пустой колбе рукой, пока оттуда не выпало нечто, весьма напоминавшее засохшего жука. Брань лилась из нее, как песня. Слова выстреливали в голову с такой скоростью, что, узнай обо всем Учитель, ей лучше было бы умереть сейчас. Дани вернула зарядный блок в трубку, установила генератор и надавила на рычаг сбоку. Перед ее глазами разлилось голубоватое марево, которое отрезало деревню от окружающего пространства.

Дани уткнулась носом в прохладную землю и вдохнула полной грудью. Здесь все еще было жарко, но.....но теперь у них был шанс.

— Данфейт! — кричал Сайми где-то вдалеке.

— Я здесь, — прошептала Данфейт и закрыла глаза.

Щеки и руки, неприкрытые тканью, саднило. Только Юге известно, какую дозу радиации все они успели получить.

— Ты как? — послышался голос Лиам за ее спиной.

— Нормально. Дезактиваторы излучения остались?

— Они у меня.

— Раздай всем по таблетке. Воду, продукты и одежду используйте только из запасников. А то, что на нас, нужно сжечь. И всем вымыться с мылом.

— Сейчас? — непонимающе спросила женщина.

— Немедленно! — проревела Данфейт и посмотрела на плазменное поле.

Вокруг больше ничего не было видно. Пыль и яркий свет, белый, слепящий глаза и принуждающий их закрыть. Они все закрыли глаза. Вся деревня опустила свои веки и умолкла. И шум ветра тут, рядом с ними, и нечто ужасное, что может их погубить.

Данфейт прижалась лбом к земле и закрыла голову руками. Кто-то навалился сверху и укрыл ее своим телом. Дани повернулась, пытаясь открыть свои глаза.

— Это я, — прошептал Сайми и прижался носом к ее щеке.

Вдалеке, сквозь ветер бури, накрывшей пустыню, она услышала свист. Данфейт сжалась сильнее и застыла. Звук приближался, и в ушах начало звенеть. Данфейт закричала от этой боли, но собственного голоса так и не услышала. Он утонул в этом гуле, в этой буре, он затерялся в крике Сайми и тех, кто был рядом с ними. Земля застонала и затряслась. Нечто пронеслось над их головами. Они все это ощутили. Поняли, когда звон в ушах сменился немой глухотой. Данфейт приподняла голову и открыла глаза. Свечение погасло, и буря начала стихать.

— Прошло мимо! — закричал кто-то за ее спиной.

— Оно пролетело над нами и понеслось дальше!

Данфейт обреченно улыбнулась. Они думали, что все кончено, но она знала, что когда это "что-то" столкнется с поверхностью Мийи, даже плазменное поле не сможет их спасти. А оно обязательно встретится с ее поверхностью, ведь Мийя уже притянула это к себе. Данфейт начала хохотать. Сайми прижал ее к себе и погладил по спине. Что он ей говорил? Она не слышала. А важно ли это сейчас?

— Ты еще не понял? — произнесла Дани, едва улавливая звуки собственного голоса и глядя в лицо улыбающемуся мужчине.

Сайми покачал головой. Стоит ли говорить ему? Зачем? Пусть умрет счастливым. Пусть лучше не знает, что через несколько минут никого из них уже не будет...

Данфейт протянула руку и прикоснулась к иссушенным губам. А почему бы и нет? Когда еще она узнает, что это такое — целовать мужчину? Сайми наклонился и впился в ее рот. Земля под ними затряслась, подбрасывая их в воздух. Данфейт открыла глаза. Вспышка света, — она больше ничего не видела. Страшно умирать глухой в слепоте. Страшно...

Учитель приехал в деревню только через двадцать часов. К этому моменту многие уже покинули этот мир. Лучевая болезнь уносила жизни тех, чей организм не смог усвоить горькие синие таблетки с истекшим сроком годности.

— Привет, девочка, — произнес Учитель, опускаясь на колени у топчана, на котором лежала Данфейт.

Данфейт в ответ на звук его голоса не смогла даже улыбнуться.

— Вы живы, — прошептала она, пытаясь протянуть свою руку и прикоснуться.

Сиа приподнял повязки над ее глазами. Мутные зрачки под воспаленными веками смотрели куда-то в сторону.

— Она приняла таблетки?

— Мы пытались, Ри, но опоздали... — прошептал голос Морайи. — Не могу смотреть, как она страдает...

— Я забираю ее.

— Ри, нельзя! Нельзя, она не сможет!

— Продержалась два дня, продержится и еще...

— Не смогу, — прошептала Данфейт и застонала.

— Сможешь...

Только спустя неделю Данфейт узнала, что тела Пайго и Асми сожгли на следующий день после того, как Учитель забрал ее из деревни. Неисповедимы пути, выбранные Югой, и метеорит, который должен был пролететь мимо парада планет системы Амира, упал именно на Мийю. Оправится ли когда-нибудь луна от этого удара?

— Выжили мы — выживет и Мийя, — ответил Учитель, помогая ей подняться с кровати.

— Я так и не спросила, как Вам удалось пережить это?

— Я был на Дереве, когда все это произошло. Ирия и остальные вовремя догадались активировать плазменное поле над резиденцией. Остальные города сделали то же самое, хотя многие деревни просто погибли. Югуане направили на Мийю спасательные отряды и корабли с провизией и питьевой водой. Но, кто из нуждающихся действительно получит эту помощь?

— А Ассоциация? Неужели никто из Великих зрячих не смог предусмотреть этого?

— На все есть свои причины, Данфейт. И правды сейчас тебе никто не скажет.

Год спустя...

— Ты рано приехала, — произнесла Наития, встречая Данфейт на въезде в деревню.

— Учитель отпустил раньше, вот я и приехала сегодня.

Наития обняла Данфейт и поцеловала ее в щеку.

— Рада видеть, тебя.

— И я, Наития.

Девушка отстранилась и начала выгружать контейнеры с водой из багажного отсека квадрацикла.

— Данфейт! — послышались женские голоса за спиной.

— Морайя! Лиам!

— Ты же должна была приехать только завтра?! Почему не написала, что выезжаешь раньше?

— Сегодня все так рады видеть меня! — засмеялась Дани и передала Наитии очередной контейнер.

— Не говори глупостей, — шикнула Лиам. — Дали будет в восторге, когда узнает, что тетя Данфейт уже здесь.

— А Сайми? Где он?

— Ушел мыться, — ответила Наития и посмотрела почему-то на Морайю и Лиам.

Женщины одобрительно кивнули и, взяв Дани под руку, повели в сторону шатра Морайи.

— Я не устала, — усмехнулась Данфейт и, ловко выдернув обе свои руки, направилась к шатру, который все называли "умывальней".

— Мне нужно с тобой поговорить! — прокричала Морайя, но Данфейт ее уже не слышала.

Конечно, ей побыстрее хотелось увидеться с Сайми. Она не стала оставлять ему сообщение по сети, что приезжает сегодня. Его удивленное и счастливое лицо — вот, на что она так сильно хотела посмотреть. Как же он обрадуется, когда увидит, что она уже здесь!

Данфейт приблизилась к умывальне. Вверх от шатра вздымались клубы пара и Данфейт поняла, что застанет Сайми как раз в непристойной виде.

Дани откинула полог и вошла внутрь. Везде пар. Штаны и рубаха валяются на полу. И платье...

Данфейт присела и взяла в руки расшитый камнями женский наряд. Эпи. Это ее платье... Дани встала на ноги и подошла к занавескам, что отделяли само помещение умывальни от "прихожей". Осторожно отодвинув занавеску, она несколько минут просто смотрела, а затем отвернулась и вышла на улицу.

Сайми. Его стройное загорелое тело и она, стоящая перед ним на коленях. Все, как в хорошем порнофильме: вздохи, его руки, массирующие ее голову, и незамысловатые движения бедер. Данфейт остановилась и согнулась пополам, выплевывая из своего рта воду, что пила совсем недавно. Она не плакала. Еще чего, рыдать из-за какого-то...

— Ублюдка... — вслух произнесла она и, вытерев рукой свой рот, направилась в шатер к Морайе.

Женщина сидела на одном из своих сундуков, удерживая в руках стакан с чаем.

— На, выпей, — произнесла она, протягивая Данфейт ароматный травяной отвар.

— Что это?

— Это заглушит твою боль.

Дани залпом осушила железный стакан и поставила его на стол.

— Ты бы могла остановить меня....или их предупредить...

— Так будет лучше, Данфейт. Эпи, все-таки, одна из нас...

— А я — нет, — улыбнулась Данфейт и присела на пол.

— Ты можешь не появляться здесь несколько месяцев подряд... Чего же ты хотела от мужчины, которого хотят многие?

— Верности, — ответила Данфейт и отвернулась от Морайи.

— Тебе все равно придется поговорить с ним.

— Не придется. Я больше не вернусь.

— Данфейт...

— Прости, Морайя, но здесь меня больше ничего не держит.

Когда Данфейт села на свой квадрацикл и завела двигатель, на нее смотрели пять пар глаз. Никому она не сказала "до свидания". Лиам, Наития и Морайя остались стоять за ее спиной. И Сайми с Эпи возле умывальни тоже...

Вдалеке показался знакомый маяк посадочной платформы резиденции Учителя. Это был ее дом, и оказаться сейчас здесь было единственным ее желанием. Однако, что-то было не так. На станции виднелась черная точка. Данфейт остановилась и достала автофокус. Корабль. Частный. Интересно, кто наведался сюда за время ее отсутствия? Может, что-нибудь случилось?

В доме Учителя было много "черных" ходов. Данфейт припарковала свой квадрацикл с другой стороны здания и отправилась по лабиринту к парадному входу. Сколько же времени ей потребовалось когда-то, чтобы изучить все эти коридоры? Теперь Дани вспоминала об этом с улыбкой. Прокравшись к центральному проходу, связывающему станцию с домом, она активировала свой фрирайн и поползла по потолку.

Деревянная дверь в сторону станции была закрыта, но вот дверь в "первый холл", как его называла Дани, осталась приоткрытой. Дани замерла над широким проемом и заглянула в узкую щель.

Неизвестный мужчина стоял посреди зала и осматривался. На темно-синем костюме были закреплены заряды от плазменного пистолета, несколько ножей и металлических колец. Незнакомец присел и погладил рукой лакированный паркет. Затем резко обернулся и достал оружие:

— Кто здесь?! — прокричал он и нацелился прямо в дверной проем.

В этот момент со стороны станции открылась дверь. Дани метнулась вперед и выпрыгнула в зал. Незнакомец начал стрелять, но успеть попасть в черную тень, ловко метаящуюся от стены к потолку и обратно, не смог.

Силовое поле полностью оглушило Дани всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы она оказалась на полу. Выхватив сюрикэн, она метнула его в сторону незнакомца, но металлическая звездочка зависла в воздухе и упала на пол.

"Зрячий", — поняла Данфейт и, выставив блокировку сознания, метнулась к стене. Со

спины на нее кто-то налетел и, оторвав от стены, бросил в сторону. Дани взревела и, запустила в воздух сразу три сюрикэна. В момент, когда металлические звезды зависли в пространстве, она выхватила пистолет и выстрелила в одну из них. Плазменный заряд отразился от металла, покрытого савоклей, и направился в сторону незнакомца, что толкнул ее. Удар в спину Дани ощутила всем телом. Руки взметнулись в воздухе и ладонь, выронившая пистолет, хлопнула по чьей-то груди. Она хотела закончить цикл, нанеся три удара пальцами в сердце чужака, но выставив руку вперед ощутила, как неестественно звонкий, болезненный крик разрывает ее голову. Пальцы Дани онемели и боль, охватившая тело, вынудила ее упасть на пол и зажать уши руками.

"Блок, выстави блок", — подсказывало ей сознание, но противостоять этому звуку она была не в состоянии. Ее сердце зашло судорогой в груди. Больно. Дани открыла глаза и поняла, что незнакомец кричит на нее. Что он говорит?

— Что ты говоришь?" Данфейт закрыла глаза и провалилась во мрак.

— Данфейт, Данфейт! Давай, девочка, очнись!

Голос Учителя раздавался где-то вдалеке. Дани хотела протянуть к нему руку, но тело не слушалось.

— Зрячие, — прошептала она. — Я не смогла...

— Тише, Дани, все в порядке. Тише, девочка.

Кто-то оторвал ее от пола и куда-то понес. Данфейт приоткрыла глаза, но кроме черного пятна где-то возле себя ничего не увидела.

— О чем ты думал?! Ты мог убить ее! — кричал Учитель.

— Скорее, это она могла всех нас угробить, — ответил незнакомый мужской голос.

— Я же говорила, что следует предупредить ее.

Данфейт попыталась что-то ответить, но сил не хватило, и она поняла, что вновь отключается.

— Ну, привет неизвестный аркаин!

Данфейт приоткрыла глаза и посмотрела на потолок.

— Кто ты? — произнесла она и повернула голову к незнакомцу.

— Кимао. А ты?

— Данфейт.

— То есть, ты и есть та самая "заблудшая" сестрица?

— Очевидно, — ответила девушка и присела в кровати.

— И тебя не смущает, что я — человек которого ты не знаешь — стою в твоей комнате?

— Если ты — Кимао Сиа, значит, это — твой дом.

Зрячий улыбнулся.

— Я не Сиа.

— Кто тогда?

— А это имеет значение?

— Да, когда ты находишься в моей комнате.

— Моя фамилия — Кейти.

— Кимао Кейти? — засмеялась Дани и покачала головой.

— Веселишься...

— Где она?

— Кто?

Данфейт снова посмотрела на него и потерла виски.

— Так, где она?

— Внизу. Все ждут нас в столовой.

— Это ты оглушил меня?

— Я, — самодовольно улыбнулся мужчина.

— Голосок, что надо. Правда, женственный слишком...

— Высокотональный, а не женственный.

— Если ты стоишь здесь, значит, тебя прислал Учитель. Чего же он хотел от тебя?

— Чтобы я извинился.

— И?

— Не дождешься.

— Я так и подумала.

Данфейт встала с кровати и пошатнулась. Кимао даже с места не сдвинулся, чтобы помочь ей.

Данфейт замерла на месте и закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться на собственном теле. Все впустую. В голове до сих пор звенел его голос, и это мешало сосредоточиться.

— Когда это пройдет? — спросила Дани, настойчиво продолжая пробираться к двери.

— Не знаю.

— А ты силен. Пробить меня не так-то просто.

— Тебя? — рассмеялся мужчина.

У Данфейт подкосились ноги и, на этот раз, она осела на пол в трех метрах от двери.

— Не знаю, почему Ри взялся за тебя, но определенно какой-то план у него был.

— Это несколько надменно с твоей стороны, — ответила Данфейт и встала на четвереньки.

— Блокировка сознания — никчемная. Техниками силовых полей не владеешь. Материю не чувствуешь. Твоя сестра оказалась права — ты абсолютно безнадежна.

Данфейт поднялась на ноги и припала к стене. "Поцелуй меня в зад", — про себя ответила она и закрыла глаза.

— Сквернословие — признак слабости духа.

— Я не употребила ни одного скверного слова, если ты заметил.

— А как же "говнюк"?

— Shaihatus!

— Я же сказал, что блокировка сознания у тебя страдает.

— Если ты не сын Учителя, что вообще ты здесь делаешь?

— А кто тебе сказал, что я — не его сын?

Дани открыла глаза и посмотрела на него. Деревя. Черные волосы, черные глаза, черная щетина. Скулы, развитый подбородок и рубец, пересекающий правую бровь. Странно, но сына Ри Сиа она представляла себе иначе. Он должен был быть... Каким? По крайней мере, не таким худощавым, как этот.

— Тогда, кто тот, второй, который в зале крутился?

— Орайя Сиа.

Данфейт посмотрела на Кимао и, ничего не говоря, вышла из комнаты. Перед глазами все плыло, но она, придерживаясь за стену, продолжала свой путь.

Мужчина задел ее плечом, отчего Данфейт чуть не повалилась на пол.

"Ладно, отпускаю", — раздался его голос в голове Данфейт, и девушка поняла, что странная слабость покинула ее тело.

"Скотина!" — так же мысленно прокричала она, но он, наверное, уже не прислушивался к ее мыслям.

Когда Данфейт вошла в столовую, единственным существом, которое она видела перед собой, была ее собственная сестра.

— Ты проснулась? — улыбнулась Айрин, как ни в чем не бывало.

Будто только вчера они виделись с ней, и не было никаких пяти лет...

— Всем здравствуйте, для начала, — прошептала Данфейт и прикоснулась к своему уху.

Она все еще плохо слышала. Shai! Это напрягает!

"Прекрати ругаться", — раздался голос Учителя в ее голове. "Присаживайся за стол".

"Извините", — мысленно ответила Данфейт и опустилась на стул напротив Учителя.

Секунды хватило на то, чтобы рассмотреть Айрин и незнакомца по имени Орайя Сиа. Айрин несколько изменилась. Годы берут свое, и если в двадцать лет она была похожа на юную леди, теперь молодая состоятельная женщина сидела с ней за одним столом. Длинные блестящие волосы уложены в высокую прическу, кожа нежная, молочно-белая, маникюр... Дани посмотрела на свои руки. Грязь снова забилась под коротко остриженные ногти. Долго придется вычищать...

— Кимао извинился перед тобой? — спросил Учитель, передавая Данфейт блюдо с копченым мясом.

— Да, — односложно ответила Дани.

— С тобой все в порядке? — переспросил Учитель, переводя взгляд при этом на Кимао.

— Конечно, — улыбнулась Дани и поставила блюдо на стол.

— Вы точно уладили все недоразумения? — продолжал Ри.

— Да, Учитель, — кивнула Данфейт и посмотрела на Кимао.

Мужчина не удостоил ее своим вниманием, чему Данфейт была не удивлена.

— Сестру тебе представлять смысла не имеет, а вот Орайю ты видишь впервые.

Данфейт и Орайя обменялись кивками, задержав взгляд друг на друге. Орайя Сиа произвел на Данфейт впечатление. Такой же высокий, как его отец, широкоплечий мужчина, атлетического телосложения. Темные волосы и явно отцовские глаза. Все тот же аккуратный нос и ямочка на подбородке. Однако, Данфейт поразило не это. Зрячий показался ей утомленным, словно происходящее вокруг едва ли представляло для него интерес. Эти глаза... В них угасала жизнь. Он был холоден. Не в том смысле, что он должен был выражать какие-то эмоции сейчас. Нет. Данфейт пришла к выводу, что он вообще не эмоционален. Красивое лицо застыло, словно маска, под которой вопрошающего не ожидало ничего, кроме пустоты.

На этом вялотекущая беседа сошла на "нет". Тишина несколько раздражала Данфейт. Их ведь было пятеро за столом, но, казалось, никто и не собирался начинать разговор. Погруженные в свои собственные мысли, они были похожи на пять континентов, разделенных водами очень глубоких океанов. Данфейт подняла глаза и внимательно

посмотрела на каждого из них, сидящих здесь. Айрин вела себя так, будто обедает за одним столом с Верховным зрячим: спина ровная, плечи расправлены, движения рук плавные и изящные. Вот сейчас она положит вилку с ножом и грациозно потянется за бокалом с вином.

Сестра не заставила себя долго ждать: звякнули приборы, и маленькая ручка потянулась к бокалу. Дани перевела взгляд и посмотрела на Орайю с Кимао. Все внимание зрячих было приковано к грациозным движениям Айрин, которая в этот момент подносила бокал к алым губам. Привычная боль окутала тисками сердце Данфейт. Так было всегда. В присутствии Айрин Данфейт превращалась в безликое черное пятно, оттеняющее красоту собственной сестры. Данфейт улыбнулась сама себе. Непрошенная боль сменилась куда более привычными чувствами зависти и злобы.

Данфейт снова повернулась в сторону деревьев и приподняла брови. Кимао, на этот раз, смотрел на нее. И в его слегка прищуренных глазах она прочла собственное разоблачение. Этот зрячий видел ее насквозь. И это веселило его! Данфейт отвела глаза, подумала о мертвых кроликах и по старой доброй привычке заерзала на стуле. Ей хотелось движения, немедленно, сейчас же!!!

— Данфейт!!! — рявкнул Учитель.

Дани замерла на месте, словно загнанный в угол зверек.

— Простите, учитель, — тут же извинилась она и, спокойно откинувшись на спинку стула, сложила руки на груди.

— За столько лет ты так и не научилась держать себя в руках, — без тени эмоций в голосе заметила Айрин. — Очень жаль...

— Не думаю, что тебе действительно жаль, — ответила Данфейт и налила себе сок из графина. — Расскажи лучше, что именно привело тебя в это Югой забытое место?

— Она прилетела за тобой, — раздался голос Учителя.

— За мной?

— Да.

Данфейт потянулась к бокалу с соком и залпом осушила его.

— Тогда понятно, — ответила Данфейт и отодвинула от себя тарелку.

— Вместе с Кимао, Орайей и Айрин ты отправишься в "Академию Ассоциации Зрячих", — произнес учитель и улыбнулся.

— Я?

— Да. Мне удалось выбить для тебя место.

— Правда? — не сдерживая своего воодушевления произнесла Данфейт.

В этот момент все присутствующие увидели ребенка, сидящего с ними за одним столом. Столько радости, искренней, неподдельной... И она не пыталась ее скрыть.

— Наверное, отцу опять пришлось пожертвовать чем-то... — заметила девушка, продолжая улыбаться.

— Не чем-то, а деньгами, — ответила Айрин.

Улыбка медленно сползла с губ Данфейт. Язык Айрин, словно бритва: одно движение — и ты уже истекаешь кровью. Ей всегда удавалось ранить жертву несколькими фразами или дополнениями. Но, что самое главное, она делала это с дружелюбным выражением лица, будто не в укор, а так, ради пояснения. И неопытная жертва не всегда могла понять, что уже опозорена. Но, Дани знала сестру лучше, чем кто либо. Ее не могли ввести в заблуждение фальшивый опекающий взгляд и чуть заметные движения губ, которые все окружающие принимали за улыбку. Дани стало не уютно. Естественно, только деньги отца

могли сотворить чудо для бездарности, подобной ей. И если замечание Данфейт было скорее усмешкой над самой собой, то Айрин превратила все это в вердикт.

Данфейт покачала головой и снова ощутила чей-то взгляд на себе. Она повернулась и встретила ухмылку Кимао. Мужчина прищурился, и Данфейт расценила это, как проявление надменности. Совершенно черные глаза, в которых невозможно было разглядеть даже краешек зрачка, вселяли в Данфейт какой-то страх. На фоне бронзового оттенка его кожи, эти глаза казались еще темнее, чем было на самом деле, и именно это пугало ее. Но большее беспокойство в Данфейт вызывало ее необъяснимое желание смотреть на этого человека, не отрываясь, словно проглатывая образ своим сознанием, чтобы запечатлеть его в своей памяти навсегда. Вот он, Амир в человеческом облики. Вот тот, кто сильнее всех, кого она встречала ранее...

Что же такого увидел сам Кимао в глазах этой незнакомой девушки, что заставило его обратить на нее свое внимание? Кимао знал, что у Айрин есть кровная сестра. Так же он был наслышан о ее "выдающихся" успехах на пути к самосовершенствованию и уравновешенности. Но Айрин никогда не упоминала о том, что Данфейт взял к себе в ученицы Ри. Точно так же, как и сам Ри никогда не рассказывал ему о существовании тайного аркаина. Где же он прятал ее, когда они с Орайей приезжали к нему два раза в год? Мийяне, конечно же... Наверняка он отправлял ее "погостить" к мийянам. Безусловно, эта особа едва ли могла контролировать собственные эмоции. В этом Айрин была абсолютно права. Но, все-таки, они — сестры, а значит, что-то должно их объединять. Однозначно, искать схожесть во внешнем облике было занятием бесполезным. Утонченная Айрин со светлыми, пшеничного оттенка волосами, правильными чертами лица, вздернутым носиком, высокими скулами и аккуратненьким ртом больше походила на аристократку, нежели ее сестра, ассоциировавшаяся у Кимао с бестией. Темно-каштановые волосы выстрижены, как попало, и торчат в разные стороны, черные брови вздымаются над большими карими газами, губы пухлые, иссушенные, кожа загорелая и даже шелушится на щеках. Плечи широкие, накачанные, спина ровная, словно натянутая струна, грудь маленькая, точнее ее вообще почти что нет. Сравнить дальше смысла не было никакого. Данфейт была на голову выше своей сестры и все, что ниже талии, смотрелось на несколько размеров больше, чем у Айрин, хотя и достаточно пропорционально. Кимао предпочитал женщин хрупкого телосложения, к которым он относил и саму Айрин. А она... Хотя, когда она стояла на четвереньках перед ним, он засмотрелся... Странно даже... Движения девушки были резкими, словно она куда-то рвалась, сознательно останавливая себя на полпути. И это ерзание на месте... Нет, оно не выводило его из себя. Просто, смешно выглядело, особенно для аркаина явно не первого года обучения.

Данфейт, словив себя на мысли, что продолжает рассматривать зрячего, когда тот явно оценивает ее, хмыкнула. Этот человек, похоже, давно не стригся. Волосы торчали в разные стороны, привнося в его облик изрядную долю неряшливости. Разом с двухдневной щетиной, смотрелось весьма запущенно. Наверное, он просто не следил за собой, а мужчин, которые не следили за собой, Данфейт терпеть не могла.

"Мне тоже не нравятся не ухоженные женщины", — раздался голос Кимао в голове Данфейт.

"Может, ты согласишься покинуть мой разум?"

"Это забавно — читать твои мысли. Кстати, все присутствующие слышат тебя так же хорошо, как и я".

"Твою мать..."

Орайя посмотрел на нее и тут же отвернулся, словно увидел нечто гадкое и неприятное. Кимао же, наоборот, оживился.

— Думаю, тебе пора вернуться к себе, — приказным тоном произнес Учитель и кинул салфетку на стол.

— Да, Учитель, — ответила Данфейт и поднялась из-за стола.

— Три часа медитации на фрирайне! — повысил голос Ри.

"Вот, дерьмо!!!"

— Четыре часа!!!

— Простите, Учитель. Четыре часа медитации на фрирайне. Еще что-нибудь? — уставшим голосом спросила Данфейт.

— Морайя поблагодарила меня за воду, которую ты для них привезла.

— Все понятно... — прошептала Данфейт.

— Ты так торопилась, что забыла контейнеры, которые приготовила для Морайи Ирия. И когда же ты опомнилась, мне интересно?

— Когда захотела пить...

— То есть, украсть воду было проще, чем вернуться за ней?

— Я проезжала мимо базы, так что...

— Безрассудство у тебя в крови, — покачал головой Ри.

— Пять часов медитации? — произнесла Данфейт и вопрошающе посмотрела на Ри.

— Нет, четыре. На этот раз их система слежения тебя не обнаружила. Кстати, как ты ее обошла?

— Заплатила охраннику.

— Четыре с половиной часа.

— Да, Учитель.

Данфейт отправилась прямо в "пыточную". Конечно, еще утром она знала, где именно проведет первый вечер по возвращении домой, но надежда на то, что ее "пронесет" все-таки теплилась в сердце.

— И она сможет медитировать четыре с половиной часа? — спросила Айрин, как только Данфейт покинула столовую.

— Да, — ответил Ри, тяжело вздохнув.

— Сомневаюсь, — покачала головой Айрин и снова потянулась к бокалу.

— Это уже не та Данфейт, которую ты знала.

— Кое-что невозможно изменить, и Вы это прекрасно понимаете. Я удивляюсь, как Вы смогли работать с ней столько лет. Взбалмошная, своенравная и упрямая девчонка умудрялась доводить отца до белого каления за пять секунд.

Кимао рассмеялся и наклонился к Айрин.

— Могу поспорить, что тебя она приводила в бешенство гораздо раньше!

— Не смешно, Кимао. Когда ей было тринадцать, она пробралась ночью ко мне в комнату и отрезала мою косу.

Громкий хохот Кимао услышала даже Данфейт.

— Наверное, было за что!

— Ошибаешься. Я всего лишь сказала, что ей стоит покрасить волосы в более светлый оттенок.

— Ты всегда умел подобрать нужное наказание, — заметил Орайя, когда Кимао,

наконец, успокоился. — Почему же только тридцать минут за взятку?

— У нее нет свободных денег. Еще на первом году обучения я попросил ее отца заморозить ее счет. Иначе, он бы очень быстро лишился нажитых средств.

— Она покупала за них еду мийянам? — ехидно улыбнулся Кимао.

— Не только. Она принесла с собой прогресс, который сумела не навязать, а привить. Теперь в деревне есть спутниковая связь, компьютеры и еще Амир знает что.

Айрин посмотрела на Кимао и нахмурила брови. Дерева продолжал улыбаться. Она попыталась проникнуть в его сознание, но он не позволил, смилив ее одним только взглядом. Айрин хмыкнула и перевела взгляд на Орайю. Тот подпер рукой голову и точно так же уставился на нее.

— Итак, Данфейт придется медитировать вместо того, чтобы спать.

— А ее сестра этому рада, — заметил Кимао и кивнул Орайе.

— Я?! — возмутилась Айрин. — Она сама выбрала этот путь. Не нравится — может уехать!

— Я ведь не об этом... Ну, да ладно. Спасибо за прекрасный ужин. С Вашего разрешения я удаляюсь в свою комнату.

— Я тоже устал, — ответил Орайя.

— Тогда пойдем все вместе, — улыбнулась Айрин.

— Орайя, — тихо произнес Ри, — мне нужно поговорить с тобой.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Как скажешь, — развел руками Орайя.

— Айрин? — обратился Ри к девушке.

— Да.

— Зайди в тренировочную комнату к сестре и скажи, что я "скостил" ей полтора часа тренировки. Ты знаешь, где это?

— Вы показывали сегодня, — улыбнулась Айрин и перед тем, как выйти из столовой в очередной раз взглянула на Кимао.

Он тоже посмотрел на нее и едва заметно кивнул на прощание.

Данфейт парила в воздухе, постоянно изменяя положение своего тела и продолжая пытаться сосредоточиться на пространстве, окружавшем ее, заглушая собственные мысли. В тренировочную вошла Айрин.

— Привет еще раз!

Данфейт не ответила, продолжая свою тренировку.

— Слишком быстро перемещаешься. Медитация — это не гонка на опережение. Замедлись и работай более спокойно.

Данфейт снова ничего не ответила.

— Пока я с тобой говорю, тренироваться бесполезно. Так что спустись, а когда я уйду, продолжишь.

— Ты мешаешь мне тренироваться, Айрин, — ответила Данфейт. — Будь добра, оставь меня в покое.

— Я хочу помочь, но ты как всегда все делаешь наперекор, не так ли?

— Почему ты лично приехала за мной?

— Ни я, ни отец не видели тебя пять лет. Как думаешь, это веская причина для того, чтобы приехать за тобой лично?

— Значит, отец попросил, — сделала вывод Данфейт и продолжила перемещаться в воздухе.

— Не важно, кто попросил. Я приехала, но ты, насколько я вижу, совсем не рада встрече со мной.

— Думала, что я запрыгаю от счастья, когда пойму, какую честь мне оказали, Айри? Я тебя не звала, так что...

— Не так быстро, Данфейт. Перед тем, как ты попадешь в мир, где тебя ничего хорошего не ждет, я хочу узнать, насколько далеко продвинулось твое обучение.

— Разве твоих способностей не достаточно для того, чтобы понять это с первого взгляда?

— Я не настолько развита как Орайя или Кимао, — покачала головой девушка.

— Я знаю тебя, как облупленную, так что не пой мне песни про свою заботу и желание помочь. Какого хрена тебе здесь надо!

— О-о-о, вот теперь ты начинаешь показывать свое истинное лицо! Уже прогресс.

— Уходи, Айрин.

— Учитель просил тебе передать, что продлевает срок медитации на полтора часа. Это все, что я хотела тебе сказать. Так что, спокойной ночи, сестренка, — нежным голоском пролепетала Айрин и засмеялась.

Вот она — настоящая Айри. Всеобщая любимица с гадким нутром. Такой ее знала Данфейт. Только Данфейт, и никто больше.

Кимао не мог уснуть. Тело начало гореть огнем еще несколько часов назад. Образы в голове слепили его разум, и эта борьба изматывала. Кимао метнул подушку в стену и зарычал. Будь ты проклят, Ри Сиа! Будь ты проклят!

Кимао сел в кровати и потер раскрасневшиеся глаза. Его спасет физическая нагрузка. Только так можно бороться с этим поганым наваждением. Деревя натянул на себя льняные штаны и вышел из комнаты. Три утра. Осталось продержаться часа два, не больше. Кимао спустился вниз и направился в тренировочную.

Данфейт проснулась, когда в очередной раз ударила головой о потолок. Будь он неладен, этот фрирайн! Взглянув на часы, она поняла, что время медитации давно истекло. Она спрыгнула на пол и сняла с себя ненавистное устройство. Потирая глаза, она задумалась над тем, что именно ей снилось. Дани не смогла вспомнить содержание сна, но определенно после него все тело будто жгло огнем. И это желание, что пульсировало в ее животе... Противно даже. Она попыталась представить себе лицо Сайми, но не смогла. Черные глаза впились в сознание и поглотили все воспоминания. Мысли об этом человеке повергли ее в шок. Данфейт замерла посреди тренировочной комнаты. Определенно, с ней что-то было не так...

Дверь в зал распахнулась и на пороге возник Кимао. Удивление исказило его лицо, и он заметно напрягся.

— Я уже уйду, — ответила Данфейт и направилась к двери.

— Что ты делаешь здесь в три утра? — спросил дерева.

— Отбываю наказание.

— Сколько часов ты провела здесь?

Кимао в этот момент прищурился, и Данфейт поняла, что он не просто так спрашивает ее об этом.

— Шесть... — прошептала Дани, останавливаясь рядом с ним.

— Почему шесть?

— Учитель поднял ставку на полтора часа, — тихо ответила Данфейт.

— Тебе об этом сестра сообщила?

— Да.

Кимао припал плечом к дверному косяку. Дани невольно опустила глаза и уставилась на развитые мышцы его груди.

— Нравится? — вызывающе произнес дерева.

Дани хмыкнула и отвернулась.

— Я полагала, что ты несколько другой.

Данфейт не успела среагировать. Вот она спокойно стояла рядом, а через долю секунды он прижимает ее к стене. Кимао склонил к ней голову, продолжая удерживать ее лицо своей рукой, и заглянул в широко распахнутые карие глаза.

— Похоть — это плохое чувство, девочка. Только грязь и зависимость таятся в нем.

Ноги Дани ослабели. О, Юга, как же хорошо она поняла его слова!

— Отпусти, немедленно, — прошипела Данфейт и схватила его рукой за волосы.

Дерева дернул головой и прижался носом к ее шее, вдыхая аромат ее кожи. В этот момент Данфейт ничуть не пожалела о том, что до сих пор не приняла душ.

— Нравится? — тем же вызывающим тоном, что и он, произнесла Данфейт, посильнее сжав копну его волос в своей ладони.

— Беги, дура. Беги... — прорычал дерева и рванулся от нее в сторону.

Он буквально выбежал из тренировочной, ускоряя свой шаг и пытаясь побыстрее вернуться в свою комнату.

Данфейт отклеилась от стены и побрела следом за ним. Приняв душ, она натянула на себя свою старую льняную рубаху и улеглась в постель. Живот сводило судорогой, а кожа на шее, где он прикоснулся к ней своим носом, до сих пор горела. Что же он сделал с ней, этот Амирский говнюк? Что?

Данфейт проснулась в семь утра. Подорвавшись с кровати, она тут же бросилась к умывальнику. Ее рвало. Так мерзко она давно себя не чувствовала. Странно, что ее не разбудили в пять утра. Проведя в согнутом положении около получаса, она поняла, что сегодня действительно не сможет покинуть свою комнату. Она упала на кровать и зарылась головой в подушки. Слабость. Она ненавидела это чувство, что настигало ее тело во время болезни или переутомления.

Дани вдохнула незнакомый аромат на наволочке и оцепенела. Поднявшись на колени, она поднесла подушку к носу и снова вдохнула. Девушка сползла с кровати и скинула одеяло на пол. Простынь измята, хотя чистое белье Ирия постелила только вчера... Данфейт зажмурилась и попыталась вспомнить хоть что-нибудь. Ничего. Пусто. Может, ей все это только кажется? Дани приподняла подол рубахи и прикоснулась пальцами к лону. Нет, истощение явно идет ей не на пользу. Дани собрала с пола подушки и снова легла. Наверное, Ирия сменила ополаскиватель. Приятный аромат. Дани вжалась носом в перину и закрыла глаза.

— Данфейт, имей совесть! Скоро ужинать!

Дани поднялась с кровати и осмотрелась. Ирия стояла в дверях и улыбалась.

— Который час?

— Семь вечера.

— О, Юга!

— Да. Ри просил тебя не беспокоить, но я настояла на том, что тебе стоит поесть. Завтра ты улетаешь.

— Так скоро?

— Да, — кивнула головой Ирия.

— Ладно, сейчас переоденусь.

— Я принесла тебе платье.

— Платье? — расхохоталась Данфейт. — Ну-ну...

— Ты не меняешься, Дани.

— Мой термостабильный костюм мне милее.

— Тебе не мешает привести себя в порядок, — заметила Ирия.

Данфейт поднялась с кровати и скинула с себя рубаху.

— Грязь из-под ногтей уберу, волосы расчешу. В остальном, как видишь, полный блеск.

— Ты побрила ноги? — удивилась Ирия.

— И не только ноги, если ты заметила. Готовилась к визиту в деревню... Shai!..

Дани присела на кровать и только сейчас вспомнила, что с ней произошло вчера.

— Ублюдок...

— Я предупредила тебя на счет твоего романа с одним из мияйн. Мужчина должен

быть рядом, когда ты с ним встречаешься, а не где-то там...

— Мне казалось, что ты не умеешь читать мысли?

— Морайя написала мне о том, что произошло.

— Знаешь, сейчас я жалею, что наладила связь с деревней.

— Ладно, что об этом говорить. Одевайся. Ужин через час.

Как и обещала, Дани расчесала волосы и избавилась от грязи под ногтями. Утягивать грудь она не стала, и без того тяжело было дышать. Вооружившись ножом, на случай, если захочет прирезать сестру, Данфейт покинула комнату и спустилась вниз. Там, посреди большого зала, где были расставлены кресла вокруг камина, собрались Айрин, Орайя и Кимао. Услышав их голоса, Данфейт остановилась и заблокировала сознание.

— Поговори с ним, — произнес Орайя.

— Мне не о чем с ним говорить. Он как всегда делает только то, что ему кажется правильным.

— Мне тебя жаль, честно, — покачала головой Айрин.

— Кого из нас?

— Со временем ты поймешь, что тебя.

— Возможно... Но все равно, сейчас нам лучше помолчать, — шикнул Кимао и посмотрел в сторону лестницы, где наверху стояла Данфейт.

Дани сделал вид, что только что там оказалась.

— Добрый вечер, — ответила девушка и начала спускаться вниз.

— Мы сделали ставки на то, когда ты проснешься. Я победил, — улыбнулся Орайя и подмигнул Данфейт.

"Подмигивающий зрячий... Очень интересно..." — подумала Дани и вдруг одна ее нога подкосилась и сорвалась со ступеньки.

Данфейт успела сгруппироваться и повиснуть на перилах.

— С тобой все хорошо? — вопросительно произнесла Айрин.

— Да... — неуверенно ответила Данфейт и поднялась на ноги.

— Ты какая-то зеленая...

— Спасибо за комплемент, Айри, — ответила Данфейт и состроила кривую улыбку на лице.

На этот раз обе ее ноги подкосились и она, не успев схватиться за перила, полетела вниз.

Когда Дани открыла глаза, над ней маячило лицо Кимао. Ты смотри, побрился...

— Значит, все хорошо, — ответил мужчина и протянул ей руку.

— Спасибо, — ответила Данфейт, поднимаясь на ноги с пола.

Что-то было не так. У нее ничего не болело. Девушка даже прикоснулась к своей голове, чтобы нащупать шишку на затылке.

— Странный день, — покачала головой Данфейт и направилась напрямиком к креслу. По дороге у нее еще раз заплелись ноги, но она сгруппировалась и не упала.

Кимао, Айрин и Орайя, молча, смотрели на нее. У всех на лицах застыло недоумение.

— И это все? — спросил Кимао.

— Ты о чем? — не поняла Дани.

Кимао прищурился и посмотрел на Орайю. Тот отрицательно покачал головой и взглянул на Айрин.

— А мне откуда знать? — возмутилась девушка.

— Что случилось? — прокричала Данфейт, приподнимаясь в кресле и свешиваясь с подлокотника.

— Оставьте нас, — попросил Кимао.

Орайя и Айрин не стали перечить. Девушка посмотрела на сестру с некой жалостью, и вышла следом за Орайей.

Кимао присел в кресло рядом с Дани. Он не хотел смотреть на нее, но знал, что рано или поздно ему придется это сделать. Дерева поднял глаза и встретил усмешку. Вот, сейчас он спросит ее о главном, а когда она поймет суть произошедшего, улыбка покинет ее лицо. Кто знает, когда она улыбнется ему в следующий раз, и улыбнется ли вообще когда-нибудь?

— Ри рассказывал тебе о "Возвышении"?

— Это ритуал посвящения аркаина, когда тот становится зрячим.

— И в чем он заключается, ты знаешь?

— Не совсем, но думаю, что это связано с каким-нибудь испытанием, — пожала плечами Данфейт.

— А что ты знаешь о "матриати"?

— "Матриати"?

Кимао закрыл глаза и потер рукой уставшие веки.

— "Возвышение" — это ритуал, в котором принимают участие два аркаина. Один из них становится зрячим, а другой — матриати.

— Это что, борьба какая-то?

— Нет. Это этап в жизни аркаина, когда он должен принять отведенную для него роль. Тот, кто сильнее, получит все. Тот, кто слабее, потеряет свою свободу.

— Ты хочешь сказать, что "зрячими" называют тех, кто поработил кого-то?

— Да.

— В чем же заключается суть "Возвышения"?

— В сексе. Тот аркаин, что сильнее, прикрепляет к своей оболочке того, кто слабее во время оргазма. Первый, после "Возвышения" называет себя "зрячим", второй — "матриати".

— Ты говоришь о рабстве?

— Называй, как хочешь, — ответил Кимао и отвернулся. — Одни созданы для того, чтобы управлять, другие — чтобы охранять тех, кому принадлежат.

Данфейт молчала. Она еще не осознала того, что он хотел ей сказать. Безусловно, она все поняла, но еще не осознала...

— Ты хочешь сказать, что мы с тобой...

— Да, переспали.

— Когда?

— Ночью.

— И ты сделал из меня раба?

— Матриати, а не раба. Когда твое поле привыкнет к тому, что зависит от меня, силы вернутся к тебе.

Данфейт продолжала внимательно на него смотреть. Он повернулся к ней и заглянул в глаза. Он чувствовал себя предателем, лжецом, который обманом лишил свободы другого человека. Она теперь принадлежала ему, как вещь. Как к вещи он и обязан был относиться к ней. Его желания для нее закон. Любая прихоть, любой каприз должны были быть удовлетворены по первому требованию. Иначе... Что иначе? Он сможет ее убить? Он сможет заставить ее корчиться в муках перед ним? Он принесет ей страдания, гораздо

большие, чем физическая боль? В том мире, где существовал он, матриати не уважали. И даже страх быть повергнутым от руки зрячего, которому принадлежит раб, не способен был изменить этого. Но все равно, каждый день пары связанных создавались вновь и вновь. Одни соглашались сыграть в игру, где победителем должен был оказаться только один. Другие подчинялись добровольно, чтобы навсегда связать свою судьбу с тем, кого по-настоящему любили.

— Что ты сделал? — закричала Данфейт. — Что ты сотворил со мной?!

— Он закрепил тебя к своему полю, — уставшим голосом ответил Учитель, вошедший в зал. — Теперь ты не можешь покинуть его против его воли. Не можешь причинить ему вред, не можешь позволить ему умереть, ведь погибнешь при этом сама.

Данфейт поднялась на ноги и посмотрела на Учителя. Этот взгляд... Кимао был знаком этот взгляд. Так же смотрела на Ри его мать перед смертью. Разочарование и презрение, и еще боль от раны, которая кровоточила всю ее жизнь.

— Он подкормил нас риагой на ужин.

— Чем? — не поняла Дани и посмотрела на Кимао.

— Афродизиак направленного действия. Тебя начинает тянуть к тому, кто съел то же самое.

Данфейт закрыла глаза и пошатнулась.

— Подробностей ты не вспомнишь. Я так хочу. Но в общем, ты уже все поняла.

— Ты... — прошипела Данфейт и кинулась на него.

Ему даже не пришлось поднимать своей руки, чтобы остановить ее. Девушка упала перед ним на колени и склонила голову, не в силах подняться или что-нибудь ответить.

— Это ничего не значит. Здесь нет эмоций или чувств. Это — "Возвышение", которое под действием риаги, я тебе подарил.

Он говорил об этом, как о подачке. Честь? Он оказал ей честь, поработив и привязав к себе? Ярость Данфейт достигла своего апогея и заставила ее против воли хозяина поднять свою голову.

Кимао даже наклонился к ней, зная, каких усилий ей стоило перечить ему. И то, что он увидел на дне ее темных карих глаз, его удивило. Это нечто, что пульсировало внутри и разгоралось, словно огонек, то, чего он никогда не видел в глазах других женщин, смотревших на него. Он попытался заглянуть в ее мысли, но абсолютное молчание лишь подтвердило его первоначальное предположение: все не так просто, как могло показаться вначале.

Данфейт сжала руки в кулаках и мысленно закричала. Так же сильно, так же громко, как кричал он, сбивая ее с ног вчера. И этот вой он услышал в своей голове. Он оглушил его на долю секунды, на тот миг, пока Кимао не остановил ее. Теперь Данфейт лежала на полу. Она не могла двигаться, точнее, она вообще не чувствовала собственного тела. Она увидела, как Учитель склоняется над ней и заглядывает в пустые глаза.

"Почему?" — мысленно произнесла Данфейт, обращаясь к нему.

— Кимао слишком талантлив. Мои бывшие соратники рано или поздно разглядят в этом опасность. У тебя тоже есть свой дар. Ты ловкая, быстрая, выносливая, но, к сожалению, до сих пор не научилась управлять материей. Вначале я рассчитывал, что смогу обучить тебя, но увы... А потом я увидел в тебе нечто иное. Ты словно создана для того, чтобы быть матриати. Матриати для Кимао. Я готовил тебя, сумел развить твои способности и отшлифовать мастерство. Оставалось лишь закрепить тебя за ним. Над этой задачей я

размышлял довольно долго. Я знал, что он вряд ли согласится принять такую спесивую натуру, как твоя, добровольно. Потому пришлось пойти на хитрость.

— Отойди от нее, — прошептал Кимао. — Не думаю, что ей приятно лицезреть тебя.

Ри выпрямился и посмотрел на Кимао.

— Так ты благодаришь меня за подарок?

— Ты говоришь о человеке, а не о вещи.

— Пусть так, но ведь это не я закрепил ее? — улыбнулся Ри.

— Какой же ты...

— Это ты такой, Кимао. Ты.

Кимао отвернулся от него и откинулся в кресле.

— Слушай внимательно, Данфейт, — обратился к ней Учитель. — Повторять этого тебе никто не станет. Освободиться можно, но для этого нужно превзойти своего зрячего. Другого пути у тебя нет. Я дал тебе шанс, выбив место в Академии. Я знаю Кимао, он не станет тебе мешать или пытаться пользоваться тем, что получил. Просто, ты будешь его охранять, вот и все. Если сможешь возвыситься над собой — станешь свободной. Если нет — умрешь вместе с ним.

— Будьте Вы прокляты, Ри Сиа!!! — застонала Данфейт и закрыла глаза.

Учитель искоса посмотрел на Кимао.

— Не стоит говорить ее губами.

— Будь ты проклят, Ри Сиа, — ответил Кимао и поднялся с кресла. — Будь ты проклят!

После того, как Учитель покинул зал, после того, как Кимао отпустил ее и ушел следом за ним, Данфейт смогла подняться на ноги. Что произошло? Как? Кто она теперь и что ей делать с этим?

Данфейт поплелась в свою комнату. Достав из шкафа сумку, она начала собирать свои немногочисленные вещи. Ей нужно уйти... Спасти от этого, от него, от всех них...

— Я так и думала, что ты захочешь смыться.

Айрин вошла в ее комнату без стука и присела на кровать.

— Убирайся отсюда! — закричала Дани и указала пальцем на дверь.

— Ты лучше присядь и послушай меня.

Данфейт даже с места не сдвинулась. О, как же она ненавидела ее в этот момент! Улыбка. Сестра улыбалась ей!

— Ты даже не представляешь, какую честь тебе оказали, — ответила сестра. — Ты смотришь на все это односторонне, только с позиции своей личной свободы. Но перед тобой открываются другие перспективы. Они будут тебя уважать, они начнут бояться. И, безусловно, кто-то из них станет завидовать тебе.

— О чем ты говоришь? Кто "они"? Что за "уважать" и "бояться"? Чему здесь завидовать?

— Матриати. Я говорю о других матриати, таких же, как и ты. А если ты окажешься в чем-то лучше остальных, равных тебе по положению, они захотят тебя забрать.

— Забрать?

— Это значит убить, дура!

Данфейт присела возле сестры на кровати.

— За что убить? За то, что я раб одного из зрячих?

— Дани, ты — не раб. Ты часть чего-то целого, вот и все. Он теперь отвечает за тебя. И в этом я ему не завидую.

— Какая же ты...

— Ладно, с любезностями покончили. Теперь поговорим серьезно. Перед Кимао теперь откроются большие перспективы. Нам осталось учиться около трех лет. После окончания Академии, он сможет войти в Совет Управления Ассоциации, как одаренный зрячий. Больше он не аркаин, так же, как и ты. Но, если ты думаешь, что я позволю тебе удрать от него, ошибаешься. Как думаешь, наш отец обрадуется новости о том, что его непутевая дочь не стала зрячей, а подалась в службы? Мне кажется, что у отца и так слабое сердце. Не станешь же ты, Данфейт, добивать его?

— Ты не сделаешь этого...

— Сделаю. Ради Кимао я сделаю все, что угодно.

Айрин посмотрела на Дани и улыбнулась. Фальшивая пустышка, пускай и слишком красивая.

— Кем же ты стала, Айрин?

— Я? Я та, кто стоит по другую сторону от таких, как ты.

Хохот Айрин еще долго звенел в голове Данфейт. Девушка свернулась калачиком на кровати и закрыла глаза. Она долго сдерживалась, но в какой-то момент все-таки поддалась слабости. Она не плакала пять лет. Пять долгих лет с того самого дня, как последняя соленая капля упала с ее щеки на пол перед ногами Учителя. Те отжимания она запомнила на всю свою жизнь, так же, как и запомнила этот смех своей сестры.

— Так, что ты решила? — спросил Кимао, вошедший в ее комнату.

Дани обернулась к нему и с ненавистью посмотрела на гладко выбритое лицо зрячего. Кимао всем телом прочувствовал ее гнев. Заплаканные глаза, которые он видел перед собой, выражали только презрение, и ничего больше.

— Я принимаю твой вызов, дерева, — прошипела Данфейт.

— Вылет завтра с восемь утра. Завтрак в шесть.

— Я завтракаю в пять утра.

— Это принципиально для тебя?

— Да.

— Мне плевать, если честно. Хочешь есть в пять — ешь в пять.

Кимао вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Она решила встать на тропу войны. Конечно, он с самого начала знал, что она не подчиниться так просто. Жаль, теперь ему постоянно придется оглядываться, ведь того, кто к тебе по-настоящему близок, следует бояться больше других.

Данфейт никогда не посещала Дереву. Планета, поверхность которой на семьдесят процентов была покрыта водой, больше походила на один большой город. Суша, за которой начиналась "Небесная земля", такая же живая и красивая, как настоящая. Расположенная над поверхностью Великого Деревийского океана, она парила в воздухе, словно существовала там всегда. Дороги, предприятия и жилые комплексы. Зеленая трава, деревья, многоэтажные здания и люди, живущие ближе других к солнцу, но все равно предпочитающие наряды темных оттенков. Белый диск Амира здесь казался слишком большим, а воздух вокруг слишком спертым. Словно в парилке умывальни Данфейт ощутила себя, выйдя на трап.

Рядом прошествовала Айрин, раздетая в темно-синий костюм с накидкой. Руки в перчатках и зонт. Зонт!!!

— Единственное, за что ценят здесь сайкаирян, — молочно-белый оттенок кожи, который ты так опрометчиво испортила своим загаром.

— Конечно, белая кожа — это единственное, за что тебя еще можно ценить, — ответила Данфейт и, перекинув тяжелую сумку через плечо, направилась вперед.

— Ты даже не знаешь, куда идти!

— Я не слепая, и язык дерев знаю, — отчеканила Данфейт, попав на перрон.

Неоновые рекламы, разноцветные указатели, банки, магазины, люди разных рас, среди которых Данфейт без труда определила и сайкаирян, — да, в этом месте жизнь просто кипела.

Кимао, увидев, как Дани пытается определить маршрут по электронному карманному навигатору, только усмехнулся.

— Орайя, помоги ей, пожалуйста.

— Я что, вызывался в няньки? Это — твоя проблема, не моя.

— Орайя!

— Я сказал, что меня твои проблемы не интересуют!

— Ну, и скотина же ты!

Данфейт отчетливо разобрала каждое слово, вылетевшее изо рта Кимао. Она обернулась и с удивлением посмотрела на него.

"О, так мы в чем-то похожи!"

"Пойдем за мной. По навигатору ты ничего не найдешь".

"Это — засекреченное место?"

"На "Небесной земле" есть три уровня. Академия — это вся третья плита. Как думаешь, ты долго будешь искать свое управление?"

— Веди, зрячий, — с усмешкой бросила Данфейт.

Спустя полчаса пешего хода, они остановились напротив высотного здания с вывеской "Президиум Академии Ассоциации". Войдя внутрь, Айрин кивнула Кимао и скрылась в оживленном холле. Орайя похлопал Данфейт по плечу и снова подмигнул. Дани рассмеялась и сделала то же самое, чем вызвала удивление Орайи.

— К чему невербальное общение, если можно все высказать напрямую? — спросил Кимао, глядя на них.

— Порой, лучше промолчать, чем высказываться, — ответил Орайя и, показав Кимао нечто, вроде выставленных второго, третьего и пятого пальцев на правой руке, удалился

вслед за Айрин.

— И что это значит? — спросила Данфейт, складывая пальцы тем же замысловатым способом.

— Sihus, — на деревийском ответил Кимао.

Как странно. Каждая народность придумала свои способы указать собеседнику место, где его хотели бы видеть. Югуане, например, прикладывали пальцы к уху и дергали за мочку. На Сайкайрусе хлопали ладонью по плечу, будто стряхивая с себя пыль. Тиане предпочитали плюнуть под ноги. Но у дерев, естественно, все оказалось более сложно: Данфейт попробовала выставить пальцы и у нее это получилось, но все же не так быстро, как у Орайи.

Дани подняла глаза и поняла, что Кимао внимательно наблюдает за ее практическими занятиями.

— И кому ты собираешься это показывать? — спросил зрячий.

— Претендентов много.

— Я в списке первый?

— Прости, но первенство ты уступил Айрин.

— Значит, второй.

— Именно.

— Пойдем. Вначале нам нужно зарегистрировать тебя. Затем, решить вопрос с жильем. Занятия в Академии начинаются завтра. Тебе придется пройти тестирование, по результатам которого тебя определят на один из факультетов от "А" до "F" соответственно рейтингу.

— А на каком факультете учиться ты?

— Догадайся, — ухмыльнулся Кимао.

— Айрин и Орайя тоже там?

— Да.

— Так, расскажи мне, что это за здание?

— Это — головное управление Ассоциации. Здесь мы оформим все документы. Затем, вернемся на корабль и полетим на "Небесную землю", сектор 9.

— Сколько всего секторов?

— Пятьдесят три.

— Не слишком много.

— Это — как посмотреть.

— А куда ушли Айрин и Орайя?

— На телепорт.

— То есть, они телепортируются, а мы — полетим? Этот телепорт дороже аренды корабля?

— Этот корабль — мой, и я предпочитаю оставлять его на станции девятого сектора, а не здесь.

Данфейт вначале просто приоткрыла свой рот, а затем рассмеялась.

— Твой корабль? Так ты у нас "золотой мальчик"?

— Это ты — дочь Белови, что владеет половиной Сайкайруса. Я свои деньги заработал сам. Так, что, если ты и своего отца называешь "золотым мальчиком", можешь так же обращаться и ко мне.

— Во-первых, не половиной, а третью. Во-вторых, деньги моего отца — это его деньги, не мои. Так что, на сегодняшний день у меня в кармане всего тысяча акропей, и я заработала их сама, а не взяла у папули.

— Айрин тоже зарабатывает сама, к твоему сведению. И у нее так же есть свой собственный корабль.

Ну, вот, теперь Данфейт нечего было ему ответить. На тысячу акропей она могла прожить месяц, и то, экономя на еде. То есть, ее денег ей хватит на оплату жилья за месяц, при условии, что она будет жить в общежитии, покупку приличного костюма, в котором она будет ходить на занятия, и пищу, без мясных блюд, потому как на мясо ей денег не хватит.

Кимао не стал добивать ее, сообщая, что и он, и Айрин, и Орайя владеют недвижимостью в нескольких секторах Небесной земли. И так, замечание о корабле несколько выбило ее из колеи.

— Следуй за мной.

Его "следуй за мной" оказалось не таким уж и простым занятием. Данфейт постоянно теряла его из виду в толпе, из-за чего Кимао вынужден был останавливаться и ждать ее. Теперь у него есть "хвост", за которым постоянно придется следить. Мысль эта не принесла Кимао положительных эмоций, потому он отнесся к ней, как к досадной неприятности — то есть, никак.

Пробравшись к лифтам, Данфейт едва не осталась за дверями. Кимао в самый последний момент протянул руку и затащил ее в кабину, где на десяти метрах квадратных ютилось тридцать человек.

Сто двадцать второй этаж не встретил их с распростертыми объятиями. Здесь было мало людей, и все — деревья. Когда Дани прошествовала за Кимао к секретарю, несколько человек проводили ее взглядами, и восторгов в их глазах Данфейт не заметила.

— Добрый день, — поздоровался Кимао.

— Добрый день, господин Кейти, — ответил секретарь — пожилой мужчина с проседью в волосах. — Госпожа Данфейт Белови прибыла с Вами?

— Да. Вот она.

Мужчина смирил Данфейт презрительным взглядом и приподнял брови.

— Данфейт Белови? — переспросил он.

— Она самая, — ответила Дани и улыбнулась секретарю.

Он только нахмурил брови в ответ на это.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Дани протянула пластиковую карточку.

— После того, как пройдет медицинский осмотр, вернетесь ко мне, решите тесты и тогда мы поймем, что с Вами делать.

— Хорошо.

Медицинский осмотр занял час. Оказалось, что весь сорок второй этаж создан исключительно для этих целей. Ее обмерили, просканировали, взяли кровь и мочу на анализ. Кресло гинеколога ей тоже врезалось в память. Мазки на все, что можно и нельзя, ее впечатлили. Затем несколько прививок, и Дани разрешено было вернуться к секретарю.

Кимао в это время преспокойно попивал травяной чай и беседовал с каким-то молодым мужчиной. Заметив, что Данфейт вернулась на этаж, он кивнул ей, не предлагая присоединиться к нему или поприветствовать его собеседника.

— Скажите, а как Вас зовут? — спросила Данфейт, обращаясь к секретарю.

Мужчина вновь нахмурил брови и хмыкнул:

— Деи Рой.

— Приятно познакомиться, Деи Рой, — улыбнулась Данфейт.

Мужчина по какой-то причине отвернулся от нее, и начал что-то набирать на компьютере.

— Вы давно здесь работаете? — спросила Данфейт.

Деи не ответил.

— Наверное, это не самая лучшая должность. Сначала к тебе приходят неоперенные птенцы, а затем, через несколько лет они приподнимают свои головы, и требуют к себе обращения "господин".

Деи покосился в сторону Данфейт. Да, он понял, что она не знает его, не может читать его мысли, но, не смотря на это, она первая среди тысяч, кто озвучил эту истину. Мужчина протянул ей планшетник и пальцем указал на кресло с противоположной стороны от Кимао.

— Если "завалите" тест, попадете на факультет самых слабых.

— Если "завалю" — там мне и место, — улыбнулась Дани и кивнула мужчине.

— В Вашем распоряжении всего час. Те вопросы, ответов на которые Вы не знаете, лучше просто пропустить. Так, Вы сэкономите время.

— Спасибо, — ответила Дани и направилась к креслу.

Кимао прекрасно слышал все, что сказал ей Деи. Не дурно. Для того, чтобы предрасположить к себе Рои, ей потребовалось всего лишь несколько улыбок и одна емкая фраза. У Кимао же на это ушло три года. У Айрин и Орайи не вышло до сих пор. Вот тебе и "бездарность".

"О чем гласит "постулат Мураи"?"

"Не знаешь — пропускай".

"Нет, честно, что это?"

"За тебя тестирование проходить я не собираюсь. Так что замолчи и продолжай работать".

"Shai... Я ничего не знаю..."

"Лучше признать это сейчас и начать заниматься".

"В этом ты, безусловно, прав. О! Простой вопрос! Надо же!"

"Замолчи, ты мешаешь моей беседе".

"Прости", — мысленно ответила Данфейт и улыбнулась собеседнику Кимао.

— А в ней что-то есть, — заметил Крон.

— Думаешь?

— Они с Айрин совершенно разные. Интересно, в постели тоже?

— Ответ на свой вопрос ты не получишь.

— Жаль. Но все-таки, она во многом уступает своей сестре.

— Да, материи она совершенно не ощущает.

— Я не об этом. Айрин всегда держится на высоте, она следит за собой, в конце концов. А ее сестра мне напоминает оборванку, что падают на колени в переулках и просят милостыню. Одни эти клочья на голове чего стоят? Да и нос ей явно не один раз ломали. Глядя на нее, никогда бы не подумал, что она — дочь состоятельного человека.

— Эта "оборванка" разложит тебя на обе лопатки в честном поединке, и тогда тебе станет наплевать на то, сколько раз ей ломали нос.

— Ее Сиа обучал?

— Да.

— И сколько лет он потратил на то, что я вижу сейчас?

— Пять.

- Хорошо же папаша Белови приплатил ему, — засмеялся Крон.
- Ты собираешься на Атрион в ближайшее время? — сменил тему разговора Кимао.
- Нет, опасно слишком. Холода способствуют голоду местных тварей.
- Цены на ворис уже подросли.
- Будут еще выше, но я не настолько нуждаюсь в деньгах, чтобы соваться туда сейчас.

И тебе не советую.

- А что слышно на счет всплесков активности Амира?
- Все молчат, — развел руками Крон. — Будто, так и должно быть.
- Сейчас осень, а пекло стоит невообразимое.
- Не в первый раз.
- Согласен, но, все же, это — не нормально.

Данфейт закончила тестирование и с чувством исполненного долга вернула планшетник секретарю.

- И каков приговор? — улыбнувшись, спросила она.

Деи покачал головой и тяжело вздохнул.

- "Завалила", не так ли? — рассмеялась Данфейт.

- Мне очень жаль.
- Не стоит.

Рои посмотрел на нее и улыбнулся в ответ.

- Нет, ну ты глянь. Деи улыбается ей!
- Вижу, — пробурчал Кимао.
- Я и не знал, что он может улыбаться!
- Я тоже. Ладно, мне пора.
- До встречи. Думаю, что скоро Роэли примет меня.
- Удачи.
- И тебе, Кимао.

- Ну, что? — спросил Кимао, останавливаясь возле Данфейт.

— Факультет "F", группа 354, категория "A". Только я не поняла, причем здесь категория?

- Категория "A" говорит о том, что твой зрячий учится на факультете "A".

— То есть, у тебя теперь категория "F". Ты смотри, ничего особенного не сделала, а репутацию твою уже подмочила! — не удержалась от смеха Данфейт.

- Мне наплевать на репутацию.
- О! И в этом мы с тобой схожи!
- На этом схожесть наша заканчивается. Что решила с жильем?
- Денег на отдельные апартаменты у меня нет, так что...
- Общежитие, — скривился Кимао, будто произнес нечто мерзкое.
- Ну и пусть, зато там весело!

— Не вижу ничего веселого в обшарпанной комнатухе, которую придется делить с кем-то из таких же нищих, как и ты.

- Сарказм тебе к лицу.
- Ты еще моего сарказма не слышала.

Сектор девять был похож на огромный мегаполис. Библиотеки, магазины техники и оружия, супермаркеты, элитные бутики, салоны красоты и фитнес-центры, офисные здания, корпуса Академии и фешенебельные спальные районы для тех, кто не считает денег. На такси Кимао подвез ее до общежития, где и высадил, со словами "до завтра". Он не горел желанием прохаживаться по зданию, которое было единственным общежитием Ассоциации в этом секторе. Расположенное на самой окраине города, оно напоминало заброшенный оплот греха и разврата. Эти комнаты часто снимали матриати, зарабатывающие на жизнь услугами для не очень состоятельных зрячих. В общем, женщины и некоторые мужчины, которые за деньги ублажали всех, кто платил. Сам Кимао в свое время пользовался услугами платных матриати, но все же те были "дорогими", и никогда не приводили его в номера, похожие на эти. С Айрин все было сложно. Он не пытался затащить ее в постель, прекрасно осознавая, что подпишет ее свободе смертный приговор. Нет, она была кем-то священным для него. Естественно, первое, о чем подумал Крон, когда узнал о появлении матриати у Кимао, так это о давней привязанности зрячего к Айрин. Теперь Кимао не мог прикрепить к себе никого, и в этом случае его отношения с Айрин были бы совершенно безопасными для обоих. Что греха таить, Айрин все еще привлекала его, но он не чувствовал больше того восхищения, как пять лет назад. Ему больше не хотелось подначивать ее, чтобы увидеть, как она хмурит брови и хлопает своими ресницами от возмущения. Честно говоря, он был удивлен ее поведением после встречи с сестрой и тем переменам, которые произошли с ней. Он всегда был очень осторожен и старался не подпускать Айрин слишком близко. Порой, ему даже казалось, что он не сможет справиться с собой и все равно привяжет Айри, но теперь... Теперь его восторг растворился в некоем разочаровании. Кимао словно "остыл" и взглянул на Айрин беспристрастно. Так же сейчас он смотрел и на Данфейт. Своенравная, неуправляемая, мечущаяся по жизни, словно боится куда-то опоздать, но все же не отталкивающая, нет. Ее мысли, ее поступки... В них не было злобы, того черного чувства, которое он только несколько дней назад заметил в ее сестре. С презрением он думал о том, что совершил. И в этой ситуации Данфейт престаивала перед ним обманутой маленькой девочкой, которую опоили и заставили поверить, что она спит с тем, кого на самом деле любит. Сайми. Он часто представлял себе, как спит с Айрин. Он даже произносил ее имя, когда лежал на других. Но не в этот раз. Почему же он не вспомнил Айрин в этот раз? Почему имя другого мужчины, произнесенное Данфейт Белови ему в губы, продолжает звенеть в его голове? Мерзко. Все, что он натворил, — мерзко.

Данфейт переступила порог обветшалого бетонного здания и погрузилась в мягкое освещение работающих через одну лампочек. Здесь было прохладно, и даже удушливый аромат женского парфюма не мог помешать ей насладиться вновь обретенной телесной негой.

— Добрый вечер, — поприветствовал ее уставший голос коменданта.

Женщина в годах, шуршащая своей длинной накрахмаленной юбкой и такой же "дубовой" хлопковой блузкой, вышла к ней из своего укрытия.

— И Вам, — прошептала Данфейт, глядя, как особа проходит мимо и идет дальше. — Меня зовут Данфейт Белови...

— Секретарь связался со мной, идиотка. Пойдем, я провожу тебя в комнату.

— Хорошо, — пожала плечами Данфейт и поплелась следом за женщиной.

— Будешь жить на шестом этаже. Лифтом лучше не пользоваться — могут пристать. Курить, пить и приводить сожителей запрещено, если замечу — выселю, если не замечу —

мне наплевать. Кухня общая на каждом этаже, души и туалет в комнате. Я подселила тебя к еще одной убогой. Наверное, вы с ней поладите. И не суйся на третий этаж, если не желаешь подзаработать. Вляпаешься, я вытаскивать тебя не стану.

Женщина, выйдя из лифта, остановились напротив комнаты без номера.

— Добро пожаловать, — ответила комендант и, вручив Дани ключи, направилась назад, к лифту.

Данфейт постучалась, для приличия, а когда никто не ответил, открыла замок ключом. Комната... Могло быть и хуже, по крайней мере, кто-то застелил прогнивший пол старыми коврами. Маленький коридор, в котором Орайя почувствовал бы себя великаном, по правую руку туалет и ванная. Розовый халат на двери. Розовый... И тапочки на пороге в виде зайчиков... Дани заглянула сначала в уборную, а затем и в ванную. Все древнее, но чистое. По крайней мере, ее соседка прибирает за собой. Данфейт вошла в самую комнату и бросила сумку на пол.

Тело, спрятанное под одеялом на кровати у стены, зашевелилось.

— Извини, что разбудила, но с этого момента я — твоя соседка.

Маленькая ручка высунулась из-под своего укрытия и показала Данфейт фигуру из тех самых трех пальцев.

— И тебе того же, — хмыкнула Дани.

Затяжной кашель и шморганье носом развеселили Данфейт. Девушка подошла к кровати соседки и, рывком скинув с нее одеяло, осмотрела тело. Тианка. Красноватый оттенок кожи соседки свидетельствовал об этом. Красные волосы, отекающие глаза, натертый нос и высохшие губы. Девушка обернулась к Данфейт и заморгала.

— Данфейт Белови.

— Эрика Строун.

— Давно мучаешься?

— Со вчерашнего дня.

— Пора душ принять, Эрика. Я приготовлю тебе отменный чай, после которого станет легче.

— Что за чай?

— Ты хочешь, чтобы я перечислила тебе все компоненты?

— Уволь, — пробурчала Эрика и поднялась с постели. — Если собираешься есть, я тоже буду.

— Не сомневаюсь. Где чистое постельное белье?

— В шкафу.

Данфейт еще раз пробежалась глазами по комнате. Вторая кровать стояла у окна, из которого, очевидно, поддувало. Два потертых деревянных шкафа времен ее бабушки, и небольшой стол. Стульев нигде не было.

Когда Эрика вернулась в комнату в своем розовом халате и тапочках-зайчиках, Данфейт уже передвинула свою кровать к противоположной стене.

— Ты на каком факультете учишься? — спросила девушка.

— "F". А ты?

— Добро пожаловать в ад, Данфейт Белови. Я гнию там же. А группа какая?

— Триста пятьдесят четыре.

— Значит, тебя не случайно сюда поселили.

— Ты учишься со мной в одной группе?

— Похоже на то. А категория у тебя какая?

— Это имеет значение?

— Да, хочу знать, кто будет иметь тебя в этой комнате.

— А кто имеет тебя в этой комнате?

— Бронан Ринли, категория "В".

— Кимао Кейти, категория "А".

Эрика начала смеяться, но тут же закашлялась.

— Кейти скорее примет целибат, чем осквернит собственное тело в этом гадюшнике.

— Ты его знаешь?

— Его, Орайю Сиа и Айрин Белови знают все. Думаю, твое имя вскоре станет четвертым в этом списке.

— За что же такая честь?

— Два сына известного Ри Сиа и одна девушка. Еще вопросы будут?

— Сына?

— Где он откапал тебя, Данфейт?

— У своего отца.

— О-па! Не ожидала. Тебя по договору сосватали?

— "Сосватали"?

— Чему ты удивляешься? — хмыкнула Эрика. — Меня, например, отец продал. За акции одной известной корпорации, которыми владел папаша Бронана. Кто же знал, что его сынок один из аркаинов?

— То есть, ты не поступала сюда на учебу?

— Посмотри на меня! — засмеялась девушка. — Тиане для дерев не намного лучше сайкаирян. Где бы была ты, если бы не денежки твоего отца?

— Не знаю, но точно не здесь.

— И я о том же.

— Но, если зрячий тебя купил, значит...

— Я предпочитаю думать, что меня продал отец. Так самолюбию становиться немного легче.

— Разве в наше время можно кого-то продать?

— Да, если жертва готова "продаться". Ты все равно не поймешь.

— Отчего же?

— Для того, чтобы это понять, нужно было родиться в моей семье. Так что, прости, сайкаирянка, — хмыкнула Эрика и снова закашлялась.

— И давно ты здесь?

— Год уже.

— Не долго.

— Для кого? Для раба?

— А ты считаешь себя рабом?

— Я - нет. Остальные — да.

Эрика посмотрела на Дани и скептически улыбнулась.

— Я тоже, поначалу, думала, что смогу жить спокойно. Ну, знаешь, у него свои дела, у меня свои, и не станем мы мозолить друг другу глаз. Но его довольно быстро убедили в ином положении вещей. Это вдалбливается в голову, понимаешь? Все обучение построено на этом. Над тобой тоже начнут работать. Они будут петь песни про великий дар, про правую

руку твоего зрячего, про то, что ты должна стать опорой для него... Ты, конечно, можешь в это поверить и жить в сладком забытьи, но рано или поздно ему придется тебя наказать. Это наказание ты запомнишь навсегда, и, наверное, только тогда поймешь, кем на самом деле стала.

— Рабом?

— Да, рабом.

— Я и так это поняла. Без наказания. Я здесь для того, чтобы попытаться что-то изменить.

— Если бы тебя приняли на факультет "А", я бы еще сомнительно покачала головой, но ты на нашем факультете, и мне хочется смеяться.

— Я заварила тебе чай. Выпей.

— Ты так и не ответила на вопрос.

— Какой?

— Тебя сосватали?

— Что-то вроде... — хмыкнула Данфейт. — А что ты делаешь в этой дыре, если твой отец и твой зрячий состоятельные люди?

— Этот же вопрос я могу задать и тебе.

— Я выросла и теперь сама отвечаю за себя.

Эрика как-то грустно улыбнулась и пожала плечами.

— Я наказана за непослушание. Лишена денег, внимания и уважения.

— И твой зрячий в этом тебе помог?

— Он — автор, Данфейт.

— Жестоко.

— Ничуть. Он мог бы начать избивать меня, насилловать, он мог бы превратить меня в животное и лишит всего. Но, нет, это выше его поганого достоинства.

— "Избить"? "Изнасилловать"?

Эрика посмотрела на Данфейт, как на полоумную.

— У тебя нет прав. Почитай Закон. Там только твои обязанности, и еще список всех тех милых действий, за которые тебя могут казнить. Если тебя изувечит другой зрячий или аркаин, твой зрячий будет решать, мстить ему за это, или нет. А, поскольку, многим вокруг наплевать, насилие постоянно оказывается безнаказанным.

— Ты чай пей, а то остынет.

Данфейт указала пальцем на кружку, которую оставила для Эрики на столе.

— Спасибо, — произнесла девушка, беря ее в ослабевшие руки. — Я говорю это не потому, что хочу напугать. Знаешь, с твоим известным именем и сестрой, стоящей возле зрячего, тебе ничего не грозит. Просто, ты изменишься, рано или поздно. Начнешь презирать таких же, как и ты сама. Завтра занятия. Если это все твои вещи, — Эрика указала пальцем на кровать, где Данфейт разложила по стопкам содержимое своей сумки, — то тебя не пропустят даже в здание, не говоря уже об аудитории.

— Я еще не читала требований, но думаю, что этот вопрос можно решить.

— Тогда тебе лучше поспешить. Костюмы для матриати продаются только в одном месте в секторе, и через час этот магазин закроют.

— Shai!

— И не говори.

Данфейт проснулась в пять утра. Приняв душ, она натянула на себя рубашку и прошла в комнату. Эрика старательно делала вид, что спит, хотя Дани прекрасно знала, что девушку всю ночь мучил жар, а сейчас кашель практически довел ее до удушья.

— Тебе к врачу не помешало бы попасть, — произнесла Дани, снимая рубаху и утягивая объемную грудь.

— Я сплю, — ответил сиплый голос из-под одеяла.

— Ты на занятия пойдешь сегодня?

— Если не пойду, то поползу, — ответила девушка и высунула нос из-под одеяла. — Зачем ты утягиваешь ее?

— Когда бьют в грудь — очень больно. А с этим — Данфейт указала на свой эластичный материал, — почти что нет.

— Хорошая фигура, и кожа красивая. Только лицо и руки "сгорели".

— И волосы, — ответила Данфейт.

Эрика поднялась с кровати и полезла в свой шкаф. Достав из него ножницы и расческу, она повернулась к Дани.

— Пойдем в ванную. Я приведу тебя в порядок.

— Будешь меня стричь?

— Да, с такими паклями тебя засмеют в первый же день. Кто тебя так оболванил?

— Сама.

— Ужас. Пойдем, я все исправлю.

К шести утра волосы Данфейт были острижены и уложены. У Эрики прекрасно получалось орудовать ножницами, и наверняка, девушка ловко могла ими же и изувечить. Дани посмотрела на свое отражение в зеркале. Простриженные пряди прикрывали уши и спускались ниже, обрамляя лицо. Они по-прежнему торчали в разные стороны, но теперь это был хаос предусмотренный, а не такой, как придется.

— До телепорта идти минут тридцать, — произнесла Эрика. — Подожди, я приведу себя в порядок, и мы пойдем вместе.

Костюм матриати Данфейт выбирала не долго. Денег хватило только на одну из самых дешевых моделей, хотя были и те, от которых тяжело было оторвать свой взгляд. Выцветший темно-синий цвет несколько не красил сайкаирянку. Воротник-стойка стягивала горло. Данфейт пробыла в нем всего час, а ткань уже прилипла к ее покрытому испариной телу. Она взглянула на Эрику, у которой костюм был намного дороже всех ее личных вещей, и подмигнула девушке. Темно-багровый цвет весьма подходил тианке. Вышивка золотыми нитями украшала грудь и спину. Рукава, собранные на запястьях, оторочены золотым атласом. Особенно Данфейт впечатлили бордовые замшевые туфли девушки. Слоеный каблук не подкачал, и теперь Эрика возвышалась даже над самой Данфейт. При свете дня кожа девушки казалась по-настоящему красной, и Данфейт не могла понять, то ли это ее природный оттенок, то ли следствие жара. Глаза Эрика предусмотрительно не красила, хотя порывалась, но после того, как они начали слезиться, пришла к выводу, что протянет день без грима. Она была красивой, эта тианка. Темно-красные радужки ее глаз на свету словно горели, а в темноте превращались в литые алые диски.

— А вот и наша "Красная леди"! — засмеялся кто-то за их спинами.

Данфейт обернулась и встретила глазами с деревяй лет двадцати пяти. Мужчина вел себя развязно, и это портило впечатление от его дорого костюма зрячего. Белый, с воротником-стойкой, как у всех аркаинов, зрячих и матриати, расшитый со всех сторон. На плечах его маячили символы "VZ", что означало "visetritz" на деревийском, то есть "зрячий" на всеобщем югуанском. Дани посмотрела на свои плечи и скривила лицо. "MZ", то есть "Mazetritz", резало глаза.

Эрика только потянулась к входной двери в учебный корпус, как ее толкнули в спину и она налетела на зрячего, идущего впереди.

— Смотри, куда прешь, тианка!

— Извините, — прошептала Эрика и тут же отвела глаза.

"Урод", — подумала Данфейт и взяла девушку под руку, пробираясь сквозь толпу вперед и влача ее за собой.

В какой-то момент Эрика все-таки налетела на еще одного зрячего, толкнув его плечом. Мужчина обернулся и шикнул на нее, отчего у Эрики подкосились ноги.

— Оставь ее! — повысила тон Данфейт, помогая девушке подняться с пола.

— Сейчас сама получишь, — ответил мужчина и Данфейт пошатнулась.

Кожу на спине обожгло так сильно, что она выгнулась, схватившись за Эрику.

— Извините нас, — прошептала девушка, обращаясь к зрячему.

— Пусть она извиниться! — он посмотрел на Дани и скривил лицо в презрительной усмешке.

Данфейт отпустило, и она смогла разогнуться. Повернувшись к незнакомцу лицом, она заглянула в черные глаза деревы и подумала о мертвых кроликах. Мужчина засмеялся в голос, а Дани нанесла удар по его носу локтем. Настолько быстро она это сделала, что мужчина даже не понял, откуда у него на лице кровь.

— Бежим, — прошептала Эрика и, вцепившись в Данфейт, потянула ее за собой. — Чтс ты творишь?

— Он трус. Пускай найдет нас. Посмотрим, кто кого!

— Он — зрячий!

— Да, хоть сам Глава! Так не ведут себя!

Эрика остановилась и заглянула в глаза Данфейт.

— Ты ведь ничего не понимаешь, так? Думаешь, они будут принимать вызов и драться с тобой честно? Никогда. Ты — матриати. Ты можешь быть в тысячу раз сильнее его, но ты — матриати! По этой причине тебе лучше оставить свои представления о чести и достоинстве за дверями этого заведения. Для таких, как мы с тобой, закон не писан, а значит, мы — вне закона.

Словно хлыстом Данфейт ударили по спине. Она упала на пол перед Эрикой и застонала.

— За разбитый нос ты мне ответишь, шлюха!

Данфейт попыталась выставить блокировку поля, но это не сработало. Зрячий без труда ее пробил.

— Оставь ее! Оставь! — кричала Эрика, цепляясь за руки мужчины.

— Пошла вон! — рывкнул он и попытался отшвырнуть Эрику, но девушка ловко

оцарапала его своими ногтями и ударила ногой в пах.

Дерева застонал и согнулся, но Эрика этого уже не видела. Она корчилась от боли на полу, ощущая, как в ее тело вторгаются сразу несколько лезвий от очень длинных клинков. Данфейт видела, что произошло, но подняться с пола все еще не могла.

Зрячий посмотрел на нее и, разогнувшись, схватил за волосы.

— Интересно, что тут у нас? Сайкаирянка?

— Отпусти их! — прозвучал голос Айрин за их спинами.

Данфейт мгновенно стало легче, и она встала на колени, пытаясь оторваться от пола.

— Айрин Белови собственной персоной? — засмеялся мужчина.

— Сермилли, ты слишком многое себе позволяешь!

— Она сломала мне нос!

— Горбинка будет неплохо на нем смотреться.

— За это она должна понести наказание!

— Ты не имеешь права карать чужих матриати!

— Если ее хозяин мирится с подобным, я научу ее манерам сам.

Дани поднялась с колен и посмотрела сначала на сестру, а затем на дереву, по имени Сермилли.

— Я вызываю тебя на поединок!

— Что?! — засмеялся мужчина. — Ты?

— Дерись на равных со мной, а не с помощью силовых полей!

— Свой вызов можешь засунуть себе в рот! Туда же, куда ты суешь член своего зрячего!

— В таком случае, тебя вызываю я! — прогремел голос Кимао за спиной Сермилли.

Дерева обернулся и скривил свое лицо.

— Ты не вправе ответить за нее.

— Оскорбление моей матриати — мое личное оскорбление. Так что, имею все права.

— Кейти, у тебя с головой все в порядке?

— Она — его матриати, — подтвердила слова друга Айрин.

Сермилли посмотрел на девушку и вытер рукавом кровь со своего лица.

— Хорошо. Сначала, я приму ее вызов. На равных, как она говорит. А затем и твой, Кимао Кейти. Сегодня в двенадцать в третьем зале.

— Мы будем там, — ответил Кимао и, схватив Дани под локоток, повел ее в сторону.

Да, Кимао был зол. В принципе, он ожидал, что матриати умудрится зацепиться с кем-нибудь, но что она успеет сделать это еще до начала занятий...

Данфейт вырвала свою руку и подбежала к Эрике, помогая той подняться с пола.

— Ты как?

— Зря ты его вызвала. Он хорошо дерется.

— Так хорошо, что не заметил, как я сломала ему нос? — засмеялась Данфейт.

— Красная леди? — спросил Кимао, останавливаясь возле них.

— Ее зовут Эрика, — ответила Данфейт. — Она — моя соседка по комнате.

— Прекрасное соседство, — усмехнулся Кимао. — Чтобы в двенадцать была на месте.

Третий зал на четвертом этаже.

— Я приведу ее, — ответила тианка.

— А я передам Бронану, что ты сцепилась со зрячим.

Лицо Эрики перекошило. Она испугалась, и это заметили все.

— Она защищала меня, — прошептала Данфейт, хватая его за руку. — В смелости ты

хочешь ее обвинить?

— Она прекрасно оценивает свои возможности, но все равно лезет на рожон. Если ты не имеешь представления о тех правилах, которые должна соблюдать, то эта тианка знает их все наизусть. Но благоразумие и смирение — не ее конек, не так ли Эрика?

— Не тебе меня учить, Кейти.

— Ты права. Учить тебя будет Бронан. Пусть он лишил тебя своей опеки, но право на наказание он оставил за собой.

Данфейт посмотрела на Айрин и покачала головой. Сестра наблюдала за ними со стороны и не вмешивалась. А она могла сказать свое слово, ведь Айри видела, что произошло.

— Здесь нет справедливости, Данфейт, — ответила Айрин. — По крайней мере, не для таких, как вы с ней.

— Справедливость — это то, что стоит на плечах чужой совести.

— Хочешь, чтобы я вступилась за твою подружку? — улыбнулась Айрин. — Она мне никто, в отличие от тебя. Бронан не дурак. Он разберется, кто здесь прав, а кто виноват.

— Кимао? — прошептала Данфейт, прикасаясь к нему рукой.

Дерева посмотрел на нее и прищурился.

"Даже не рассчитывай, что сможешь заглянуть мне в глаза, и я тут же изменю свое решение".

"Эти женские уловки мне не подвластны, Кимао. Я просто прошу тебя. Пожалуйста".

Не просто ей дались эти слова, но все же не для себя она произнесла их. И Кимао это знал.

— Пожалуйста, — вслух выдавила из себя Данфейт и сильнее сжала ладонь на его запястье.

— Сермилли все равно расскажет Бронану.

— Пускай, но это сделает Сермилли, а не ты.

Несколько мгновений Кимао внимательно смотрел на нее. Она говорит, что ей неподвластны эти женские уловки, тогда почему не сводит с него этих карих глаз, на дне которых тлеет ее мольба?

— Хорошо. Но это не освободит от наказания тебя саму.

— Ты о чем?

"Зачем было ломать ему нос? Не могла просто извиниться и убраться восвояси?"

"Не думала, что мой удар достигнет цели".

"Не думала?! Да, ты знала это наперед!"

"Твоя взяла. И каков приговор? Медитация на фрирайне или сутки голодовки?"

— Ты расскажешь Бронану о том, что произошло сегодня.

Данфейт не выругалась только потому, что у нее пропал дар речи.

— Так, значит...

— Ты же хотела узнать, каков мой сарказм? Теперь ты знаешь.

— Когда-нибудь я сотру эту самодовольную ухмылку с твоего лица и рассмеюсь в ответ.

— Когда-нибудь — возможно, но не сегодня... — хмыкнул Кимао.

— Пойдем, — произнесла Айрин, что все это время, молча, стояла за его спиной.

Кимао высвободил свою руку из хвата Данфейт и, развернувшись к ней спиной, пошел следом за Айрин.

Что ни говори, а этому засранцу шел его темно-коричневый костюм. На нем не было

золотых вышивок или дорогой оторочки, лишь бронзовые пуговицы, оплетенные темно-золотыми нитями, на которых были нанесены инициалы "КК". Дорогие пуговицы ручной работы, дорогая ткань и не менее дорогие замшевые ботинки. Сегодня он выглядел опрятно. Волосы уложены, щеки выбриты и этот парфюм... Глядя на него сейчас, Данфейт никогда бы не подумала, что этот человек может не бриться несколько дней подряд и не расчесывать свои густые черные волосы. Рядом с Айрин он смотрелся по-настоящему статным. Костюм сестры тоже не подкачал. Все эти серебряные ветви, струящиеся по иссиня-голубой ткани... Все подчеркивало белизну ее кожи и светлый оттенок каштановых волос. Они скрылись из виду в толпе курсантов, а Данфейт обернулась к Эрике.

— Повезло тебе, — прошептала тианка.

— О чем это ты?

— Знаешь, какой вид наказания практикуют зрячие в отношении своих женщин-матриати чаще всего?

— Насилие?

— Нет. На насилие это не похоже, скорее, напоминает принуждение.

— И здесь все сводится к сексу?

— К минету, Данфейт.

— То есть, они любят оральный секс?

— Это не знак проявления привязанности для них. Это способ показать, что только на коленях с их членом во рту мы должны стоять перед ними.

— Это тебя ждет? — произнесла Данфейт, глядя на Эрику.

— Бронан сейчас спит с Гритхен, так что, не думаю...

— А если все-таки...

— Тогда его пассия обязательно узнает о том удовольствии, которое я ему доставлю, — рассмеялась Эрика в ответ. — Будь осторожна со своей сестрой. Если по твоей вине пострадает она, Кимао этого просто так не оставит.

— Что ты имеешь в виду?

— Он влюблен в Айрин.

— Откуда ты...

— Он и его брат. Айрин предпочла Кимао, но поговаривали, что они не спят вместе только потому, что боятся. Теперь у Кимао есть пара, и он, наконец, может воссоединиться со своей зазновой.

— А в чем, собственно, заключалось препятствие?

Эрика приподняла брови от удивления.

— Когда аркаин овладевает определенным уровнем управления энергией, во время секса он может присоединить к себе любого. Потому аркаины его уровня спят только с чужими матриати. Когда они обретают пару и становятся зрячими, эти запреты на них больше не действуют. По этой причине некоторые пары появляются совершенно случайно, как результат невоздержанности сильного аркаина.

— И много таких "ошибок"?

— Почти весь наш факультет.

Эрика взглянула на часы и покачала головой.

— Все, мы опоздали на семинар.

— Извинимся и зайдем в аудиторию.

— Не все так просто, Данфейт, далеко не все...

Эрика остановилась напротив большой деревянной двери с табличкой "Группа 354F".

— Я первая войду. Ты просто склони голову и молчи.

— Конечно, — ответила Дани и, толкнув дверь, первой заскочила в кабинет.

На подиуме перед белой доской стояла женщина лет тридцати. Деревяшка в дорогом костюме матриати. Высокая прическа, макияж и перстень с рубином на указательном пальце правой руки. Заметив появление нерадивых курсантов, она положила маркер, которым выводила какие-то формулы на доске, и посмотрела на вошедших.

— Извините за опоздание, — громко произнесла Данфейт и посмотрела на своих одноклассников.

Тридцать женских голов и одна мужская повернулись в ее сторону. Неплохо. Столы и стулья, как в школе. И оружие, сваленное в огромную кучу на полу перед подиумом.

— Ваше имя, курсант! — улыбнувшись, ответила преподаватель.

— Данфейт Белови.

— Когда Вы простите прощение перед преподавателем, следует склонить голову и посмотреть в пол, а не столь вызывающе задирать макушку и разглядывать мой перстень.

— Простите, — прошептала Данфейт и тут же опустила глаза.

— Строун может занять свое место.

Эрика, бросив ободряющий взгляд на Данфейт, юркнула в самый дальний угол аудитории и присела за последний стол.

— Сколько Вам лет? — спросила женщина, приближаясь к Данфейт.

— Двадцать четыре.

— Если слухи верны, Вас обучал сам Ри Сиа, после чего Вы удостоились чести стать матриати для Кимао Кейти?

— Совершенно верно, — ответила Данфейт, продолжая смотреть в пол.

— Тем не менее, Вас распределили на факультет "F". Знаете, о чем это говорит?

— Что я провалила тест?

— Что, на ряду с абсолютной бездарностью, Вы не владеете даже половиной тех знаний, которыми обладает Ваш зрячий. О чем же говорит это, в свою очередь?

— Только о том, что я бездарна и не владею даже половиной тех знаний, которыми обладает мой зрячий.

Хохот оглушил Данфейт. Тридцать два человека по левую руку от нее заходились смехом, в то время, как дама напротив осуждающе качала своей головой.

— Думаете, это смешно? — вдруг закричала она и Данфейт оказалась на полу.

Курсанты припали к своим столам и зажали уши руками. И только у одной Данфейт хлынула из носа кровь.

— В ситуации, когда от Вас будет зависеть что-то, Вы окажетесь совершенно бесполезной, ведь Вы — бездарность, которая ничего не знает. Это, по-вашему, смешно?

— Извините, — произнесла Данфейт и зажала нос рукой, пытаясь остановить кровотечение.

— Мое имя — Пире Савис. Мне выпала честь стать матриати Роэли Гвену. Надеюсь, Вы знаете кто этот зрячий?

— Да, — кивнула Данфейт, поднимаясь с пола.

— Я преподаю теорию сильных полей. Ответьте, Данфейт Белови, каков диапазон звуковых частот, которые способно воспринять человеческое ухо?

— От двадцати до двадцати тысяч герц.

— Какое влияние оказывает на организм человека инфразвук?

— Вызывает страх, тревожность, головную боль, потерю ориентации в пространстве, кровотечение из носа и ушей.

— И?

— Смерть.

— И Вы так и не поймете, что на самом деле произошло, не так ли?

— Да.

— И Вы можете избежать этого воздействия?

— Могу.

— Почему тогда у Вас из носа идет кровь?

— Потому что Вы еще не научили меня этому.

Пире улыбнулась неким подобием усмешки, больше похожей на оскал, и взяла в руки маркер.

— Итак, звук, с частотой ниже двадцати герц мы не способны слышать, но все же, как нам только что продемонстрировала Данфейт Белови, он способен на нас влиять. Белови, Вы все еще здесь? Сдайте оружие и займите любое свободное место за моей спиной.

Дани, продолжая зажимать нос рукой, избавилась от пистолета, лежащего в рюкзаке, а так же выбросила в общую кучу свой нож, спрятанный за голенищем сапога.

— Ваши сюррикэны тоже, — произнесла Пире, не оборачиваясь к Данфейт.

Дани приподняла брюки и отстегнула пояс на голени с сюррикэнами, бросив его в общую кучу.

— И сапоги снимите, — добавила Пире. — Не думаю, что спрятанный в подошве клинок можно так просто достать.

Дани присела на пол и стянула с себя сапоги.

— Теперь можете занять любое свободное место.

Данфейт осмотрелась. Одно место подальше, возле окна, и целый свободный ряд впереди.

Дани присела в центре первого ряда и выложила свой планшетник из рюкзака на стол.

Пире обернулась и, приподняв одну бровь, добавила:

— В смелости Вам не откажешь, Белови. Хоть в этом Вы похожи на свою сестру.

Дани достала салфетки и прижала их к своему носу. Интересно, когда кровотечение остановится?

— Когда Вы попросите своего зрячего погасить вибрацию своего поля, если не можете сделать это сами.

— Спасибо, — кивнула Данфейт и улыбнулась.

То есть, три часа у нее из носа будет литься кровь. Интересно, она умрет раньше от потери крови или доживет до момента памятной встречи с Сермилли?

Спустя десять минут Данфейт потеряла нить повествования Пире. Голова начала кружиться и перед глазами запрыгали "мушки". Кто-то сзади передал ей уже третью пачку салфеток. Дани подняла руку вверх.

— Да, Белови.

— Разрешите выйти, госпожа Савис.

— Разрешаю.

Дани поднялась из-за стола и побрела к двери. В висках застучало и ее несколько повело в сторону.

— Группы факультета "А" на двадцатом этаже, — в спину ей бросила Пире.

— Спасибо, — прошептала Дани и закрыла дверь за собой.

В дверь аудитории неуверенно постучали.

— Войдите! — произнес преподобный Матье.

Дани просунула голову и сфокусировалась на невысоком мужчине в черной мантии, остриженном наголо.

— Извините, могу я поговорить с Кимао Кейти?

— Уважаемая, для начала зайдите внутрь, а не шепчите себе под нос из-за двери.

Дани пошла в кабинет и тут же остановилась, склонив свою голову. Смешки раздались в тишине. Еще бы! Девица, в носках и испачканном костюме, зажимающая рукой свой нос, из которого продолжала сочиться кровь.

— Какая интересная головоломка! — с энтузиазмом произнес преподаватель. — Ваша матриати, Кейти?

— Моя, — не без разочарования, ответил Кимао.

Дани посмотрела в сторону столов, где в первом ряду восседал Кимао. Зрячий потер рукой лоб и покачал головой. Кажется, он был не в восторге от ее появления здесь. Рядом с Кимао сидела Айрин. Она щурилась, глядя на Дани, а это означало, что ее острый ум решает какую-то очередную задачку. Данфейт нашла глазами Орайю, сидящего в самом дальнем ряду. Он был единственным, кто улыбался ей. Дани тоже стало смешно.

— Как будете решать эту проблему? — произнес преподобный.

— Я ее не чувствую. И не слышу.

— Вы звали своего зрячего, дитя мое?

— Звала, — ответила Дани. — Но он не ответил.

— Это потому, что все, что исходит от Вас, было заблокировано кем-то.

— Госпожой Савис, полагаю, — пожалала плечами Данфейт и пошатнулась.

— Идите сюда, дорогая, — произнес мужчина и протянул к Дани руку.

Девушка поднялась на подиум и стала возле него.

— Кейти, с чего в данной ситуации следует начать?

— Со снятия блокировки ее поля.

— Вы затратите на это много сил, не зная, с чем Вам придется столкнуться потом. Не проще ли спросить свою матриати, что именно с ней произошло?

— Что произошло, Данфейт?

— Воздействие инфразвука вызвало кровотечение из носа, которое я не могу остановить.

— Вот оно! — воскликнул преподобный. — Осталось обойти ловушку, и Ваша матриати сможет вздохнуть носом!

— Преподобный, могу я подойти к ней?

— Конечно, Кейти.

Кимао поднялся с места и приблизился к Данфейт. Проведя рукой по ее волосам он

прищурился.

— Следует направить вторую волну, плавно подбирая амплитуду. Когда возникнет резонанс, эффект свернется.

— Это — верный ответ, но как же Вы обойдете ловушку?

— Мне не знакома эта петля.

— То есть, Вы не знаете, как избавиться от нее?

— Нет.

Преподабный улыбнулся.

— Не теряйте надежды, дорогая. Господин Кейти всегда может попросить о помощи автора этой прекрасной головоломки.

Данфейт оперлась рукой о стол и посмотрела на сестру. Всем наплевать, даже ей...

Невыносимая боль пронзила слух Данфейт и она закричала, прижав ладони к ушам. Кимао метнулся в сторону, зажимая рукой свой нос, из которого фонтаном брызнула кровь, залив его дорогой темно-коричневый костюм зрячего.

— Прекрасная работа, Кейти. Вы спасли жизнь существу, призвание которого Вас охранять.

Кимао рукавом вытер свой нос и взглянул на Данфейт. Она отняла руки от ушей и посмотрела на них. Тряслись...

— Спасибо, — произнесла Данфейт, отворачиваясь.

— Пожалуйста.

— Не могли бы Вы представиться? — попросил преподаватель.

— Данфейт Белови.

— Рад познакомиться с сестрой одного из лучших курсантов этой группы. Я — преподабный Матье. Передайте, пожалуйста, мою благодарность госпоже Савис за столь прекрасный наглядный образец.

— "Образец"? — повторила Данфейт.

— Да. Мы часто проводим занятия с участием матриати. Благодаря этому каждый раз нам удастся практически применить наши знания и навыки. Теперь Вы свободны, Данфейт Белови.

— Пойдите, то есть Вы знали, как обойти эту ловушку? — не удержалась от вопроса Данфейт.

— Дитя мое, на этом урок для Вас окончен. Вы можете идти.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Преподабный заглянул Дани в глаза и склонил голову на бок. Противоречие смотрело на него. Она все еще не осознала, не приняла и не смирилась с тем, что произошло с ней. Ее существо требовало сражения за свою независимость, не понимая, что уже проиграло эту войну.

— Да, я знал, как обойти петлю, — ответил Матье.

— И как? — спросила Данфейт, не сводя глаз с преподабного.

— А Вы как думаете?

— Я?

— Да. Вы сами должны дать ответ на этот вопрос. Когда поймете, откроете секрет Кейти.

— А если не пойму?

— Тогда в следующий раз он вполне может отказаться помогать Вам.

Данфейт перевела взгляд на Кимао, но в этот момент он смотрел на доску за спиной преподающего, исписанную формулами. Такой сосредоточенный. Данфейт кивнула Матье и покинула учебную аудиторию.

Следовало привести себя в порядок, и Дани зашла в туалет. Ужасно. Лицо, руки, костюм — все перемазано кровью. Данфейт включила воду и начала умываться. В помещение вошли две девушки в костюмах матриати и оценивающе посмотрели на Данфейт, нависшую над раковиной.

— Факультет? — вопросительно произнесла одна из девушек, высокая блондинка лет двадцати пяти.

— Не твой, судя по всему, — хмыкнула Данфейт и продолжила приводить себя в порядок.

— Смотри, мясо огрызается! — рассмеялась вторая — деревийка в черном костюме. Девицы остановились за спиной Данфейт и продолжили разговор, как ни в чем не бывало:

— Похожа на потаскушку из захудалой деревеньки. Кроме зада ничего привлекательного нет.

— Кто-то же польстился на эту ее часть? — рассмеялась деревийка.

— Извращенец, наверное. Грудь нет, плечи, как у мужика. Ты не лесбиянка, случаем? — произнесла блондинка.

Дани разогнулась и с усталостью посмотрела на их отражения в зеркале. Красивые девицы, жаль только, что гнилые внутри.

Данфейт развернулась, чтобы уйти, но девушки решили продолжить беседу.

— Слушай, а это не та сайкаирянка, что твоего Сермилли вызвала на поединок? — задалась вопросом деревийка.

— Та сайкаирянка — сестра Белови. А эта совсем на Айрин не похожа.

— Ты кто? — обратилась деревийка к Данфейт.

— Могу я пройти?

— Пока мы с тобой говорим — нет.

— Я с вами не говорю, а это для меня — главное, — улыбнулась Данфейт и, толкнув плечом блондинку, устремилась вперед.

Удар в спину был остановлен отточенным приемом уклонения и еще более отточенным ответным ударом ногой по коленке противницы. Когда Дани ощутила страх, стало понятно, что девушки не собираются играть по правилам. У нее было секунд десять на то, чтобы убраться оттуда, пока ее не оглушило и не повалило на пол.

Десять секунд для Ри Сиа — огромный запас времени, для Данфейт меньший, но все же не менее большой. Два удара в грудь блондинки и один по шее деревийки охладили боевой пыл противниц. Данфейт спокойно вышла из туалета и направилась обратно в свою аудиторию. Если она ранила двоих матриати, ей придется держать ответ как минимум перед двумя зрячими, и то, при условии, что у этих девушек нет других любовников. Интересно, как вообще здесь выживают матриати из факультета "F"? Если все они не способны управлять материей и энергией, и, предположим, хорошо драться так же не умеют, за счет чего тогда вообще они держатся?

Данфейт вернулась в кабинет и, передав слова преподающего госпоже Савис, заняла свое место за столом. На этой радостной для всех ноте, Савис завершила семинар и грациозной походкой удалилась из аудитории.

— Эй, ты как? — позвал ее югуанин, что все это время передавал ей салфетки с задней парты.

— Весьма... — ответила Данфейт и скривила лицо.

— Меня зовут Террей.

— Очень приятно. Данфейт.

— Я Лайри, — произнесла девушка, сидящая возле югуанина.

— Я - Пилоу.

— Я - Гори.

— Йорк.

— Сальма.

Данфейт не запомнила их всех. Тридцать одно имя — многовато за раз.

— Привыкай, — произнес Террей, подпирая свою белокурую голову рукой. — Тебя часто будут отправлять в группу к твоему зрячему.

— Надеюсь, что не каждый день?

— Кейти из факультета "А", значит, раз в неделю точно.

— Откуда тебе знать?

— В этой комнате только у меня категория "А". И я путешествую раз в неделю, кстати, в ту же группу, где обучается Кейти.

Данфейт искоса посмотрела на югуанина.

— В его группе кроме Айрин больше не было женщин, — тихо произнесла она.

— Моего зрячего зовут Йори.

— То есть...

— Мой любовник.

— Понятно, — улыбнулась Данфейт. — Только я подумала о том, что вижу перед собой красивого мужчину, как ты тут же разочаровал меня. Спасибо, Террей!

— Тебе повезло, что зрячий избавил тебя от страданий быстро. Его привязанность к твоей сестре оградит тебя от большинства неприятностей.

— Откуда ты вообще узнал, что произошло?

— Блокировка сознания у тебя слабая, — улыбнулся Террей.

— Ты меня прочел?

— Да.

— Он всех читает, — ответила Лайри, присаживаясь на стол Террея. — И знает он гораздо больше остальных. Только вот гомосексуализм здесь не приветствуется, да Террей?

— Совершенно верно, моя дорогая.

— Но твой любовник... Он же из факультета "А"?

— Родители Йори слишком известны, для того, чтобы запирали их сына, где не положено.

— А за тебя никто не вступился, — предположила Данфейт.

— Его чуть не убили, — ответила за Террея Лайри. — Если бы не Йори, Террея давным бы с нами не было.

— И как Вы с ним познакомились?

— Когда-то я тоже учился в той же группе...

— И?

— После обильного возлияния на одной из вечеринок, мы наконец-то занялись разными приятными вещами... — засмеялся мужчина.

— И теперь ты — матриати, а он — зрячий?

— В точку.

— А мужчин, среди нас, вообще, много?

— Не очень, — пожалала плечами Лайри. — Процентом десять, не больше. И те сосредоточены в группе "С".

— А кто-нибудь из матриати вообще учиться на факультете "А"?

— Конечно, — хмыкнул Террей. — "Я — сука" написано на их лицах. И то, что они, бросив вызов, проиграли, не сделало их характеры лучше.

— Хочешь сказать, что они пошли на это осознанно?

— Они хотели заполучить сильного матриати. Бросили вызов и проиграли.

— Предположу, что с этими дивами лучше не ссориться.

— Верно, — кивнула Эрика.

— Она уже поссорилась, — улыбнулся Террей. — Агира и Софи получили свое в туалете.

— И это ты прочел, — выдохнула Данфейт.

— Блондинку зовут Агира. Она югуанка, такая же, как и я. Деревийка — Софи — ее лучшая подруга. Сермилли, которого ты вызвала на поединок утром — зрячий Агиры.

— А кто зрячий Софи?

— Какой из? — хмыкнула Лайри. — Того, кто за нее отвечает, зовут Алиа. Того, с кем она сейчас спит — Овами.

— Кимао не будет рад этим разборкам, — хохотнула Эрика, приближаясь к ним. — Кстати, без десяти двенадцать. Пора оправляться.

— Я с Вами, — подмигнул ей Террей.

— И я! — выпалила Лайри.

— Еще чего? У вас физическая подготовка по расписанию!

— А у вас нет?

— Когда "дорастешь" до нашего уровня, тогда и поговорим.

— А Эрика?!

— Лайри, заткнись! — раздраженным тоном произнесла тианка и закашлялась.

— Чай надолго не хватает, — ответила Данфейт. — Вечером еще заварю.

— Спасибо и на этом, — махнула рукой Эрика, у которой из глаз от кашля брызнули слезы.

Путь к тренировочному залу номер четыре Данфейт со своими спутниками преодолела без препятствий. Она заметила, что Террея в коридорах этого заведения несколько сторонились. Окружающие бросали на мужчину осуждающие презрительные взгляды и хихикали за спиной. Эрика так же не пользовалась популярностью среди курсантов. "Красная леди", как ее называли многие, выглядела броско и несла себя в массы с достоинством, от которого остались лишь горделивая осанка и насмешливое выражение болезненного лица. Данфейт задумалась над тем, в кругу кого по воле судьбы оказалась. Гомосексуалист, не вписывающийся в образ талантливого матриати, и тианка, лишенная покровительства своего зрячего. И если в Террее Данфейт разглядела сильного мужчину, способного на многое, то Эрика ассоциировалась у нее с абсолютно бесполезным приобретением богатенького сынка. Безусловно, оба они были личностями, которых знали все, однако, суть их не интересовала никого. Кем же станет сама Данфейт для всех остальных, окружающих ее? Рабой талантливого зрячего, влюбленного в сестру своей матриати, или сестрой аркаина, в которого влюблен ее зрячий? От перемены мест, как говорится... Однако, Дани знала одно наверняка: она никогда не позволит им назвать ее "слабой", потому как слабость давно покинула ее тело. Скорее всего, Дани заслужит славу "белой вороны", которая держится рядом с подобными себе.

Эрика и Террей остановились напротив дверей в тренировочный зал номер три.

— Будь осторожна, — понизив тон, произнес Террей. — Все поверхности в этом помещении покрыты меркапзаном и служат отражателями силовых ударов. Увернувшись от такого нападения, ты можешь запросто схлопотать по спине.

— Это сделано специально? — спросила Дани, отворяя тяжелую деревянную дверь.

— Да. Это развивает ловкость и реакцию во время подобных сражений.

Данфейт вошла внутрь и тут же улыбнулась своему отражению на полу.

— Плоховато выглядишь! — заметила она, подмигивая самой себе.

— Он здесь, — прошептала Эрика.

— Кто?

— Бронан. Вот, сидит со своей милашкой.

Данфейт посмотрела в сторону, куда повела головой Эрика и прищурилась.

Бронан оказался деревой, ростом метра под два и плечами, за которыми могло спрятаться несколько таких же, как сама Данфейт. Деревянный восседал на скамейке возле одной из зеркальных стен. Девушка, что сидела рядом с ним, тоже была деревийкой с темными, как у всех деревьев, волосами и приятными чертами лица. Она разительно отличалась от Эрики. Высокая, накачанная и....милая.

— Что он в ней нашел? — улыбнулась Дани. — Совершенно не похожа на тебя!

— Что он в ней нашел, — поправил ее Террей, указывая пальцем на Эрику. — Вся красная, с головы до пят, и рот не закрывается!

— Хочешь поговорить о тианах? — с вызовом произнесла Эрика.

Глаза ее, которые продолжали слезиться, теперь будто полыхали. Лицо побагровело, и это при ее-то оттенке кожи!

— У тебя жар, — заметила Данфейт. — Лучше тебе присесть.

— Нет. Сейчас ты подойдешь к Бронану и расскажешь все. А мы с Терреем побудем

здесь.

— Почему бы нам не подойти вместе? — предложила Данфейт.

— Уволь, — хмыкнула Эрика и, взяв под руку Террея, прошествовала мимо Данфейт.

Данфейт уверенным шагом направилась к зрячему по имени Бронан. Мужчина, заметив ее приближение, тут же отвернулся, будто не к нему собиралась обратиться эта матриати.

— Здравствуйте! — произнесла Данфейт, остановившись напротив зрячего и его зазнобы.

Девушка приветливо ей улыбнулась и кивнула в ответ. Бронан же, наоборот, покачал головой и усмехнулся:

— Я в курсе. Можешь не докладывать.

— Меня зовут Данфейт Белови, вообще-то, — справедливо заметила Дани и протянула ладонь Бронану.

Мужчина прищурился, но руку девушке пожал. Затем Данфейт протянула ладонь его спутнице, и та все с той же дружелюбной улыбкой пожала ее.

— Гритхен.

— Очень приятно, — кивнула Данфейт. — А теперь вернемся к теме нашего разговора. Меня обязали известить тебя, Бронан, о том, что твоя матриати не испугалась уroda по имени Сермилли и отстояла свои никого не интересующие права на уважение и святость невредимости человеческого тела. Она защитила меня, и этого я никогда не забуду. Так что, спасибо тебе за то, что ты умудрился не задавить это существо и не стал изувечивать ту, которая с рождения является свободной.

Бронан вскинул брови и несколько секунд молча смотрел на нее. А затем просто расхохотался. Этот хохот несколько раз отразился от стен и эхом прозвучал в ушах Данфейт.

— Сочувствую Кейти. Нет, правда! Хуже всего, что ты сама веришь в то, что говоришь. Твоя подруга не верит, а ты вот...

— Сарказм защищает от ран, а твоя рана, судя по всему, слишком глубока.

Данфейт с наслаждением смотрела, как усмешка покидает лицо Бронана и растворяется в оскале, натянутом на его губы.

— Рада была познакомиться, — ответила Данфейт, и, кивнув обоим деревьям на прощание, развернулась, чтобы уйти.

— Она лишила себя свободы, когда улеглась в мою постель для того, чтобы я повлиял на своего отца и убедил его продать акции корпорации ее семье. Кто же знал, что она заплатит несколько больше, чем рассчитывала изначально?

— Ты говоришь о своем уязвленном самолюбии. Но забываешь принять в расчет ее унижение, — ответила Данфейт, не оборачиваясь.

— Она продалась за деньги, пусть даже и большие!

— А ты купил ее свободу. За деньги. Пусть даже и большие, — произнесла Данфейт и направилась к двери, в которую вошел Сермилли, Агира, ее подружка Софи и еще один зрячий.

— А, вот и дикарка Белови, — в голос расхохотался Сермилли, оставляя своих спутников у дверей и направляясь в центр зала.

— Рукопашный бой, зрячий! — громко ответила Данфейт.

— Как скажешь, — согласился Сермилли и грациозно поклонился всем собравшимся в зале. — Кстати, где твой Кейти? Не думал же он, что я стану долго возиться с тобой?

— Ты слишком разговорчив, Сермилли, — понизив тон произнесла Дани,

останавливаясь напротив него.

Мужчина начал бой первым, попытавшись ударить Данфейт кулаком в живот. Данфейт уклонилась и ответила хлопком ладони по его груди.

— Играешь? — улыбнулся зрячий.

— Нет, — хмыкнула Данфейт и, мгновенно выставив руку, нанесла по его ребрам второй удар.

Сермилли в долгу не остался и наградил Дани парой быстрых толчков по перетянутой груди. Боль несколько отрезвила сайкаирянку, и девушка начала всерьез воспринимать своего противника.

— Ты что-то умеешь? — спросила она, уклоняясь от его ударов и выставляя блоки руками.

— Что-то? — удивился Сермилли и почти смог попасть по ее лицу.

Почти, потому как Дани метнулась в сторону и с прыжка осадила его на пол точным ударом ноги в живот.

Окружающие не поняли, что произошло. Черная тень шмыгнула в сторону, затем к Сермилли оказался лежащим внизу. Девушка засмеялась и нависла над ним.

— Рукопашный бой — не твой конек, Сермилли. Зато ты хорош по части унижения более слабых. Как тебе? Нравится лежать на полу перед одной из них?

Сермилли хотел ей ответить, но не мог. Его язык больше не принадлежал ему, так же, как и руки.

Данфейт наклонилась ниже и, занеся ладонь, вновь ударила его пальцами в живот.

Сермилли тут же закашлялся и повернулся на бок.

В зале повисло молчание. Девушка отошла от зрячего и направилась к своим друзьям. Агира не двигалась, продолжая стоять у самых дверей.

— Попробуй это, Белови! — закричал зрячий, и Дани отбросило в сторону, впечатав в зеркальную стену за ее спиной.

— Ах, ты! — закричала Эрика и бросилась вперед на зрячего.

Террей не успел ее остановить. Данфейт осела на пол, пытаясь сориентироваться в происходящем. Эрику отбросило в сторону так же, как и сайкаирянку. Девушка упала на пол и проехала по гладкой зеркальной поверхности несколько метров.

— Знай свое место, потаскуха!

Сермилли обернулся, глядя в сторону, где несколько минут назад спокойно сидел Бронан.

— "Потаскухой" будешь называть свою матриати, а к моей можешь обращаться только по имени.

Бронан оказался за спиной Сермилли и с высоты своего роста посмотрел на одного из таких же, как и он.

— А если тебе не знакомо ее имя, тогда не обращай к ней вообще, — был его ответ перед тем, как кулак зрячего встретился с подбородком Сермилли.

Кимао опаздывал на поединок. Он не беспокоился за Данфейт. Больше его волновало то, во что мог превратиться этот вызов. Семинар закончился давно, однако преподобный задержал его, продолжая, почему-то, разжевывать материал по трансформации звуковых полей. Кимао попросил Айрин присмотреть за Данфейт, рассчитывая, что Айрин не

допустит, чтобы Сермилли сыграл в поединке против правил. Когда его оболочка ощутила отголоски удара силового поля, зрячий поднялся со своего места в аудитории и, перебив преподобного своим "извините", покинул комнату. Ей было больно, очень больно. Странно ощущать это самому. Будто волны ее дрожи, ее гнев и нечто, что не дает ей возможности подняться.

Голоса вокруг превратились в какой-то фоновый звук. Данфейт хватала воздух ртом, но это не приносило облегчения. Лицо Орайи, нависшего над ней, показалось ей ликом ангела. Аркаин прикоснулся к ее груди и укоризненно покачал головой. Гритхен. Она стояла за спиной Орайи и что-то кричала остальным. Остальные... Они дрались. Сермилли и Бронаг переместились в другой конец зала. Террей пытался успокоить неизвестного Данфейт зрячего, что пришел с Агирой и Софи. Девушки смиренно стояли у двери под бдительным присмотром Айрин. И Эрика. Она лежала на полу и не двигалась.

— Помоги ей, — прошептала Данфейт.

— Заткнись, итак уже вляпалась.

— Помоги Эрике!!! — закричала Дани и согнулась пополам от боли, охватившей грудь.

Орайя обернулся и взглянул на тианку, лежащую в дальнем углу тренировочной на полу. Кажется, девушка и не дышала вовсе.

— Не двигайся, — прошептал Орайя и метнулся к тианке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Данфейт ощутила, как теряет нить происходящего. Безразличие, дарованное ей кем-то, погасило все эмоции. Она закрыла глаза и отключилась.

Кимао приблизился к Данфейт и приложил руку к ее носу. Дышала. Подняв тяжелое тело на руки, он кивнул Орайе, что пытался привести в чувства Эрику, и с некой злостью взглянул на Айрин. Почему он ощутил именно злость, посмотрев на нее? Теперь она не казалась ему столь прекрасной, как раньше. Ее красота поблекла в море его разочарования. Он никогда не замечал, насколько она хладнокровна и никогда не думал, что ей может быть безразлична судьба собственной сестры. Он попросил Айрин прийти сюда и помочь Данфейт в случае непредвиденных обстоятельств. А помогал Данфейт Орайя, его брат, которого он ни о чем не просил.

Айрин подошла к Кимао и открыла перед ним тяжелую дверь.

— Мои просьбы теперь для тебя ничего не значат? — произнес Кимао, устремляясь вперед.

— Я опоздала. Сермилли ударил ее раньше, чем я смогла что-либо предпринять.

Айрин прикоснулась ко лбу сестры и убрала темные пряди волос с лица, покрытого испариной.

— Оставь. Дальше я сам.

— Она — моя сестра. Я не оставляю ее.

— Раньше следовало вспомнить об этом.

— Ты меня обвиняешь в чем-то?

— Задай этот вопрос своей совести.

— Она сама вляпалась, как всегда. И ей не пятнадцать лет, чтобы старшая сестра прикрывала ей зад перед отцом!

— А ты прикрывала? — спросил на прощание Кимао, перед тем, как двери лифта закрылись перед ним, отрезав от его глаз искаженное ненавистью лицо Айрин.

Данфейт открыла глаза и тут же застонала. Вокруг царил полумрак с давящей на уши тишиной.

— Где я? — произнесла Дани, пытаясь повернуться на бок.

— В моем доме.

— Сколько ребер? — произнесла она, сжимая зубы от боли.

— Два справа, — уставшим голосом ответил Кимао, даже не пытаясь подняться с дивана, на котором спал уже несколько часов.

— Ты опоздал.

— Так получилось.

— "Так получилось", — попыталась кривляться Данфейт, но тут же снова застонала.

— Раз тебе уже лучше, я могу идти спать к себе.

— Что с Эрикой?

— У нее пневмония и сломано одно ребро. Орайя оставил ее в больнице на попечение Бронана.

Кимао поднялся с дивана и посмотрел на Данфейт: ни капли раскаяния, ни йоты благодарности, ни единого вывода из ситуации, в которую она попала. Одно только осуждение. Словно это были глаза самого Ри Сиа, с презрением глядящего на непослушного сына своей матриати.

— Я сделал для тебя то, чего мог не делать, но тебе, судя по всему, наплевать на это.

— Ты опоздал на поединок, зрячий. Достойные так не поступают.

— Не собираюсь оправдываться перед тобой. И судить меня не смей — ты не Сиа, чтобы так смотреть на меня!

— Я смотрю на тебя так, как смотрит Данфейт Белови на тех, кто разочаровал ее.

Кимао приподнял от удивления свои брови.

— А так смотрит Кимао Кейти на тех, кто его обескуражил, — хохотнул зрячий. — "Разочаровал". Когда противник унижен, не следует поворачиваться к нему спиной. Думаю, Ри не раз повторял тебе это, перед тем, как ударить по хребту.

— Твой отец никогда не бил меня в спину, а судишь ты, скорее всего, по себе...

Кимао вопреки своему первоначальному желанию побыстрее убраться из гостевой комнаты, куда принес ее, вдруг, передумал и подошел к ней. Сжав своей ланью ее лицо, он заглянул ей в глаза и прищурился.

— Сегодня я спас тебя дважды. В третий раз я очень хорошо подумаю перед тем, как это сделать.

— В таком случае, если я издохну, на надгробной плите не забудь оставить свои инициалы.

— Договорились, — ответил Кимао и одернул свою руку.

Странный день. Нелогичные поступки. Зачем он привез ее сюда? Мог бы оставить ее в больнице или отвезти в общежитие. Она даже не сказала "спасибо". Как же, скажет она. Это слово наверняка слишком унижительное для ее огромного эго.

Данфейт снова закашлялась и, пригубив воды из стакана, стоящего у ее прикроватной

тумбочки, приняла решение еще поспать. Завтра она должна найти в себе силы встать на ноги. Завтра, не сегодня...

Ни Данфейт, ни Айрин, ни даже Орайя не узнали о том, как Кимао вломился в особняк Сермилли и сломал ему два ребра справа.

— Еще раз тронешь то, что принадлежит мне, — и я тебя изувечу, — произнес Кимао, перед тем, как покинуть дорогое жилище зрячего, хлопнув дверью на прощание.

Вернувшись домой, Кимао заглянул в комнату к Данфейт. Девушка спала на его чистом постельном белье в своем грязном костюме. Могла бы и переодеться для приличия. Тем более, что он оставил для нее в ванной новый халат.

Приняв душ, Кимао приготовил себе ужин и начал беспорядочно переключать каналы телевизора, чтобы занять себя хоть чем-то. В дверь позвонили. "Айрин", — безошибочно определил он.

Кимао открыл парадную дверь и склонил голову на бок. Впервые он увидел ее такой. Раскаяние и еще что-то, написанное на ее лице.

— Проходи, — произнес Кимао и направился на кухню, чтобы заварить любимый черный чай сайкаирянки.

Айри прошла за ним следом и присела за барную стойку, на которой был ужин Кимао. Поковыряв вилкой в его тарелке, она съела несколько кусочков мяса и пригубила сок из его бокала.

— Перед тем, как осуждать меня, подумай о том, сколько лет я терпела ее выходки. Сегодня ей не повезло, и мне очень жаль, что для нее все закончилось именно так. Да, я виновата, что не продумала ситуацию, и не вмешалась раньше, но я и не предполагала, что Сермилли сможет ударить ее так сильно.

Кимао поставил чайник на столешницу и посмотрел на Айрин.

— Ты испытываешь вину, потому что виновата. Это — твой проступок и тебе нести за него ответственность.

— Но ты осуждаешь!

— Это я попросил тебя, и это меня ты подвела. Не свою сестру, а меня. Наверное, я недооценил степень вашей с ней взаимной неприязни. Впредь я не повторю своей ошибки.

Айрин поднялась с места и подошла к нему, остановившись за спиной и кладя свою ладонь ему на плечо.

— Это ты меня прости.

Кимао обернулся и посмотрел на Айрин. Красивая она, все-таки. Но, не так, как раньше. Не до боли в груди, и не до дрожи в сердце. Холодная красота, надменная... Он хотел бы увидеть в ней движение, стремление, борьбу, наконец. Он желал бы прочесть искренность и настоящие чувства, что рвутся на волю и для которых предрассудки так мало значат. Но он глядел в лицо абсолютному умиротворению, и, впервые в жизни, это разочаровывало его.

Айрин потянулась и прикоснулась к его губам, обнимая за шею и притягивая к себе. Ему всегда нравился ее аромат. А губы? Он много раз представлял себе, как целует ее...

Страх... Животный страх... Мерзкий, с которым она продолжает бороться. Она слышит, как вырывается воздух из ее груди, и это принуждает ее двигаться быстрее. Нога срывается, и камни падают вниз. Она знает, что ей нельзя оборачиваться. Рука тянется вверх и

соскакивает. Камни сыплются вниз, и она понимает, что уже падает вместе с ними...

Она лежит внизу. Как больно! Как же больно!!! Ее глаза смотрят на Айрин и образ сестры меркнет в свете белого Амира.

— Говорила же, что не сможешь! — смеется Айри.

Она не может ответить. Она не может вдохнуть.

— Отец будет в ярости, когда узнает об очередном твоём подвиге!

— Нет!!!

Кимао отстранился от Айрин и тут же отвернулся. Не это он ожидал испытать в столь ответственный момент.

— Что значит "нет"?!

Кимао посмотрел на нее.

— Странно...

— Что происходит, Кимао? — не скрывая своего возмущения, произнесла Айрин.

— Тебе пора уходить. Завтра у всех нас тяжелый день.

Айрин схватила его за руку и зашипела:

— Что все это значит?!

— А ты не настолько безгрешна, как всегда хотела казаться, не так ли? — усмехнулся Кимао.

— О чем ты?

— Ты поспорила с ней, что она не сможет добраться до вершины по отвесной скале. А когда она упала у самого подножия, ты рассмеялась.

— Откуда ты...

— Сам не знаю. Видел ее сон и все.

— Мы были детьми!

— Возможно...

— Почему ты подумал о ней? Как ты мог читать ее, когда целовал меня?

— Так получилось.

— "Так получилось"? Ты в своем уме, Кимао?

— Перестань, это — всего лишь поцелуй — ничего больше.

— "Ничего больше"? Ты знаешь, зачем я сюда пришла! И не отрицай того факта, что ты меня хочешь!

Кимао посмотрел на нее исподлобья и покачал головой. Он не собирался с ней спать сегодня. Поцеловать — да, но не спать... "Ты меня хочешь". Он не мальчик, который обрадуется любой возможности запрыгнуть к ней в постель. Вчера спал с одной сестрой, а сегодня желает покувыркаться с другой... Он не опустится до этого... И она, как лицо, приближенное к нему и знающее его не один год, должна была понять... Если взглянуть правде в глаза, ей вообще не следовало приходить к нему сегодня. Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра... не приходить до тех пор, пока он сам бы не позвал ее...

— Мне не понятны мотивы твоих поступков, — ответил Кимао. — Твоя сестра попала в рабство несколько дней назад. Теперь у нее сломано два ребра. Ты вообще знаешь, где она? Этот вопрос тебя интересует или тебе все-таки наплевать?

— Ты привез ее сюда? — удивленно произнесла Айрин.

— А куда я должен был ее отвезти? В гадюшник, в котором она живет? Или, может, я должен был бросить ее в госпитале? Действительно, пусть бы сама без гроша в кармане выбиралась оттуда...

— У нее полно денег! И она не несчастная девочка, которая не может о себе позаботиться!

— Она — твоя сестра, Айрин, и кому, как ни тебе, понимать, что одиночество — не лучший спутник попавшего в беду человека.

— Попрекаешь меня? Что ты знаешь о ней? Плевок в спину — вот ее благодарность. Она не скажет тебе "спасибо" за этот твой жест доброй воли. Эта девочка не ответила ни на одно письмо отца за все пять лет, что провела в доме Сиа. О том, что она жива, папа узнавал из кратких сообщений чужого человека, которого даже ты не называешь "отцом". Вот ее благодарность! Это — ее любовь к тем, кому она обязана всем!

Кимао промолчал. Нечего ему было ответить на это. Однако, для такого поведения должны были быть причины. Какие? Вряд ли Айрин о них знает. Да и вряд ли бы сама Данфейт поделилась бы этим со своей сестрой.

Айрин развернулась и направилась к выходу. Дверь ее за спиной Кимао закрыл с облегчением. Почему он оправдывал поступки Данфейт? Зачем искал причины там, где причин могло и не быть? Какое мнение у него сложилось о девушке, которая стала для него матриати?

— Противоречивое, — буркнул себе под нос Кимао и принял решение отправиться спать.

Кимао проснулся с семь утра. Не смотря на ноющую боль в груди, которую он испытывал всю ночь, ему удалось выспаться. Деревяшка принял душ и спустился вниз, чтобы приготовить себе завтрак, когда увидел свою матриати, премило беседующую с Орайей.

— Не помню, чтобы я приглашал тебя к себе, — произнес Кимао, присаживаясь возле брата и перетаскивая с его тарелки кусок яичницы с беконом. — А ты когда успела выстирать свой костюм? — не без удивления произнес зрячий.

— Сегодня утром, — пробурчала девушка, пережевывая мясо.

— Мне показалось или мое появление действительно испортило тебе настроение?

— Показалось, — ответила Данфейт и, улыбнувшись, вновь обратилась к Ораие. — Так, что сказала Эрика, когда Бронан решил оставить ее в больнице?

— Она метнула в него стойку от капельницы, и зрячий едва успел увернуться.

Данфейт попыталась засмеяться, но вынуждена была быстро перестать дышать и схватиться за бок.

— Это тебе напоминание о собственной глупости, — съязвил Кимао.

— Это напоминание о том, что не все зрячие верны своим обещаниям...

— Уж, не сарказм ли это? — усмехнулся Кимао.

— С моим сарказмом ты, пока, не знаком.

— Вряд ли в этом вопросе ты сравнишься со мной.

— Не вижу смысла стремиться к такому "совершенству".

— О-о-о! — воскликнул Орайя. — На язык она остра не менее, чем ты!

— Пока меня это веселит, пусть тешится! — захохотал Кимао.

— Чем намерена заняться сегодня? — не обращая внимания на поведение брата, спросил Орайя.

— Учебой, — сообщила ему Данфейт и, соскочив с высокого стула, вновь замерла на месте. — Спасибо за завтрак, Орайя. Все было очень вкусно.

У Кимао кусок яичницы застрял поперек горла. "Спасибо". Она поблагодарила его брата за завтрак, который тот не готовил сам, а приволок из кафе, а ему, Кимао, она не сказала ни слова, когда он приволок ее саму к себе домой вчера вечером! Ну, не плевок ли это в спину, о котором твердила Айрин?

— Ты снизошла до благодарности за возможность бесплатно поесть? — произнес Кимао, сверля ее своими черными глазами.

Данфейт от этого взгляда бросило в дрожь. Теперь этот человек не казался ей столь опасным, как несколько дней назад. Нет. Теперь она смотрела в глаза своему страху и больше не испытывала ничего, кроме дрожи в ногах. Эту дрожь она рано или поздно победит, а значит, и владельца этих темных глаз она больше бояться не будет. Странно, но он, все же, преобразился. Черты его лица стали более выразительными, и, кажется, даже показались ей интересными. Он был необычным, этот мужчина. А все необычное, как водиться, привлекало внимание Данфейт. Опасный и необычный. Это сочетание могло стать для нее приговором.

Девушка склонила голову на бок и сложила руки на груди.

— А ты опустил до того, что вымаливаешь скупую благодарность у своей матриати? — улыбнулась она.

— Молить можно Югу, а тебя я унизил, — так же улыбнувшись, ответил Кимао.

— Унижение — поступать правильно, ожидая благодарности взамен. Орайя поделился со мной своим завтраком без раздумий и сомнений. Это решение не далось ему столь же тяжело, как твое. Все всяких сомнений, этот жест был бескорыстным, потому я говорю ему "спасибо". Ты же сделал, что сделал, только для того, чтобы потешить свое самолюбие, иначе, почему так долго и мучительно ты принимал решение: обременять себя моим присутствием или нет?

— Не слишком ли у тебя сложные представления обо мне и моих поступках?

— Не более сложные, чем представления Айрин, которой Вы оба восторгаетесь. Она, в отличие от меня, всегда говорит "спасибо", только это вовсе не означает, что она действительно благодарит.

— Ты стараешься во всем противоречить своей сестре, не так ли? — усмехнулся Кимао. — Отцу пять лет ты тоже не писала по этой причине?

Данфейт обернулась к зрячему. Конечно, сестра не могла не поделиться этим фактом с мужчиной, которого собиралась приручить. И он уже сделал свое заключение. Однако, этого мало. Он хотел, чтобы она сама вслух назвала себя "неблагодарной".

— Учитель сказал, что для того, чтобы вырасти, мне придется оторваться от человека, которому я обязана всем. И он оказался прав. Только спустя несколько лет я поняла, что представляю собой нечто иное, нежели младшую дочь Герольда Белови. Я выросла, но заплатила за это слишком высокую цену.

— И что же это была за цена? — рассмеялся Орайя.

Данфейт посмотрела на него и ответила:

— Я утратила веру в искренность любви своего отца.

Орайя не смог сдержаться и приподнял от удивления брови.

— Ты обвиняешь своего отца в том, что он не достаточно тебя любил? — переспросил Кимао, не веря собственным ушам.

Данфейт тут же уловила сарказм в его тоне.

— Я не говорила этого. Я сказала, что утратила веру в искренность его любви.

Ни Орайе, ни Кимао нечего было на это ответить. Они никогда не встречались с человеком, которого звали Герольд Белови. Но, кажется, по рассказам Айрин, они будто бы знали его лично. И то, что отец любил обеих своих дочерей, не вызывало ни в одном из них сомнений. А что это значило для обоих? То, что они лишь получили подтверждение словам Айрин. Данфейт Белови была эгоистичным созданием, возвращенном на излишествах и абсолютном потакании. В мире Данфейт Белови все вертелось вокруг нее и никого кроме. Данфейт Белови была воплощением самолюбия и эгоизма, которые многие, по ошибке, принимали за гордость. Сказать про человека, который столько сделал для нее, который ее вырастил, в конце концов, что он никогда искренне не любил свою дочь, все равно, что плюнуть ему в лицо, а не спину.

— Айрин оказалась права, — произнес Кимао. — В тебе нет благодарности. Ты на нее просто не способна.

Дани взглянула на Орайю, затем на Кимао и улыбнулась.

— Иногда, все-таки, ее уста глаголют истину. Но это бывает так редко, что я давно перестала прислушиваться к ним, — произнесла девушка и с гордо поднятой головой покинула кухню Кимао.

— У тебя нет денег, чтобы добраться до общежития! — прокричал ей вслед Кимао.

Данфейт остановилась. Он был прав. При ней не было ее банковской карточки, а значит, не было и денег.

— Где моя карточка? — прошептала Дани, не оборачиваясь.

— У тебя их должно быть много, — ответил Кимао, заваривая себе чай.

— Где моя карточка? — медленно повторила Данфейт.

— На ней не осталось средств. За весь спектр медицинских услуг мне пришлось доплатить из своего кармана. Так что, ты должна еще остаться.

— Сколько? — произнесла Данфейт, возвращаясь на кухню и останавливаясь напротив Кимао.

— Двести акропей.

Данфейт сглотнула.

— Я отдам тебе деньги завтра.

— Ты можешь отдать их сегодня, но для этого тебе придется попросить их у своей сестры или отца. Но, гордость, ведь, дороже, не так ли?

Дани наклонилась и приподняла брюки своего костюма. Отсоединив пояс с сюрикэнами от голенища, она бросила его на стол.

— Как знаток оружия, ты должен знать, что они стоят не меньше тысячи акропей.

— Они сделаны из недорого сплава.

— Они покрыты савоклей и заточены на славу.

— У меня есть к тебе другое предложение, — ответил Кимао, присаживаясь на высокий стул.

— Какое?

— Что ты знаешь о ворисе?

— Это кровь каких-то зверей, которую используют фармацевты для чего-то.

— Для изготовления лекарства от вируса "синей смерти".

"Синей смертью" называли пневмонию, заболев которой человек умирал от дыхательной недостаточности. Кожа этих людей в течение нескольких часов становилась темно-синей, отчего эта болезнь и получила имя "синей смерти".

— Вы добываете этот ворис, не так ли? — произнесла Данфейт, присаживаясь на стул напротив Кимао.

— Да. И неплохо зарабатываем на этом.

— Почему? — произнесла Данфейт. — Почему ты предоставляешь мне возможность заработать деньги?

— Потому что ты вполне можешь это сделать.

— Эти животные... Вы убиваете их?

— Очень редко, если другого выхода нет. Обычно мы их усыпляем и берем то, за что другие хорошо платят.

— Айрин работает с вами? Она тоже добывает этот ворис?

— Ты рассказал ей про ворис?! — закричал женский голос с порога.

— Ты не закрыл входную дверь? — обратился Кимао к Ораيه.

— Нет, — покачал головой брат.

— Ты рассказал ей про ворис! — громко повторила Айрин, проходя на кухню.

— Не вижу в этом ничего крамольного. Чай будешь?

— Она не полетит с нами, ясно? Я не допущу, чтобы из-за ее тупости пострадали вы двое.

— "Тупой" ты давно меня не называла, — хмыкнула Данфейт.

— Найди другой способ заработать! А на Атрион не лезь. Это — не очередное путешествие за водой для несчастных мийян, где можно приплатить охране и взять то, что тебе нужно. Это место, где способность анализировать определяет все!

— Что знаешь ты о путешествиях за водой? — прошипела Данфейт. — Что знаешь ты о засухе и о мийянах, сотни лет существующих там, где от тебя через неделю ничего не останется?!

— Я говорю "нет". Ты не полетишь с нами, поняла?

— Может, все-таки, выпьешь чай? — едва ли сдерживая свой гнев, произнес Кимао.

Данфейт посмотрела на свою сестру, затем на Кимао и, наконец, задержала взгляд на Орайе.

— Ты одолжишь мне десять тысяч акропей на три недели?

Орайя прищурился и улыбнулся в ответ:

— А если одолжу?! Каковы гарантии, что ты вернешь их мне?

— Айри расплатиться, если что...

— Не слишком ли это нагло с твоей стороны? — произнесла раздраженная Айрин.

— В случае моей гибели, ты унаследуешь все состояние. Думаю, десять тысяч вполне сгодятся в качестве последнего жеста доброй воли.

— Говоришь о смерти, словно насмехаешься над ней. Так ведут себя те, кто никогда не заглядывал ей в глаза!

Данфейт наклонилась к сестре и прищурилась. Кимао схватился за голову и потер свои веки.

— Что с тобой? — забеспокоился Орайя.

— Ничего.

Кимао ослеп на мгновение. Белые блики, чей-то плач и чувство, будто прикасаешься к холодной неживой коже. Его голова закружилась, и так захотелось закричать, закричать и убежать прочь...

— Что случилось? — не поняла Данфейт, глядя на зрячего, который явно чувствовал себя не очень хорошо.

— Почему ты ослепла? — спросил Кимао, устремляя свой взор на Данфейт.

— Опять рылся в моей голове?! — закричала Дани и хлопнула ладонью по столу. — Я не давала своего согласия на это!

— Если не хочешь, чтобы я капался в твоих мыслях, научись выставлять нормальную блокировку, потому как твоих "дохлых кроликов" я раскалываю за несколько секунд.

Дани закрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула, а затем, как ни в чем не бывало, обратилась к Орайе:

— Так что, ты одолжишь мне десять тысяч?

— А почему на три недели?

— С двумя сломанными ребрами я не смогу отправиться за ворисом сейчас. А вот через две с половиной недели — вполне.

— Не смей, Орайя! — закачала головой Айрин. — Нет!!!

— А почему я должен слушать тебя? — хмыкнул Орайя.

— Тебя заносит, тебе так не кажется? — зашипел Кимао, с грохотом ставя чайник на столешницу. — Охота на каируса — это не игрушки.

— Ладно, — произнесла Айрин. — Хорошо, я все поняла. Она полетит с нами. Теперь

ты доволен?

Данфейт повернулась к сестре и приподняла от удивления брови:

— Правда? Ваша милость соизволила?

— Уж лучше ты будешь под моим присмотром, чем вляпаешься в историю, из которой тебя потом придется вытаскивать.

— Жаль тебя огорчать, Айрин, но с тобой я никуда не полечу.

— Что?

— Что слышала. С тобой я никуда не полечу.

— Тогда ты вообще никуда не полетишь.

— Орайя, так ты принимаешь мое предложение или нет?

Орайя покачал головой в ответ.

— Извини, но в данной ситуации ты поступаешь не благоразумно.

— Соскочил... — ответила Данфейт, отворачиваясь от него.

Она начала прокручивать в голове возможные варианты добычи денег на свое новое предприятие. Заложить на эту сумму у нее было нечего, просить денег у отца она не собиралась. Значит, придется найти нужного человека и предложить ему сделку...

— Я принимаю твоё предложение.

Дани, Орайя и Айрин уставились на Кимао.

— Ты? — не поверила своим ушам Данфейт.

— А почему бы и нет? Правда, есть одно условие. Одно маленькое условие, и деньги — твои.

— Ты в своем уме? — не без удивления произнесла Айрин. — Как ты можешь?

Кимао на ее восклик не обратил ни малейшего внимания. Он вообще перестал узнавать ее в последнее время. Не начни она препираться, Данфейт согласилась бы на его первоначальное предложение, и парой проблем было бы меньше. Но Айрин, видите ли, возмутилась... Кимао знал, что Дани уже "завелась", что в голове ее крутятся мысли о том, где и как достать необходимую сумму денег, а это означало, что она ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего.

— Какое условие? — спросила его Данфейт.

— Я полечу вместе с тобой.

— Ты спятил! — возмутилась Айрин.

— Да я и не был нормальным, если ты помнишь, — ответил Кимао и улыбнулся Айрин.

Данфейт передернуло от этой улыбки. Внутри все затряслось и захотелось проехать своим кулаком по его нагло ухмыляющемуся лицу, выражающему не просто желание, а саму похоть! Дани посмотрела на Айрин и перевела взгляд на Орайю. Деревя внимательно смотрел на матриати, наблюдая за тем, как глаза девушки начинают сиять. Лицо ее изменилось в один миг, превращаясь в нечто, что хотелось запечатлеть в своей памяти. Она едва улыбнулась ему, всего лишь краешком своих губ, но этого было достаточно для того, чтобы во рту у Орайи пересохло. Девушка продолжала пристально смотреть на него и, наконец, прищурилась, озарив все вокруг настоящей, искренней улыбкой. Орайе стало невыносимо душно. Что это? Что это такое? Орайя сглотнул ком, подступивший к горлу, и ощутил резкую боль в груди. Он обернулся и, посмотрев на брата, понял, что тот зол.

Зрячий и сам не осознал, что произошло. Он смотрел на Айрин, но, в какой-то момент не удержался и взглянул на свою матриати. Shaihatus! У Кимао одеревенели ноги и так сильно заныло внизу живота, что он тут же переместил взгляд на брата, дабы отвлечься от

порочных мыслей. И, Юга, не он один испытал их глядя на нее! Это вывело его из себя. Легко, просто, в один миг, это заставило его утратить контроль над собой и пробить поле Орайи, словно мыльный пузырь.

— Тогда, не мог бы ты дать мне сейчас сто акропей? Иначе я не доберусь домой, — произнесла Данфейт, как ни в чем не бывало, и тут же ощутила, как теряет равновесие.

Схватившись за сестру, она застонала от боли, и Кимао, словно, после удара по лицу, пришел в себя.

Машинально он достал из кармана своего костюма банковскую карточку Данфейт и протянул ей.

— Я перечислил на твой счет тысячу, остальные девять получишь позже.

— Уже перечислил? Когда?

— Вчера, — ответил Кимао и отвернулся.

Данфейт, Айрин и Орайя несколько секунд сверлили его глазами.

— Спасибо, — вдруг произнесла Дани, но улыбаться зрячему не стала.

Преступив порог своей обветшалой комнатухи в общежитии, Данфейт чуть было не расхохоталась, но, вовремя одумавшись, схватилась за бок. Эрика сидела на кровати в своем розовом халате и пыталась утянуть в узел на затылке копну ярко-красных волос.

— Я думала, что тебя приковали к больничной койке.

— Так и было, пока за Бронаном не приехала его милашка и не увезла его прочь.

— Почему ты зовешь ее "милашкой"?

— Потому что она всегда такая милая — скривилась Эрика и едва ли не выплюнула это слово, вместо того, чтобы его произнести.

— Ты собираешься с воспалением идти на занятия?

— У меня еще и ребро сломано, но сути дела это не меняет. Пропущенные занятия придется отрабатывать, а это, поверь, займет не один твой свободный вечер. Так что глотай пилюли, утягивай грудь и терпи — через несколько дней станет легче.

Эрике, наконец, удалось привести голову в порядок. Краситься она не стала, да и костюм попроще на себя надела. Невысокого роста девушка с красным оттенком кожи, алеющей на щеках, показалась Данфейт куда более интересной, нежели ее прекрасная сестрица Айрин. В Эрике было содержание, и смысл этого содержания хотелось постичь, в то время как в ее сестре вопрошающий ничего бы не нашел, кроме самолюбования и расчета.

— Скажи, кому из нашей группы ты смогла бы доверить собственную жизнь? — спросила Эрику Данфейт, присаживаясь на кровать.

— Тебе, — ответила девушка и начала натягивать на себя туфли.

— Спасибо за оказанную честь. А еще кому?

— Террею.

— И?

— Все.

— Ты же учишься с ними год? Неужели, кроме как на Террея, ты ни на кого не можешь положиться?

— Одни из них не станут подставлять свою спину под удар, другие просто не смогут защитить в нужную минуту, потому как вообще ничего не умеют и ни к чему не стремятся. Я вижу, ты задумала что-то? Выкладывай.

— Что ты знаешь о ворисе? — спросила Данфейт и тут же оценила объем познаний об этом веществе Эрики.

Лицо девушки перекосило, а затем она и вовсе попыталась рассмеяться, но кашель вовремя вернул ее к реальности.

— Без зрячих на Атрионе нечего делать. Из-за высокой влажности на поверхности этой луны практически ничего не видно. Все в тумане, да таком густом, что ты вряд ли различишь кого-нибудь на расстоянии трех метров.

— А если со мной будет зрячий?

— Один? Слишком опасно. Минимум двое. Вообще, команда "ходов" состоит, обычно, из четырех человек. Один ведет корабль. Трое являются непосредственными "ходами".

— То есть охотниками?

— Нет, "ходами". Они — приманка для каируса, которая заманивает жертву в

ловушку и усыпляет ее, наполняя баллоны кровью животного. За рейд один ходок набирает, обычно, один баллон. За него он получает около двадцати тысяч акропелей. Это — прекрасная возможность сколотить огромное состояние, за исключением одного "но".

— "Ходоки" не всегда возвращаются с охоты? — предположила Данфейт.

— "Ходоки" часто не возвращаются с охоты. Кстати, твой зрячий, Айрин и Орайя прославились тем, что в течение двух лет постоянных рейдов не потеряли ни одного человека из своей команды.

— Не думала, что моя сестра станет исполнять роль приманки, — хмыкнула Данфейт.

— Твоя сестра не "ходок", она прекрасно пилотирует кораблем.

— Это занятие ей больше подходит.

— Да, я тоже не могу представить себе Белови, вышагивающей в амуниции по грязи и срубающей тростник на своем пути.

— Ты забыла, что я тоже Белови.

— Извини. Старые привычки тяжело искоренить. Для меня до твоего появления существовала всего одна Белови, и звали ее Айрин.

— Так что, ты в деле?

— Я? — удивилась ее вопросу Эрика. — Ты с ума сошла?!

— Я видела, как ты орудуешь ножницами. Знаю одно — я так не могу. Возможно, ты еще что-нибудь умеешь делать хорошо?

Эрика улыбнулась и посмотрела на Данфейт.

— Ты первая, кто спрашивает меня о моих талантах. Остальных этот вопрос никогда не интересовал.

— Я - не такая, как все. Да и тебя "обычной" трудно назвать. Так что? Удивишь меня еще чем-нибудь или на этом все?

— Боюсь, что "все".

— Не думаю. Кто тебя обучал борьбе?

— Зрячий Апри тренирует всех матриати. У меня с ним натянутые отношения...

— Не могу сказать, что ты меня удивила, — рассмеялась Данфейт. — У каждого человека есть потенциал. Так говорит Учитель. Значит, и ты не безнадежна.

— И это — заявление матриати, которая учится на факультете "F"?

— Согласна, на меня равняться не стоит. Так, как? Ты со мной?

— Если берешь меня — то с тобой.

— Отлично. Нам бы еще Террея уговорить.

— Йори может его не отпустить.

— А если постараться убедить Йори?

— Йори не нуждается в деньгах, в отличие от Террея. И вряд ли он станет рисковать жизнью своего любовника только потому, что ты предложишь Террею хорошо заработать.

— Террей силен, он может и не поставить Йори в известность.

— Блокировка сознания?

— Он ведь это может.

— И я это могу, — пожала плечами Эрика.

— Можешь?

— Да. Это так же просто, как в туалет сходить.

— Почему тогда Террей тебя читает?

— Террей всех читает, если ты помнишь, кроме того, он не мой зрячий.

— А есть разница?

— Конечно. Связь одна на двоих. Если зрячий влияет на нее, то и ты точно так же можешь на нее влиять. Только не в той мере, как твой партнер. Прятать мысли и переживания от своего зрячего — это первое, чему ты должна научиться. Следующий шаг — найти обратную связь и попробовать "читать" его. Потом можно перейти к блокировке поля от его влияния, но это мало кому удавалось.

— А освободиться можно?

— Я не интересуюсь фантастикой, Данфейт. Блокировка мыслей от Бронана — это все, что я пока научилась делать хорошо. Остальное — увы, на данный момент "в работе".

— Итого, нам следует поговорить с Терреем и попытаться заинтересовать его нашим предложением.

— Кстати, ты не сказала, кто тот зрячий, что отправится вместе с нами?

— Это Кимао.

Эрика посмотрела на Данфейт так, будто у девушки на голове выросли рога.

— Твой зрячий пойдет с тобой?

— У него не было выхода. Я отказалась лететь вместе с Айрин, и сдаваться тоже не собиралась.

— Говорила же тебе, что его любовь к твоей сестре сыграет тебе на руку!

Данфейт не порадовали слова Эрики. "Любовь к ее сестре". Наверное, повстречай Сайми Айрин, он тоже бы в нее влюбился. Хотя, Сайми променял Данфейт на Эпи, отчего самооценка девушки нисколько не повысилась.

— Итак, сегодня нам предстоит уговорить Террея. Что ж, вперед!

— А деньги на все это мероприятие ты где возьмешь?

— Об этом не беспокойся. Любовь Кимао к моей сестре и в этом вопросе сыграла мне на руку, — улыбнулась Дани, хотя Эрика заметила, что улыбка эта была натянутой.

— Простите, девочки, но вы — не в своем уме, — заявил Террей, после того, как выслушал предложение Данфейт.

— Что конкретно тебе не нравится? — спокойно спросила Эрика.

— В этом плане меня устраивает только одно — с вами летит Кимао, но, поскольку я сомневаюсь, что он был здоров, когда давал вам свое согласие на участие в этом аттракционе, данный пункт вызывает у меня опасения. Кроме того, "ходоки" — это слаженная команда, которая тренируется не один месяц на симуляторах, чтобы приступить к делу. И при всем при этом, многие из ребят все равно не возвращаются домой. Спросите себя, стоят ли эти деньги затрачиваемых усилий?

— Знаешь, чем привлек меня этот способ заработать? — произнесла Данфейт, подпирая голову рукой.

Террей приподнял брови.

— Мы будем добывать не драгоценные металлы, не камни и не топливо. Мы отправимся за лекарством. И мы не собираемся никого убивать, ведь животное, которое станет для нас донором, будет жить.

— Но, привезя этот ворис, — перебил ее Террей, — ты потребуешь за него свою цену. И лекарство от "синей смерти" попадет в вены только тех людей, кто будет в состоянии за него

заплатить. Это — бизнес, и правила устанавливаешь не ты.

— Ты можешь отдать часть вырученной суммы на благотворительность, — ответила Данфейт. — Насколько я помню, существует "Фонд борьбы с "синей смертью"?"

— На все у тебя найдется ответ. Ладно, а лицензия на добычу у тебя есть?

— Купим. Думаю, она обойдется нам не более двух тысяч акропелей.

— Корабль?

— Найдем.

— Пилот?

— Вопрос оставляю открытым.

— Оборудование?

— Возьмем напрокат.

— Кто прикроет мой зад, если что-нибудь случиться?

— Я.

— Нет, дорогая, тебе придется следить за ней, — Террей указал пальцем на Эрику, — а твоему Кимао — за вами обеими.

— Тогда Йори, если он, конечно, захочет лететь с нами.

— Не захочу, — раздался громкий голос зрячего.

Данфейт, Террей и Эрика, которые пропускали в этом семестре уже второе занятие по физической подготовке, решив обсудить детали дела в опустевшей аудитории, обернулись к двери. Йори оказался высоким деревой, по комплекции напомнившим Данфейт Кимао. Большие черные глаза, скулы, аккуратный нос и подбородок с пресловутой ямочкой. Волосы деревы подвивались на концах и красиво обрамляли его вполне мужественное лицо. Красивый мужчина. Данфейт обернулась и посмотрела на Террея. Не плохую пару выбрал себе этот югуанин!

— Только не заводись! — прогремел Террей и поднялся со своего места.

— "Не заводись"? Ты и так уже все решил! Без меня! — кричал зрячий, приближаясь к Террею.

— Это — мое право!

— Тебе не хватает денег? Скажи! Я дам тебе столько, сколько ты захочешь! Я отдам тебе их все!

— Мне не нужны твои деньги! Я взрослый мужчина и могу заработать сам!

— Вперед! Но только не этим способом!

— Если бы я знал, что ты так отреагируешь, не стал бы позволять тебе капаться в моей голове.

— То есть, ты бы скрыл от меня сам факт того, что собираешься отправиться на Атрион?

Террей отвернулся от него. Он почувствовал, насколько Йори было больно осознавать, что Террей вообще мог что-то от него скрывать. Но и самому Террею было неприятно думать о том, что самый близкий человек не может понять его мотивов.

— Ты ничего не потерял, став зрячим, — произнес Террей, глядя в глаза Данфейт.

Это была его исповедь, это была его месть за непонимание и унижение, которому Йори подверг его, предложив свои деньги.

— Ты остался учиться среди тех, кого я раньше называл "братьями". Ты не потерял уважения окружающих, хотя, по сути, являешься тем же, кто и я. Ты продолжаешь впитывать знания, которых мне никогда не откроют. Ты получил меня, наконец, хотя я до сих пор

считаю себя свободным!

Террей повернул голову к Йори:

— Я все равно полечу. Хочешь ты этого или нет!

— Тогда домой сегодня можешь не возвращаться!

— Как скажешь, — ответил Террей и, обогнув Йори, вышел из аудитории.

— Теперь ты довольна? — произнес дерева, обращаясь к Данфейт. — Два дня в Академии — и столько проблем!

— Хочешь поговорить об этом? — так же громко прошипела Данфейт, как и Йори несколько мгновений назад.

— Если с ним что-нибудь случится, я лично приду за тобой.

— А что ты сделаешь с собой, если с ним что-нибудь случится?

— Я?

— Да, ты? Террей мужчина, а не женщина. Он талантлив, хотя, по определенным причинам, загубил собственную жизнь. Ты — реализуешься, как-никак. А он? Что остается ему? Смотреть на твои достижения и радоваться за того, кого он любит? Рано или поздно, эта радость сменится завистью, и тогда любовь в его сердце погаснет, а на смену ей придет обида и ненависть к тому, кто сделал это с ним.

— Ты говоришь так, словно знаешь это наперед.

— Я - матриати, в отличие от тебя. И я понимаю, что в данной ситуации мне, как женщине, проще, чем ему. Сейчас ты можешь ему запретить, можешь разругаться с ним и остаться при своем мнении. А можешь просто поддержать его. Дело твое. И выбор, соответственно, твой.

Йори долго смотрел на Данфейт. На мгновение, девушке показалось, что он пытается прочитать ее мысли, но потом она поняла, что он читает самого себя. О чем он размышлял? О том, что не может оградить любимого человека от опасности? О том, что привязав его, он сам попал в зависимость? О благоразумии и возможности повлиять на него или о том, что принудить, порой, то же самое, что предать?

— Я полагал, что у стервы Айри сестра может быть только стервой. Может, я и ошибся.

— Это — комплемент? — улыбнулась Данфейт.

— Удиви меня снова, Данфейт Белови. Возможно, я скажу в твой адрес еще что-нибудь лестное, — ответил Йори и вышел из аудитории.

Он знал, где искать Террея. Подсобка подвального уровня была их пристанищем ни на одной пропущенной паре. Деревя в полутьме приоткрыл дверь и посмотрел на любовника, сидящего на холодном каменном полу.

— Зачем пришел? — спросил Террей, глядя на своего зрячего.

Йори закрыл дверь за собой и присел рядом с ним.

— Это так важно для тебя? — очень тихо произнес он.

— Что у меня осталось, Йори? Ты? Да, я люблю тебя, и ты это знаешь. Что еще? Ничего Я оказался "за бортом". Никому не нужное создание, которое не вписывается в общепринятые рамки. Я смотрю на всех них, принадлежащих к разным факультетам и задирающим свои носы только потому, что они поимели более слабого, и мне становиться тошно. Я — сильнее многих из них. И что? Среди слабаков меня заперли. Ее тоже заперли. Йори. Я вижу. Я чувствую это. Она рвется изо всех сил, и мне хочется, чтобы у нее все получилось. Подчинение — это блеф. Воля — вот, что создает нас. Эрика, которая никого в своей жизни в грош не ставила, и та пошла за ней. И я пойду. С тобой или без тебя.

Йори протянул руку и прикоснулся к холодной ладони.

— Со мной, — ответил дерева и сжал свои пальцы. — Ты пойдешь со мной.

Кимао остановился в дверях в тренировочный зал номер два, где Данфейт назначила ему встречу. Перед ним оказалось четверо действующих лиц. Не вполне здоровая Эрика, два гомосексуалиста, на ориентацию которых Кимао было абсолютно наплевать, и сама виновница собрания.

— Странно, что ты поддался на ее уговоры, — заметил Кимао и разместился на скамейке возле одноклассника.

— Заметь, что первым поддался именно ты.

— У меня не было выбора.

— У меня тоже.

— Мы вам не мешаем? — произнесла Данфейт, останавливаясь напротив зрячих.

— Как тебе сказать... — ответил Кимао и улыбнулся ей.

Shaihatus! Впервые в жизни она не нашлась, что ответить. А все почему? Потому что этот нахал ей улыбнулся!

— Кимао, у тебя ведь есть корабль...

— Свою "девочку" на Атрион я не погоню.

— А другую "девочку" погонишь?

— Я не из тех, кто изменяет своим избранницам, — ответил зрячий и скрестил руки на груди.

Он бросил ей вызов, на который она должна была ответить. Странно, но эти словесные перебранки доставляли ей удовольствие, и с этим Данфейт спорить не собиралась.

— Риага вполне справилась с твоими принципами...

— Пока я выбрал себе только корабль...

— Я передам Айрин, что она проиграла борьбу груди металлолома.

— Не забудь уточнить, что и сама ты, при большом разнообразии возможностей, удостоилась той же чести...

— Я не подавала заявку на участие в этой "гонке".

— Ты приняла участие вне конкурса.

Данфейт наклонилась к нему и, прищурившись, прикусила свою нижнюю губку:

— Это было настолько не впечатляюще, что я уже ничего не помню...

Кимао передернуло. Это заметили все. Зрячий прищурился и ближе склонился к ней:

— Но, ведь, это был мой конкурс? И ты проиграла, милая...

— Не жаль, — ответила Данфейт и, подмигнув Кимао, обратилась к Йори, который, как и все остальные, внимательно следил за развитием словесной дуэли.

— А ты, Йори? Ты умеешь пилотировать?

— Умею, так же, как и Террей. Но мы, кажется, собирались с ним прогуляться по поверхности Атриона... Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — улыбнулся матриати.

— Эрика и я не умеем пилотировать.

— Я знаю прекрасного пилота, — ответил Кимао.

Дани внимательно посмотрела на него и покачала своей головой.

— Свое слово я уже сказала. С Айрин я никуда не полечу.

— Я говорю не о ней.

— Об Орайе?

— Он не полетит с нами. Солидарность, знаешь ли...

— Всегда можно попробовать его убедить.

— Есть еще одна причина, по которой он не полетит с нами.

— Какая?

— Я этого не хочу.

Данфейт скривила лицо.

— Не хочешь ее обижать, ведь тогда она станет единственной, кто не полетит...

— Именно. Обижать Айрин я не собираюсь.

— Тогда, о ком ты говорил?

— О Бронане.

— Нет! — воскликнула Эрика. — Он с нами не полетит!

— Это — принципиальный для тебя вопрос? — спросил Кимао.

— Такой же принципиальный, как для тебя — оскорбление Айрин.

— А Бронан, вообще, в курсе того, куда ты собралась?

— Это его не касается, — отчеканила тианка и тут же отвернулась от дерева.

— Он — твой зрячий, и об этом должен знать, — наставническим тоном произнес

Йори.

— Он прав, Эрика, — согласился Кимао. — Если ты собираешься с нами, Бронан должен об этом знать.

— Похороны оплатит, если что, — хмыкнул Террей и отвесил Эрике подзатыльник за нецензурную фразу, обращенную ко всем присутствующим в ее голове.

— Перестань, Террей. Иначе я вспомню, как именно стала матриати.

— Уволь от пошлых подробностей, — засмеялся югуанин.

— Итак, пилота на данный момент, у нас нет, — подвела итог Данфейт. — Продолжим. Хочу сразу предупредить всех вас: это — мое предприятие. Я несу за вас ответственность, а значит, и окончательные решения принимаю тоже я.

— Не согласен! — поднял руку Кимао. — Я отвечаю за тебя и твои поступки, так что, подвинься.

— Нет, Кимао.

— Либо так — либо никак.

— Я все равно найду деньги.

— Не сомневаюсь, — ответил зрячий и посмотрел на Данфейт, отчего ее ноги подкосились и она упала на колени перед ним. — Сможешь ли ты воспользоваться этими деньгами, вот — главный вопрос.

"Не смей".

"Я был там, в отличие от тебя. Я добывал ворис и я знаю, о чем говорю. Поэтому, все решения буду принимать я".

"Нет", — мысленно ответила Данфейт.

— Да.

— Нет!

— Да!

— Нет!!! — закричала она и, вопреки его воле, поднялась на ноги.

Кимао нахмурил брови.

— Я обещаю, что буду прислушиваться к твоему мнению, но последнее слово останется за мной.

Кимао отвернулся и промолчал. Безусловно, официального согласия на это он не давал, но и неофициального молчания было вполне достаточно.

Данфейт достала из рюкзака свой планшетник и начала монолог.

— Атрион — наиболее дальний спутник Деревы, расположенный ближе всех остальных лун к Амиру. Поверхность его твердая, покрыта грунтом, на котором произрастают дикие растения. Там есть и скалистые горы, и огромные водоемы, которые по нашим меркам больше напоминают моря. Существует атмосфера, однако, вследствие выброса ядовитых газов, воздух там непригоден для дыхания. Температура поверхности днем достигает шестидесяти градусов, ночью опускается до минус пятидесяти. Поверхность луны заселена многими редкими видами животных, практический интерес среди которых для нас представляют каирусы. Взрослые особи каируса достигают сорока метров в высоту. Кожа покрыта чешуей, край которой способен разрезать даже сталь. Животное это теплокровное. Откладывает яйца. Является хищником. Ночью впадает в спячку, однако, сон его чуткий и беспокойный. Для того, чтобы усыпить это премилое создание, следует ввести транквилизатор ему в кожу, то есть, забраться под чешую. Таким же образом производят и забор вориса. С одной особи можно получить до пятидесяти литров крови, что является эквивалентом двух заправочных баллонов.

— Сколько баллонов добывали Вы? — спросил Террей у Кимао.

— Два, обычно. Но был случай, когда удалось забрать четыре, усыпив еще одного каируса.

— То есть, нам следует рассчитывать на два баллона для команды из двух ходоков?

— Да.

— Отлично. Думаю, мы с Йори справимся с этой миссией.

— Тогда, мы пойдем втроем.

Кимао тут же посмотрел на Эрику и хохотнул.

— Этот вопрос мы обсуждать больше не будем, — предупредила его Данфейт.

— Желаешь ей смерти? — обратился Кимао к Эрике.

— Я?

— Да. Отправляясь с нами, ты подставляешь в первую очередь ее.

— Не смей! — повысила тон Данфейт. — Она идет с нами — и точка!

— Как скажешь, — пожал плечами Кимао. — Террей и Йори могут начать тренировки прямо сейчас. Тебе, Данфейт, и тебе, Эрика, я разрешаю только смотреть.

— Я могу попробовать тренироваться с ними, — возразила Дани.

— Нет, не можешь, потому как тренироваться тебе придется со мной, а лазить по стенам со сломанными ребрами — бесполезная трата времени.

— Лазить по стенам?

— Да. Вверх и вниз.

— Зачем, если есть фрирайн?

— Для управления фрирайном требуются свободные пальцы, а ими, в этот момент, тебе придется цепляться за тросы, которыми ловят каируса.

— То есть, ходоки работают без фрирайнов?

— Один ходок. Тот, который крепит баллоны к коже.

— Значит, лезть на зверя придется мне, — сделала вывод Данфейт. — Что ж, вполне справедливо, — развела руками девушка и снова схватилась за бок.

Несколько дней спустя Эрику и Данфейт вызвали в деканат. Декан факультета "F", зрячий по имени Амелай Апри, воспринял пропуски занятий по физической подготовке, которые он сам же и преподавал, как личное оскорбление. Ни сломанные ребра, ни пневмония не послужили для Апри достойным оправданием "систематических прогулов", как он изволил выразиться. В момент, когда Данфейт оказалась лежащей на полу перед ногами декана, девушка поняла, что одними отработками дело не обойдется.

— Нам повезло, что он не стал над нами измываться, — произнесла Эрика, выползая следом за Данфейт из кабинета Апри.

— У меня такое чувство, что только этим он последние двадцать минут и занимался.

— Занятия по физической подготовке ненавидят все ученики. Эти ежедневные тренировки выматывают настолько, что не остается сил даже до кровати добраться, не говоря уже о подготовке к другим семинарам.

— Он всех так достает?

— Нет. Только курсантов своего факультета. И Террея он не трогает, хотя, если признаться, среди нас, он — самый лучший его ученик.

— Тогда, нам не следует опаздывать на эту пару.

— О, Юга... Я когда-нибудь, издохну в этой Академии!

— Так, уйди. Если тебе не нравится учиться, почему ты все еще здесь?

— Ты забыла, кто я?

— Ну и что? Ты сама сказала, что Бронан отказался от тебя.

— Я не могу вернуться, — произнесла Эрика.

— Почему? — не поняла Данфейт.

— Лучше протянуть ноги здесь, чем дома.

Данфейт обернулась и посмотрела на подругу. Эрика засмеялась в ответ и махнула рукой.

— Я же говорила, что для того, чтобы понять меня, нужно было родиться в моей семье...

Данфейт и Эрика явились на пару вовремя. Всех курсантов, а их здесь было не менее сорока человек, выстроили в длинную шеренгу посреди тренировочного зала номер один, размером с небольшое футбольное поле. Пока они стояли по стойке смирно, мимо них прошествовали курсанты факультетов "А" и "В".

— Только не это... — прошептала Данфейт.

— Добро пожаловать в ад, — прокомментировала ситуацию стоящая рядом Эрика.

Все действующие лица были в сборе. Ораяя, проходя мимо Дани, подмигнул ей, Кимао просто кивнул, Йори улыбнулся, а Айрин сделала вид, что вообще не знакома с ней.

Когда Данфейт заметила Серимилли, входящего в зал вместе со своей матриати, единственным ее желанием было провалиться сквозь деревянный пол под ногами.

Лейкопластырь на носу зрячего и два великолепных синяка в виде очков, весьма гармонично вписывались в общую картину его отечного лица. Сермилли сразу заметил Данфейт и кивнул ей, скалясь и шепча что-то на ухо Агире. Гритхен, то есть милашка, вошла следом за ними и, естественно, Бронан тоже.

— Как приятно видеть столько знакомых лиц, — не удержалась и хмыкнула Данфейт.

— Белови!!! — закричал Апри. — Не Вы, Айрин, Ваша сестра!

Дани тут же склонила голову и посмотрела себе под ноги.

— Еще раз замечу, что Вы говорите вместе со мной, и я лишу Вас голоса вообще!

— Извините, господин Апри.

— Итак, — продолжил декан. — Десять кругов!

Все в один голос застонали.

— Вперед!!!

Дани спокойно развернулась на месте и не спеша, пропуская всех остальных, начала набирать темп.

— Сайкаирянка! — закричал на нее мастер, — шевелись! Это — не утренняя пробежка перед завтраком!!!

Данфейт искоса посмотрела на него, вздохнула и резво рванула вперед. О-о-о, как же ей было больно сейчас! Грудь буквально разрывало на части, отчего воздуха тут же начало не хватать.

"Главное — не скорость, а дыхание, Дани. Всегда помни об этом".

Два вдоха — один выдох. Два вдоха — один выдох. Данфейт сосредоточилась на собственном ритме. Она может победить боль. Не раз и не два ей приходилось проделывать этот трюк.

Апри достал из кармана таймер и снова закричал:

— Быстрее!!! Тащишься, словно телега!

Дани напряглась изо всех сил и увеличила темп.

Последний круг был самым тяжелым. Еще на восьмом она сбилась с ритма и теперь ее сердце конвульсивно заходило в груди.

— Шевелись!!!

В глазах у Дани потемнело, но ноги продолжали нести ее вперед. Последний рывок, и Апри с таймером в руках остался где-то позади.

Дани сбросила темп и перешла на шаг. Ее лицо покрылось каплями пота, а майка и штаны, в которых она занималась, казалось, вообще вымокли.

— Сиа! — закричал мастер. — Она почти побил твой рекорд!

Данфейт оглянулась и посмотрела на Орайю, стоящего возле сестры на площадке для разминки.

— Почти не считается, господин Апри!

— У нее ребра сломаны, так что считается!

— Тогда, ее можно только поздравить!

— Строун!

— Да, — простонала Эрика, ковыляя вперед.

— Я сказал "бегом", а не "шагом"!

— Извините, господин Апри, — произнесла девушка и перешла на бег.

Она задыхалась, кожа ее лица странным образом побледнела, а губы стали синеть. Бронан посмотрел на свою матриати с противоположного конца зала и осуждающе покачал

головой. Хрупкое тельце в майке и висящих на бедрах штанах плелось вперед, несмотря на то, что ноги ее уже заплетались.

— Господин Апри! — обратилась к дереве Данфейт.

— Что Вы хотели, Белови?

— Может, в порядке исключения, Вы разрешите Эрике сегодня пройтись?

— Если она попадет в переделку, никто не сделает для нее исключения.

Эрика пошатнулась и чуть было не завалилась на бок, продолжая бежать вперед. Теперь она держалась за грудь, и было очевидно, что одышка у нее слишком сильная.

Данфейт не знала, что ей предпринять, но сделать что-нибудь было необходимо. Иначе... А что "иначе"? Очередная "пешка" вылетит из партии?

Никто не ожидал того, что произошло в следующее мгновение. Возле Эрики оказался Бронан. Протянув к ней руки, он взвалил задыхающееся тело себе на спину, и побежал вперед.

Данфейт прикрыла ладонью свой рот.

— А это что такое... — прошептал стоящий рядом с ней Апри.

За спиной раздался хлопок. Еще один.

Данфейт и преподаватель оглянулись. Кимао, глядя на Бронана, несущего свою матриати на спине, аплодировал. Вслед за ним захлопал Йори. За Йори Террей. За Терреем Орайя. Спустя мгновение, зал погрузился в гул рукоплескания.

Апри изобразил удивление на своем вполне молодом лице. Тем временем Бронан, несущий Эрику на спине, остановился напротив декана.

— Она преодолела дистанцию, — сообщил он и опустил девушку на пол.

— Спасибо, — простонала тианка, продолжая хватать воздух ртом.

— Что ты в ней нашел? Не понимаю, — ответил Апри, поднимая руку вверх и призывая всех к тишине. — Итак, Бронан Ринли. Следующее задание — отжимания. Вперед!

— Сколько раз?

— Тридцать.

Бронан опустил на пол.

— Не забудь свою ношу, зрячий. Ты ведь за нее отдуваешься...

— Залазь, — не без раздражения произнес Бронан.

— Я сама сделаю... — ответила синюшная Эрика.

— Залазь, я сказал! — рявкнул зрячий и тианка тут же опустилась ему на спину, оседлав, словно лошадь.

Бронан начал отжиматься.

— Нет, это точно войдет в историю! — вдруг рассмеялся Апри. — А ты чего стоишь? — обратился он к Данфейт. — "Отжиматься" я сказал!

Дани тут же вернулась к реальности и припала к полу.

— Никаких комментариев! — воскликнула Эрика проходя в зал, где ее уже ждали Данфейт, Кимао, Террей и Йори.

— Одним "спасибо" за его сегодняшние терзания ты не отделаешься, — справедливо заметил Террей. — Смотрелось весьма эротично, особенно когда он качал пресс, а ты сидела верхом... Я даже подумал, что Гритхен размажет тебя по полу.

— Заткнись, Террей!

Дани не удержалась и рассмеялась.

— Он прав. Это было...

— Вызывающе, — закончил за нее Кимао.

— И вы заткнитесь!

— Завтра тоже будешь на лошадке кататься? — захохотал Йори.

— Завтра я прогуляю, понятно?! И давайте на этом закончим. Хватит того, что в коридорах все на меня косятся.

— На тебя всегда косятся, — махнул рукой Террей и поднялся со своего места. — Скоро неделя минует, а у нас до сих пор нет пилота.

— Я работаю над этим, — ответила Данфейт.

Эрика села на пол перед ними, а затем и вовсе улеглась на спину.

— Посидела бы ты дома несколько дней, — посоветовал Йори. — Антибиотики стерилизуют кишечник и подавляют иммунитет.

— Лучше загружайте программу и начнем работать, — простонала Эрика и перевернулась на живот.

Данфейт подошла к ней и бросила к ее ногам фрирайн и проекционные очки.

— Вставай. Пора работать.

Эрика приподняла голову и посмотрела на сайкаирянку.

— Нет в тебе жалости.

— Только не к тебе, Эрика, — хмыкнула Дани и натянула свою оправу на лицо, прикрепив датчик проектора к уху.

— Итак, что Вы видите? — начал Кимао.

— Ничего, — ответила Данфейт, пытаясь разгрести руками едкий туман. — Ты где?

— Найди меня.

— Это не игра в прятки, Кимао! Отвечай, где ты!

Рука зрячего легла на ее плечо и Данфейт шарахнулась в сторону, заломив ее. Кимао высвободился из ее хватки и притянул за талию к себе. Shai! Этот аромат доведет его до безумия!

— Оглядишься. Что ты видишь?

— Разве в этом тумане можно что-то разглядеть? Мне необходим тепловизор.

— Тепловизор поможет определить тебе цель, но только благодаря своему зрению ты сможешь на нее взобраться. Чешуя слишком острая и, цепляясь за нее, ты рискуешь исполосовать себя.

— За что же мне хвататься?

— За тросы, которые я и Эрика закрепим на его шее.

Кимао поднял свою руку и протянул Данфейт рукоять от стальной плети. Дани взяла устройство в руки и, нажав на кнопку, рассекла воздух тонким голубым свечением.

— В нее встроены светодиоды. Так, ты без труда заметишь ее и сможешь удержаться на спине каируса.

— А что в это время будете делать вы?

— Мы с Эрикой будем его отвлекать и гнать вперед, предоставляя тебе возможность забраться под его чешую, чтобы усыпить. Итак, что ты видишь?

Данфейт перестала пытаться разглядеть что-нибудь вдалеке. Все ее внимание было сосредоточено на растениях, среди которых они с Кимао стояли.

— Здесь много всяких кустарников. Они довольно высокие и среди них трудно передвигаться.

— Тебе трудно, не мне, — засмеялся Кимао и, активировав свой фрирайн, поднялся в воздух.

— Как скажешь, зрячий, — хмыкнула Дани и взмахнула металлическим хлыстом, отсекая верхушки растений и прокладывая себе путь.

Эрика натянула на себя фрирайн и поднялась на ноги.

— Итак, я в игре, — произнесла она и натянула на себя очки и проектор.

Поднявшись в воздух, девушка зависла в нескольких метрах над поверхностью и осмотрелась. Деревья, ветки, некое шевеление внизу и туман, из-за которого трудно разглядеть собственные руки. Кто-то прикоснулся к ее спине, и Эрика чуть не упала вниз.

— Спокойно, — воскликнул Кимао. — Здесь нельзя нервничать.

— Предупреждать надо, когда крадешься!

— Итак, что ты видишь?

— Тут везде листья. И кто-то шевелиться внизу.

— Это Данфейт. Встанешь у нее на пути — рискуешь попасть под удар плети.

— Тогда объясни, что я должна делать.

— Твоя задача — все время двигаться вперед, обгоняя ее, бегущую по поверхности.

Кимао протянул ей в руки скрученный в несколько колец трос.

— Если потеряешь фрирайн, не вздумай снимать свои перчатки. Только в них ты сможешь удерживать это стальное волокно.

— "Потеряешь фрирайн"? Это как?

— Я говорил, что каирус выстреливает языком, чтобы парализовать свою жертву?

— Нет, не говорил.

— Обычно, язык попадает именно во фрирайн на спине.

— А если он попадет в другое место?

— Лучше, чтобы он вообще в тебя не попал.

— Так, что мне делать с этим тросом?

— Твоя задача по моему сигналу попытаться накинуть трос каирусу на шею и скинуть конец в руки Данфейт.

— А дальше что?

— А дальше... Сделать все возможное, чтобы эта тварь тебя не убила.

— Не понимаю, почему нельзя было синтезировать этот ворис в лаборатории!

— Его синтезировали, но оказалось, что дешевле платить ходокам, чем тратить миллиарды акропелей на его производство.

— И здесь все свелось к рентабельности производства, — вздохнула Эрика и забрала трос из рук Кимао.

Данфейт слышала грохот за своей спиной. Она обернулась и остановилась. Толстые стволы деревьев со стоном трескались и падали на влажный грунт.

— Охота началась! — прокричал Кимао и кинулся в сторону, подхватывая Данфейт и отрывая ее от земли.

Девушка даже вскрикнула от неожиданности.

— Тише, это всего лишь я.

— "Это всего лишь я", — закривлялась Данфейт и тут же умолкла.

Треск за их спинами усилился и Кимао начал уворачиваться от падающих на них со всех

сторон деревьев. Данфейт вцепилась руками в его плечи и попыталась посмотреть назад, когда странный звук застрял в ее горле.

— Какой же он...

— Большой?

— Красивый...

Сорокаметровый хищник, покрытый золотистой чешуей, переливающейся в свете клонящегося к закату Амира. Его длинная шея изгибалась в разные стороны, а узкая морда, на которой светились два огненно красных глаза, то и дело выплевывала длинный влажный язык, будто бы подсвеченный миллиардами светлячков, живущих на нем. Животное вытянуло свою шею вверх и запищало так жалобно и, в то же время устрашающе, что Данфейт невольно задрожала.

— Что здесь происходит! — раздалось на заднем фоне и Данфейт с Кимао были вынуждены выйти из программы, сняв свои проекторы.

Бронан Ринли стоял в дверях зала и смотрел на Эрику, которая все еще металась по залу, даже не думая прекращать тренировку.

Кимао с Данфейт опустили на пол.

— Привет! — произнесла Данфейт натягивая на себя подобие улыбки.

Йори и Террей, которые все это время сидели на полу в самом углу, удостоили вошедшего презрительными усмешками.

— Эрика Строун! Я тебя спрашиваю: "Что здесь происходит?!"

Тианка непонятным образом изогнулась в воздухе и закричала так, что Данфейт даже испугалась.

— Fissis!!! Regikt rdis oprî! — затараторила она на тианском перед тем, как зависнуть у самого пола и выйти из тренировочной программы.

Тианским владели все присутствующие в зале, но краска стыда за сказанное девушкой, залила щеки именно Данфейт.

— Куда тебя поцеловать? — рассмеялся Террей.

— Заткнись, дерева, — пробурчала Эрика и плюхнулась всем телом на пол.

Она опять начала задыхаться и, поднявшись на колени, закашлялась.

— Я почти накинула петлю на его шею, как эта тварь чуть не отгрызла мне руку. Если бы не ты, — Эрика со злостью посмотрела на Бронана, — у меня бы все получилось!

— Изволь объясниться! — так же громко ответил Бронан и навис над ней, стоящей на коленях на полу.

— Ты же не тупой, сам все должен понять.

Бронан обернулся к Данфейт и обратился на этот раз именно к ней.

— Перед тем, как предлагать ей поохотиться на каируса, следовало спросить меня, разрешаю я ей это или нет!

— С каких пор ты начал что-то разрешать мне! — заверещала Эрика, поднимаясь с пола.

— Я - твой зрячий!

— Пошел ты, "зрячий"!

— Ты забыла, с кем говоришь?

— Это ты забыл, с кем разговариваешь! Тебя сюда никто не звал, так что можешь разворачиваться и проваливать!

— Ты никуда не полетишь, поняла?

Эрика выставила свою руку и показала зрячему три пальца, за что получила от деревы настоящую пощечину. Спектакль на этом не окончился. Эрика занесла руку и ударила его ладонью по щеке, да так сильно, что голова зрячего чуть дернулась в сторону.

Бронан застыл на месте, глядя на тианку наполненными злобой глазами. Он бы мог одной только мыслью заставить ее упасть на пол. Он мог бы причинить ей такую боль, которой ее тело никогда не испытывало. Он мог бы...

— Давай, затащи меня куда-нибудь и сделай то, что ты лучше всего умеешь!

Бронан молчал, продолжая глядеть на нее исподлобья.

— Принуждение — это ведь излюбленная кара для таких строптивых, как я! Давай, чего же ты ждешь? Или в прошлый раз тебе все — таки не понравилось?!

— Успокойся, — произнесла Данфейт, которая трезво оценила ситуацию и возможные ее последствия.

Эрика с удивлением посмотрела на сайкаирянку.

— Успокоиться?

— Да, успокойся. Он помог тебе сегодня, и, хотя бы за это ты должна быть ему благодарна. Где твое хладнокровие?

Эрика отвернулась от них и сжала пальцы в кулаки. Она скинула со своих плеч фрирайн и бросила перчатки на пол.

— Я полечу на Атрион, хочешь ты этого или нет, — спокойно произнесла она и посмотрела на Бронана. — Потому, что это — моя жизнь и мое решение.

— Ты — балласт для них всех! — проверел Бронан и отвернулся от нее.

— Не правда, — заступилась за нее Данфейт. — У нее очень хорошо получается летать на фрирайне. Я обучалась пять лет, но так же свободно управлять этой игрушкой до сих пор не могу.

— Это правда? — произнес Бронан, обращаясь к Кейти.

— Она хорошо летает, — согласился Кимао.

Бронан посмотрел на Эрику и потер свои веки.

— Апри говорил, что ты бездарна во всем, что касается физической подготовки.

— Да или после того, как я отказала ему в минете?

Кимао и Данфейт переглянулись. Террей и Йори сделали то же самое.

— Что? — не понял Бронан.

— Через два месяца после моего появления здесь, он вызвал меня в свой кабинет и предложил позаниматься дополнительно, не двусмысленно намекнув, что мой волшебный ротик сможет доставить ему большое удовольствие в оплату его услуг. Я отказалась и пригрозила, что устрою скандал, если он еще раз предложит мне "дополнительные занятия". После этого я резко стала "бездарной", особенно по части физической подготовки. Данфейт, дай мне свой нож.

— Зачем?

— Дай, я прошу тебя.

Дани достала из-за голенища сапога свой нож и протянула его Эрике. Девушка внимательно осмотрела его, проведя пальцем по плоской поверхности клинка, затем взвесила его на ладони и потрогала рукоять.

— Югуанская сталь, покрытая савоклей. Двойная лазерная заточка. Вес около восьмисот грамм. Достаточно легкое оружие и в этом его преимущество, однако, ручка слабовата и может треснуть в самый неподходящий момент.

Девушка завертела нож в руке, затем подкинула его и, схватив на лету, метнула в стену. Лезвие пробило деревянную обшивку и застряло внутри. Эрика подошла к нему и с большим трудом достала, возвращая оружие Данфейт.

— Ты обратила внимание на мои руки, когда я стригла тебя, — произнесла девушка, глядя на Дани. — Я была лучшей на кафедре парикмахерского искусства. Преподавателей поражала ловкость моих рук и способность работать ножницами на протяжении часов, а не минут. Я могу изувечить любым острым предметом, что попадетс я мне в руки. Но об этом, как ни странно, мой зрячий узнал только что. А знаешь почему? Потому что на это, до сей поры, ему было наплевать. Теперь вы утверждаете, что я неплохо летаю. Посмотрим, может и это мастерство я смогу отточить до совершенства?

Эрика отошла в сторону и присела на пол.

— Почему не рассказала мне про Апри? — произнес Бронан, глядя на нее.

— Зачем, если ты в этой ситуации был абсолютно бессилён? Зрячий, матриати... Им все равно. Они принадлежат к тем, кто правит этим балом, а значит, общие правила на них не распространяются.

Все замолчали. Простую истину озвучила для них Эрика. Действительно, что бы они могли предпринять? Пожаловаться? Возможно, но Апри не лишился бы своего поста, а вот Эрику вполне могли бы наказать. За что? За все, что угодно, тем более, что за год обучения она уже стала обладательницей нескольких строгих выговоров.

— Бронан, а ты умеешь пилотировать корабли? — разрушила всеобщее молчание Данфейт.

— Ему не нужны деньги, — усмехнулась Эрика. — Поищи кого-нибудь другого.

— У вас нет пилота? — переспросил Бронан.

— Нет.

— Деньги мне не нужны, Эрика права, а вот возможность попробовать свои силы на Атрионе вполне заманчива.

— Только не это... — прошептала тианка.

— Я принимаю ваше предложение, — ответил Бронан и, усмехнувшись, посмотрел на свою матриати. — Ты ведь не можешь мне приказать, да и разрешения твоего спрашивать я не намерен.

— Ну и пожалуйста!

— Голосуем. Кто за то, чтобы принять Бронана к нам в команду?

Террей, Йори, Кимао и Данфейт подняли руки.

— Ты принят, — произнесла Данфейт и, хлопнув дереву по плечу, вдруг спросила:

— А какой у тебя рост, Бронан Ринли?

— Сто девяносто шесть.

Сто девяносто шесть против ста шестидесяти семи, от силы. Неудивительно, почему голова Эрики Строун постоянно поднимается кверху, как только в одном помещении с ней появляется ее зрячий.

— Не обращай внимания, — засмеялась Данфейт и надела на глаза проектор.

Данфейт постучала в дверь и, не дожидаясь разрешения, вошла в аудиторию. Молчание, повисшее над головами всех, присутствующих там, сменилось хохотом. Данфейт повернулась и посмотрела на Айрин. Сестра веселилась не меньше всех остальных. Еще бы. Лицо Данфейт распухло и перекошило. Говорить она не могла и язык ее едва ли умещался у нее во рту. Данфейт держала в руках салфетку на которую постоянно капала слюна.

— Кейти, что скажете? — сквозь смех произнес преподобный Матье.

За последнюю неделю Дани встречалась с преподобным два раза — и оба в этой самой аудитории. Террей намекнул ей, что если преподобный симпатизирует матриати, та будет появляется перед ним регулярно. И дело не во внешности. Преподобный оценивал людей по другим качествам и факт того, что Данфейт ему "приглянулась" ей льстил.

Кимао приподнял брови и покачал головой.

— Все просто. Воздействие, спровоцировавшее развитие аллергической реакции. Здесь справится и обычные лекарства.

— У Вас нет этих лекарств. И у нее тоже. Так что, вперед. Госпожа Белови, Вы не стойте у самых дверей, проходите, не стесняйтесь.

Данфейт пригнула голову и подошла к преподобному.

— Повстречай я Вас на улице, вряд ли бы узнал без костюма!

Новая волна хохота прокатилась по аудитории и Данфейт отвернулась от зрячих. Даже Йори пригнулся к своему столу. Кимао старался изо всех сил подавить смешки, но и у него это плохо получалось.

Наверное, будь она на их месте, веселилась бы не меньше. Но она не была на их месте, и этот смех ее раздражал. Салфетка вся промокла и преподобный протянул ей новую.

Кимао остановился напротив Данфейт и положил руку ей на голову. Так же в свое время лечил ее Учитель. Сейчас тепло заструится по ее телу и все пройдет. Данфейт расслабилась, но вдруг ощутила нечто неприятное. Страх... Свет, что слепит глаза, озаряя небо и затмевая собой белый Амир. Жар, что печет кожу и стягивает ее на всем теле. Ветер, что отрывает от земли и отбрасывает в сторону. Крик, который уже не можешь слышать. Надежда, что все это происходит не с тобой. Вера, что у тебя есть еще шанс. Отчаяние, когда понимаешь, что видишь ее в последний раз. Его рука, цепляющаяся за нее. Его губы, что произносят "люблю". И тьма, из которой нет возврата... Кимао отпрянул от Данфейт и с ужасом взглянул в распухшие глаза.

— В чем дело, господин Кейти? — обратился к нему преподобный.

— Извините, — прошептал зрячий и снова положил руку Данфейт на голову.

Спустя несколько минут Дани покинула аудиторию. Что же это было? Что она увидела? Кто эти люди и почему она не знает их имен? Почему от слов этого мужчины ей стало настолько больно, что захотелось кричать?

Данфейт открыла дверь и молча вошла внутрь. Семинар окончился несколько минут назад и никого из ее одноклассников здесь уже не было. Однако, госпожа Савис продолжала сидеть на своем стуле на кафедре. словно специально дожидалась ее возвращения.

— Ты права, я ждала тебя.

Данфейт оторвала глаза от пола и с неверием посмотрела на Пире.

— Он вылечил тебя?

— Думаю, Вы и на этот вопрос уже знаете ответ.

Пире засмеялась и махнула рукой в сторону Данфейт.

— Подойди ко мне, пожалуйста.

Дани остановилась напротив матриати и опустила глаза.

— Столько лет Сиа потратил на тебя? Пять? Слишком долгий срок для того, чтобы воспитать обычную матриати. Скажи, у тебя есть предположения на этот счет?

— Боюсь, что есть.

— Правда? Озвучишь или мне самой поискать их в твоей голове?

— Я думаю, что мой отец все эти годы слишком хорошо платил Учителю за услуги.

— Ты до сих пор называешь его "Учителем". Но ведь он предал тебя, подарив в услужение своему сыну.

— Как бы он ни поступил со мной, Учителем для меня он останется навсегда.

— Я вижу мрак в твоей душе. Он кроется в самых потаенных уголках твоего сознания и травит тебя самым фактом своего существования. Это же пугает и Кейти. Сама не знаю, почему. Наверное, потому, что ты сама не можешь понять истинную природу своей ненависти к сестре.

— Почему Вы заговорили об этом?

— Когда-то я была очень похожа на тебя. Только ненавидела я человека, которому бросила вызов. Ему же я и проиграла его... Я знала многих талантливых матриати, которые погибли из-за своего стремления освободиться. Ты же не станешь повторять их ошибок? — спросила Пире и посмотрела на Данфейт.

— Не стану. Таланта не хватит.

Пире засмеялась в голос и, поднявшись со стула, отвернулась от Данфейт.

— Не в таланте кроется наша сущность. Одному Юга может подарить многое и у него не хватит терпения обуздать этот "подарок". Другому Юга не даст практически ничего, но упорством своим он сможет вымолить у Амира другие дары. И дары эти напомнят остальным, кто является полноправным хозяином нашего мира.

— Вы говорите о легенде борьбы людей Юги и детей Амира?

— Сиа рассказывал тебе об этом?

— Вскользь. Подробностей этого деревийского придания я не знаю.

— Согласно легендам, все люди нашей системы произошли от единых предков, рожденных на Юге. Они достигли больших высот развития своей цивилизации и заселили другие планеты, пригодные для жизни. Люди Юги были поистине великими. Они творили чудеса, но в один прекрасный момент обратили свои взоры к технологиям, что создали их пытливые умы. Когда технический прогресс начал угрожать жизни четырех планет, Амир послал им свое проклятие — людей, наделенных гораздо большими талантами, нежели люди Юги. Этих посланцев называли "детьми Амира" и они были способны не просто разрушать любые объекты природы, но и воссоздавать их заново из материи, используя энергию солнца. Зависть ослепила людей Юги, и они начали истреблять этих посланцев. Так началась война технологий против тех, кого создал сам Амир. Мир стал на колени в результате этой бойни, но люди так и не осознали, что делают. Цивилизация уничтожила сама себя. Те люди Юги, кто выжили, были вынуждены начать все сначала на четырех разных планетах. Детей же Амира с тех пор никто не видел. Одни верили, что они утратили телесную оболочку и покинули наш мир. Другие полагали, что именно они и стали прородителями дерев. Твой Учитель опровергал домыслы о том, что деревья произошли от

детей Амира. Он пытался доказать, что все мы — зрячие, матриати, и просто жители планет — являемся никем иным, как предками людей Юги. В своей теории "Первоэственности", он сделал акцент на том, что мы можем управлять материей и энергией живых существ, находящихся рядом с нами. В общем, мы обладаем могуществом, дарованным нам Югой, но не можем одного — повелевать энергией солнца. Каждому из нас Югой подарен потенциал, который можно развить, но, к сожалению, до определенного предела. Никто, включая Великих зрячих, не способен создавать объекты природы из материи. Сиа утверждал, что только дети Амира могли бы обладать этим даром. Твой Учитель полагал, что знает способ, как создать новых детей Амира.

— Что значит "создать"?

— "Они вышли из света, дарованного Амиром" — так говорится в легенде. Технически мы способны создать этот "свет", у нас достаточно знаний для этого.

— Энергия Амира — это энергия термоядерного синтеза. Никто из живых существ не способен пережить это воздействие.

— В подтверждение твоих слов скажу, что когда-то на одной из лун Деревы взорвался термоядерный реактор. Миллиарды людей погибли, а луна просто перестала существовать.

— Сатрион. Вы говорите о нем?

— Да, я говорю о Сатрионе и его жителях. К сожалению, мать Орайи Сиа погибла вместе с ними. Ри, осознав, что произошло, обезумел. Ри настаивал на том, что его супруга, точно так же, как и миллиарды жителей Сатриона, все еще живы, что они стали "детьми Амира" и обрели бестелесную форму существования. Он пытался найти способ их вернуть. Единственным человеком, который мог на него влиять, была Пайли — мать Кимао. Только благодаря ее стараниям, Совет закрыл глаза на безумные высказывания Сиа и позволил ему уединиться на Мийе. Однако, спустя несколько лет, мы поняли, что совершили непоправимую ошибку. Сиа претворил в жизнь свои безумные идеи и пострадали тридцать человек. Точнее, тридцать человек погибло в результате его эксперимента.

Данфейт закрыла глаза и сглотнула. Конечно же, слухи об изгнанном зрячем Ри Сиа, погубившем тридцать югуан, дошли и до Сайкайруса. Тогда, пять лет назад, отец смог убедить ее, что все не так, как кажется на самом деле. И она верила, что это не так. Так сильно верила, что на протяжении пяти лет не допускала и мысли о том, что человек, обучающий ее, может нести на своих плечах ответственность за безвинные жизни тридцати человек.

— Но, полагаю, ты уже слышала об этом раньше, только, подробностей, наверняка, не знала.

— Нет, не знала.

— Год назад на Мийе произошло несчастье, которое Совет не смог предотвратить. Искусственно созданный сгусток энергии был направлен на одну из термоядерных станций этой маленькой луны. Твой Учитель утверждает, что тот взрыв был только началом.

— Кто же создал его?

— Этот вопрос нас и интересует. Кто создал его, Данфейт?

Дани посмотрела на Пире и прищурилась.

— Почему Вы спрашиваете об этом меня?

— Ты была там. Ты пережила его падение. Ты провела рядом с Ри Сиа пять лет. Скажи, кто создал его, Данфейт!

— Я не знаю!

— Твой Учитель утверждает, что это был первый удар Сатриона. Он полагает, что оставшиеся в бестелесной форме существования сатриане хотят отомстить нам за наши подвиги. Нам и своим зрячим за все годы унижений и пыток...

— Своим зрячим?

— Конечно, ведь именно на Сатрион отправляли изгнанных матриати.

— Но, причем здесь Мийя?! — воскликнула Данфейт.

— На Мийе расположены стратегические объекты Ассоциации.

— "Стратегические объекты"?

— Если поделить расстояние от самой дальней луны Деревы до Сайкайруса, Мийя окажется посередине. Прекрасный военный стратегический объект — один из самых крупных в нашей галактике.

— Вы храните оружие на Мийе?

— Это не только наше оружие. Это — оружие всех планет.

— Так, наемники — это люди Ассоциации?

— Не одни мы платим им за услуги. Кстати, твой отец так же отчисляет средства на их содержание. Уничтожить Мийю — значит оставить нас без одного из самых важных стратегических объектов. Прекрасная цель для тех, кто хочет начать войну.

— И Вы знаете, кто хочет ее начать?

— В том-то и дело, что нет.

— Зачем Вы рассказываете мне все это?

Пире повернулась к Данфейт и снисходительно посмотрела на нее.

— Согласно легенде, дети Амира в ходе войны не щадили никого. Никого, кроме тех, кто принадлежал им самим. Я копаюсь в твоей голове и все равно не нахожу зацепок, по которым можно было бы понять, что на самом деле произошло в тот день. Потому, я хочу чтобы ты сама заглянула в себя и ответила на вопрос: это действительно был первый удар Сатриона или просто кто-то хотел, чтобы все мы поверили в это?

Пире многозначительно улыбнулась и закрыла дверь за собой. Данфейт осела на пол и закрыла глаза. Из оцепенения ее вывел голос Кимао.

— Данфейт!

Дани открыла глаза и увидела перед собой его обеспокоенное лицо.

— С тобой все хорошо?

— Да, — ответила она, поднимаясь на ноги.

Кимао отстранился от нее и нахмурил свои брови.

— Все прочел? — с вызовом бросила Данфейт, собирая свои вещи со стола и пакуя их в рюкзак.

— Когда ты научилась?

— Чему?

— Выставлять блокировку сознания?

Дани не без удивления посмотрела на него.

— Значит, ты не можешь меня прочесть?

— Не могу.

— Вот и славно. Хоть что-то у меня стало получаться.

— Поздравляю.

— Спасибо. Кстати, зачем ты искал меня?

— Хотел убедиться, что с тобой все хорошо.

Дани повернулась к нему и приподняла свои брови.

— Кимао, могу я задать тебе один вопрос?

— Задавай.

— Почему ты не называешь Учителя "отцом"?

Кимао нахмурил брови и внимательно посмотрел на нее.

— С чего, вдруг, тебя заинтересовали мои отношения с отцом?

Данфейт посмотрела на Кимао и отвернулась. Он не станет говорить с ней на эту тему, да и сама она не уверена, что хочет слышать правдивый ответ. Кто тот человек, что стоит рядом с ней? Пособник чужого преступления или сын, что верит в невиновность своего отца? Он не называет Учителя "отцом", в отличие от Орайи. Где кроется правда? В том, что Пире рассказала ей или в том, о чем Пире промолчала?

— Завтра вылет, пора тренироваться, — прошептала она и, накинув на плечо рюкзак, направилась к выходу.

Данфейт проснулась посреди ночи. Ночная рубашка прилипла к телу и простыня сбилась под ногами. Это был дурной сон, не сулящий ничего хорошего на предстоящий день. Дани повернулась на кровати и посмотрела на Эрику, спящую в нескольких метрах от нее. Даже она заметила, что с Дани что-то произошло. В рассказе Пире таился какой-то подвох. Здесь никто ничего не делает просто так. А что, если Пире пытается использовать ее? Зачем она ей? Какую ценность представляет? Кем был тот мужчина, которого она увидела? Он говорил "люблю". Словно, эти слова были адресованы ей самой. "И я люблю тебя", — хотелось ответить Данфейт. "И я люблю тебя".

Дани повернулась на бок и закрыла глаза. Три часа еще можно спокойно спать. А там... Будь, что будет...

— О-о-о, — засмеялся Йори, когда увидел Данфейт с Эрикой на трапе грузового отсека корабля. — Кимао, посмотри на это!

Кейти вышел на помост и свесился с перил, глядя на матриати, бросающую свои сумки на пол и присаживающуюся на них.

— Ты вообще спала сегодня или как?

— Или как... — ответила Дани, потирая распухшие веки.

Она была не просто уставшей, она выглядела изможденной. Что-то снесало ее изнутри и высасывало саму жизнь из ее молодого тела. Ее молчание, когда он пытался мысленно обратиться к ней, лишь принуждало его опустить свои руки и отстраниться. Захочет, сама расскажет, что произошло.

Данфейт поднялась по лестнице наверх и вошла в капитанскую рубку. Бронан восседал за креслом пилота и преспокойно потягивал горячий кофе из термокружки.

— Все в сборе? — спросила Данфейт, останавливаясь возле Бронана.

— Как видишь, — ответил Террей и синхронно с Йори сложил руки на груди.

— Не знаю, положено ли говорить что-то перед вылетом... Хотя, не важно... — махнула рукой Данфейт и отвернулась. — Просто... Будьте осторожны, вот и все.

— Ну и напутствие! — прыснул смехом Террей.

— Со вчерашнего дня киснет, — заметила Эрика. — Уж, не ты ли в этом виноват, Кимао?

— Надеюсь, что не я, — ответил Кимао и подмигнул Данфейт, заставив ее улыбнуться.

— В общем, — подытожила Данфейт, — да хранит нас Амир.

— Юга, — поправил ее Йори.

— Кого Амир, а кого и Юга! — ответила Данфейт и побрела к вертикальным пассажирским местам у стены.

Переглянувшись, ребята направились за ней.

Бронан повел корабль в воздух и начал ускорение. Данфейт вжалась в мягкую обивку за своей спиной и закрыла глаза. "Люблю", — звучало в ее голове. "Люблю", — кричали глаза неизвестного мужчины, протягивающего ей свою руку. Она почувствовала, как чьи-то пальцы прикасаются к ее ладони. Тепло. Его тепло. Данфейт позволила ему сплести их пальцы и сильнее сжала свою ладонь.

Как и ожидалось, Атрион оказался настоящим пеклом Амира. Слава Бронану, который сумел войти в атмосферу этой маленькой планеты и остановить корабль в двадцати метрах

над ее поверхностью, ориентируясь только на показания приборов. Жар Амира и туман, который представлял собой ни что иное, как настоящий пар, поднимающийся вверх с поверхности этой луны, напомнили Данфейт мийянкую умывальню, натопленную самим Роби. Так же жарко, так же душно и так же ничего не видно на расстоянии вытянутой руки.

Высадившись в одном и том же месте, им предстояло добраться до ближайшего леса самостоятельно. Террей и Йори спрыгнули первыми. Они двинулись на север, где по данным приборов, через пару километров начинались заросли местных джунглей. Спустя несколько минут настала очередь Данфейт, Кимао и Эрики. Тианка подошла к шлюзу и закрыла глаза:

— Твою мать! — прокричала она перед тем, как Кимао толкнул ее в спину и девушка выпала наружу.

— Прекрасно! — усмехнулась Данфейт, поправляя воздуховод в маске на лице и свои защитные очки.

Кимао раскрыл объятия и покачал головой.

— Сама напросилась, — произнес он, улыбаясь.

Дани прилипла к своему зрячему и закрыла глаза.

— Будь осторожен, — произнесла она в микрофон.

— И ты, — ответил он и спрыгнул вниз.

Эрика была первым ходоком, потому на ее плечах лежала ответственность за выбор места действия. Кимао настиг ее уже в лесу. Опустив Данфейт на землю, он достал один из своих тросов и активировал ультразвуковой прибор, зазывающий каируса. Данфейт оставалось только ждать, когда двое ходоков приведут к ней жертву.

Кимао первым заметил приближающегося зверя. Сообщив об этом Данфейт и Эрике по беспроводной связи, он метнулся в сторону хищника. Кимао рассек воздух своим хлыстом, и рев животного разрушил напряженную тишину. Каирус, разглядев нападавшего, бросился на него. Эрика подросла вовремя, обвив вокруг шеи хищника одну плеть. Однако, зверю такое обращение не понравилось. Набегу, вытянув свою узкую морду, каирус плюнул в Эрику своим языком, от которого тианка едва успела увернуться.

— Я гоню его! — закричала Эрика своим искаженным голосом в наушник.

Кимао был прав. Ловкость и скорость в этот момент определяют все. Эрика сама не знала, как успевала взглянуть на навигатор, закрепленный на запястье, но все же продолжала лететь вперед, лавируя между стволами лиственных деревьев и языком золотого чудовища, мчащегося за ней следом. Кимао не отставал. По сути, только благодаря ему на шее каируса оказалось целых четыре петли от стальных тросов.

— Дани, готовься!

— Я уже поняла, что вы рядом!

Еще бы ей не понять. Треск ломающихся стволов и рев, от которого закладывает уши. Дани напряглась и сосредоточилась. Очертания золотого зверя заставили Данфейт вздрогнуть. Настоящий повелитель природы, которого ей предстояло обуздать.

Животное двигалось прямо на нее и, когда в нескольких метрах от нее прошмыгнула Эрика, Дани поняла, что пора бежать в другую сторону. Язык каируса, что проскочил в нескольких сантиметрах от ее плеча, заставил Данфейт вскрикнуть.

— Быстрее! — проголосил Кимао в наушник и, подхватив Дани, подбросил ее в воздух.

Данфейт заметила трос, парящий перед ней и, ухватившись за него, полетела в сторону. Ударившись спиной о золотую чешую, Данфейт простонала и выругалась. Заметив второй трос, она ловко переместилась к нему и зацепилась второй рукой. Спустя несколько минут,

она оказалась на спине несущегося вперед животного.

Пристегнув один из стальных тросов к специальному крепежу на костюме, Дани достала инструмент для удаления чешуи. Отделить край одной пластины от другой оказалось задачей довольно сложной, особенно в условиях, в которые попала Данфейт. Она попыталась отогнуть пластину специальным зажимом, но руки в перчатках постоянно соскальзывали с отполированной рукояти инструмента.

— Да, кто же это придумал?! — закричала Дани и сняла с себя одну перчатку.

Захватив ладонью стальную рукоять, она потянула ее на себя и сделала то, что намеревалась. Животное резко повернуло в сторону, и Данфейт соскочила со своего места, успех схватиться рукой в перчатке за трос. Вторая перчатка? Где она?

Дани провела рукой по поясу, за который засунула ее, но ее там не оказалось...

— Shaihatus!!!

— Все в порядке? — тут же услышала она в наушник голос Кимао.

— В полном! — закричала Дани и схватилась ладонью за трос.

— Быстрее, Данфейт! Сколько можно возиться?!

— Сколько нужно! — огрызнулась она в ответ и потянулась вверх.

Руку обожгло, и Данфейт стиснула зубы, чтобы вновь не закричать. Чешуя. Проклятая чешуя. Дани нашла отогнутую пластинку и отделила ее при помощи лазерного ножа.

— Прости, малыш, — прошептала она себе под нос, вонзая в толстую кожу животного инъектор с транквилизатором.

Каирус изогнул свою голову, пытаясь сбросить Данфейт со своей спины, но было уже поздно. Ноги хищника подкосились, и он начал заваливаться на бок. Данфейт ничего не оставалось, кроме как посильнее ухватиться обеими руками за стальные тросы и, сжав зубы, терпеть невыносимую боль.

Наконец, каирус отключился. Дани же не смогла разжать свою ладонь. Пальцы словно приклеились к металлу, не в силах его отпустить. Данфейт помогла себе второй рукой и взглянула на пенящуюся кровь, что струйками стекала с ее ладони. Данфейт знала, что ядовитые пары воздуха уже проникли в ее тело через эти раны. Но, скажи она об этом Кимао, он немедленно заставил бы ее уйти. А делов-то... Наполнить два баллона...

Данфейт стянула со здоровой руки перчатку и надела на окровавленную, вытерев следы своего увечья о черный костюм.

— Ты как? — послышался в наушник взволнованный голос Эрики.

— Наполняю баллоны.

— Давай быстрее. На приборе маячит второе животное.

— Идет сюда?

— Кажется. Давай, поторопись!

Данфейт наполнила один баллон и установила второй, когда воздух вокруг прорезал разгневанный рев второго каируса.

Эрика метнулась к нему навстречу, пытаясь увести подальше в заросли, но трюк не удался. Кровь, что почуял хищник, привлекла его куда более сильно, нежели мелкая тень, летающая перед самой мордой.

— Твою мать, он идет к тебе! — завопила Эрика, уклоняясь от языка зверя.

— Уходи, Данфейт! — проревел Кимао.

— Сейчас!

— Djai! Уходи немедленно!

Данфейт успела отсоединить второй баллон и подняться на ноги, когда увидела перед собой узкую золотую морду и язык, бьющий прямо в... Кимао налетел на Данфейт, сбивая ее с ног и подставляя свою спину под удар. Шланг от кислородного баллона зрячего превратился в клочья. Кимао схватился за горло, сползая вниз со спящего каируса и утягивая с собой Данфейт. Эрика подлетела к животному и ударила его ножом в глаз. Зверь взвыл от боли и тут же кинулся на нее.

Данфейт почувствовала, как силы покидают ее.

— Идиот! Придурак! — кричала она себе под нос, пытаясь снять со своего лица кислородную маску.

Глубокий вдох и маска оказалась прижатой к носу Кимао. Данфейт осмотрела его спину. Кислородный баллон был пуст, а фрирайна и вовсе нее было. Костюм тварь порвала, но крови Дани не увидела.

Кимао протянул маску Данфейт, и она сделала несколько вдохов, одновременно пытаясь связаться с Эрикой.

— Возвращайся, слышишь?

— Как?

— Веди его сюда! Кимао нужно поднимать на корабль. Он остался без кислорода!

— Как ты себе это представляешь?

— Веди зверя сюда!

Эрика повернула назад и полетела в сторону Кимао и Данфейт.

— Не делай этого! — простонал Кимао в микрофон, вдыхая кислород из маски.

Данфейт приложила палец к своим губам, призывая его к молчанию. Кимао сделал глубокий вдох, и она, резко выхватив у него маску, побежала навстречу золотому свечению.

В какой-то момент Эрика пролетела мимо нее, а Данфейт оказалась напротив морды каируса.

— Поиграем, красавица? — задыхаясь, произнесла она, и, что было силы, ударила светящейся плетью разъяренное животное.

Бронан успел забрать Йори и Террея, когда Эрика вышла с ним на связь.

— Забирай меня быстрее!

— Я не смогу подлететь туда!

— А ты перегнись, но сделай! Твою мать, Бронан, я тащу Кимао! У него нет кислорода! Как долго, ты думаешь, мы продержимся?

— Я попробую.

— Это не реально, — покачал головой Йори, стоящий за спинкой кресла пилота.

— Посмотрим, — ответил Бронан и закрыл свои глаза.

— Что ты творишь? — не понял Террей.

— Не мешай ему. Он ведет корабль к ней.

У Эрики потемнело в глазах. Она знала, что через несколько минут, силы покинут ее и она камнем рухнет вниз.

— Бронан, быстрее... Забери меня отсюда...

— Сейчас, Егіа! Потерпи...

Давно он не звал ее так... Очень давно...

Ноги несли Данфейт вперед. Откуда взялись силы? Она бежала, не разбирая ничего перед собой. Ветви, усыпанные листьями, скользили по ее лицу, оставляя кровавые метки от своих прикосновений. Так же она бежала в своем сне. Она знала, что именно ее ждет.

Поняла уже. Сколько до обрыва? Минута, может, две?

Данфейт ускорила, огибая препятствия и уклоняясь от выстрелов языка каируса. Она услышала вой двигателей корабля над своей головой. Юга, помощи! Помогите!

Ветка дерева ударила Данфейт по лицу и девушка закрыла глаза. Снова ветка! Она распахнула веки и увидела женщину, стоящую в стороне и внимательно наблюдающую за ней...

— Что за...

Снова ветка! Данфейт обернулась, чтобы еще раз посмотреть на незнакомую женщину, которая была рядом с ней без маски и защитного костюма, когда нога ее соскользнула...

Зверь остался позади, а Данфейт ощутила, как падает вниз. Ветер, чувство невесомости и страх от предчувствия неизбежного конца. Ее тело завертелось в воздухе и она, сквозь странную смену картинок перед глазами увидела мелькающее в тумане золотое небо. Такое яркое, красивое! Она протянула к нему руки, когда резкий удар пронзил ее спину и она застыла на месте.

Кто-то набросил на нее ловушку и поднимал вверх. Данфейт обернулась, пытаясь понять, где пропасть, а где небо, казавшееся ей золотым, но ничего, кроме тумана перед глазами больше не видела.

— Ничего, детка, сейчас я тебя вытащу! — услышала она голос Террея по передатчику.

— Словил все-таки... — прошептала Данфейт и сильнее прижала кислородную маску к лицу.

Террей поднял ее на корабль и откатился от люка, задыхаясь и откашливаясь. Шлюз закрылся и заработала система нагнетания кислорода. Данфейт сбросила с лица маску и согнулась на полу. Кто-то подошел и помог ей снять со своей спины баллоны с кислородом и ворисом.

— Спасибо, — тихо произнесла она неизвестно кому.

Кимао сидел напротив нее и всматривался в бледное лицо, покрытое ссадинами. О чем он думал, глядя вот так: молча и пристально? О своем даре, или о том, что в ее присутствии чувствовал себя слишком уязвимым? О злости или облегчении от того, что она осталась жива? Об осуждении или понимании, что в подобной ситуации поступил бы точно так же?

Кимао сдвинулся с места и подполз к ней. Проведя пальцами по царапинам на лице, он начал осматривать ее тело. словно торопясь куда-то, он водил руками по ее костюму, пытаясь отыскать возможные повреждения. Рука... Он взял ее оголенную ладонь и несколько секунд просто смотрел на нее. А затем снял со второй руки перчатку...

— Юга! — воскликнула Эрика, глядя на то, во что превратилась ладонь Данфейт.

— Идиотка! — закричал Кимао и с силой сжал ее запястье, для того, чтобы остановить кровотечение.

Данфейт улыбнулась ему. Улыбнулась и закрыла глаза. Позыв на рвоту она не смогла сдержать, хотя, очень хотела...

Она проснулась в барокамере на корабле. Кимао сидел рядом с ней и, подпирая рукой голову, осуждающе смотрел в иллюминатор.

— Спасибо, — произнесла Данфейт и улыбнулась.

— Говорил же тебе, чтобы ты ни при каких условиях не снимала перчатки!

— Зажим для чешуи постоянно соскальзывал, и мне пришлось оголить руку.

— Ты никого не слушаешь, так ведь?

— В этом ты прав, — ответила она и снова улыбнулась ему.

— Идиотка!

— У меня были галлюцинации...

— Не удивлен. Скажи спасибо Террею, который смог тебя словить.

— Я уже сказала, — ответила она и отвернулась.

Кимао, почему-то, ждал, когда она снова посмотрит на него, но она не обернулась и он, не произнося ни слова, ушел, оставив ее одну.

Ровно неделю Данфейт потратила на то, чтобы залечить свои раны и вернуться в строй. В последний раз она видела Кимао в больнице, когда он пришел навестить ее вместе с Айрин и Орайей. Выслушав нравоучения сестры о правилах поведения на Атрионе, Данфейт попросила всех убраться из ее палаты и больше к ней не приходить. Кимао пожалел в тот момент, что поддался на уговоры Айрин взять их с Орайей с собой, и принял решение навестить Данфейт на следующий день. Когда в десять утра он вошел в палату, оказалось, что там уже никого не было. Данфейт Белови покинула госпиталь под расписку еще накануне вечером. Кимао не был удивлен подобным "благоразумием" своей матриати и ровно через час оказался перед дверями в ее комнату в общежитии.

Он постучал, для приличия, по обшарпанной двери и заглянул внутрь. Когда же он покидал злополучное место, взор его был застлан пеленой гнева. Она поимела его, взяв то, что ей было нужно, и выбросив на помойку на следующий же день, даже не сказав "спасибо" за услуги. Неблагодарная избалованная девица, в сущности которой Айрин не ошиблась.

Кимао вернулся домой и, осушив залпом стакан с виски, позвонил Орайе. Брат, на предложение напиться в стельку в этот вечер, отказываться не стал и через двадцать минут сидел за столом напротив Кимао.

— В последний раз ты предлагал мне совместную попойку год назад, когда Айри после ужина курсантов послала нас обоих в пекло Амира.

— Если бы ты тогда не спросил ее, чей матриати она желает стать: твоей или моей, — ничего бы не было.

— Четыре года мы ходили кругами, так и не решаясь взглянуть правде в глаза. Я всего лишь озвучил вопрос, который волновал нас обоих.

— Ответ на него ты получил.

— Сейчас тебе ничего не мешает. Почему же ты пьешь здесь со мной виски вместо того, чтобы наслаждаться обществом прекрасной Айри?

— Потому что она — сестра моей матриати.

— Расскажи, какого это — присоединить к себе другого человека?

— Мерзко, — хмыкнул Кимао и осушил очередной бокал виски.

— Секс или послевкусие?

— Второе. Секс под риагой как раз таки впечатляет.

— Почему тогда ты заблокировал ее воспоминания?

Кимао посмотрел на брата и улыбнулся.

— Ты помнишь Сайми из деревни?

— Сайми? Конечно, помню, — хмыкнул Орайя. — Он постоянно подтрунивал над тобой из-за твоей худобы, пока ты не отметелил его в умывальне.

— Она полагала, что трахается с ним, а не со мной, — ответил Кимао и налил в бокал еще виски.

— Постой, она влюблена в Сайми?

— Как тебе сказать... Я не знаю, — развел руками Кимао. — Наш друг Сайми решил поразвлечься с Эпи, ее ты тоже помнишь. Данфейт застала парочку как раз посреди части, где Эпи делала Сайми минет.

— А Сайми тот еще бабник! — засмеялся Орайя и опрокинул очередную порцию

виски. — Она из-за этого объявилась на несколько дней раньше?

— Именно.

— Почему ты расстраиваешься? По-моему, Данфейт прекрасно отомстила своему дружку, кувыркнувшись с тобой разок в тот же день.

— Она думала, что спит с ним!

— Ну, ты и придурок, Кимао! — засмеялся Орайя. — Она любит его, спит с тобой, а теперь ненавидит тебя за то, что попала в рабство. А тебя бесит не тот факт, что отец накачал вас двоих риагой, а то, что Великий Кимао Кейти не смог ублажить в постели женщину так, чтобы она, в самый ответственный момент, вспомнила его имя!

Орайя пригнулся к столу и продолжил хохотать, в то время, как Кимао не без злости смотрел на него.

— Не вздумай положить на нее свой глаз! — вдруг, заявил зрячий.

Орайя оборвал смех и посмотрел на Кимао.

— Ты в своем уме? Я бы не стал спать с твоей матриати, тем более, что она — сестра Айрин.

— Расскажи это своему члену, который встал на нее, когда Данфейт того захотела.

Орайя склонил голову на бок и улыбнулся.

— Знаешь. А мне эта идея, вдруг, показалась не такой уж и отталкивающей... Айрин выбрала тебя, так почему бы Данфейт не выбрать меня? Или свою матриати хочешь трахать только ты?! В таком случае, определись, что тебе нужно!

Кимао прищурился и посмотрел на брата.

— Вмазать бы тебе...

— Вмажь! — хохотнул Орайя и налил брату виски. — Кстати, как у Данфейт дела?

— Никак, — ответил Кимао и осушил бокал. — Поимела меня и выбросила на помойку...

— А ты проучи ее.

— Проучить?

— Конечно! Отомсти ей, если она унизила тебя. Влияние Эрики может пагубно сказываться на ее представлениях о зрячих вообще и тебе в частности. Дай ей понять, что связь эта никуда не денется, и только благодаря твоей поддержке она сможет выжить среди таких, как мы.

— Говоришь, как преподобный Матье.

— В его нравочениях есть логика.

— Он сравнивает матриати с овцами, что принадлежат своему пастуху.

— Но, она — принадлежит тебе. Ты — в ответе за нее и ее поступки.

— Как я могу относиться к ней так, когда моя собственная мать всю жизнь зависела от Ри?

— Наш отец, безусловно, не безгрешен, но он позволил твоей матери вырастить и меня, если помнишь. Не позволяй Данфейт заблуждаться. Ты несешь за нее ответственность. Ты — и никто другой. Подумай об этом. Кроме того, пора бы уже и напомнить всем остальным, кто является зрячим Данфейт Белови. Слухи ползут среди курсантов, что ты не станешь защищать ее, если что-нибудь случится. Сермилли снова начал высказываться по поводу того, где ей место. Если так пойдет и дальше, кто-нибудь может подумать, что она — свободна...

— "Принуждение" в исполнение могу привести только я!

— Я говорю не о "принуждении", Кимао. Ты помнишь историю Ами?

— Она повесилась в туалете.

— После того, как ее изнасиловали пятеро аркаинов в общежитии.

— Зачем вообще ты вспомнил эту проклятую Ами? Она была проституткой, между прочим!

— Кем бы она ни была, они ее изнасиловали.

Данфейт с Эрикой сняли приличное жилье в одном из спальных районов сектора, и теперь расположились в двухкомнатной квартире, которая, после похода по магазинам, тоже показалась им маленькой.

Когда Данфейт и Эрика объявились, наконец, в Ассоциации, одноклассники встретили их рукоплесканием.

— О нас теперь судачат на каждом углу, — делился новостями Террей. — Видели бы Вы лицо Апри, когда Бронан на одном из занятий заявил ему, что его матриати прекрасно справилась с ролью ходока, вытащив при этом с "поля боя" самого Кимао Кейти. Кстати, Айрин пришла в ужас, когда узнала об этом.

— Кто бы сомневался, — заметила Данфейт.

— А ты как?

— Как видишь, — хмыкнула Дани и показала Террею руку в перчатке.

— Дорого тебе это обошлось.

— Две тысячи акроплей.

— Я не про стоимость новой кожи. Я про сам факт ранения.

— Все живы, это — самое главное.

— Я вчера разговаривал с Кимао.

Дани тут же отвернулась и посмотрела на дверь.

— Мне твое поведение кажется таким же странным, как и ему. После того, как тебя выписали из больницы, ты ни разу не связалась с ним. Ты знаешь, что он приходил к тебе в общежитие?

— Мы там больше не живем.

— Твой зрячий должен был первым узнать об этом, а не последним.

— Террей, я не хочу об этом говорить.

— Мне не понять этого, Данфейт. Ты — открытый человек, все твои эмоции плавают на поверхности, а теперь ты замкнулась и не хочешь выбираться из этой скорлупы. Что случилось с тобой, Дани?

— Что ты знаешь о детях Амира? — произнесла Данфейт и посмотрела на Террея.

— Есть придание о них. Йори должен быть с ним знаком.

— А о Сатрионе что ты знаешь?

— То же, что и все, наверное. Реактор взорвался, и погибла целая планета.

— Почему тебя интересует Сатрион? — спросила Эрика. — Все свободное время ты только и занималась тем, что разыскиваешь информацию о нем в сети.

— Есть у меня причины интересоваться этим. Может, мне поговорить о детях Амира с Йори?

— Поговори, — пожал плечами Террей. — Но я не уверен, что он знает больше об этом,

нежели Кимао или Орайя. У Орайи ведь мать погибла на Сатрионе.

— А кем была мать Кимао?

Эрика и Террей непонимающе переглянулись.

— Ну, он мог и не сказать ей об этом... — заметил Террей.

— Его мать была матриати Ри Сиа. Когда Кимо исполнилось два года, Ри закрутил роман с одной из курсанток. Квартли, так, кажется, ее звали. В общем, она стала законной женой Сиа и матерью Орайи. Поэтому, когда братья влюбились в одну женщину — твою сестру — вся Академия замерла в ожидании.

— Хочешь сказать, что они не в ладах друг с другом?

— Нет, так сказать никто не может. Об их взаимоотношениях, честно говоря, нам вообще мало что известно. Но, они держатся друг друга, это точно.

— Очень интересно.

— Согласен. Кстати, ты уже получила приглашение на традиционный ужин курсантов?

— Нет, а что это такое?

— Раз в году Роэли Гвен под эгидой Совета Ассоциации проводит совместный ужин с курсантами. Туда приглашают самых одаренных учеников и тех, в ком Совет заинтересован. Твоя сестра присутствовала на ужине три года подряд. Кимао и Орайя — все пять лет, что учатся здесь.

— Это не значит, что в этом году пригласят и меня.

— Ошибаешься, зрячие приходят вместе со своими матриати.

— А ты? Ты бывал на этих ужинах?

— Четыре раза.

— А ты? — Данфейт обратилась к Эрике.

— В прошлом году Бронана пригласили, но я не пошла.

— Отчего же?

— От того. И в этом году идти не собираюсь, — хмыкнула Эрика и направилась к своему месту в аудитории.

— Ужин состоится через три недели. Пора готовить наряды и изучать этикет, — заметил Террей и похлопал Данфейт по плечу.

— Пока я не получила приглашение — в моих планах ужин не фигурирует.

— О-о, — прошептал Террей перед тем, как в аудитории повисла гробовая тишина.

В дверях показался мужчина средних лет в дорогом костюме зрячего. Данфейт узнала его — это он прилетал пять лет назад на Сайкайрус, он же и обронил ту фразу, что так запомнилась Данфейт.

— Всем доброго дня, — произнес мужчина и поднялся на кафедру.

Курсанты, как по команде, вскочили со своих мест и тут же уронили свои головы в почтительном поклоне. Данфейт, естественно, сделала то же самое.

— Занятие по теории энергитических полей сегодня проведу в вашей группе я.

Курсанты молча заняли свои места и приготовились слушать.

Данфейт искоса взглянула на сидящего позади Террея и прошептала:

— Кто это?

— Роэли Гвен — ответил Террей и тут же отвернулся от нее.

— Итак, начнем с проверки исходного уровня знаний. Распишет на доске и пояснит нам основные постулаты теории Райбрена... — Роэли провел глазами по макушкам учащихся и остановился на Данфейт, — Белови! Прошу.

Дани вспомнила дохлых кроликов и поднялась с места. Пройдя на кафедру и остановившись возле доски, она взяла в руки маркер и начала выводить формулы, пытаясь вспомнить материал, который зазубривала наизусть несколько дней назад.

Роэли внимательно наблюдал за ее действиями, не отпуская никаких замечаний и, в какой-то момент, даже приподнял свои брови, не то от удивления, что Данфейт так много знает, не то от недоумения, что она не знает ничего.

Выдавить из себя первое слово оказалось трудной задачей, но Дани спокойно справилась с ней, и поток речи полился из нее рекой. Роэли внимательно выслушал ее выступление и, кажется, улыбнулся в самом конце, но Данфейт расценила это движение его губ, как насмешку.

— Да, Белови, теорию Райбрена вы излагаете, как по нотам. Но, что есть теория, когда практика "на нуле"?

Данфейт молчала, глядя в пол. Роэли взглянул на часы и на этот раз действительно улыбнулся.

— Давайте посмотрим, Данфейт Белови, как Вы сможете применить свои теоретические знания на практике. Жду всю группу в зале номер шесть.

Роэли скрылся за дверями, а Данфейт повело в сторону.

— Не слабо, — хохотнул Террей и снисходительно посмотрел на Данфейт. — Держись, подруга, сейчас тебя поймают по полной.

— Думаешь? — прошептала она, собирая свои вещи со стола.

— Не сомневайся. Роэли Гвен крайне редко проводит занятия с курсантами и еще реже с матриати среди них. Что говорить про факультет "F", где его никогда не видели?

— Ему что-то нужно от меня, — произнесла Данфейт.

— Возможно, — пожал плечами Террей и похлопал подругу по плечу. — Пойдем, посмотрим, что он задумал.

Вокруг зала номер шесть творилось нечто невообразимое. Представители факультетов от "A" до "F" топтались у порога. Они расступились перед группой матриати, что прошла мимо, и тут же начали перешептываться. Данфейт вошла в помещение следом за Терреем и остановилась. Кроме Роэли Гвена, в зале, таком же зеркальном, как и тот, где Сермилли впечатал ее в стену, присутствовала Пире Савис и всем известные зрячие. Кимао, Орайя, Айрин, Йори и Бронан стояли возле госпожи Пире, которая оживленно что-то лепетала.

— Итак, — произнес Роэли, — все в сборе. — Сегодня мы проведем необычный тренинг с участием аркаинов и пар связанных. Включите, пожалуйста, сенсор колебаний.

Один из аркаинов подошел в стене и, открыв шлюз, начал что-то набирать на компьютере, вмонтированном в стену. В центре зала появился столб голубого свечения, мерцающий и поблескивающий в окружающем пространстве.

— Сначала, я попрошу каждого из вас измерить свой первоначальный уровень.

Роэли указал рукой в сторону Пире и грациозным жестом пригласил ее пройти в столб света. Пире, молча, подошла к нему и вошла в свечение, после чего всех оглушил звук, напоминающий пульсацию. Словно трепыхание сердца самой Пире Савис слышали они. Красивый звук, мягкий, но, в то же время, очень сильный.

— Прекрасно, — улыбнулся Роэли. — Результат?

— Амплитуда в восемьсот сорок условных единиц, — озвучил данные аркаин, стоящий у компьютера.

— Сиа, Вы следующий.

Орая проследовал в столб света и всех снова оглушил непонятный звук.

— Пятьсот тридцать.

— Хорошо. Айрин Белови.

— Пятьсот десять.

— Бронан Ринли.

— Четыреста восемьдесят.

— Йори Кораи.

— Пятьсот два.

— Кимао Кейти.

— Девятьсот три.

— Ничего себе... — прошептала Данфейт, продолжая зажимать свои уши.

— Террей Абсони.

— Четыреста девяносто три.

— Эрика Строун.

Данфейт снова зажала уши, но едва уловимый звук заставил ее отнять свои руки. Низкочастотная пульсация показалась очень мелодичной, но слишком слабой для того, чтобы кого-то оглушить.

— Девяносто три, — сообщил аркаин и по залу прокатился хохот.

Эрика пожала плечами, хотя на самом деле желала показать всем *shus*, и вышла из свечения.

— Данфейт Белови.

Дани вошла в столб света и попыталась расслабиться. То, что она слышала, ее просто.....потрясло... Безусловно, она догадывалась, что представляет из себя посредственность, но амплитуда колебаний в сорок условных единиц размазала по полу даже ее и без того заниженную самооценку.

— Да-а-а, — протянул Роэли. — Не густо...

— Что поделать... — вздохнула Данфейт и вышла из света.

— Теперь я попрошу измерить амплитуды колебаний оболочек пар связанных, во время их взаимодействия друг с другом. Госпожа Савис, не согласитесь ли Вы составить мне кампанию?

— Конечно, — улыбнулась Пире и проследовала в луч света.

Роэли вошел следом за ней и, притянув за шею, поцеловал. У Данфейт заложило уши. Наверное, если бы в зале были стеклянные предметы, они бы рассыпались на части от такого звука. Пульсирующий высокочастотный ритм, спускающийся вниз и возвращающийся на круги своя, произвел на всех слишком сильное впечатление. Роэли отстранился от Савис и обратился к аркаину.

— Сколько?

— Три тысячи двадцать.

— Прекрасно! Наш потенциал растет с каждым годом. Пара Ринли и Строун. Прошу.

Эрика вошла в столб света и повернула голову к Бронану. Зрячий медленно склонился над ней и прикоснулся к горячим губам. "Нежные губы и такие холодные, как никогда", — подумал Бронан, проводя по ним своим языком. Эрика не упустила возможности поквитаться со своим зрячим и, напоследок, прикусила его губу, отчего всех оглушило настоящим звоном.

— Тысяча двести тридцать.

— Вы поражаете меня, Строун. Такая посредственность и столь тесное взаимодействие со своим зрячим. Если и дальше так пойдет, я переведу Бронана на факультет "А". Следующие...

Когда, спустя несколько пар, прозвучали имена Йори и Террея, по залу прокатился шепот.

— Тише! — осадил всех Роэли. — Вперед, ребята. Я хочу посмотреть, что изменилось за последний год.

Данфейт и Эрика замерли в ожидании зрелища, которое всем женщинам в зале хотелось узреть, а мужчинам отвернуться, дабы не видеть.

Целующихся Террея и Йори Данфейт запечатлела в своей памяти навсегда. Непристойно, порочно, противоестественно, но все же чувственно, почему-то.

Результат в две тысячи сто условных единиц потряс Данфейт. Стоило этим двоим оказаться вместе, как они стали сильнее и поднялись до высот, о которых поодиночке могли только мечтать.

— Кейти и Белови, — прозвучало в тишине, и Данфейт поняла, что момент очередного позора наступил ее снова.

Дани спокойно вошла в столб света и подняла глаза на Кимао, который мог бы и улыбнуться ей, для приличия. Единственный мужчина, с которым она целовалась в здравом уме и трезвой памяти, был Сайми. А тут вот придется попробовать нечто новое. Данфейт вдохнула полной грудью и закрыла глаза, ожидая, что Кимао, как взрослый мальчик, сделает все сам, но, не тут-то было! Кейти застыл над ней, как вкопанный, даже не пытаясь наклониться к ее губам.

— Мы все вас ждем! — напомнил Роэли.

Данфейт открыла глаза и скорчила гримасу.

— Так противно? — произнес Кимао, не то в шутку, не то, оглашая правду.

— Обожаю доставлять удовольствие сестре, — улыбнулась Данфейт и, обвив руками его шею, сама потянулась к теплым губам.

Одно движение по шероховатой поверхности его рта, один вдох аромата его кожи, который она запомнила еще в тот памятный вечер их знакомства, и Дани поняла, что некоторые вещи могут оказаться совсем не такими, как хотелось бы. Она прикоснулась к его рту так, будто в первый раз целовала мужчину, одними только губами, словно спрашивая его дозволения на этот поцелуй. И как бы Кимао не старался держать себя в руках, но совладать с собственным гневом он не смог. Он был нужен ей, когда дело касалось ее интересов, и стал бесполезным, когда интересы ее были удовлетворены. Действительно, прийти к ней в общежитие с пакетами, набитыми фруктами и лучшей ресторанной едой, и понять, что она переехала, даже не поставив об этом его в известность... Как на придурка, смотрела на Кимао комендант, когда он отдал эти пакеты ей. И теперь Данфейт, как ни в чем не бывало, стоит перед ним и пытается поцеловать своими сомкнутыми губами. Было ли ему приятно осознавать это? Нет, ему было противно. Он хотел отомстить ей, уколоть в самое сердце и заставить истекать кровью, как это сделала она...

Данфейт поняла, что он не станет отвечать ей. Нет, не станет... Низкотоновый дребезжащий звук на заднем фоне усилился, словно понесся вскачь и, вдруг, потух, сменившись ровным звучанием.

Кимао открыл глаза и встретился с ее глазами.

— Что-то не так, — произнес аркаин и закашлялся.

— В чем дело?

— Прибор не зафиксировал амплитуду.

— То есть как...

— Ничего. Ноль.

Данфейт обернулась и посмотрела на Роэли. Деревя, в ответ, осуждающе покачал головой, а Пире, что стояла рядом с ним, ехидно улыбнулась.

— Непостижимо! — наконец, разрушил тишину Глава Ассоциации. — О чем он думал, когда сделал это? Такой талант.....такой потенциал...

— О чем Вы говорите? — произнесла Данфейт.

— Вы, молодая леди, гасите его, превращая всю силу зрячего в абсолютный ноль! Вы — паразит, который присасывается к его оболочке и питаетесь ею, не оставляя Миру ничего, кроме уязвимого тела!

"Паразит". Ей послышалось или Роэли Гвен действительно только что назвал ее "паразитом"? Данфейт почувствовала, как гнев переполняет ее, как мысли ее приобретают совершенно неправильное направление. На плечи ее обрушилось отчаяние и осознание того, что она не просто является чьей-то собственностью, что она есть вредоносное приобретение, от которого Кимао лучше бы избавиться...

Дани сложила руки на груди и посмотрела на Айрин. Сестра улыбалась, нашептывая что-то на ухо Орайе.

— Айрин Белови! — прогремел голос Роэли. — Не могли бы Вы занять место своей сестры?

— В каком смысле? — не поняла Айрин.

— Я хочу, чтобы Вы повлияли на Кимао Кейти.

Кимао оглянулся и с некой опаской посмотрел на Айрин. Данфейт вообще пришла в недоумение. Покинув луч света, она отошла всего на несколько метров от прибора и прищурилась. Сестра заняла ее место и Данфейт закрыла глаза. Она сама не понимала, почему поступила так. Только вот ярость, которую она испытала при мысли о том, что Кимао целует другую, ее сестру, застала пеленой взор матриати.

Кимао не понял мотивов Роэли. Он вообще ничего не понял. Когда Айрин оказалась перед ним, отступить назад уже было поздно, кроме того желание отомстить слишком навязчиво нашептывало ему на ухо о том, что нужно поцеловать Айрин как подобает, так, как умеет это делать Кимао Кейти.

Звук невиданной силы разрушил тишину и все присутствующие пригнулись к полу. Айрин, испугавшись того, что произошло, отстранилась от Кейти и вышла из света. Кимао же остался стоять на своем месте, глядя при этом на Данфейт, которая, замерев на своем месте, опустила глаза в пол.

— Две тысячи триста, — огласил аркаин и посмотрел на Главу.

— Так я и думал, — произнес Роэли. — Это еще притом, что они — не связаны. Прекрасная вышла бы пара, если бы не вмешательство Сиа. — Итак, Данфейт Белови, я хотел продемонстрировать Вам теорию Райбрена в действии.

Данфейт в тот же миг подбросило в воздух, и она упала на колени, не понимая глядя на Роэли.

— Вы не чувствуете ничего вокруг себя. Ни движения, ни колебаний, ни опасности, которую может представлять чужая энергетическая оболочка. Все ваши знания изначально являются бесполезными, ведь Вы никогда не сможете применить их на практике.

Безусловно, Вы — прекрасный боец, но это, в противостоянии с подобными мне, не представляет никакой ценности. Без покровительства своего зрячего, Вы обречены на проигрыш. А, находясь рядом с ним, увеличиваете свои шансы на провал в бесконечное число раз. Мне очень жаль, Данфейт, что вы не послушали меня много лет назад. Очень жаль, ведь теперь Вы стали маленьким бесполезным паразитом.

Это был тот миг, когда все ее надежды обратились в пыль. Когда годы труда и упорства перестали иметь всякое значение и превратились в "ничто". Данфейт улыбнулась. Она всегда прятала свои чувства под этой маской из "наклеенной" на уста улыбки. В абсолютном молчании Дани поднялась на ноги. В абсолютном молчании она перекинула свою сумку через плечо и направилась к выходу. В абсолютном молчании она вышла из зала и, под перешептывания остальных курсантов, все еще стоящих здесь, ушла прочь.

— На этом урок окончен, — прогремел голос Гвена.

— Думаю, что еще нет, — ответил Кимао и вышел из потока света.

— Кейти? Что-нибудь осталось для Вас непонятным?

— Да, господин Гвен.

Роэли обернулся и исподлобья взглянул на молодого зрячего.

— И что же именно Вы не поняли?

— По какому праву вы позволили себе унизить мою матриати?

— Я всего лишь преподавал ей урок. Вот и все.

— Вы унизили ее, назвав "паразитом"!

— Вас это задело?

— Да, меня это задело.

— Тогда, бросьте мне вызов, — усмехнувшись, произнес Роэли.

— Именно это я и делаю!

Данфейт оказалась на улице и взглянула на здание, оставшееся за ее спиной. Теперь она понимала, что это за "оплот знаний". Красивая вывеска, за которой скрывается чужое высокомерие и горечь тех, кто хотел стать всем, но не достиг ничего. Зачем такие, как она, остаются здесь? Потому что бояться уйти или потому что идти им больше некуда? Дани тяжело вздохнула и подняла голову к небу. Диск Амира находился в зените и слепил своим ярким сиянием. Глаза Данфейт заслезились, но она не отвела их, продолжая смотреть на Солнце, словно на мать, которая подарила ей саму жизнь.

"Не в таланте кроется наша сущность. Одному Юга может подарить многое и у него не хватит терпения обуздать этот "подарок". Другому Юга не даст практически ничего, но упорством своим он сможет вымолить у Амира другие дары. И дары эти напомнят остальным, кто является полноправным хозяином нашего мира". Не зря Пире сказала ей именно это в тот день. Не зря Роэли Гвен сегодня пришел к ней в группу. Не слишком ли она бездарная ученица для той, на которую может обратить свое внимание Глава Ассоциации? Теория Райбрена. Любое живое существо обладает энергетической оболочкой, которая находится в постоянном колебании...

— Вот, говнюк!!! — прокричала Данфейт и, развернувшись, бегом понеслась обратно в зал.

Распихивая плечами все еще стоящих там курсантов, Дани открыла дверь и влетела внутрь. Кимао, заметив ее, усмехнулся. Растрепанные волосы, губы, сжатые в прямую линию и взгляд, готовый испепелить любого, кто посмотрит ей в глаза.

— Ты долго возвращалась. Я начал беспокоиться, — заметил зрячий.

Данфейт посмотрела на него и тут же метнула взгляд в сторону Роэли Гвена, стоящего напротив Кейти со сложенными на груди руками. Все остальные участники спектакля сидели, почему-то, на полу, и глядели на Данфейт.

— Любое живое тело излучает энергию, которая находится в постоянном колебании. Это значит, что ни одно живое тело, а уж два тела тем более, не могут при взаимодействии получить абсолютный ноль! — закричала Данфейт, обращаясь при этом к Роэли.

— Много же вам понадобилось времени, чтобы понять это, — хмыкнул Глава, — но сути дела это не меняет. Вы по-прежнему ни на что не годны.

Данфейт оторвало от пола и подбросило в воздух. Она сгруппировалась при падении и приземлилась на пол, замерев в полусогнутом положении. Роэли повернулся к ней и выставил свою руку, но с Данфейт ничего не произошло.

— Вы не сможете постоянно защищать ее от силового поля! — закричал Гвен и, не прикасаясь, отбросил Кимао к противоположной стене.

Айрин вскрикнула и закрыла лицо ладонями. Орайя напрягся, но на его плече оказалась рука Йори, который быстро смирил его пыл.

Данфейт ощутила удар головой. Перед глазами все поплыло, в ушах начало звенеть.

— Чем же она поможет тебе, твоя матриати? — продолжал кричать Роэли, выставляя свою ладонь и направляя свой гнев на непокорного зрячего.

Кимао перекатился по полу в другую сторону и, распластавшись у стены, протянул руку в ответ. На глазах Данфейт пространство начало искажаться. Словно, марево нависло стеной над головой Кимао, превращаясь в туман, стелющийся по сторонам. Данфейт посмотрела на Кимао. Его лицо перекосило, и было видно, что он изо всех сил старается не подпустить это "что-то" к себе.

— Ну, так тебе? — кричал Гвен и звук его голоса меркнул в пространстве, доносясь до Данфейт лишь обрывками фраз. — Она ни на что не способна среди таких, как мы!

Данфейт обернулась и посмотрела на аркаина, все еще стоящего у стены, и метнулась к нему.

— Отойди! — прошипела сайкаирянка, отпихивая молодого человека плечом.

— Вы надеетесь найти ошибку в измерениях? — рассмеялся Роэли, выставляя вторую руку по направлению к Кимао.

— Я - ваша ошибка! — прокричала Данфейт и, вцепившись руками в край зеркальной панели у стены, вырвала ее вместе с крепежом.

— Что Вы делаете? — произнес обомлевший Роэли, на мгновение утративший контроль над полем.

Кимао воспользовался заминкой и отшвырнул Главу к противоположной стене, пытаясь при этом подняться на ноги. Роэли знал, как проучить щенка, пытающегося доказать здесь что-то. Глава посмотрел на Данфейт и направил в ее сторону поток силового поля, которое все это время сдерживал Кимао.

— Нет! — закричал зрячий.

— Нет! — послышались возгласы Эрики и Айрин.

— Нет! — прокричала сама Данфейт и шмыгнула за зеркальный лист обшивки, что держала в своих руках.

Волна силового поля отразилась от покрытия и рассеялась по сторонам, ударяя в тела всех присутствующих на занятии курсантов. Гвен в то же мгновение поднял обе руки в воздух и развел их по сторонам, сообщая о том, что поединок окончен.

Кимао продолжал лежать на полу у стены. Он смеялся. Юга, этот идиот хохотал!

— Очень интересно... — наконец, произнес Глава.

— Не настолько она проста, как могла показаться вначале? — спросил его Кимао.

Данфейт посмотрела на него, как на умалишенного. Словно, он насмеялся над самим Главой Ассоциации, не боясь, при этом, быть наказанным.

— Белови, Вы собираетесь на каждую схватку носить с собой лист обшивки из меркапзана? — спросил Гвен, не обращая на поведение Кейти никакого внимания.

— Если в схватке будете принимать участие Вы — несомненно! — ответила Данфейт, высовываясь из своего укрытия.

— В этом есть некий смысл... — прошептал Гвен.

Он долго всматривался в черты лица молодой матриати и в какой-то момент даже улыбнулся в ответ, после чего отвернулся и принял скучающий вид.

— Сделайте себе костюм из меркапзана, в таком случае. Может, в нем Вы сможете хоть чем-то помочь своему зрячему, — ответил Гвен и, поклонившись Кимао в ответ, покинул тренировочный зал.

— Что-то я ничего не поняла... — промямлила Дани, обращаясь на этот раз к Пире.

— Хорошо, что я не ошиблась в Вас, Белови... — хмыкнула Пире и покинула зал вслед за своим зрячим.

— Все живы? — спросила Данфейт, опуская лист обшивки на пол.

— О чем ты думал?! — первой сорвалась на крик Айрин. — Вызвать на поединок Главу Ассоциации! Ты в своем уме?

— Что в этом такого? — хмыкнул Кимао, поднимаясь с пола. — Если Вы боитесь сделать это, почему я должен смотреть на Вас?

— Нельзя вызвать на бой Роэли Гвена!

— Можно, если он нарушает Закон!

— Кто сказал, что он его нарушил?

— Он позволил себе назвать ее "паразитом", не говоря уже о том, что заставил тебя участвовать в этом спектакле!

— Я не виновата, что она ни на что не способна!

— И поэтому ты так довольна собой теперь?!

— Кейти, ты — дурак! Он всего лишь посмеялся над ней! Не он первый — не он последний!

— Никто не смеет смеяться над тем, что принадлежит мне!!! — проревел Кимао и стукнул рукой по стене.

Зеркальная поверхность обшивки хрустнула под его кулаком и покрылась трещинами. В зале повисла гробовая тишина. Для того, чтобы разбить напыленный меркапзан, необходимо приложить слишком большую силу, силу, на которую Кимао не должен был быть способен...

— Я - не вещь, чтобы кому-нибудь принадлежать, — прошептала Данфейт и направилась к выходу.

— Я - твой зрячий, и, прилетев сюда, ты приняла условия этого договора! — прокричал Кимао ей в спину.

— Твой отец был уверен, что ты не станешь унижать меня и пользоваться своим положением. Очень жаль, что он ошибся...

Дверь за Данфейт захлопнулась, отрезав от сознания Кимао ее эмоции и гнев.

Орайя собирался идти спать, когда в дверь его дома позвонили. Медленно оторвав свое бренное тело от дивана в гостиной, он вышел в холл и открыл дверь. Все с тем же уставшим выражением лица он повернулся к Данфейт спиной и, бросив нечто "проходи", вернулся обратно.

— Ты всегда так радушен с незваными гостями?

Голова Орайи снова показалась в дверном проеме, а глаза вопросительно посмотрели на Данфейт.

— В мой дом непрошеные гости не приходят.

— Тогда, я хочу выпить чего-нибудь, — ответила она и вошла внутрь.

— Покрепче или просто "побаловаться"?

— Разговор предстоит серьезный.

— Тогда "Сильзон"?

— Это что такое?

— Настойка на травах.

— Подойдет.

Орайя провел ее на кухню, если эту часть его дома вообще можно было так назвать. Бар — безусловно, но не кухня. Там не было плиты, только шкафы, полки с бокалами и бутылками, холодильник и высоченный длинный стол.

— А где ты питаешься? — не без интереса спросила Данфейт, взбираясь на стул.

— Заказываю еду на дом или иду к Кимао. Он, если ты помнишь, живет в пяти минутах ходьбы отсюда.

— Ты не умеешь готовить?

Орайя исподлобья посмотрел на Данфейт и хмыкнул:

— Ты забыла, кто мой отец?

— Ты прав, глупый вопрос.

— Не люблю я готовить, вот и все. Тем более, что моюстряпню можно есть только после недельной голодовки.

Бокал с ядовито зеленой жидкостью оказался перед Данфейт, рядом с ним тут же появилась тарелка с дольками лимона и оливками.

— Сейчас оценим твой "Сильзон".

Дани покрутила бокал в руке, затем вдохнула аромат напитка, напомнившего ей "благоухание" настойки Учителя от несварения, и влила содержимое в рот. Орайя долго смотрел на нее, побледневшую и удивленную.

— Можешь выдохнуть, — наконец, произнес он и "опрокинул" свой бокал.

Дани потянулась к лимону и положила одну дольку на язык.

— Ну, как? — улыбнулся дерева, закусывая оливкой.

— Я пока в сознании, но, боюсь, это ненадолго.

— У меня теплый пол, да и пледом накрою, если что.

— И голову на бок повернуть не забудь, — вполне серьезно заметила Данфейт и указала пальцем на свой пустой бокал.

— Ты сколько лет не пила? Пять?

— Шесть, есть быть точной.

— О, так тебе есть, что вспомнить?

— О-да! — хмыкнула Данфейт и "опрокинула" вторую порцию яда.

— Ну, начинай! — произнес Орайя, закусывая, на этот раз, лимоном.

Дани заерзала на стуле, пытаясь устроиться поудобней, и, придя к выводу, что в данной ситуации ей это вряд ли удастся, обратилась к Орайе.

— На прошлой неделе у меня состоялся не вполне приятный разговор с одним "доброжелателем". Этот "некто" поведал мне странную легенду о детях Амира, которую, в общих чертах, рассказывал мне твой отец.

Данфейт осушила третий бокал и закусила оливкой.

— Все бы ничего, — продолжила она, — но этот доброжелатель связал приращение с несчастьем, произошедшем на Сатрионе.

— Глупые легенды о людях, переживших термоядерный взрыв?

— Думаешь, глупые?

— Чушь полная, — спокойно ответил Орайя и нагнал Данфейт по части опустошения бутылки зеленого напитка. — Легенда о том, что оболочки погибших на Сатрионе остались в нашем пространстве и мой отец пытался оживить их, пересадив их "души" в тела других людей — тот еще бред.

— То есть, ты не веришь, что Учителя изгнали за попытку переселения оболочек умерших на Сатрионе в живые тела?

— После взрыва на Сатрионе, отец действительно выдвинул гипотезу о том, что оболочки умерших никуда не делись и сознание их все еще существует в этом мире, отделенное от тел. Но изгнали его не за это.

— За что тогда?

— Он работал над экспериментами с термоядерным синтезом. В результате одной из попыток создать сгусток управляемой энергии, погибло тридцать человек рабочего персонала. Вина, естественно, легла на плечи моего отца. Они устроили суд над ним и сфабриковали дело. А все потому, что папа — был основным претендентом на пост Главы Ассоциации после Роэли. Так его и убрали "со сцены".

— Значит, в мою историю ты не веришь, — сделала вывод Данфейт и опустошила очередной бокал.

— Тот, кто рассказал тебе это, хотел навредить тебе. Точнее, навредить Кимао.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве после того, как ты узнала о возможности существования сатриан и попытках переселения их оболочек в тела моим отцом, ты не стала сторониться Кимао?

— Нет.

— Врешь!

— Нет!

— Тогда почему ты спрашиваешь о детях Амира и Сатрионе у меня, а не у него?

— Потому что дело касается человека, которого ты называешь "отцом", а не он!

— Причина не в этом, — покачал головой Орайя.

— В чем тогда?

— Кимао раскусил бы тебя за пять секунд, вывернув на изнанку твое неприглядное нутро! Ты провела в доме отца пять лет и ни разу не задалась вопросом о том, по какой причине его изгнали. Строишь из себя праведницу? Ты не поверила ни единому моему слову, полагая, что твой Учитель вполне достоин звания "убийца"! Но тебя это не волновало

раньше. Что же теперь изменилось? Они пообещали тебе что-то? Попросили подмазаться и разнюхать у братьев Сиа секреты его прошлого? И ты не постеснялась! Приперлась сразу же ко мне, надеясь, что я слабее брата и не смогу раскусить твои жалкие уловки?!

— Знаешь, сколько людей погибло на Мийе, когда на нее рухнул тот загадочный метеорит? Три миллиона! — закричала Данфейт и ударила рукой по столу. — Три миллиона на Мийе в прошлом году и три миллиарда двадцать лет назад на Сатрионе! Есть ли между ними связь?! Я поверю в самое немыслимое, лишь бы только понять, почему Совет ничего не предпринял для того, чтобы спасти этих людей! Власть, сила, управление энергией! К чему все эти дары, если награжденные ими не используют их по назначению? Я верю в любовь, Орайя. Я знаю, что мой отец мог бы убить кого угодно, если бы это могло спасти мою мать! Это — человеческая природа! И она такая же мерзкая, как и моя вера в виновность твоего отца!

— Нашего отца, — прогремел голос Кимао за спиной Данфейт.

Дани закрыла глаза и вытерла рукой испарину со лба.

— Вот, значит, что произошло, — произнес Кимао. — Что тебе сказали? Что это он убил тех Мийян? Что это он взорвал три миллиона мирных жителей?! И ты полетела со мной на Атрион, предполагая, что я могу знать об этом что-то и покрывать его. Легко же ты переступила через свои "высокие" принципы! Это характеризует тебя как очень устремленную личность, Данфейт. Такие качества Ассоциация Зрячих высоко ценит.

— Не стоит приписывать мне эти грехи! Ты — мой зрячий, и какие бы тайны ты не хранил, быть им не перестанешь, по крайней мере, до тех пор, пока я не избавлюсь от этой зависимости!

— Не приписывать тебе грехи? — усмехнулся Кимао. — Ри потратил на тебя пять лет, прожил рядом с тобой все эти годы, и после этого ты посмела усомниться в главном — его человечности?! Ты лгала, глядя мне в глаза, зная, что могу знать интересующие тебя секреты! Такая искренняя, ты приняла мою помощь, когда тебе это было выгодно! Теперь я тебе не нужен, ведь из меня вытянуть хоть что-нибудь у тебя не получилось! Думаешь, если Орайя снизошел до того, чтобы рассказать тебе бесславную историю падения нашего отца, он ничего не понимает?!

Дани обернулась к Кимао и с ненавистью посмотрела на него.

— Осуждай себя, зрячий! За свои поступки я отвечу, но не перед тобой!

— А никому, кроме меня, до них нет дела!

— Тебе тоже плевать! — прокричала Данфейт и попыталась слезть со стула.

Пошатнувшись, она схватилась за стол и сползла на пол.

— Твою мать! Хорош "Сильзон"!

Кимао продолжал стоять возле нее и в абсолютном безмолвии наблюдал за ее попытками подняться на ноги. В какой-то момент Данфейт все-таки привстала и встретила его надменный взгляд, задрав свою голову. Ей было наплевать на то, что он подумает. Осуждение? Презрение? Безразличие? Что из этого он выберет сейчас? Какая разница, если для нее самой это ничего не изменит? Какая разница, если это не принесет ей ничего нового, кроме очередной боли?

— Строишь из себя обиженного, будто мои суждения о тебе и твоём отце имеют для тебя значение! Признайся, ты всего лишь желаешь понять, для чего Великий Ри свел нас. Не стоит играть в заступника, летать со мной на Атрион и вызывать Главу Ассоциации на поединок. Айрин и так высокого мнения о твоих моральных качествах. А если ты хочешь

этим отомстить моей сестре, которая вроде бы и любила тебя, но не настолько, чтобы принести на жертвенный алтарь свою свободу, ты уже проиграл. Айрин и так знает, что ты все еще стоишь перед ней на коленях!!!

— Уходи, — прошептал Кимао и присел на стул.

Дани с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, направилась к двери.

— Они выбрали меня покровительницей их дома, — вдруг, прошептала она. — Я должна была стать второй матерью их не родившимся детям. Она ушла первой, но их сожгли на одном костре. Они часто приходят ко мне во сне и просят спасти их. А я ничего не могу сделать. Если это был первый удар Сатриона, нас всех поглотит пекло Амира. И не уверена, что во второй раз я смогу это пережить... Я хочу знать правду. Я хочу знать, что сделал Ри, что предпринял Совет, что сделали все вы для того, чтобы этого не случилось!

— Что ты собираешься изменить, если все равно ничего не сможешь им противопоставить? Совет вытрет о тебя свои ноги и плюнет на прощание!

— Так же, как плюнул ты сегодня?

Кимао резко обернулся и посмотрел на нее.

— Значит, задело, все-таки...

— Подавись! — ответила Данфейт и выставила три пальца на прощание.

Спустя несколько секунд, Кимао и Орайя услышали грохот, донесшийся до них из холла.

— Кто потащит ее до дивана? — спросил Орайя, глядя на брата.

— Я не потащу, — ответил Кимао и налил в пустой бокал Данфейт "Сильзон".

Опрокинув его, он налил еще одну порцию и тут же залпом осушил и его.

— Оливку? — предложил Орайя.

— Я не заедаю "зеленую правду".

— Вряд ли бы она осмелилась выдать все это без "Сильзона".

— Она говорила, что ее выбрали покровительницей дома мийянккой семьи. Слишком большая честь для избалованной девчонки, — произнес Кимао и опустошил третий бокал. — Мы не были в деревне с тех самых пор, как прилетели сюда учиться. За это время она сделала то, что не удалось сотворить нам — принесла прогресс в общество, где его отказывались принимать. Она убедила Эрику, Террея и Йори полететь с ней на Атрион, вселив в них веру, что они вполне справятся с ролью ходоков. Она взяла в свою команду Бронана Ринли и умудрилась хоть как-то примирить их с Эрикой. Преподобный Матье питает к ней странную доброжелательность, хотя женщин ненавидит в принципе. Пире Савис, известная своей ненавистью к нам с тобой и всему, что связано с нашим отцом, утверждает, что не разочаровалась в ней. Роэли Гвен, который попытался сломать ее сегодня, улыбнулся, когда она отколола номер с листом обшивки. Деи Рой — секретарь Гвена — подсказал ей, как следует проходить тестирование и пожелал удачи. И, наконец, ты, Орайя, который при всей своей отстраненности и способности к абсолютному самоконтролю, испытал похоть только потому, что она захотела вызвать это чувство в тебе. Я упустил что-то?

— Да. Ты не упомянул, что Айрин в ее присутствии теряет над собой контроль, да и ты перестал блистать хладнокровием, выставляя напоказ свое болезненное желание охранять то, что, как ты изволил выразиться, "принадлежит тебе".

— Психоэмоциональное управление?

— Чистой воды.

— Она не осознает, каким образом воздействует на окружающих.

— И при этом ничего не чувствует.

Кимао налил в бокал очередную дозу "Сильзона" и снова принял яд.

— Самое смешное, — произнес он, соскакивая со стула, — что даже в невменяемом состоянии она способна вызвать во мне это поганое чувство ложной заботы!

Кимао вышел в холл и, подняв распластанное тело Данфейт с пола, понес ее на диван в гостиной.

— А почему ты решил, что оно "ложное"? — произнес Орайя, протягивая брату свернутый плед.

Кимао посмотрел на Орайю и прищурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она избегала тебя все эти дни, потому что не хотела знать правду. Они посадили в ней росток сомнения, который прижился в ее сердце и начал разрушать ее веру во все, что ее окружало. Они желали, чтобы она усомнилась в своем Учителе, в тебе, чтобы начала бояться, как боятся они. Ей легче было заглянуть в мои глаза и спросить о том, правда это или нет, потому что от тебя она это услышать не готова! А ты мечешься, не понимая, почему нечто, к чему ты начал привыкать, ускользает от тебя. И ты не готов это терять! Нет, дорогой брат, это — не ложная забота, а самая, что ни на есть искренняя, и непосредственный источник этих эмоций стоит перед мной с пледом в руках.

— Не забудь подложить мне под голову подушку, — произнес Кимао и упал на пол, отключившись.

— Ты опять проиграл, — хмыкнул дерева. — Никто не поборет меня по части употребления "Силь..."

Орайя рухнул на пол в ногах брата. "Зеленая правда", без сомнений, способна была не только развязать язык, но и подарить жертве настоящий девятичасовой сон в любом удобном или неудобном положении.

Данфейт открыла глаза и приоткрыла рот, пытаясь что-то произнести, но не смогла. Приподнявшись, она осмотрелась и пихнула ногой спящего на полу Кимао. Орайю она трогать не стала, и, переступив через тела обоих дерев, направилась в туалет, который искала минут десять.

Когда Кимао поднялся с пола и толкнул брата ногой в бок, в дверь позвонили. По коридору фривольно прошлась Данфейт в синем махровом халате и, распахнув ее настежь, начала с кем-то разговаривать. Кимао вышел в коридор и выглянул в холл.

— Спасибо, — произнесла сайкаирянка и, забрав у курьера пакеты с едой, закрыла входную дверь.

Оглянувшись, она встретилась глазами с Кимао и, ничего не ответив, передала пакеты ему.

— Давно проснулась? — спросил зрячий, шагая следом за ней на кухню.

— Час назад.

— Понятно... — протянул Кимао и начал распаковывать завтрак, который она заказала.

— Доброе утро! — поздоровался Орайя, вваливаясь на кухню и тут же выхватывая из рук брата пластиковый контейнер с едой. — Спасибо, что заказала. Кстати, это — мой халат.

— Я заметила, — ответила Данфейт, поправляя закатанные рукава.

— Я вам не мешаю? — произнес Кимао, застыв со стаканом бульона в руках.

— Совсем нет, — ответила Данфейт и забрала у него свое "лекарство".

— А я? — не понял зрячий.

— Завари себе чай, если хочешь, — хмыкнула Данфейт и пригубила горячий бульон.

Кимао спокойно подошел к ней, выхватил из руки стаканчик и приложился к нему сам.

Данфейт попыталась отобрать его, схватив зрячего за запястье, но Кимао перехватил стакан другой рукой и отвернулся.

— Ты засранец, Кимао! — буркнула Данфейт и раскинула руки на столе, уронив на них свою голову.

— Не расстраивайся, — поддержал ее Орайя. — Я заварю нам чай.

Кимао поставил пустой стакан на стол и, зевнув, потянулся.

— В следующий раз закажешь бульон на всех.

Данфейт ничего не ответила, продолжая лежать на столе.

— Эй, ты жива, вообще?

— Не твое дело.

Кимао тяжело вздохнул и подошел к ней, прикладывая свои руки к изгибу тонкой шеи, спрятанной под влажными волосами. Его ладони скользнули на затылок и замерли у самых ушей. Сжав пальцами мочки, Кимао повел ладони вниз и остановился у кромки ворота ее халата. Первые пальцы опустились ниже и погладили напряженные мышцы. Одно нажатие — и Данфейт протяжно застонала.

Орайя замер на мгновение и внимательно посмотрел на брата, а затем и на саму матриати. Девушка не двигалась, позволяя зрячему прикоснуться к ее шее, словно к своей собственной. Кимао рывком оголил ее плечи и развел пальцы, продолжая поглаживать бледную кожу и надавливать на мышцы, оставляя на снежном бархате едва заметные розовые следы.

Орайя отвернулся, стараясь не показывать своего удивления и, в то же время, интереса к происходящему. Новый стон Данфейт заставил его обернуться и нахмурить брови. Кимао, кажется, не обращал никакого внимания на его присутствие, сжимая свои пальцы на плечах своей матриати и принуждая ее тело выгибаться каждый раз, после очередного маневра.

Подхватив одну ее руку, он заломил ее ей за спину, и Данфейт что-то буркнула, но сопротивляться его воле не стала. Откинувшись назад, девушка замерла с закрытыми глазами, ожидая, когда он принесет ее телу очередную порцию удовольствия, одну за другой расслабляя ноющие мышцы.

— Ты вся, как пружина! Чтобы с завтрашнего дня возобновила медитацию на фрирайне!

— Ненавижу медитацию, — промычала Данфейт и тяжело вздохнула.

— А оргазм любишь?

Данфейт на мгновение онемела, и Кимао воспользовался этим, чтобы закончить цикл и завершить начатое. Тело Данфейт изогнулось, веки распахнулись и из горла вырвался протяжный сдавленный стон. Румянец проступил на ее белоснежных щеках и пятнами покрыл нежную кожу шеи и спины. Под ладонями зрячего прокатилась судорожная волна трепещущих мышц ее тела и тут же погасла, растворяясь там, где он никак не ожидал ее ощутить.

— Gjairicti! — вырвалось из горла зрячего перед тем, как его глаза закрылись и он припал к Данфейт, прижимая ее к столу.

У Орайи из рук выскользнула кружка и вдребезги разбилась о дорожной кафель на полу. Звук бьющегося фарфора вывел дереву из состояния оцепенения, и Орайя отвернулся, аккуратно перешагивая через осколки и стараясь побыстрее покинуть зону предстоящих боевых действий.

Данфейт открыла глаза и сжала руки в кулаках. Масштаб ее ярости трудно было себе представить, хотя Кимао в этот момент, было на все наплевать. Ее эмоции, ее удовольствие и, Амир побери, ее оргазм не оставили места для его гнева или беспокойства.

— Fui gjadie!!! — завопила Данфейт, нанося удар в грудь зрячего своим локтем.

Кимао тут же схватил ее за запястья и прижал их к столу.

— Еще раз назовешь меня подобным именем и потеряешь голос навсегда, — зашипел он с силой придавливая ее грудь в краю стола. — Моя мать была великой женщиной. Великой! Ты все поняла?!

Он надавил сильнее, и Данфейт закричала от боли. Кимао резко отстранился от нее и вышел из кухни.

Когда он вернулся, Данфейт уже переоделась и пила чай вместе с Орайей. Заметив его появление, девушка спустилась со стула, подошла к нему и со всей силы хлопнула ладонью по лицу. Кимао вполне мог уклониться от удара, но не стал этого делать, позволяя ей отомстить за унижение.

— На этом все? — как ни в чем не бывало произнес он.

— Поцелуй меня в зад, зрячий! — прошептала она и, задев его плечом на прощание, покинула дом Орайи.

— Ну, ты, конечно, отмочил номер... — покачал головой брат и протянул Кимао кружку с горячим чаем.

— Я не знал, что это возможно...

— Если все зрячие испытывают подобное, я готов пересмотреть свое отношение к Возвышению.

— Извини, — произнес Кимао, отворачиваясь от брата. — Я не собирался доводить дело до конца. Даже не думал об этом. А потом... Сам не знаю, почему поступил так...

— Знаешь, — ответил Орайя и улыбнулся.

— Она не просила, — покачал головой зрячий.

— Она захотела, а ты сделал. Вот и все.

— Привет! — радостно поздоровалась Эрика с проходящими мимо Кимао, Орайей и Айрин.

— Привет, — улыбнулся Кимао и посмотрел на Данфейт.

Девушка сдержанно кивнула в знак приветствия и тут же начала старательно отводить свои глаза.

Айрин, заметив это, ехидно улыбнулась:

— О тебе теперь судачат на каждом углу.

— Не обо мне одной.

— Как себя чувствуешь, Кимао? — приподняв одну бровь, спросила Эрика.

— Отлично! — ответил зрячий и вопросительно посмотрел на Данфейт.

Он не ожидал, что она станет рассказывать о произошедшем этой тианке, однако, судя

по мыслям подруги, Эрика была посвящена во все подробности. Данфейт приподняла голову и посмотрела куда-то вдаль. Казалось, будто она не здесь сейчас. Кимао хотел сказать что-нибудь язвительное, чтобы вызвать ее на словесный поединок, но глядя в ее пустые глаза понял, что она не услышит его. Будто его не существует рядом, словно, его вообще больше нигде нет.

— Нам пора, — произнесла Данфейт и, взяв подругу под руку, потянула ее вперед.

Кимао обернулся, чтобы проводить ее взглядом. Новый черный костюм матриати ей шел. Она заказала пуговицы, такие же, как и у него, на которых были вышиты всего две буквы "D.f.". "Done faitu". Почему она сократила свое имя именно так? Почему не "D.B.", а "D.f."?

— Кто назвал твою сестру этим именем? — спросил Кимао, обращаясь к Айрин.

— Отец, — пожала плечами сайкаирянка.

— Почему "Данфейт"?

— Понятия не имею. Никогда не задумывалась над этим.

— А она задумывалась?

— Об этом тебе лучше спросить ее саму, — повысив тон, ответила Айрин, давая понять, что разговор на эту тему она продолжать она не собирается.

Кимао с усталостью взглянул на нее и, не задерживая взгляд, как он раньше делал, развернулся и направился к лифтам.

— Что это с ним? — прошептала Айрин.

— Перепил вчера, — ответил Орайя.

— Он же не пьет.

— Пьет, конечно! — рассмеялся Орайя и похлопал Айрин по плечу. — Все пьют и он не исключение.

— Он — не все остальные, и Кимао Кейти не стал бы пить, не будь на то веской причины.

— Причин много, Айрин. Ты, она...

— Она?

— Да, Айрин, она...

Данфейт и Эрика опоздали... На урок господина Ло... Предмет, который он преподавал назывался "Психоэмоциональное восприятие окружающей действительности". За длинным, многообещающим названием скрывалась обыкновенная "промывка мозгов". Расхаживая на протяжении двух часов перед внемлющей аудиторией, господин Ло рассказывал истории из жизни зрячих и матриати, когда именно благодаря навыкам последних, сильные мира сего оставались в живых. Правда, он не упоминал при этом о судьбе самих матриати, но, как говорится, без смерти подвиг не может стать "трагическим".

Рассказчик, следует отдать ему должное, он был неплохой. Удерживая в напряжении зрителей на протяжении всей истории, он умудрялся вызвать в своих подопечных не только неподдельный интерес, но и чувство гордости за тех, к чьим рядам они принадлежат. Все бы ничего, но господин Ло очень ценил пунктуальность. Зная об этом, Данфейт и Эрика приготовились к самому худшему, но зрячий просто попросил девушек занять свои места в аудитории и, снисходительно улыбнувшись, продолжил свой рассказ о безвыходной

ситуации, в которую попали четверо человек...

Дани не уловила момент, когда потеряла нить происходящего. Ее веки постоянно опускались на глаза, но она старательно поднимала их вверх, потирая виски и скрывая зевоту. О чем вещал Ло, ее уже мало волновало. Уснуть посреди его занятия, сидя в первом ряду, — вот чего действительно опасалась Данфейт. В какой-то момент, глаза ее все-таки закрылись и девушка просто уснула.

— Ты не успеешь этого сделать! Это — безумие, остановись!

— Не говори мне о безумии. Кто угодно, но только не ты!

— Освободи ее. Отпусти!

— Нет! Ее время не пришло! Не пришло, понимаешь?

— Твой сын перестал называть тебя отцом. Ты хочешь, чтобы она перестала называть тебя Учителем?

— Она поймет. А если нет — значит, я не достоин того, чтобы она звала меня так.

Данфейт встрепенулась и открыла свои глаза. Господин Ло уже заканчивал свой монолог, а ее одноклассники замерли в тревожном ожидании развязки.

— Так, госпожа Белови? — вдруг произнес Ло.

Дани не нашла, что ответить, кроме односложного "да".

— Выспались?

Данфейт опустила глаза и пожала плечами.

— Извините, господин Ло.

— Ничего. Вы еще молоды, а трудовые будни только начинаются... — снисходительно улыбнулся зрячий и подмигнул Данфейт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Этот жест не остался незамеченным для окружающих. Но самому Ло, судя по всему, на это было наплевать. Его неожиданное снисходительное поведение по отношению к этой сайкаирянке — вот что привело его в недоумение. Почему он не наказал ее? Странно, даже. Очень странно...

Спустя несколько минут Ло завершил свой рассказ. Пожелав всем удачного дня, он покинул аудиторию.

Дани начала складывать свои вещи, но не спешила подниматься со своего места.

— Что с тобой? — произнес Террей, останавливаясь напротив нее.

— Ничего, — буркнула Данфейт и перекинула рюкзак через плечо.

— Дани, должен заметить, что и я теперь не способен тебя прочесть.

— Это похвала?

— Да.

— Я ничего не чувствую. Я не прячу своих мыслей умышленно. Это работает независимо от меня.

— Либо ты достигла высоко уровня управления собственным сознанием, либо...

— Кто-то охраняет мои мысли вместо меня, — закончила за него Данфейт.

— Зачем же Кимао поступать так?

— Это не Кимао. Он тоже не может прочесть меня.

— Кто же тогда?

— Тот, кому выгодно держать мои мысли при мне, — ответила Данфейт и, поднявшись с места, зашагала к выходу.

— Вчера я разговаривал с Йори о втором вылете на Атрион. Он не против.

— Я тоже, — пожалала плечами Данфейт. — Если Эрика и Бронан готовы рискнуть вместе с нами, можете определить дату вылета.

— А Кимао?

— А что Кимао? — остановившись, произнесла Данфейт. — У него есть своя команда. С ними он и будет летать на Атрион.

— Возможно, мы могли бы объединиться?

— Хочешь лететь с ними? Дерзай! Только без меня.

— Без тебя я никуда не полечу, — улыбнулся Террей.

Данфейт взглянула в ярко-синие глаза югуанина и улыбнулась в ответ.

— Поговори с Эрикой и Бронаном. Если они согласны, вылетаем на этих выходных.

— Так-то лучше. Пойдем, физическая подготовка начнется через несколько минут.

Когда господин Апри сообщил курсантам о том, чем именно они займутся на очередном совместном занятии по физической подготовке, по залу прокатился хохот. Десять минут ушло на то, чтобы все связанные покинули тренировочную и собрались в другом помещении перед стеной, увенчанной специальными выступлениями.

— У вас есть ровно час. Потом приду я и приму зачет. Все ясно?

— Да, Господин Апри, — ответили все и принялись за работу.

Раздевалки в помещении оказалось всего две. Кое-кто не стал дожидаться своей очереди и переоделся у всех на глазах. Естественно, Данфейт последовала благоразумному примеру, и поспешила натянуть на себя костюм для скалолазания. Кимао смотрел на все это со сложенными на груди руками, стоя позади шеренги из молодых зрячих по направлению к раздевалке.

— Может, переоденешься так же, как и я? — буркнула Данфейт, приближаясь к нему.

Кимао нахмурил брови, глядя на нее с высоты своего роста.

— У меня не настолько красивое нижнее белье, чтобы выставлять его на всеобщее обозрение.

— Да и задницы, так у меня — нет, но сути дела это не меняет: ты собираешься переодеваться или предпочитаешь простоять час в этой очереди?

— Я хочу переодеться в раздевалке, и тебе придется меня подождать.

Данфейт тяжело вздохнула и отвернулась.

— Как хочешь, — прошептала она и побрела к стене одна.

— Белови! Куда прешь без страховки?! — закричал Йори.

— Моя страховка переодевается!

Кимао, услышав это, даже с места не сдвинулся.

— Данфейт! — возмущилась Эрика, которая пыталась пристегнуться ремнями к Бронану. — Прекрати дурью маяться!

Сайкаирянка ничего не ответила подруге. Ловко цепляясь за выступы, она ползла вверх, все дальше отдаляясь от пола и собственной безопасности соответственно.

Кимао знал, чего она добивается. Манипуляция, судя по всему, была ее коньком. Айрин часто рассказывала ему, как ее сестра вынуждала отца потакать ее прихотям, используя при этом "грязные" приемы. В десять лет она решила, что хочет заняться дайвингом. Отец, естественно, был против, но Данфейт начала погружаться на глубину без акваланга, чуть не

утонув однажды. Естественно, Герольд Белови, как разумный человек, понял, что не сможет предотвратить подобное в следующий раз, и нанял для дочери инструктора, который обучил ее нырянию с аквалангом. В шестнадцать лет Данфейт захотела ездить на мотоцикле. И здесь Герольд Белови принял верное решение, категорически отказав дочери в этом удовольствии. И что? Данфейт нашла по сети единомышленников и начала кататься вместе с ними в свободное от учебы время. Отец был в ярости, когда узнал. Сначала, он пытался повлиять на нее, посадив под домашний арест, но после трех побегов из дома понял, что и здесь проиграл. Так, в шестнадцать лет Данфейт получила вожделенный мотоцикл, правда, в обмен на сданный экзамен по вождению, но все же... И теперь Данфейт Белови заявляла: "Я хочу, чтобы Кимао Кейти пошевелился и переоделся у всех на виду".

Кимао снисходительно хмыкнул и отвернулся от стены, по которой вверх карабкалась его матриати.

Дани прикоснулась ладонью к потолку и замерла на высоте.

Очередь Кимао подошла, и он спокойно вошел в раздевалку. Все-таки, он победил. От этой мысли ему стало приятно. Доказать ей, что гнилые уловки на него не действуют, было, все-таки не так просто, как хотелось бы. Но, унижить себя в глазах его одноклассников и других матриати, он не мог позволить. Выйдя из кабины, он остановился на полпути к стене, как вкопанный. Данфейт все еще находилась у самой вершины, спрятав голову от окружающих за своими локтями.

Курсанты уже начали подшучивать над ней.

— Данфейт! — закричал Террей. — Тебе помочь?

Девушка не ответила, продолжая вжиматься в стену.

Йори что-то шепнул Террею на ухо, и ребята начали плавно перемещаться к Данфейт.

Ветер бьет в лицо, развевая ее волосы. Лицо горит и глаза слепит яркий свет. Они бегут навстречу, сбивая друг друга с ног, задевая ее плечами и толкая в сторону, а она продолжает стоять, глядя на сияние, которое затмевает собой Амир. Ей уже все равно. Она приняла правду. Она приготовилась к тому, что сейчас произойдет. Ее подбрасывает в воздух и несет куда-то вдаль. Она прикрывает лицо руками и чувствует, как костюм плавится на ее теле. Это так больно! Так больно, Юга! Больно!!!

Дани открыла глаза и отклеилась от стены. Одна ее нога плавно сползла вниз, и тело переместилось вслед за ней. Кимао внимательно наблюдал за происходящим. Осторожные, аккуратные движения и заметная дрожь в руках... Что-то не так... Она же не боится высоты...

Террей и Йори, заметив, что Дани без проблем спускается вниз, продолжили восхождение. Кимао же не сводил с нее глаз до тех пор, пока одна ее нога не коснулась пола.

Он ждал, когда она обернется и посмотрит на него. Ждал, но так и не дождался. Данфейт развернулась и направилась к выходу из комнаты.

— Хочешь пересдавать этот зачет в свободное от учебы время? — закричал Кимао ей в спину.

— Сейчас вернусь! — огрызнулась Дани, но к нему так и не обернулась.

— Что, Кейти! Пробросили тебя?! — засмеялась Эрика, пихая локтем Бронана в бок.

Кимао ничего не ответил на эту реплику. "Пробросили". Точно, "пробросили"...

Кимао вышел из комнаты следом за Данфейт и, напрягая собственное восприятие, определил ее местоположение. Дверь в женский туалет распахнулась и ударилась о стену.

— Заканчивай это дерьмо и вперед, за работу! — закричал Кимао.

Дани осталась стоять, упиравшись руками о раковину и глядя на собственное отражение в зеркале.

— Я умерла сегодня...

— Что?

— Видение, будто я стою посреди дороги, а мне навстречу бегут люди. Они спасаются, пытаются спастись. И этот яркий свет... Я видела его не в первый раз. Ты тоже его видел. Меня подняло в воздух, кожа начала плавиться...

Данфейт закрыла глаза и опустила голову.

— Наверное, это чьи-то воспоминания. Но кому-то они принадлежат?

— Ты не контролируешь собственную оболочку. Твои возможности растут с каждым днем, во многом, благодаря связи со мной. История с Сатрионом произвела на тебя впечатление, и теперь ты выстраиваешь возможное развитие событий в своем воображении, принуждая тело реализовать это в форме видений.

Данфейт внимательно посмотрела на него и прищурилась.

— А если это не воображение? Если это настоящие чужие воспоминания?

— После гибели тела энергетическая оболочка продолжает находиться в пространстве в течение нескольких часов, а затем растворяется и личность исчезает, унося с собой свои воспоминания.

— А если она не растворяется? Если она остается, не находя покоя?

— Что ты хочешь услышать? Верю ли я в теорию своего отца?

— А ты веришь?

— Я знаю, что оболочка вне тела существует только несколько часов. Я ответил на твой вопрос?

— Нет, Кимао. На мой вопрос ты не ответил, — прошептала она и, обогнув его, направилась обратно в зал.

Дани больше не разговаривала с ним. Пристегнувшись ремнями, она потащила зрячего следом за собой. Кимао резко потянул ее назад, и она завалилась на него.

— Это упражнение на взаимодействие. Так что изволь выполнять его правильно!

Данфейт выдохнула, но ничего не ответила. Собравшись с мыслями она медленно выставила ногу вперед и подождала, пока Кимао сделает то же самое.

— Уже лучше.

Дани остановилась у стены и потянула руку вверх.

— Мне здесь не нравится. Отойди на метр вправо.

— Не собираюсь, — буркнула Данфейт и снова протянула руки вверх, когда почувствовала, как Кимао обнимает ее за талию, отрывает от пола и несет вправо.

— Shai!

— Не думай, что я ничего не понял, — произнес Кимао, останавливаясь и прижимая ее к стене. — Смысл упражнения заключается в том, чтобы научиться слаженно работать со своим зрячим. Ты должна полагаться на меня, а я на тебя. Без этого простого доверия у нас ничего не получится. И если на высоте твои руки трясутся, я — первый человек, который должен знать об этом.

— Слезь с меня, — прошептала Данфейт, все еще ощущая, как он придавливает ее к стене.

— И не подумаю. Давай, ползи вверх!

— Мне не хватает пространства! Ты прилип ко мне!

— А ты полагала, что все будет просто?

Данфейт не ответила. Собравшись с мыслями, она потянулась и поползла вверх.

Первый удар локтем пришелся в грудь Кимао. Она даже не извинилась, лишь немного замедлив темп восхождения. Второй раз она толкнула его бедром, но почувствовав, как он заваливается назад, резко притянула его обратно.

— Еще раз позволишь себе подобное, и мы окажемся на полу, — предупредил ее Кимао.

Она поднималась все выше и выше, но в этот раз совершенно не задумывалась о собственном волнении. Все ее мысли были заняты непозволительной близостью Кимао и его постоянными прикосновениями к ее телу. Это бесило ее. Настолько, что хотелось "заехать" ногой в пах и скинуть зрячего с высоты, даже зная, что она неминуемо полетит следом за ним.

— Тебе настолько неприятно находиться рядом со мной? — вдруг спросил он.

— Масштабы этой неприязни ты вряд ли себе представляешь.

— Я противен тебе?

— Да, ты противен мне! — огрызнулась Данфейт и повернула к нему свою голову, гневно глядя в черные глаза. — Не со мной тебе надо лезть на эту стену, а с Айрин, вы ведь с ней составляете прекрасный тандем!

— Превзойти ее хоть в чем-нибудь, — вот, что имеет для тебя значение.

— Не смей сравнивать нас!

— Я? Зачем, если ты сама сравниваешь себя с ней. Ты пахала все эти годы не ради самосовершенствования, а для того, чтобы доказать себе, что ты ничем не хуже своей сестры. А теперь объектом твоего гнева стал я. Ты обличаешь все мои поступки в некие рамки своих собственных убеждений и трактуешь исходя из собственных умозаключений. Ты готова поверить всему, что тебе скажут обо мне, лишь бы только доказать, что я не тот, кем кажусь окружающим. Теперь ты заявляешь, что я противен тебе. Скажи, когда ты впервые увидела меня, я тоже был тебе противен, или это чувство пришло после того, как ты узнала, что между мной и Айрин что-то было?

— Первое впечатление — самое правильное, Кимао. Когда я впервые увидела тебя, подумала о том, что ты слишком опасен. Опасный циник с черными глазами, в которых кроме своего собственного страха я ничего не прочла. И ты пялился на мою сестру вместе со своим братом, точно так же, как толпы мужиков до тебя, сравнивая ее со мной и насмехаясь над шуткой Юги, которая связала нас родственными узами. Выводы обо мне и моих способностях ты сделал незамедлительно, а потом... решил сыграть себе на руку. Нравится, когда она ревнует? Когда злится на тебя, потому что ты слишком много времени проводишь рядом со мной? Ты называешь меня "тем, что принадлежит тебе" и прилюдно кичишься своим статусом "зрячего". Подавись, Кимао Кейти! Подавись этим словом!!!

Данфейт отвернулась к стене и со всей силы оттолкнулась от нее. Кимао не противился ее воле, спокойно зависнув на страховочном тросе и плавно спускаясь вниз вместе с ней.

Отстегнув тросы, Данфейт, не переодеваясь, схватила свой рюкзак и направилась к выходу.

— Самолюбие — это все, что тобой движет?! — прокричал ей в спину Кимао.

Она обернулась и, натянув на лицо нечто, вроде оскала, подняла руку к плечу и одним резким жестом стряхнула с него пыль. Кимао в ответ поднял свою ладонь и показал ей *Sihus*.

Никто не поверил в то, что увидел. Кимао Кейти, который в присутствии посторонних никогда не выражался и, уж тем более, не показывал столь неприличный жест, опустил до

уровня своей матери и прилюдно ее "послал". В итоге, зачет по скалолазанию в тот день не сдала только одна пара связанных, имена которых уже были на слуху у всей Ассоциации.

Утро следующего дня началось с неприятностей для Данфейт. На первом же занятии она провалила зачетный тест. На втором занятии Данфейт "использовали" в качестве наглядного образца по применению физического воздействия звуковых вибраций и подопечную вытошнило на ее новый дорогой костюм. Визит в туалет так же не увенчался успехом, потому как там она встретила Аригу со своей спутницей, которые в словесной форме "оторвались" по полной. Апогеем стало выдворение Данфейт вместе с Кимао с занятия по физической подготовке из-за несданного зачета. Зрячий не проронил ни слова и вышел из зала первым, хлопнув дверью перед носом своей матриати.

Когда Дани, наконец, добралась до дома, отец "обрадовал" ее своим очередным сообщением, в котором ясно говорилось о том, что в этом году ей от своих обязанностей не отвертеться, и Айрин это проконтролирует.

— Что еще? — говорила она сама себе, пытаясь отправить заказ по сети на покупку жидкого меркапзана.

И снова стена. Оказалось, что этот материал добывают всего лишь в одном месте — на руднике Висроу одного из секторов Деревы. На покупку материала требовалось разрешение Совета Ассоциации, заявку на которое необходимо было подавать в письменной форме. После получения этого разрешения, заказчик обязан был в течение трех дней забрать "товар" лично со склада того же сектора. Обычная бюрократия, как могло показаться на первый взгляд, однако, заявки на подобное разрешение Совет рассматривал всего раз в месяц, и этот "раз" пришелся на вчерашний день. И это было еще не все. Жидкий меркапзан — материал токсичный и просто так нанести его на термостабильный костюм было нельзя. Заказы на работу с меркапзаном выполняли всего две корпорации и обе принадлежали к сектору оборонной промышленности. Это означало, что Данфейт предстояло получить еще одно разрешение, и на этот раз от Управления безопасности планеты Дерева. В общем, потратив свое время и деньги, она могла получить костюм уже через два месяца. И это — в лучшем случае.

Ужин курсантов должен был состояться через полторы недели, и Данфейт приняла решение не идти на него. Крутиться среди тех, кто считает себя "элитой", чье желание пробиться наверх и обогнать остальных стоит превыше всего, отвечать на вопросы, склонив свою голову, будто признавая, что они имеют право осуждать и унижать ее, — было выше ее сил. Причислив себя к иному миру, они посчитали, что лучше остальных, копошавшихся внизу. Словно, они другие люди, будто не совершают ошибок, не испытывают эмоций и унитаза в их домах не керамические, а золотые. И если кто-то не похож на них, если кто-то выбивается из общей массы, они поворачиваются к нему спиной и фыркают, перемалывая кости в кулуарных беседах и туалетном шепоте.

Не посчитав нужным поставить в известность Кимао о своем решении, Данфейт погрузилась в пучину размышлений и одиночества. Если раньше она с интересом вчитывалась в очередную опус о самосовершенствовании и секретах мироздания, то теперь этот процесс превратился для нее в обязанность. Шагая по дороге к высокой цели, она, в какой-то момент, свернула на обочину жизни. "Ты впахивала все эти годы не ради самосовершенствования, а для того, чтобы доказать себе, что ты ничем не хуже своей сестры". Правдивые слова и такое горькое послевкусие. Она гнала от себя эти мысли, не

желая обращаться назад и анализировать свои поступки. Почему она захотела обучаться у зрячих? Для чего стремилась попасть в ряды избранных? Каким она представляла свое будущее, отправляясь в дом Учителя? В том-то и дело, что она никогда не задумывалась об этом. Вспоминая дни, проведенные в деревне мийян, Данфейт понимала, что только тогда в ее поступках был некий смысл. Там она представляла из себя кого-то. Там в ее честь жгли костры...

Пересекаясь с Кимао в коридорах учебного корпуса, она чувствовала, как его отстраненность стягивает металлической удавкой ее тонкую шею. Это странное чувство казалось ей абсурдным. Его взгляд стал таким надменным и холодным, каким она не видела его никогда. Он смотрел, словно, сквозь нее, а затем, и вовсе перестал смотреть. Проходя мимо нее он отворачивался. Она надеялась найти на его лице презрительную усмешку в эти моменты, но и ее там не было. Абсолютное безразличие. Кимао Кейти стер ластиком Данфейт Белови с графической зарисовки своей жизни, и теперь ее графитовые осколки были размазаны по белому полотну его дальнейшей судьбы. Осознав это, Данфейт поняла, что страдает. И от этого она начала презирать себя еще больше. Слабость свою, желание унизиться и попросить прощения за свои слова, Данфейт задушила собственными руками. Она сказала правду. И пусть не все она обнажила, и обличила высказанное в рамки только однобоких суждений, она высказала ему все то, что так давно грузом давило на ее плечи. И если он повел себя именно так, значит, она была права. Он был противен ей. Он был ненавистен ей. Но, каждый раз, проходя мимо, она продолжала поднимать глаза и вглядываться в черты его лица. Зачем? Чтобы почувствовать в груди все те же тиски, что сжимали ее сущность, перехватывая кислород на вдохе? Кимао Кейти стал для нее удавкой. Кимао Кейти раздавил ее, не приложив к этому никаких усилий. Кимао Кейти продолжал существовать, когда Данфейт Белови начала исчезать.

— Ты чахнешь, — спустя несколько дней произнесла подруга, забирая наполненную едой тарелку у Данфейт из-под носа.

— Как цветок? — хмыкнула Дани.

— Как кактус, — пояснила Эрика. — Где та веселая жизнерадостная девушка, которая вселяла в меня уверенность, что все будет хорошо? Где она, Данфейт?

— Потерялась, — ответила сайкаирянка и направилась в свою комнату.

На следующий день Данфейт не вышла на занятия. Эрика пыталась ее разбудить, но Дани показала подруге *sihus* и в нецензурной форме попросила больше ее не беспокоить. Вечером Эрика вернулась домой с пакетом, из которого торчали бутылка шампанского и виски.

— Что празднуем? — приподняв брови, спросила Данфейт, встречая ее на пороге в измятой ночной рубашке, которую не меняла уже несколько дней.

— Праздновать нам нечего, а вот напиться давно пора.

— Сервировать стол будем?

— Предпочитаю спать лицом на подушке, нежели в салате.

— Наливай, — хмыкнула Данфейт и прошла на кухню.

Открыв бутылку шампанского, они, не говоря ни слова друг другу, осушили ее до дна и перешли на виски. Спустя сорок минут к Данфейт пришло долгожданное облегчение и она, улыбнувшись подруге, попыталась начать разговор.

— Как день прошел?

— Ничего особенного, — ответила тианка, закусывая яблоком. — Айрин спрашивала,

где ты.

— И что ты ответила?

— Сказала, что если этот вопрос ее интересует, она может связаться с тобой по сети или задать его лично, придя сюда.

Данфейт хохотнула и покрутила в руках стакан.

— Представляю, что она тебе ответила.

— Ничего не ответила. Кимао ее увел, и я осталась невредимой.

При упоминании имени зрячего, Данфейт перекосило.

— Мириться не собираешься?

— Пошел он!

— Если вы не сдадите зачет по скалолазанию завтра, Апри отстранит тебя от занятий вообще.

— И когда ты об этом узнала?

— Сегодня.

— А говоришь, праздновать нечего! — захохотала Данфейт.

— Отстранят только тебя. Кимао не тронут.

— Пусть учится. Ему полезно.

— Ты хочешь уехать? — напрямую задала вопрос подруга.

— Хочу.

— Куда?

— Не домой, это точно.

— Возьмешь меня с собой?

Данфейт посмотрела на тианку и улыбнулась.

— Возьму.

— У меня есть одно незаконченное дело. Я надеялась, что ты pomoжешь мне его завершить.

— Бронану нос сломать?

— Нет, — покачала головой Эрика. — Моему отчиму.

— Отчиму?

— Да, папаше, который насиловал меня на протяжении двух лет.

Данфейт внимательно посмотрела на подругу и прищурилась.

— Это ведь не очередная твоя шутка? — спросила она, заранее зная ответ на свой вопрос.

— Мой родной отец умер, когда мне было четырнадцать. Моя мать, привыкшая жить в роскоши и достатке, очень быстро поняла, что без состоятельного мужа источник ее доходов быстро иссякнет. Так я познакомилась со своим "новым" папой. Ариичи очень состоятельный человек и влиятельный. Только один недостаток у него есть — он трахает все, что движется. Мама под села на стакан и посвятила себя посещению вечеринок и выбору очередного тренера по фитнесу. Мне было шестнадцать, когда "папочка" впервые пришел ко мне в спальню. Я кричала, так сильно, как только могла, но никто меня не слышал. Никто не хотел слышать меня.

— Как же ты...

— Почему не рассказала никому? Почему продолжала терпеть все это на протяжении нескольких лет? У меня была сестра, Данфейт. Мари, которой только исполнилось четырнадцать. И он смотрел на нее теми же голодными глазами, что и на меня... Ни я, так

она. Постепенно я привыкла и научилась с этим справляться. Накачаюсь под завязку и уже все равно, что происходит. Терпеть оставалось всего лишь до совершеннолетия моей сестры. Через два года такой жизни, я, наконец, надоела ему. Место моего заключения было выбрано Ариичи, специальность — мной. Частная Академия для избалованных "дорогих" детей. Глядя на всех них, я понимала, что либо кану в лету, либо возьмусь за ум. Я с головой погрузилась в учебу. У меня получалось, и это, как ни что в жизни, радовало меня. Вместо того, чтобы провести в Академии пять лет, я прошла программу обучения за три года. Получив диплом, я захотела поступить в магистратуру, но тут мне вовремя напомнили о том, что на шее моей висит поводок. Ариичи посчитал, что красивой дорогой шлюхе образование ни к чему. Я вернулась домой и попыталась устроиться на работу, чтобы заложить основы для последующего отхода. Но, увы. Никто не захотел связываться со стилистом — приемной дочерью самого Ариичи Строуна. Я осталась ни с чем. Вопреки всем моим ожиданиям, Ариичи не стал ко мне прикасаться, и тогда я вздохнула с облегчением. Я привыкла к ежедневным скандалам, к пьяной матери, разгуливающей по дому с бокалом наперевес, к шлюхам Ариичи, которых он, не стесняясь, приводил домой. Фальшивые улыбки, кажущееся благополучие и грязная подковерная возня. Оставалось продержаться два года. С совершеннолетием Мари этот кошмар бы закончился. Я наблюдала, я охраняла ее, я ждала. Но Мари росла, а вместе с ней росла и похоть во взгляде моего отчима. Мари принимала это за участие. Конечно, ведь во всех спорах он неизменно принимал ее сторону, он потакал всем ее прихотям, позволяя швыряться деньгами. Он ни в чем не отказывал ей, пресекая малейшие мои попытки повлиять на сестру. Попойки, вечеринки, сомнительные кампании. Я не понимала, чего он добивается. Не могла понять до определенного момента. Это был один из приемов, на котором присутствовали партнеры по бизнесу моего отчима. Мы, как всегда, должны были улыбаться и вести светские беседы с теми, кого никогда не встречали ранее. Я заметила, что возле Мари постоянно кто-то крутится. Они вели себя с ней развязно, подливая в бокал то шампанское, то пунш. Свою пьяную сестру я вытащила из туалета, где ей под юбку пытался залезть один из этих "партнеров". Естественно, я была в ярости и тут же бросилась к Ариичи, чтобы расставить все точки над "и" и знаешь, что услышала в ответ? "Мне нужен этот контракт. Не она, так ты пойдешь и трахнешься с ним. Ты или она, выбирай сама". Я не пошла, и Мари не пустила. Один из моих охранников помог: привез дорогую проститку, которой я очень хорошо приплатила за услуги. Все остались довольны. Все, кроме Ариичи. Тогда я поняла, чего именно он добивался. Я была ему не нужна, но все-таки он нашел мне применение. Так, перемирие сменилось новым боем. Знала бы ты, насколько хорошо я освоила все те трюки, которыми мне удавалось избавиться от всех тех, кому в "подарок" была обещана одна из приемных дочерей Ариичи Строуна. Чаще всего мне удавалось их напоить. Обычно, они засыпали до того, как мне приходилось раздеваться. Снотворные использовались мной для особо стойких "клиентов". И, конечно же, у меня было прикрытие в лице Лолли, немного похожей на меня, особенно если одеться одинаково. Лолли спала с теми, кого спиртное и снотворное так и не сломили. В этой борьбе прошел еще один год. До дня рождения Мари оставалось всего два месяца, и именно тогда все рухнуло. У Ариичи сорвалась сделка с отцом Бронана. Отчим рвал и метал, когда понял, что зацепить дерев ничем не сможет. Безупречное прошлое знаменитой деревийской семьи, отсутствие вредных привычек и слабостей по части постели. Ариичи почти сломался и почти что подписал договор на тех условиях, которые предложила семья Ринли, как вдруг на Тию прилетел младший сын главы корпорации. На очередной вечеринке Ариичи представил

меня ему и....и тогда я поняла, что в этот раз мне не удастся избежать самого страшного. Бронан смотрел на меня так, будто сама Юга явилась к нему в моем образе. Ариичи нашел слабое место семьи Ринли и сделал все возможное, чтобы использовать свой козырь. За два дня мне предстояло сделать то, что не смог сделать Ариичи за несколько месяцев: убедить деревийскую сторону изменить условия договора. Бронан был очень мил. Во время экскурсий по столице и крупным городам Тии он ни разу не прикоснулся ко мне, ни разу не позволил себе съязвить или оскорбить меня словом или взглядом. Безусловно, это подкупало, но не настолько, чтобы я изменила собственным принципам и легла с ним в постель. Все изменилось на приеме, посвященном предстоящему подписанию договора. Бронана словно подменили. Человек, с которым я провела двое суток бок о бок, превратился в такого же ублюдка, как и все, кто были до него. Он открыто сообщил мне о своем намерении переспать со мной, сказав, что его семью вполне устраивает выставленная цена за возможность перепихнуться с такой экзотической шлюхой, как я. Было понятно без слов, кто навел его на эти мысли. В ход пошли мои излюбленные приемы. Я исправно наполняла его бокал, но он не пил, демонстративно выливая все содержимое в ведро со льдом. Чашку с кофе, куда я подлила снотворное, он просто вывернул на пол. "Думаешь, тебе это поможет?" — ответил он, отбрасывая ее ногой. Помню, как я улыбнулась в ответ и сделала то, что всегда помогало мне пережить минуты уединения с отчимом. Я напилась. И он позволил, презрительно глядя на каждый из наполненных бокалов, что постоянно появлялся в моей руке. К концу приема меня уже мало волновало, что должно было произойти. Я уехала вместе с ним и разделась, когда он зашел в мой номер. Я первой поцеловала его, потому как шлюхе первой положено начинать игру. Поутру, все выглядело куда более мрачно. Я проснулась и покинула злосчастный номер. Прилетев домой, я дотатила свое тело до кровати и поняла, что больше не могу ходить. "Слишком много спиртного", — думала я. "Слишком много секса", — подсказывало что-то внутри. Вечером к нам приехал Бронан. Он зашел в мою комнату без приглашения и попросил в течение пяти минут собрать свои вещи. В ярости я набросилась на него и тут же пожалела о том, что сделала. На объяснения ему хватило трех минут. "Я тебя купил, и ты будешь делать то, что я тебе говорю до тех пор, пока мне не надоест". С этими словами он вышел, а вместо него в комнату вошел Ариичи. Он смеялся, глядя на меня, распластанную на полу. "Если сделаешь так, как он хочет, я не трону ее. Никто ее не тронет, если она не захочет". Месяц. Оставался месяц, и я полагала, что уступив в этот раз, смогу выиграть войну. Я собрала свои вещи и последовала за тем, кого начала ненавидеть так же сильно, как своего отчима. Месяц я была послушной. Я стала его тенью, склоняющей свою голову, когда хозяин смотрит на нее. Я видела, что ему нравится такое положение вещей. Он перестал приказывать и, кажется, стал просить меня о чем-то. Он начал дарить мне подарки, при виде которых остальных матриати в группе начинало трясти от зависти. Я меняла украшения ежедневно, я одевалась в костюмы, сшитые на заказ, и выбрасывала их сразу же по возвращению домой. В день рождения моей сестры, я села на корабль и вернулась домой. Побрякушки я забрала с собой: продав их, мы могли бы начать совершенно новую жизнь. Но, Мари не захотела уходить вместе со мной. Она смеялась, когда я распиналась перед ней, убеждая, что рядом со мной ей больше ничего не грозит. "Ну, и дура же ты! Я люблю его, понимаешь?! Я люблю его, а он любит меня!" Ублюдок... Не знаю, когда именно он начал спать с ней, но это случилось, а значит, его обещания растаяли в воздухе, как дым. Моя цель была потеряна. Мои труды и жертвы не были нужны никому, кроме меня самой. Как можно было быть настолько слепой, чтобы не замечать ничего

вокруг? Как можно было быть настолько глухой, чтобы не внимать голосу собственного рассудка? Мари... Развязная, пьющая Мари... Мари, проводящая сутки на пролет со своими друзьями и не стремящаяся ни к чему, кроме удовлетворения собственных потребностей. С чем я осталась? "С капиталом", — полагала я, глядя на украшения, спрятанные в моей сумочке. Я заселилась в гостиницу и посчитала, что дальше смогу идти по жизни одна. Того зрячего я встретила именно в ней. Он, обозначив меня, как "свободную матриати" решил, что может весело провести время. Я всадила нож ему в живот и только тогда осознала, что наделала. За убийство зрячего матриати приговаривают к смерти. Я бросилась в бега. В аэропорту, правда, меня уже ждали. Под арестом я провела два дня, пока не прилетел Бронан и не взял ответственность на себя. "Самооборона", — улыбнулись дознаватели, отпуская меня на свободу. "Теперь ты понимаешь, что тебя ждет в большом и светлом мире?" — ответил Бронан, забирая у меня из рук сумку с украшениями. Больше я не видела их. Он забрал все. "Отомщу", — подумала тогда я. "Я обязательно отомщу тебе". Самое смешное, что именно в тот момент я осознала, что он больше не может меня читать. Он смотрел мне в глаза и ничего, совершенно ничего не слышал из того, что я ему говорила. Помню, как прижалась к его груди и заплакала. Плакала я по-настоящему, но вот его грудь меня несколько не привлекала. Однако, сработало, и он обнял меня. Новая жизненная цель была утверждена. Мечь Бронану Ринли стала моей путеводной звездой. После моего возвращения, он перестал прикасаться ко мне. Я понимала, что он боится, действительно боится того, что с ним происходило. Конечно же, я делала все возможное, чтобы влюбить его в себя. Я знала, что он питает некую слабость ко мне, понимала, что ради секса со мной он отказался от собственных принципов и преступил черту. Я догадывалась о мотивах его поведения на приеме, ведь это Ариичи сообщил ему о том, сколько я стою и какое именно количество мужчин уже заплатили за возможность прикоснуться к моим прелестям. Но, принять его отношение к тому, что происходило вокруг, я не могла. Он не заслуживал прощения в моих глазах, потому как ни чем не отличался от всех остальных. "Моя матриати", — говорил он, кладя руку на мое плечо и представляя своим новым знакомым. Я терпела, я молчала и, наконец, добилась своего. Это случилось после сдачи нами очередного совместного зачета господину Апри. Бронан так обрадовался нашему триумфу, что поцеловал меня на глазах у всех остальных. Поцеловал и тогда, когда остальные отвернулись. Поцеловал, когда вернулся домой. Он целовал меня каждый день: ночью, до, во время и после секса, утром, перед занятиями, на перерывах и после. И тогда, я ощутила всю полноту своей власти. Я — тианка из захудалой группы факультета "F" вертела своим зрячим, как хотела. А потом, я начала показывать свой характер. Я стала говорить ему "нет". Ссоры, перепалки. Как у вас с Кимао, только более масштабно. Я противостояла ему во всем. Я посылала его прилюдно, не стесняясь, не прячась, словно не зависела от него вовсе, желая доказать остальным, что он никто более, чем очередной влюбленный дурак. Он терпел, и я вошла в раж. Мне казалось, что я стала всемогущей. Что могу делать все, что хочу и абсолютно от него не завишу. Мечь. Я так была близка к своей цели. Оставалось нанести удар по самому больному месту любого влюбленного мужика: переспать с другим, и еще лучше, с его ближайшим другом. Такой был на примете. Крон. До сих пор учится с ним в группе. Несколько взглядов, случайных встреч на улице, несколько чашек кофе после учебы и Крон распустил свои слюни. А я заливала: беззащитная, униженная и обиженная тианка, которая никогда не сможет сказать "нет" его другу. И Бронан, весь такой жестокий и желающий только одного: спасти со мной. Крон клюнул и в момент очередной нашей с Бронаном "общественной" ссоры вступился за меня.

Видела бы ты лицо Бронана, когда он понял, к кому я льну и прошу защитить меня. Только вот когда я собралась вечером на встречу с Кроном, Бронан меня не отпустил. Он кричал, он не мог понять, в чем провинился и почему я поступаю именно так. Он спрашивал, люблю ли я Крона и если люблю, смогу ли просто так оставить его, Бронана? Знаешь, что я ответила? "Все вы — ублюдки. Одни — получше, другие — похуже, но суть одна и та же. Так, какая разница, с кем из вас мне трахнуть сегодня?" "Принуждение". Я думала, что это — тоже самое, что под виски: делаешь и не думаешь ни о чем. Нет, Данфейт, ты думаешь, только не о том, что он имеет тебя, когда ты стоишь на коленях, а о боли, которую испытываешь, когда он ногтями "режет" твою оболочку. Он вырвал мне несколько прядей волос и исцарапал всю спину. Но это, поверь, совершенно не больно, по сравнению с тем, что я испытала, когда он "надорвал" мое поле. Бронан пожалел о том, что совершил уже через несколько минут после того, как кончил. Извинения... Кому они нужны, когда ты уже преступил черту? С тех пор он ни разу не прикоснулся ко мне. Каждый месяц пополнял мой счет, ровно настолько, чтобы хватило на жилье в общежитии и еду. После этого принуждения у меня пропало желание кому бы то ни было мстить. Я вообще не хотела больше жить. Тело. Это тело напрягало меня. Его приходилось кормить, водить в туалет, мыть и приводить в надлежащий вид. Постепенно, все вернулось на круги своя. Я осознала, наконец, где мое место, и старалась не пересекаться с человеком, который может не только убить меня. Потом появилась Гритхен и жить стало немного проще. Я больше не боялась, что он вломится ко мне в комнату и повторит свой подвиг. Зачем, если появилась другая, которую он так же прилюдно целовал? Это — моя история Данфейт. Единственное, о чем жалею, так это о том, что так и не смогла убить Ариичи. Хотела, но руку поднять не смогла, да и Бронан не позволил. Зная, что из себя представляет мой отчим, он ограничился лишь тем, что перестал с ним общаться. Вот, и вся любовь. Вот она — правда нашей жизни. Куда бы ты ни отправилась, куда бы ни попыталась убежать, на твоём пути обязательно встретиться другой зрячий или более сильный, чем ты, аркаин. А ты матриати, и если за твоей спиной не стоит тот, кто изувечит за одно желание прикоснуться к тому, что ему принадлежит, тебя будут иметь все. Все подряд, — произнесла Эрика и, поднявшись из-за стола, поковыляла в свою комнату.

Данфейт долго еще сидела на стуле и "пережевывала" услышанное. Она полагала, когда-то, что ей плохо жилось. Что дом ее ненавистен ей. Что сестру она терпеть не может. Избалованная девочка, которая ни разу не задумалась о том, что у нее на самом деле есть. И вот, Данфейт приняла участие в игре для взрослых. Она не прочла правил, и кто-то сыграл на ее невежестве. Теперь она пытается выбить, однако, назад пути нет.

Дани положила голову на кухонный стол и закрыла свои глаза. Два шага вперед и бросок назад, приводящий в чувства. Как же сложно жить с этим... Как же тяжело принять непостижимое...

Никто не поверил своим глазам, когда ровно в восемь тридцать утра в полупустую аудиторию вошла женщина и, посмотрев на Кимао Кейти, который в этот момент отвлекся от разговора со своим братом, попросила его проследовать за ней в тренировочный зал номер два. На молодой особе не было костюма с нашивками, определяющими ее ранг среди таких же, как она. Нет, не было. Черные туфли на высоченном каблуке и танкетке, белые обтягивающие брюки и такая же белоснежная блузка, сквозь тонкую ткань которой отчетливо виднелся ее черный кружевной лифчик. Из украшений на ней были лишь бусы, несколькими нитями блестящих крупных граненных камней ниспадающие на ее грудь. У незнакомки был интересный оттенок кожи. Персиковый. Возможно, это была игра румян на ее лице, но именно с персиком хотелось сравнить ее бледно-розовую бархатистую кожу. Ее глаза выделялись среди этого прозрачного тона. Они привлекали своей темнотой, хотя, не были по-настоящему темными. Волосы этой особы были причудливо уложены в отдельные пряди, торчащие в разные стороны. Именно благодаря этой прическе весь внешний облик ее приобретал черты некой насмешливости и невинности, залегая на грани между вызовом и пороком. Эта женщина была молода. Эта женщина была красива. Она излучала сексуальность и притягивала к себе взгляды. Эту женщину Кимао Кейти никогда не видел ранее. Однако, Айрин Белови была с ней знакома. И этот образ своей сестры она ненавидела больше всех остальных. Этот образ Данфейт Белови примеряла на себя только один день в году: день своего рождения. Но, сегодня был другой день, обычный, и потому Айрин напряглась.

— Ну, ничего себе... — произнес Орайя, подпирая рукой голову и вглядываясь будто бы в новое лицо матриати своего брата.

— Курсанты этого учебного заведения должны быть одеты соответственно, — громко произнес Кимао, отворачиваясь от Данфейт и со злостью заглядывая в заинтересованное лицо Орайи.

— Я - не курсант этого учебного заведения, — произнесла Данфейт, проходя в аудиторию и присаживаясь прямо на стол напротив своего зрячего.

Обнаружив позади себя обескураженного курсанта, девушка обернулась к нему и, приподняв один уголок своих накрашенных губ, спросила:

— Вы же "не против"?

Ее глаза словно просияли, и курсант, запинаясь, ответил:

— Н-нет...

Данфейт тут же потеряла к нему всякий интерес и вновь обратила свое внимание на зрячего.

— Господин Апри велел передать, что ждет тебя в тренировочном зале номер два через, — изящное движение рукой, чтобы посмотреть на наручные часы, — десять минут. — Поэтому, у тебя нет выбора, господин Кейти, — хмыкнула девушка и наклонилась к Кимао, прищуривая свои глаза. — А если ты не соизволишь оторвать свой зад и привести его в место назначенной встречи, он отстранит тебя от учебы так же, как отстранил сегодня утром меня.

Как же сладок был ее голос. Как нежен. Он пробирал до дрожи в теле, до напряжения в мышцах, он будоражил самые потаенные уголки сознания. И не только Кимао ощутил это.

Это испытали все, кто услышал ее ответ. Данфейт грациозно спрыгнула со стола и, подмигнув курсанту, к которому только что сидела спиной, направилась к выходу.

— Уже девять минут! — прокричала она, захлопывая тяжелую деревянную дверь за собой.

Орайя сглотнул. В аудитории повисла тишина. Ей понадобилось всего три минуты, чтобы заставить замолчать двадцать пять человек. И всего одна фраза, чтобы заставить Кимао испытать вождеделение.

Зрячий закрыл глаза и глубоко вздохнул. Аромат ее духов, ее тела, ее волос... Он все еще ощущал его и это, Амир побери, пошатнуло его самообладание.

— Так, ты идешь? — засмеялся Орайя, обращаясь к Кимао.

— А у меня есть выбор? — покачал головой зрячий и поднялся из-за стола.

Он вышел в коридор и спокойным размеренным шагом направился к лифтам. Он видел очертания ее белоснежной одежды среди курсантов, толпящихся в коридоре.словно ориентируясь на свет маяка, он вслепую следовал за этой белой фигурой, все быстрее устремляющейся вперед. Она не свернула в коридор, ведущий к лифтам. Нет. Она направилась в сторону лестницы и Кимао пошел за ней следом. Дверь захлопнулась за ее спиной, и Кимао перешел на бег. Он должен был ее нагнать. Почему? Зачем? Он просто знал, что должен нагнать ее во что бы то ни стало. Кимао выбежал на лестничный пролет. Кто-то поздоровался с ним и зрячий, по наитию, кивнул головой, огибая знакомого курсанта. Шесть этажей вниз пешком. Почему она выбрала этот путь? Кимао начал спускаться следом за ней. Он наклонился и свесился с перил, чтобы удостовериться, что она все еще здесь, и, заметив фигуру в белом наряде на несколько этажей ниже, ускорил свой шаг.

Наушник беспроводной сети задребезжал у него в кармане. Кимао достал его и надел на ухо, глядя на проекционное табло перед своими глазами, в котором красными буквами было написано имя Эрики Строун. Кимао нажал кнопку "принять".

— Да.

— О... О...

Кимао остановился и вновь свесился с перил, вглядываясь в пространство внизу.

— О-на...

— Что случилось?

Данфейт встрепенулась и открыла глаза. Дурной сон, хотя таких в ее жизни было много. Бессмысленный сон и, в то же время, при воспоминаниях о нем кожа девушки покрылась мурашками. Дани осмотрелась и перевернулась на бок, утыкаясь носом в мокрую подушку. Нет, наволочка была пропитана далеко не слезами. Данфейт перебрала со спиртным настолько, что просто обслюнявила ее в забытьи. Поморщившись от этой мысли, она тут же приподнялась и села, свешивая свои босые ноги.

— Эрика... — пробурчала Данфейт, пытаясь оторвать себя от кровати и испытывая при этом невообразимую головную боль. — Эрика, твою мать...

Данфейт несколько минут просидела в согнутом положении, а когда приступ позыва на рвоту минул, встала на ноги.

Дверь в ее комнату была распахнута настежь, и Дани выползла в коридор.

— Эрика, ты дома вообще?

Тишина.

— Значит, "нет", — просипела себе под нос матриати и направилась в ванную.

Что-то было не так. Это чувство тревоги, засевшее в уголке ее сознания, превращалось в настоящий звон, от которого можно было оглохнуть. На спине Данфейт проступил пот и она остановилась.

— Эрика... — прошептала матриати, оборачиваясь и глядя на закрытую дверь в комнату своей подруги.

Данфейт подошла к двери и заглянула внутрь. Грудь сдавило на мгновение. Она хотела закричать, но голос ее пропал. Она попыталась закрыть веки, но они замерли над глазами, не позволяя отрезать от взора все еще непонятную для Данфейт картину.

Эрика... Она была бледной... Красивое, багрового цвета вечернее платье на иссиня-белом теле... И туфли, что упали с ее замерших в воздухе ног... Молодая... Хрупкая... Прекрасная... И такая мертвая...

Данфейт медленно осела на пол. Тишина. Эта тишина пугала ее, она наполняла ее и пожирала все чувства, которые Данфейт должна была бы испытать в тот миг. Дани приоткрыла рот, чтобы произнести имя подруги, но голос ее пропал. Что делать? Что ей с этим делать? Помощь... Ей нужна помощь... Помощь нужна ей...

Дани закрыла глаза и отвернулась. Вставая на колени, она поняла, что только так сможет доползти до своего наушника, что оставила на столе в гостиной вчера. Данфейт приоткрыла глаза и, уставившись в пол, медленно поползла вперед. Вот она — гостиная.словно в лабиринте резиденции учителя она нашла выход и бросилась к нему. Ноги Данфейт заскользили по лакированному полу и запутались в подоле грязной ночной рубашки... Стол. Наушник... Наушники, ее и Эрики. Они одинаковы... Кто сделал эти наушники одинаковыми?... Данфейт схватила крайний и надела на ухо. Эрика... Она выбрала ее наушник. Это хорошо, что она помнила номер аккаунта Кимао наизусть. Хорошо, ведь иначе пришлось бы рыться в адресатах Эрики...

Он ответил ей простым и односложным "да". "Да", — сказал он и замолчал. Она открыла рот, чтобы произнести простую фразу, но, кроме первого "о" не смогла ничего из себя выдать. "О", — повторила она и набрала в грудь воздух.

— О-на... — простонала Данфейт и зажала ладонью свой рот.

— Что случилось? — спокойно ответил Кимао, требуя от нее пояснения, состоящего всего из двух коротких слов.

Двух слов, не предложений, всего двух слов. Данфейт сжала руки в кулаки и по слогам ответила:

— О-на ме-ртва...

— С кем я говорю?! — будто бы не понимая, произнес Кимао.

— Это я, — прошептала Дани. — Я, Данфейт.

Кимао молчал несколько секунд. О чем он думал? Она только что сказала, что кто-то умер, а он даже не может спросить ее, кто именно!

— Думаешь, подобные гнилые уловки сработают?! — раздражительным тоном произнес Кимао. — Это что, по-твоему, смешно?! У тебя с головой, вообще, все в порядке? Потому как нормальные люди подобными вещами не занимаются!!! — прокричал Кимао и отключил вызов.

Данфейт достала из уха наушник и отбросила его от себя, словно, нечто мерзкое. Он не

поверил ей. Ее зрячий ей не поверил!!! Юга... Бронан. Он должен знать... Уже давно должен был знать. Почувствовать обрыв связи или что-нибудь подобное... Почему его здесь нет?

На этот раз Данфейт взяла со стола свой наушник и на проекционной клавиатуре трясущимися руками набрала номер Бронана.

— Да, Данфейт, — ответил Бронан.

Он, кажется, был весел. Весел? Ему весело, Амир его побери?!

— Какой же ты... — прошептала Данфейт.

— Ты чего? — не понял Бронан, переходя на шепот.

— Она мертва! Она повесилась, а тебе плевать! Ублюдох!!! Ты ублюдох — Бронан Ринли!!!

— Кто повесился? — не понял ее зрячий и медленно повторил свой вопрос: — Кто повесился, Данфейт?

— Эрика!!! — закричала Дани и зажала рот кулаком, чтобы не заплакать.

— Данфейт, успокойся, — очень вкрадчиво произнес дерева. — Она жива. Я десять минут назад видел ее в холле, и все было в порядке.

— Что?! — прошептала Данфейт, отнимая руку от своего рта.

— Я говорю, что она жива. Если бы с Эрикой что-нибудь случилось, я бы первым узнал об этом. Ты же понимаешь, о чем я говорю?

— Тогда, кто висит на ремне в ее комнате?! — прокричала Дани и медленно обернулась, останавливая свой взгляд на босых синюшно-белых ногах.

Кимао разозлился. Еще бы?! Она ненормальная!!! Идиотка!!! Перепугала его, да так, что сердце до сих пор колотилось. Кимао толкнул дверь и вышел в коридор третьего этажа. Спина в белой блузке мелькнула где-то вдалеке и исчезла за очередной дверью. Кимао решил догнать припадочную, чтобы собственноручно вправить ей мозги, когда столкнулся с Бронаном, налетевшем на него.

— Я искал тебя, — обеспокоенно произнес зрячий.

— Мне некогда, — буркнул Кимао, пытаясь его обойти.

— Данфейт звонила мне только что и несла какую-то чушь!

— Меня не провела, решила оторваться на тебе? — приподнял брови Кимао и посмотрел на Бронана, как на законченного идиота.

— Меньше всего это походило на шутку. Она не в себе.

— Если хочешь, можешь лично спросить ее, что это было. Она только что вошла в зал номер два, куда я, кстати, направлялся.

— Что? Она здесь?!

— Именно, — пожал плечами Кимао.

— Смотрите, как два идиота, — услышали зрячие рядом с собой.

Кимао обернулся и успел схватить Эрику, проходящую мимо, за рукав.

— Ты чего? — не поняла тианка и повернулась к нему.

— Какого Амира Данфейт звонит мне с твоего наушника и заикается, как полоумная?

— "Отходняк" у нее! — засмеялась тианка. — А "ухо" я дома забыла, так что... — пожала плечами Эрика и выдернула свою руку из хвата деревы. — А с чего бы это ей тебе звонить?! — не понимая поспешила посмотреть на зрячего Эрика и прикусила губу. — Или после

ночной попойки у нее проснулось желание высказать тебе правду о том, какой ты у нас засранец?! — хмыкнула тианка и отвернулась. — Хорошо, хоть к девяти утра проснулась. Прогресс, — пробурчала девушка и направилась вперед.

— Что? — не понял ее высказывания Кимао.

— Что? — обернулась тианка.

— Она уже здесь, причем к этому моменту она успела повидаться с господином Апри и заставить меня явиться на сдачу зачета!!!

— Ты в своем уме? — усмехнулась Эрика. — Я в восемь утра из дому вышла и Данфейт спала в пьяном угаре, как убитая!

Кимао обернулся к Бронану и с неверием посмотрел на него.

— Что она сказала тебе? — прошептал зрячий, хватая Бронана за плечо.

— Что Эрика повесилась в своей комнате.

— Что еще?!

— Я не понял. Она отключила вызов. Я перезвонил, но она не ответила.

— Дани... — прошептал Кимао и посмотрел на дверь, в тренировочный зал номер два.

Не сговариваясь, они рванули вперед. Эрика продолжала стоять на месте, пережевывая все услышанное ранее. Страшно... Ей страшно... Она зажмурилась, и, выдохнув, побежала за зрячими.

Кимао первым открыл дверь и ввалился в тренировочный зал. Бронан вошел следом, а за ними тихо прошла и Эрика. Тело господина Апри лежало на полу. Мужчина, скорчившись от напряжения и боли, продолжал смотреть в потолок, пока девушка в белом костюме расхаживала кругами вокруг него. Все ее внимание было приковано к человеку, которого мучила нестерпимая боль.

— Отвечай, сколько их всего! — продолжала говорить она. — Я подарю тебе освобождение, если ты ответишь на мой простой вопрос.

— Кто ты? — прошептал Апри и тут же застонал от боли.

— Не узнаешь свою собственную матриати? — засмеялась Данфейт и посмотрела в сторону стоящих у двери гостей.

— Среди вас нет того, кто мне нужен, — покачала головой девушка и отвернулась.

У Эрики и Бронана пропал дар речи. Они смотрели на Данфейт и, в то же время понимали, что у этой женщины и Данфейт не ничего общего. Эта незнакомка излучала спокойствие и уверенность в себе, она искрилась жестокостью и презрением к тому, что происходило вокруг. Она наслаждалась чужими страданиями, и было понятно, что она не отпустит их из этого зала живыми.

— Для тебя все закончится здесь. Можешь радоваться: ты не увидишь конца. Ты все еще помнишь, сколько нас? — спросила Данфейт и присела возле Апри.

— Ребенок Амира, — прошептал мужчина и протянул руку к девушке, но она отбросила ее, поднимаясь на ноги.

— Самый, что ни на есть! — засмеялась Данфейт и вновь посмотрела в сторону двери. — Он опаздывает. Я же дала ему десять минут! Твои курсанты не пунктуальны, Амелай.

— Кого ты ищешь? — простонал Апри, сжимая голову в своих руках.

— У меня очень деликатная миссия. Она требует определенного подхода. Ты же понимаешь, что убить свою матриати не так-то просто, когда смотришь ей в глаза. И тем более не просто, когда испытываешь к ней нечто более сильное, чем простую связь

оболочек.

— Зачем тебе Кимао?

— Слишком много вопросов, Амелай. Раньше ты только приказывал, а теперь, вот, вопросы задаешь. Кстати, не думала, что все окажется так просто. Знаешь, я хотела убить тебя еще в твоём кабинете. Но Пире не вовремя заглянула, и пришлось изменить свой план. Ты повелся на уловку, и Кейти, кстати, тоже. Видел бы ты его лицо! — засмеялась Данфейт. — Стоило лишь посмотреть на него с тоской в глазах, и щенок, подняв свой хвост, тут же поплелся следом за мной.

Кимао искоса просмотрел на Бронана и Эрику, которые в этот момент с удивлением в глазах смотрели на него. Тут Бронан протянул Эрике руку и сжал в своей ладони, едва заметно покачав головой и отворачиваясь от Кейти. Эрика отвела свои глаза от зрячего, и приковала взгляд к Данфейт, воодушевленно пытающую господина Апри, лежащего на полу. Кимао сделал шаг в сторону и остановился.

— Ты хочешь умереть? Ответь честно, ведь на тебя смотрят твои курсанты, — продолжила говорить Данфейт.

Апри перевернулся на бок, цепляясь ногтями за пол и ломая их.

— Чего ты хочешь? — простонал мужчина, пытаясь повернуть голову и взглянуть на нее.

— Я уже озвучивала тебе свой вопрос. Сколько их всего, Амелай?!

— Бойтесь, что они передают Вас, как мух?

Женщина повернулась и посмотрела на гостей, замерших у самых дверей.

— Вы же понимаете, что умрете сейчас? — спросила она и захохотала.

— Отпусти его, — произнес Бронан и выставил ладонь вперед.

Данфейт приподняла брови и засмеялась еще громче.

— Вы уповаете на свою силу? Как это типично для вас!

Выставив свою ладонь в ответ, она пробила поле Бронана, словно мыльный пузырь, оставляя на его груди рану, из которой хлынула кровь.

Эрика прижала к груди зрячего ладонь, пытаясь остановить кровотечение. Ноги Бронана подкосились, и он рухнул на пол.

— А она умна, твоя матриати, — оборвала смех Данфейт. — Девочка, это все равно не поможет.

— Давай! — прокричал Апри. — Давай, убей меня! Ты ведь за мной пришла, не за ними!!!

Данфейт обернулась и снисходительно посмотрела на него.

— Думаешь, я одна пришла сюда сегодня?!

— Н-н-нет! — протянул Апри.

— Что же ты такое? — прошептал Бронан, сжимая своими пальцами ладонь Эрики.

Кимао, тем временем, начал плавно перемещаться в сторону Данфейт. Остановившись за спиной существа, которое выглядело точно так же, как его матриати, он приготовился наброситься на нее, чтобы свернуть ей голову.

Эрика в этот момент напряглась и, перестав контролировать себя, с ужасом в глазах посмотрела на Кейти. Данфейт, заметив этот взгляд, резко обернулась и занесла руку для удара, но Кимао был быстрее. Его кулак угодил Данфейт прямо в грудь, и девушка согнулась пополам, пригибаясь к полу.

— Что за... — прохрипела она, поворачивая голову к Апри, которого на мгновение

покинула боль.

— Не все так просто, как хотелось? — произнес тот и улыбнулся ей в ответ.

— Гореть тебе в пекле Амира! — прохрипела девушка и сжала ладони в кулаки.

Хлопок оглушил Кимао и на лицо зрячего брызнула кровь. Он прикоснулся ладонью к щеке и посмотрел на свои пальцы. Затем перевел взгляд на Апри. Его не было там. Позвоночник и куски чего-то остались, а Апри не было. Кимао посмотрел на Данфейт, белоснежный наряд которой превратился в кроваво-красный, и сглотнул.

— Юга, — прошептала Эрика, пытаясь поглубже вдохнуть и сдерживая позывы на рвоту.

Времени не было. Эрика отчетливо поняла это. Либо Кимао убьет эту тварь сейчас либо они все останутся здесь навсегда. Эрика отняла окровавленную ладонь от груди Бронана и сожалением в глазах посмотрела на него.

— Н-н-нет... — прошептал зрячий, продолжая удерживать ее руку в своей.

— Да, — ответил Эрика и выдернула скользкие пальцы из его хвата.

— Нет!!! — прокричал Бронан, когда понял, что именно она собирается предпринять.

— О, да! — ответила Эрика и, достав из кармана своего костюма позолоченную рукоять, нажала кнопку.

Щелкнул затвор и лезвие показалось снаружи.

Эрика поднялась с пола и выпрямилась в полный рост.

— Эй, ты! — прокричала тианка, сжимая к руке блестящую безделушку.

Данфейт, продолжая стоять в согнутом положении, повернула к ней свою голову.

— Силы обрела? — улыбнулась она и прищурилась.

— Убей ее!!! — завопила тианка и бросилась навстречу к Кимао, сжимая пальцы на рукояти ножа.

Данфейт выставила ладонь и Эрика увидела, как волна искаженного пространства устремляется прямо на нее.

— Получи, тварь!!! — успела выкрикнуть тианка, перед тем, как занесла свою руку.

Силовое поле подбросило Эрику и оторвало от пола. Девушка поняла, что в следующее мгновение испытывает очень сильную боль. Кто-то ударил ее сбоку. Нет, кто-то схватил ее на лету, ударяя в бок своим телом и падая сверху. Эрика посмотрела на золотую рукоять, оставшуюся в ее руке, и закрыла свои глаза.

— Как глупо, — прошептала Данфейт, когда почувствовала удар в шею.

Ее глаза распахнулись и на мгновение, всего на один миг она увидела человека, стоящего напротив нее. Он светился, словно сам Амир, и это было красиво.

— Так, значит... — прошептала девушка перед тем, как замертво рухнуть на пол.

Окровавленная ладонь Кимао замерла в воздухе. Послышалось звяканье лезвий, упавших где-то рядом с ним. Насколько же быстрой была его реакция, когда он понял, что именно метнула в него Эрика. Сюрикэны. Она метнула в него сюрикэны, рассчитывая, что он сможет словить один из них и нанести точный удар. Он смог. Даже не задумываясь, над тем, что именно делает, Кимао инстинктивно схватил рукой одно из продолговатых лезвий и всадил его в шею согнувшейся перед ним Данфейт. Он не испытывал боли при этом, хотя ладонь его порезало очень глубоко.

— Данфейт, — прошептал зрячий, оборачиваясь к Бронану и глядя, как тот прижимает свою матриати к полу.

Данфейт подняла глаза и взглянула в лицо женщине, стоящей перед ней.

— Эрика, — хотела прошептать она, но промолчала.

Бронан продолжал звать ее. Его голос звенел в ее ухе и мешал сосредоточиться на происходящем. Данфейт нажала кнопку и отключила вызов. Эрика стояла всего в нескольких шагах от нее и оглядывалась по сторонам, будто искала что-то глазами. Данфейт плавно привстала на ноги и разогнулась.

— Почему ты боишься? — произнесла тианка и улыбнулась так снисходительно. — Ты злишься, милая? Я всего лишь хотела показать тебе, что смерть таких, как мы — не меняет ничего. Мы бессмертны, понимаешь? Мы и ты вместе с нами!

Смотреть в глаза мертвому человеку страшно. Это были мутные глаза ее подруги, некогда светившиеся багровым сиянием. Теперь они были пустыми и блуждали по комнате, словно, не замечая ее. Данфейт сделал шаг в сторону, и тианка замерла на месте.

— Я подарю тебе освобождение! — произнесла Эрика. — Тебе больше никогда не придется зависеть от кого-то!

Данфейт сделала еще один плавный шаг в сторону, отходя к дивану. Тианка выставила руку вперед и Данфейт поняла, что пора бежать. Волна искаженного пространства коснулась ее спины и Данфейт закричала, когда тело ее подбросило в воздух и впечатало в стену у окна.

— Вот ты где!!! — засмеялась девушка и бросилась к ней.

Данфейт едва успела увернуться от удара ее кулака, пробившего бетон. Подсечка — и Эрика рухнула на пол рядом с ней. Данфейт успела подняться и выбежать в коридор, когда второй удар силового поля коснулся ее спины. Перед взором оказалась стена и Данфейт отвернулась, ударяясь о нее своей грудью.

— Кимао... — прошептала матриати, оседая на пол.

— Почему ты держишься за него?! — закричала тианка и, вскочив с пола, направилась к ней.

Данфейт оказалась на полу. Ее ноги начали метаться, пытаясь отодвинуть уязвимое тело подальше от этой мертвой женщины. Незнакомка остановилась у того места, где она только что упала, и вновь начала оглядываться по сторонам.

— Глупо бояться смерти, когда ты — уже мертва! — засмеялась Эрика, присаживаясь на корточки и прикасаясь ладонью к полу. — Мне даже не нужно убивать тебя самой, ведь твоё тело погибнет, когда умрет твой зрячий, — улыбнулась она.

"Кимао", — мысленно произнесла Данфейт, продолжая отползать по коридору в сторону кухни.

— Но я хотела сделать это сама! Я хотела принять тебя в свои объятия, когда ты поймешь, наконец, что свободна! Ты же — одна из нас! Ты — наша!

Данфейт, осознав, что тианка движется за ней следом, перевернулась на полу и бросилась вперед. Почувствовав на своей щиколотке холодную ладонь, она со всей силы нанесла удар пяткой и попала в голову тианки.

Девушка отпустила матриати и осела на пол.

— Юга... — вырвалось из Данфейт и она метнулась к двери.

Замок был закрыт, и слишком много времени понадобилось, чтобы открыть его. Рука тианки оказалась на двери прямо перед глазами онемевшей Данфейт.

— Ты не принадлежишь им, — спокойно произнесла Эрика и отстранилась от нее.

Данфейт обернулась и вжалась спиной в дверь.

— Ты — одна из нас. Теперь ты связана с нами. Я прошу тебя успокоиться и поверить мне. Это — всего лишь оболочка, — тианка указала пальцем на свою грудь. И это тоже — палец переместился на грудь Данфейт. Я не вижу твоего тела. Ты замкнулась в нем, как в скорлупе, но ты — не оно! Освободись! Освободись, пока еще не поздно!

— Кто ты? — прошептала Данфейт, продолжая стоять и прижиматься спиной к двери.

— Я пришла подарить тебе свободу. Я пришла за тобой, чтобы дать тебе возможность уничтожить то, что ты так сильно ненавидишь. Посмотри на них. Тайнство жизни, созданной Югой, для них не представляет никакой ценности. Они хотели большего. Они желали стать Амиром и сотворить силу, равной которой не было еще в этом Мире. Но они позабыли, что Амиром нельзя управлять. Что нельзя получить преимущество а Мире, где все должно быть уравновешено. Амир ниспослал им свой ответ. Мы — его ответ.

— Дети Амира...

— Да. Дети Амира, — улыбнулась Эрика и сделала шаг назад.

Она смотрела в пространство перед собой, пытаясь зацепиться за что-то пустыми, безжизненными глазами, но по-прежнему не видела ничего, кроме холодного оттенка энергии Юги.

— Вы убили тех людей. Про это равновесие ты говоришь?!

— Не мы отобрали у них жизнь, а вы!!!

— О чем ты говоришь?!

— Вы убили их только потому, что не захотели видеть нас здесь!

— Сатрион?

— С тобой бесполезно говорить. Ты держишься за это жалкое существование обеими руками. Все дело в нем, не так ли? — нахмурилась тианка. — Ты привязана к нему не только оболочкой? Твои мысли, твое сознание связано с ним. Но он — хозяин, а ты — его раб. И это останется неизменным в Мире, который создали они!

Тианка выставила руку вперед и закрыла свои глаза. Данфейт напряглась и сделала шаг к ней. Скорость. "Тебе нет равных в скорости", — говорил Учитель. Данфейт глотнула кислород и ударила Эрику ногой в живот. Девушку отбросило на пол, но силовое поле, которая та желала обрушить на Данфейт, достигло своей цели. Дани пробила спиной входную дверь вылетела в общий коридор. Ее тело сползло на пол, а голова свесилась на бок. Данфейт не могла вздохнуть от боли. Что она сломала? Позвоночник? Ребра? Может, все сразу? Данфейт закрыла глаза. Она никогда не была сильной. Что она, по сравнению с теми, кто может одним лишь желанием отнять у другого жизнь? Она даже не может постоять за себя в ситуации, когда противник, по неизвестной причине, совершенно ее не видит.

Данфейт почувствовала под ладонью нечто твердое. Деревяшка. Злополучный обломок двери, который, по стечению обстоятельств, оказался у нее под рукой. Дани приоткрыла глаза и посмотрела на него. Длинный, толстый и острый. Пальцы Данфейт сами собой сжались на нем. Она повернула голову и взглянула на тианку, присевшую перед ней на корточки.

— Даже убить сразу не можешь, — улыбнулась Данфейт. — А убеждаешь, что желаешь добра.

— Прости, — прошептала Эрика и протянула к ней руку, прикасаясь и ощупывая холодными пальцами ее лицо.

— И ты прости, — прошептала матриати и одним движением руки погрузила острый конец деревяшки в живот тианки.

Эрика отстранилась от Дани и замерла на месте. Это было мгновение, когда она видела ее. Красивая, сияющая, как сам Амир, сайкаирянка повесила свою голову и продолжала смотреть на нее.

— Я все-таки тебя убила, — произнесла девушка и улыбнулась.

Тианка заискрилась на свету. Кожа ее превратилась в золотую, и покрылась трещинами. Сияние, такое яркое, что ослепило Данфейт, вырвалось сквозь трещины в ней, а через мгновение она растворилась, оставив после себя лишь деревяшку на полу.

Дани улыбнулась ей на прощание. Странное чувство... Так хочется спать. Спать...

Тяжелые веки сомкнулись на глазах Данфейт и девушка выдохнула в последний раз.

"Красиво", — подумала Данфейт, разглядывая огненные блики в небе над головой. Она протянула к ним руку и только тогда поняла, что так же полыхает, как и это красивое небо. Данфейт осмотрелась. Она лежала на песке, посреди бескрайней пустыни. Где она находится? Песчаные барханы, нависая друг над другом, окружали ее со всех сторон, а в небе не было видно ничего, кроме багрового пламени, стелющегося вплоть до линии горизонта. Данфейт поднялась на ноги и сделала несколько шагов вперед, когда услышала странный звук позади себя. Двигатель квадрацикла нельзя было ни с чем спутать. Низкий гул, дребезжащий и давящий на уши, всегда раздражал ее. Дани обернулась и приготовилась встретиться с тем, кто направлялся к ней.

Столб пыли, поднявшийся на одном из склонов, известил ее о появлении неизвестного слева. Данфейт бросилась наперерез, и хотела было сбросить человека в серой амуниции, летящего на квадрацикле прямо на нее, как он, вдруг, резко свернул и подрезал ее сам, останавливаясь и размахивая руками.

— Кто ты? — закричал незнакомец, снимая с себя шлем, и Данфейт, опешив, начала отползать от него назад.

"Я люблю тебя", — кричал этот человек неизвестной женщине, протягивая к ней руку. "Я люблю тебя", — отвечала ему она.

— Ты?! — воскликнула Данфейт и остановилась.

— Мы знакомы? — не понял ее намерений молодой человек, продолжая размахивать своими руками в пространстве.

— Где я? — закричала Данфейт, поднимаясь на ноги.

— На Сатрионе, — пожал плечами мужчина и посмотрел на нее, как на умалишенную.

— Сатрионе? Ты издеваешься надо мной?

— Это ты, кажется, чего-то не понимаешь! — засмеялся незнакомец. — Пить хочешь?

Дани прижала ладонь к горлу и почувствовала, что внутри все пересохло. Язык ее прилип к небу и мысли о том, что жажда донимает ее, закрутились в голове.

— На, пригуби! — ответил мужчина, доставая из сумки, фиксированной на багажнике, бутылку с водой.

Данфейт бросилась к ней и, открыв, начала глотать.

— Эй-эй! Медленнее, а не то плохо станет!

Данфейт отняла от рта бутылку и облизала иссушенные губы.

— Спасибо, — ответила она, протягивая бутылку законному владельцу.

— Что ты здесь делаешь одна? До ближайшего города километров шестьдесят! А ты без транспорта и одета, непонятно как!

Данфейт посмотрела на свою грязную ночную рубашку, на свои руки, покрасневшие от загара и стопы, с которых хлопьями слезала кожа. Горячо! Раскаленный песок ожог ее подошвы, и Данфейт с криком бросилась к квадрациклу незнакомца, взбираясь на багажный отсек.

— Так, как ты здесь оказалась?

— Не помню, — буркнула Данфейт, растирая горящие стопы.

— А звать тебя как?

— Данфейт.

— А меня Кейти!

— Кейти? — повторила Данфейт, заглядывая в лицо незнакомцу.

Дерева, однозначно. Коротко остриженные волосы подвигались на концах и топорщились над ушами. Красивое мужское лицо. Разрез глаз необычный: большие, немного вытянутые и, словно, взлетающие к краям бровей. Прямой без изъянов нос, гладко выбритые щеки и мужественный подбородок. Губы тонковаты, но именно они слишком гармонично вписывались в остальные его черты, придавая выражению лица некую аристократичность.

— Обычное имя, — пожал плечами мужчина и, надев на себя шлем, сел за руль. — Подброшу тебя до города. Там разберемся, что к чему.

— Спасибо, — буркнула Данфейт.

— В багажнике есть плащ. Накинь его, иначе совсем обгоришь.

Дани открыла сумку с поклажей и среди сложенных там бутылей с водой нашла белую шелковую накидку.

— Все? — поинтересовался Кейти, оборачиваясь к ней.

— Да, спасибо, — повторилась Данфейт и, ухватившись на его сидение, скорчилась в три погибели.

— Успокойся, я поеду медленно, — рассмеялся мужчина и обернулся к ней. — Странная ты какая-то... — произнес он и тронулся с места.

Час они провели в абсолютной молчании под рев мотора стремящегося вперед квадрацикла. Данфейт укуталась в плащ и придерживалась рукой за поручень возле сидения водителя. Кейти не обманул ее, когда пообещал ехать медленно. Ветер практически не донимал ее, и пыль не так настойчиво попадала в рот и глаза.

Что она делает здесь? Какой Сатрион? Они все мертвы. Они мертвы, и она тоже. Разве не замечают они это странное небо над головой? Где Амир, где очертания Деревы и ее лун? Нет, Этот Кейти не светятся, да и она перестала полыхать, как тогда, когда проснулась в этом странном месте.

В свое время Кимао утверждал, что оболочка после смерти тела существует в пространстве еще несколько часов, а затем растворяется, превращаясь в "ничто". Если это на самом деле так, не долго ей прозябать здесь. А если Кимао был не прав — тогда только Амиру известно, сколько времени она проведет в этом странном месте.

Дани приподняла голову и посмотрела вперед. Там, посреди этой бескрайней пустыни возвышались стены огромного города, высотные здания которого шпилями разрезали огненное небо и скрывались в его полыхающих сводах.

— Что это за город? — прокричала Данфейт.

— Изон, — так же громко ответил Кейти.

— Он один здесь?

— Нет! Местные строят свои поселения и сторонятся Изона.

Остановившись у высоченных железных ворот в этот оплот надежды и спасения для всех умирающих в пустыне, Кейти приподнялся и прикоснулся ладонью к электронной панели в этих дверях. Что-то замигало в ответ, и стальная преграда начала раздвигаться. Там, впереди, мельтешили люди, разодетые в цветные плащи: белые, синие, желтые, красные и зеленые. Женщины и дети, старцы и молодежь спешили куда-то, едва ли пропуская друг друга на узких тротуарах этого большого города. Кейти остановился на одном из перекрестков и обернулся к Данфейт.

— Куда тебя подбросить? У меня еще есть время.

Данфейт посмотрела на него и задумалась. Куда ей было деваться? Что делать здесь?

— Мне некуда идти, — честно ответила Данфейт.

Кейти задумался и улыбнулся ей в ответ.

— Есть один человек, который может помочь тебе.

Данфейт вскинула брови и покосилась на молодого мужчину.

— Чем он мне сможет помочь?

— Ответит на вопрос, который наверняка тебя мучает: "что именно ты здесь делаешь"?

Данфейт глубоко вздохнула и пожалала плечами.

— Тогда, не мог бы отвезти меня к этому человеку?

Асфальтированные узкие улицы, по которым разъезжали такие же квадрациклы, как и у Кейти, наводили на Данфейт панику. Столько людей, и все спешат куда-то. Зачем? Куда они опаздывают? И эти плащи, в которых они перемещаются...

— Что это за плащи, в которых все ходят? — спросила Данфейт у Кейти, когда они остановились на очередном перекрестке.

— Знак классового отличия.

— Классового?

— Местные, что живут здесь, носят желтые одежды, новые жители — синие, аркаины — белые. Красные — у зрячих, а зеленые — у их матриати.

— Здесь есть зрячие и матриати?

— А где их нет? — засмеялся Кейти и посмотрел на Данфейт.

— А ты, значит, аркаин?

— Это пока я аркаин. Мы с Имаей собираемся пожениться, и тогда я стану зрячим, а она — моей матриати.

— И Имая согласна принять рабство добровольно?

Кейти с осуждением посмотрел на Данфейт и отвернулся.

— Говоришь, как заблудшие, — фыркнул молодой человек. — "Mazetriz" с древнедеревийского переводится, как "мать моих детей". Стать матриати для своего зрячего — очень большая честь. Этих женщин почитают все, а кто осмеливается выказать им пренебрежение — грозит обрушить на себя гнев всех, принявших обет соблюдения равновесия.

— Что это за обет такой?

— Все, кто поступают на обучение к зрячим, дают обет соблюдения равновесия. Он гласит, что каждое явление, хорошее или плохое, должно быть уравновешено таким же противодействием. Матриати, подобно Юге, даруют жизнь, зрячие подобно Амиру — забирают ее. Все мы — часть этой равновесной системы. Один умирает — другой рождается. Одна оболочка растворяется в энергии Амира, другая рождается из энергии Юги.

— А что будет, если оболочка не раствориться в Амире?

— Тогда приходим мы и отдаем Амиру то, что ему принадлежит. Если оболочка все же возвращается в тело, она обрекает кого-то другого на погибель. Того, кто должен появиться на Свет из энергии Юги, она забирает с собой. Мы отслеживаем все противозаконные перемещения и восстанавливаем равновесие.

— И каким же образом вы делаете это?

— Я же сказал, — засмеялся Кейти, — мы возвращаем Амиру то, что принадлежит ему.

— Ты сказал "противозаконные". А бывают и "законные" перемещения?

— Бывают. В результате этих перемещений оболочки нерожденных людей

возвращаются к своему первоисточнику и обретают шанс на новый цикл в новом теле.

— Кто же я тогда, по-твоему?

— Ты — дитя Амира, ни оболочка, но и не живой человек.

Данфейт опешила. Он знал! Знал, кто она, кто он, и все те, которые окружают его! Он понимал, что представляет собой некую форму сознания, существующую после смерти, и возлагал на себя все еще непонятные для Данфейт функции!

— Но, почему "Сатрион"? — произнесла Данфейт и посмотрела в спину Кейти.

— Потому что мы пришли в этот Мир в результате гибели Сатриона. Местные называют это место "I-ho". На их языке это что-то вроде звезды, хотя переводить нам до сих пор трудно, — прокричал Кейти и завернул в переулочек, останавливаясь напротив большого офисного здания. — Приехали, — улыбнулся Кейти и слез с квадрацикла.

Данфейт последовала за ним и вошла внутрь многоэтажного сооружения. Чем-то оно напомнило ей учебный корпус, в котором она некогда занималась, однако, внутри почти не было людей. Поднявшись на десятый этаж, они вошли в просторный холл, где за столом сидела молодая девушка в желтом плаще.

— Добрый день, господин Кейти, — кивнула особа и указала рукой в сторону приоткрытой двери. — Госпожа Соу ждет вас.

— Спасибо, — ответил молодой человек и подошел к двери. — Пойдем, — махнул рукой он, и Данфейт засеменила следом, закрывая за собой тяжелую деревянную дверь.

Белая просторная комната не произвела на Данфейт впечатления. Мебель здесь сливалась со стенами, свет слепил глаза и вообще трудно становилось смотреть на что-либо. Наверняка, обстановка, царившая здесь, была умышленно продумана кем-то, тем, кто желал осадить вошедшего у порога и не позволить ему рассмотреть лицо собеседника. Данфейт оказалась права. Некая госпожа Соу стояла у окна, и кроме ее густых черных волос, Данфейт ничего не смогла рассмотреть.

— Знаешь ли ты, кого привел в это место? — произнесла женщина и повернула голову в пол оборота к Кейти.

— Я нашел ее пустыне. Оставь я ее там, она вряд ли бы добралась до Изона.

— Она — матриати Кимао Сиа, если ты все еще помнишь, кто это такой, — произнесла женщина и вновь повернулся к окну.

— Помню... — прошептал Кейти и посмотрел на Данфейт, у которой глаза начали слезиться от этого яркого белого свечения.

— Он ищет ее, кстати.

— Кимао здесь?

— Да. Он уже в городе.

— И ты ничего не сделаешь?

Женщина по имени Соу засмеялась. Данфейт поежилась от этого хохота и, все-таки, закрыла слезившиеся глаза.

— Он пришел за ней. Наверняка, в ее голове крутятся мысли о том, почему тебя зовут "Кейти" и какое отношение ты имеешь к ее зрячему. Она чувствует нечто, исходящее от тебя, но это всего лишь влечение к истинному облику того, кто украл у тебя жизнь.

— Я могу лишить его этой связи! — ответил Кейти и посмотрел на Данфейт.

— Тогда, он лишит тебя Имайи. Ты этого хочешь?

— Она забыла его!

— Ты хранишь облик человека, которого она любила, и говоришь о том, что она его

забыла?

— Что ты предлагаешь в таком случае?

— Ее убил фантом. Это видно по рубцу на оболочке. Они должны были предпринять меры еще год назад, но отказаться от привычных им трансплантаций так и не смогли. Мы лишь подтираем за ними грязь, надеясь, что они сами разорвут этот порочный круг. Однако, все пошло не так, как мы рассчитывали. Если заблудшие смогли найти способ материальной реализации в их пространстве, они смогут уничтожить всех зрячих, что существуют по ту сторону. Кто убил тебя, Данфейт?

— Она не назвала своего имени.

— Она... Женская форма. Но ты подпустила ее к себе, значит, она приняла обличие дорогого тебе человека?

— Моей подруги.

— Ответь, девочка, почему заблудшая не забрала тебя с собой, а отпустила к нам?

— Я убила ее прежде, чем оказалась здесь.

— Тогда, понятно. А Кимао кто убил?

Данфейт приоткрыла слезившиеся глаза и попыталась посмотреть на женщину в мантии.

— Не мучайся. Сам расскажет, если захочет, конечно. Ты, кажется, совсем меня не помнишь? Я ведь показывала тебе, однажды, кто я и как попала сюда!

— Мы встречались с Вами?

— Не Амир наградил тебя своим даром. Сути, безусловно, это не меняет. Ты — его дитя, как и все мы. И если ты полагаешь, что не умирала никогда прежде, я тебя разочарую.

— Я умерла? — воскликнула Данфейт.

— Ты и сейчас мертва. Чему ты удивляешься?

— Но, когда?

— Сама пробьешь блок Сиа, когда настанет время.

— Вы называете меня ребенком Амира, а я даже представления не имею, кто это такие!

— В Мире, где все мы существуем, есть два пространства. В обычной своей форме, телесной, ты живешь в пространстве материальных вещей. В обычной бестелесной форме ты должна была бы просто прийти сюда и, просуществовав здесь несколько часов, раствориться в энергии Амира. Но, твоя бестелесная форма необычна. Она несет в себе часть Амира, и благодаря этому ты можешь существовать в этом пространстве столько, сколько пожелаешь. Ты, вроде бы, мертва, но на самом деле не умрешь никогда, если, конечно, сама этого не захочешь, или кто-то, вроде меня, не убьет тебя. Ты — дитя Амира, двуликое создание, способное к вечному существованию в двух мирах.

— И Вы тоже способны на это?

— Да. Когда-то, всего около трехсот лет назад, зрячие постигли тайнство существования этого мира. Вернув одного из своих к жизни, они услышали странный рассказ о месте, где небо полыхает, словно сам Амир, а земля покрыта песками, столь же белыми, как его лучи. Они создали технологию, назвав ее "трансплантацией", которая подарила им вечную жизнь. Выращивая тела, они возвращали в них оболочки недавно умерших людей. Во времена моего существования в Вашем мире, все, более и менее одаренные зрячие и матриати имели доступ к "трансплантации". Они убивали себя в тридцать лет, чтобы не стареть никогда, и возвращались в тела двадцатилетних, чтобы прожить еще десять-пятнадцать лет до нового цикла. Но, они были всего лишь обычными оболочками, которые

просто знали, что можно услышать зов и вернуться в новое тело до тех пор, пока Амир призовет их. Но мы, дети Амира, подобны коренным жителям этих мест. Они рождаются, старятся и умирают здесь. Другая форма существования, созданная не Югой, а Амиром. Мы — подобны им, только создала нас техногенная катастрофа. Мы взрослеем, стареем, а можем и не стареть, если не хотим. Мы можем принять облик любого человека, лишь пожелав сделать это. Мы стоим города и разрушаем их, если они нам не нравятся. Мы пришли сюда с гибелью Сатриона. И коренные приняли нас, как своих. Мы построили Изон и назвали этот Мир "Сатрионом". Мы уступили тем, кто не захотел возвращать нас обратно. Они просто не позвали, и потому мы остались. Часть из нас приняло эту участь, а часть — нет. Мы называем их "заблудшими". Фантом — это результат неполной трансформации дитя Амира из пространства номер "два" в пространство номер "один". Мы полагали, что данное перемещение наших оболочек невозможно, поскольку для его претворения требуются слишком большие затраты энергии, и эту энергию непременно нужно черпать из источника. Трансформация... Но тебя убил фантом, он повредил твою оболочку, и тело отторгло ее. Сейчас ты восстанавливаешься и скоро сможешь вернуться в свой Мир.

— Но, почему я должна возвращаться?

— Потому что твой зрячий полагает, что там тебе будет лучше, — засмеялась Соу и прижалась лбом к стеклу. Не беспокойся, мы позаботимся о той оболочке, которую ты вытолкнешь, и проследим за ее перемещением к Амиру.

— Говорите так, словно, все уже решено. Я убью кого-то?

— Она даже не поймет, что произошло. Сознания в ней нет, ведь тело до сих пор не родилось.

— Я должна родиться в чьем-то теле?

— В своем теле, — исправил ее Кейти и снисходительно улыбнулся.

Данфейт посмотрела на молодого человека и схватила его за руку.

— Пожалуйста, уведи меня отсюда, — взмолилась она, все еще не осознавая сказанного только что и искренне полагая, что сможет спастись бегством.

Кейти нахмурил брови и, выдернув руку, отстранился от нее.

— Что тебя так напугало, сынок? — обратилась к нему Соу, по-прежнему смотря в окно.

— Она — медиатор.

— А ты только что это понял?

— Ты знала?

— Конечно, иначе ты бы не привел ее сюда. Но ведь, она попросила тебя о помощи, и ты, не задумываясь о последствиях, притащил ее прямо ко мне.

— "Подчинение"?

— Да. Не многим Юга дарит этот подарок. Ей подарила, но все остальное забрала. Она создала ее несовершеннолетней, чтобы обезопасить свой мир от ее влияния. Ри смог узреть этот дар. Гвен утверждал, что тоже его рассмотрел, но для таких, как он, неполноценные медиаторы не представляют ценности. А вот Сиа все сделал правильно. Медиатор, не растленный всеобщим потаканием и преклонением, не познавший силу устрашения, стремящийся к справедливости и постоянно вступающий в борьбу с собственными эмоциями, — вот росток, из которого он хотел создать Великую личность.

— Ты разгадала загадку ее происхождения?

— Я знала ответ изначально, ведь, это я в прошлый раз помогла вернуть ее.

— Ты?

— Ри попросил, и я вернула ему аркаина.

— Но, зачем?

— У каждого поступка есть свои причины. Он раскрыл мне замысел, и я одобрила его.

— То есть, ты согласна и дальше "подчищать" за ним?

— А разве у меня есть выбор? — засмеялась Соу. — Он не готов к смерти. Пайли была готова и приняла ее. И даже сын не смог ее вернуть. Придет время, и Ри захочет последовать за ней. Но пока война на их стороне не началась, он не сделает этого.

— О какой войне Вы говорите? — перебила их диалог Данфейт.

— Фантомы — предвестники начала войны. Если заблудшие нашли путь к трансформации, значит, быть войне в вашем мире.

— Вот, значит, как... — прозвучал мужской голос за спиной Данфейт.

Дани обернулась и, сквозь щель прищуренных глаз, увидела его, стоящего в дверях этой белой комнаты.

— Добрый день, Кимао, — поздоровалась Соу, не оборачиваясь к гостю.

— И Вы будете продолжать взирать на это со стороны, пока они не уничтожат всех нас?

— Вмешиваться никто не станет. Мы лишь проследим за соблюдением равновесия.

— Ничего другого услышать от Вас я не ожидал. Пойдем, Данфейт. Пора возвращаться.

— А почему ты решил, что я захочу вернуться с тобой?

Кимао склонил голову на бок и вопросительно посмотрел на нее.

— Потому что ты родилась в том Мире, а не в этом.

— Госпожа Соу объяснила мне, что я могу остаться здесь, если пожелаю.

— Ты вернешься со мной назад, и это мы обсуждать не будем! — сорвался на крик Кимао и, подбежав к ней, схватил матриати за руку, потащив к выходу.

— Отпусти! Оставь меня!!!

— Хорошо же они "промыли" тебе мозги!

— Оставь меня!!!

Кимао выволок ее за дверь и остановился. Перед ним застыла фигура в белом плаще. Девушка, лет двадцати, не более. Белые волосы, голубые глаза. Красивая, изящная югуанка, которая улыбалась, глядя на него.

— Имайя, — произнес Кимао и усмехнулся.

— Зачем ты принуждаешь ее? Если она не хочет идти с тобой, мы с радостью примем ее в нашу семью.

— У нее есть своя семья, которая с радостью примет ее обратно, если ты, конечно, понимаешь, о чем я говорю.

— Ты злишься на нее, потому что она поступает точно так же, как поступила я много лет назад?

— Нет, я злюсь на нее, потому что она врала, глядя мне в глаза!!!

— Разве она врала тебе? — улыбнулась девушка и подошла к Данфейт, наклоняясь к ней. — Посмотри на нее, Кимао. Она напугана. На ее оболочке остался такой глубокий рубец, а она даже не чувствует его. Она не понимает, что происходит. Не знает, почему ты здесь и что ей делать дальше. Разве, знающие так ведут себя?

— Отойди от нее, — прошипел Кимао, не отпуская руки Данфейт.

— Почему ты присоединил ее, Кимао? Ведь с твоим даром к самообладанию ты мог бы и избежать этой связи.

— Что? — произнесла Данфейт, вырывая свою ладонь из хвата руки Кимао.

— Ты не рассказал ей, а стоило...

Кимао отвернулся от Имайи и посмотрел в окно.

— Или ты сам до сих пор не можешь понять, почему выбрал ее?

— Я, как раз таки, понимаю, — ответил Кимао и посмотрел на Данфейт. — Это не я ее выбрал, а она выбрала меня.

Данфейт долго смотрела ему в глаза, пока отвращение не заполнило ее существо. И не к нему она почувствовала его. К себе

— Ты — блестящий медиатор. Сама не замечаешь, как манипулируешь окружающими. Так тонко, так искренне, не подавляя их волю, а лишь вселяя в них уверенность, что поступив по-твоему, они все сделают правильно.

— И когда ты понял это? Когда додумался до того, что я могу влиять на чужие эмоции и решения?! — взорвалась Данфейт, поднимаясь с пола.

Кимао молчал, продолжая смотреть на нее. Слезы проступили на ее глазах. Он не хотел видеть ее такой. Не пожелал бы себе этой участи. Сломленная, потерявшая веру и некую часть своей "жизни", которая всегда рвалась из нее наружу. Кимао сделала шаг ей навстречу, но Данфейт отступила назад и обернулась в сторону приоткрытой двери.

— Они сказали, что ты украл у него жизнь? "Кейти". Зачем ты взял его имя? Чтобы всегда помнить о том, кому обязан тем, что есть у тебя?

— Я не выбирал это тело. И нет моей вины в том, что он оказался слабее.

— Но ты забрал то, что тебе не принадлежало, обрекая другое существо на гибель!

— Он не умер! Отец облучил его, подарив вечное существование здесь!!!

— Но, разве ты мог знать тогда, что он не умрет?

— Я не знал, что это — не мое тело. А когда понял, было уже поздно что-либо менять. Тебе повезло больше, чем мне. Ри, по крайней мере, пересадил твою оболочку в "пустышку", выращенную из твоих же клеток. Мне досталось тело другого человека. И его звали Кейти. Когда я понял, что смотрю в зеркало чужими глазами, я захотел себя убить. Я мало что понимал, знал только, что не мое оно больше.

— Когда же ты погиб? — прошептала Данфейт.

— Мне было двадцать пять, когда я погиб на Сатрионе и Ри Сиа провел процедуру трансплантации.

— Юга... Я же видела... Это был ты... Ты и она... — Данфейт повернулась к Имайе и с неверием посмотрела на нее.

— Я догадывался, что в тот день ты увидела что-то... Но, ты промолчала... Впрочем, как всегда.

— И как же ты жил с этим?

— А разве у меня был выбор? Отцу отказали в доступе к моим "пустышкам" и он сделал то, на что в здравом уме вряд ли лишился бы! Он подставил пятилетнего ребенка!

— Его обман — наша расплата, — произнес Кейти, выходя из комнаты, в которой все еще оставалась госпожа Соу.

— А Имайя?

— И у нее был шанс вернуться, — ответил Кейти и посмотрел на девушку в белом плаще. — Ее отец тогда входил в Совет зрячих. Он звал ее, и она слышала его зов, но не пошла...

— Почему же ты осталась? — спросила Данфейт, оборачиваясь к ней.

— Одной ошибки было достаточно. Допустить вторую я не могла позволить.

Данфейт перевела взгляд на молодого Кейти и нахмурилась.

— Почему же ты выглядишь так?

— Потому что он решил отомстить мне, изменив свой облик на мой истинный, — ответил за него Кимао.

— Это справедливо, тебе так не кажется? Мне было пять, и я хотел забрать у тебя хоть что-нибудь. Ты отобрал у меня мое тело, а я забрал у тебя твой облик!

— И Имайя, вне сомнений, с радостью вырастила тебя.

— Меня вырастила не Имайя!

— Ах, да, прости. Тебя вырастила мать Орайи.

— Она и моя мать тоже!

— Будьте Вы прокляты, дети Амира!

— Ты — один из нас. Она, — Кейти протянул руку и указал на Данфейт, — тоже одна из нас. Не наша вина в том, что твоя матриати не желает иметь с тобой ничего общего!

— Я и без твоих подсказок вижу, что она — одна из вас! — закричал Кимао и отвернулся к окну.

— Кимао! — повысила тон Имайя.

— Что? Даже мне, своему зрячему, она не поведала историю своего перерождения! А теперь она строит из себя праведницу, утверждая, что не желает убить кого-то своим возвращением в наш Мир!

— Но, они не рожденные. Они не поймут, что произошло!

— Но такие, как я будем вынуждены убить их, если в часы своего существования здесь они все-таки поймут, что произошло! — перебил ее Кейти.

— Такова воля Амира.

— Это их воля, а не Амира!

Данфейт обернулась к женщине в желтом плаще, спокойно сидящей на своем месте за столом в холле и совершенно не обращающей внимания на все происходящее.

— Она вообще слышит нас? — не понимая произнесла Данфейт.

— Ее задача служить и не вмешиваться, — пояснила Имайя.

— Но она слышит, не так ли?

Кимао посмотрел на Данфейт и прищурился. Правильная мысль закрутилась в его голове, и он искоса посмотрел на даму в желтом плаще. Она казалась отстраненной от происходящего. Словно, кукла, сидящая на своем месте и исполняющая роль манекена.

Данфейт сделала шаг вперед и остановилась напротив женщины. Та, продолжая что-то печатать на компьютере, подняла голову и посмотрела вперед.

— Юга, — прошептала Данфейт и прикрыла ладонью свой рот.

— Она поняла, — произнес Кейти и посмотрел на Имайю.

Та перевела взгляд на Кимао и напряглась.

— Не так безгрешен их мирок, как тебе показалось вначале, — произнес Кимао и подошел к Данфейт. — Желтый плащ означает, что она — рабыня. Местная, волю и сознание которой они поработили. Они могут убить ее, если захотят, а могут и освободить, но тогда некому будет им прислуживать. Чья она? — произнес Кимао и обернулся к Кейти и Имайе.

— Моя, — послышался голос госпожи Соу из-за приоткрытой двери.

— Почему не выходишь, или боишься, что узрев тебя, она задаст себе еще больше

вопросов?

Дверь распахнулась настежь и из нее вышла женщина с черными, как смоль, волосами.

— Юга... — прошептала Данфейт и схватилась за рукав костюма Кимао.

Это ее смерть видела Данфейт. Ее боль ощутила, едва не упав и не разбившись сама.

— Ваше место — здесь, наше — там, — повысил голос Кимао. — Каждый исполняет свою роль, если хочет существовать дальше. Мы следим, вы — подчищаете. И фантомы — это, скорее, ваша проблема, а не наша. Амелай Апри уже мертв. Его оболочку, так же, как и тело, разорвали на части, не оставив ничего. А это означает, что они не намерены давать нам второй шанс. Вы говорите о войне? Добро пожаловать на войну, дети Амира!

— Кто это сделал?

— Его матриати.

— Кора?

— Она явилась в облике Данфейт и собиралась прикончить и меня. Ее интересовало, сколько нас таких осталось по ту сторону. Ты не знаешь, почему она спрашивала об этом?

— У них одна цель — отомстить.

— Странная месть — уничтожить трансплантированных детей Амира! Но ведь я был один, не так ли? Или не один? Данфейт, вот, тоже оказалась не совсем обычной...

— Я позволила ее вернуть только потому, что Ри убедил меня в ее слабости. Она — безопасна, а ты — нет!!!

— Я тоже об этом подумал. Я едва сдерживаю свою силу и поверь, это очень трудно, порой, мне дается. Но, ты не ответила на мой вопрос: кто еще из нас был трансплантирован?

— Я знаю только о тебе — ошибке своего отца.

— И о ней, насколько могу судить, — Кимао посмотрел на Данфейт и взял ее за руку, крепко сжимая свои пальцы.

— Ри оказался прав? — спросила Соу. — Она уравнивает тебя? Подавляет твою силу?

— Называй, как хочешь, но рядом с ней я знаю, что могу это контролировать.

— И давно ты пришел к такому выводу?

— Когда не убил Роэли Гвена в приступе ярости.

— Ты вызвал его на поединок?

— Вызвал.

— И он принял вызов?

— Принял.

— И ты проиграл?

— Представляешь, проиграл.

Соу засмеялась так громко, что Данфейт приложила ладонь к своему уху.

— Она даже не понимает, какой подарок ей преподнес Учитель! Отдать слабому медиатору силу, подобную твоей — это же...

— Бомба замедленного действия, — перебила ее Имайя.

Данфейт посмотрела на Кимао и прищурила глаза.

— Так, ты, все-таки, понял, зачем он это сделал?!

— Да.

— И не сказал мне?!

— Теперь говорю.

— Какой же ты...

— Ораяя перестал меня бояться. Айрин тоже. Меня больше никто не боится, а вот тебя... Роэли ломает тебя. Пире Савис пытается завоевать твою симпатию. Матье вызывает тебя ко мне каждую неделю, чтобы посмотреть, насколько сильно твое влияние на меня. Они понимают, что теперь все зависит от тебя. Ты — моя матриати, и ты — мой медиатор. Савис тренировала Айрин все пять лет, когда поняла, что я смотрю на нее иначе, чем на других. И за все пять лет твоя сестра не постигла и толики тех способностей, которые подарила тебе сама Юга. Тебе и мне позволено вернуться, потому что если обозленные дети Амира получают возможность трансформироваться в нашем Мире свободно, — всему придет конец. Их некому будет сдерживать. Об этой войне они говорят. И это, в их понимании, и есть "второй удар Сатриона".

Данфейт посмотрела на всех присутствующих и задержала свой взгляд на Соу.

— Вы так много знаете обо мне... Откуда?

— Мы ведь встречались раньше, и тогда твой разум был открыт для меня...

— Хотите сказать, что я освоила блокировку сознания?

— Ты просто выбрала подходящий прием. Не "дохлые кролики", Данфейт, а "я не хочу, чтобы меня читали".

Дани посмотрела на нее и отвернулась к окну.

— Роэли Гвен, Пире Савис, преподобный Матье — все они выглядят так молодо, хотя, бьюсь об заклад, что их возвращали в молодые тела много раз. Это видно по выражению их уставших глаз. А детям Амира такой возможности не предоставили. Я могу их понять. Но простить им гибель трех миллионов людей — нет. Зачем? Почему Мийя?

— Потому что они полагали, что запасники тел находятся именно там, — ответил Кимао и так же посмотрел в окно. — И это не они взорвали Мийю, а Совет, который безраздумий отдал приказ сбросить термоядерную бомбу на объект, где был впервые зафиксирован прорыв материи. Плевать они хотели на мирное население. Они боялись, что дети Амира трансплантируются в свободные тела и придут за ними...

— Так, ты знал... Знал правду...

— Я не мог сказать тебе этого... Ты не была готова... Ты бы все равно не поняла... Я ведь не знал, что ты уже умерла однажды и возродилась в новом теле... Хотя и сама ты, очевидно, не знала этого.

Данфейт посмотрела на Кейти, стоящего за их спинами.

— Ты позаботишься о тех, кого мы убьем сегодня?

Молодой человек утвердительно кивнул Данфейт.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Дани сплела свои пальцы с пальцами Кимао и посмотрела на него.

— Говори, что нужно делать, зрячий.

— Ничего особенного, — улыбнулся Кимао и перевел взгляд на нее. — Закрой глаза и расслабься.

— И все?

— И все.

Дани прикрыла распухшие веки и приготовилась. К чему именно, она и сама не знала, но тело ее напряглось до боли в мышцах. Она почувствовала руку Кимао на своей голове. Он погладил ее по волосам. Он прикоснулся к ее щеке и провел по ней пальцем. Что он делает? Пытается расслабить ее?

Данфейт выдохнула, когда почувствовала, как его щека трется о иссушенную кожу ее лица. Дани поняла, что он хотел сделать, поняла, и не стала противиться его воле. А может, это ее воля была? Кто ответит? Она? Он? Кто?

Данфейт ощутила, как его теплые губы прикасаются к ее губам. Плавное движение по поверхности и глоток, поглощающий ее рот. Такие нежные... Хочется испытывать их прикосновения снова и снова... Вкус... Манящий... Хочется пить его, словно воду под палящим жаром Амира... Язык... Требовательный... Невозможно отстраниться и прекратить все это... Не хочется прекращать все это... Совсем не хочется...

Разряд — и Данфейт закричала от боли.

— Данфейт...

Учитель... Его голос...

— Данфейт, дыши...

Что? Дышать?

— Дыши, Данфейт...

— Кимао!!! — кричало ее сознание. — Где Кимао?!

— Я сказал "дыши"!!!

Рев голоса Учитель зазвенел в ее ушах и болью отразился в голове. Снова разряд. Словно током ее ударило в макушку. Еще один.

— Твою мать, Данфейт, дыши!!!

Дани открыла рот и вдохнула горячий, обжигающий воздух.

— Вернулась! — произнес кто-то над ее головой.

— Данфейт, — услышала она осипший голос Кимао.

— Я здесь, — так же глухо произнесла Дани и попыталась открыть свои глаза, но теплая ладонь легла на них и отрезала от света.

— Они еще не привыкли. Потерпи немного, — прошептал Учитель.

— Кимао... — простонала Данфейт. — Кимао...

— Все хорошо, — ответил зрячий, протягивая ей свою руку и прикасаясь холодными пальцами к такой же холодной ладони. — Ты долго, Donefaitu, я начал беспокоиться.

— Я больше никогда не захочу поцеловать тебя! — ответила Данфейт и сжала его пальцы, что было силы.

Ее глаза распахнулись и яркий свет ослепил на мгновение. Она повернула голову и посмотрела в сторону. Там, сквозь туман своих слез, сквозь тень своих длинных ресниц, она видела человека, который был с ней в том Мире.

— Кимао... — позвала Данфейт, понимая, что образ его затмевает пелена, опускающаяся на глаза.

— Спи, Дани, спи... — произнес зрячий и прикрыл свои веки.

Данфейт проснулась в знакомой комнате. Это было то место, где она провела последние пять лет. Дани прищурилась и осмотрелась. Точно. Ее комната. Задернуты шторы, но за окном, судя по всему, полдень.

Данфейт встала с кровати и побрела в ванную. Выпрямившись перед зеркалом в больничной ночной рубашке, она хмыкнула. Все было на месте. Горбинка на носу, грудь четвертого размера, развитые мышцы живота... Депиляция... И остриженные, точно, как до процедуры, волосы.

— Могли бы и длинные оставить, — пробурчала себе под нос Данфейт и пошла в душ.

Кимао вошел в ванную без стука. Присев на сидение унитаза, он закинул ногу и за ногу и, подперев подбородок кулаком, посмотрел на Данфейт, которая, от подобной наглости, даже не нашлась, что ответить.

— Как себя чувствуешь? — спросил Кимао, продолжая изучать линию изгиба ее шеи и контуры груди, приоткрывшейся его взору с этого места.

— Нормально, — ответила Дани и, повернулась к нему спиной, облачиваясь о борт ванной, в которой сидела.

— Еще бы, — хмыкнул зрячий. — Три дня спать!

— Три дня?! — опешила Данфейт и обернулась.

— Я проснулся вчера утром, а ты вот проспала до обеда сего дня.

— А где Учитель?

Она хотела его увидеть. Увидеть и обнять, не смотря на то, что прокляла его в последний раз, когда заглядывала ему в глаза...

— Как обычно, изучает что-то в кабинете.

— Почему мы здесь, на Мийе?

— Не думаю, что тебе требуются пояснения.

— Значит, наши "пустышки" здесь есть. А еще где?

— Не важно.

— Ты так и будешь "сверлить" мою спину или предоставишь мне возможность помыться?

— Мойся, — произнес Кимао, но с места не сдвинулся.

Данфейт отвернулась от него и закрыла свои глаза, расслабляясь в теплой воде.

— Нам необходимо поговорить, — нарушил тишину Кимао.

— Не уверена, что сейчас хочу услышать твою историю.

— А я не уверен, что смогу рассказать тебе ее позже.

— Не переживай. Я попрошу сестру рассказать мне все. Она, ведь, в курсе твоих тайн?

— Не хочешь слушать — так и скажи! — разозлился Кимао и поднялся на ноги.

— Мне не нужен рассказ прихожанина, который пришел покаяться Юге в своих грехах! — закричала Данфейт и вновь обернулась к нему. — Жалеть тебя я не стану, только осуждать! Так что, говори, раз готов! А если нет — проваливай к Амиру из моей ванной!

— Злишься на меня... У тебя нет такого права! — закричал Кимао, указывая на нее пальцем.

— Кто-то ведь должен и злиться на тебя. Не всем же бояться!

Кимао опустил руку и злорадно улыбнулся.

— Сейчас ты вызываешь во мне только гнев. В твоём представлении лишь ты одна являешься безгрешной в этом мире. Тебя "связали", тобой воспользовались, тебя принудили... Бедная, несчастная Данфейт. Однако, когда тебе хреново, ты, молча, принимаешь мою помощь и не вспоминаешь о том, насколько я тебе противен! Целуешь и сжимаешь мою руку, будто я — последний человек в этом мире, который нужен тебе. Послать меня при сокурниках и друзьях — это тебе по плечу, а вот принять меня, таким, какой я есть — нет!

— А с чего ты взял, что я жалею себя? Я ничем не лучше тебя, и, так же, как и ты, я презираю себя! Что, легче стало? Сама не знаю, зачем вернулась. Нужно было остаться и показать тебе *sihus*!

Кимао сжал руки в кулаки и подошел к ней, нависая, словно облако тумана над некогда солнечной долиной, заслоняя собой сияние Амира.

Данфейт подняла свою голову и заглянула зрячему в глаза.

— Знаешь, когда я впервые увидела тебя, когда присмотрелась, то ничего, кроме страха, не испытала. Сейчас же я смотрю в твои глаза, наполненные гневом, и мне хочется смеяться. Ты — погрязший во лжи, так же, как и все остальные, ничего, совершенно ничего не хочешь менять! Стремление к подчинению — вот ваша сущность. Кто сильнее — тот и прав. Давай, ударь меня! Я ведь сука, как никак!

Кимао схватил ее за волосы и, нагнувшись, пристально посмотрел в глаза. Темно-карие, большие глаза, в которых стыла ее боль и бессилие. Она бросала ему вызов. Зачем? Чтобы не слушать? Чтобы заглушить собственные эмоции и чувства? Чтобы не позволить ему заглянуть ей в глаза и понять, что она все так же слаба, как и прежде?

— Двадцать пять лет назад я и мать Орайи погибли на Сатрионе, — произнес Кимао. — В те дни технология трансплантации была уже разработана и активно использовалась. Выращивали клонированные копии тел живых людей, и мои в том числе. После взрыва отец попросил Совет разрешить ему трансплантировать наши оболочки, однако, зрячие ему отказали. Они боялись, что энергия термоядерного взрыва повлияла на наши "тонкие" тела и теперь мы станем не теми, кем были до своей смерти. Отец наплевал на запреты, и произвел процедуру сам, используя тело ни в чем не повинного ребенка. Мать Орайи он вернуть не смог. Она отказалась возвращаться, так же, как и Имайя. Когда Сатрион взорвался, мне было двадцать три года. Меня заперли в теле, которому едва исполнилось пять... Я очень плохо помню свою прошлую жизнь. Это тело всегда влияло на меня, стирая воспоминания из сознания, которые противоречили возможностям пятилетнего ребенка. Способности к управлению энергией, которые я обрел после трансплантации, повергли в шок даже моего отца. Я разрушал предметы, расщепляя их на элементарные частицы и синтезируя вновь. К десяти годам отец уже не мог совладать со мной. Мать помогла. К ее мнению я всегда прислушивался. Она была авторитетом, перед которым я преклонялся. Постепенно самоконтроль вытеснил из моей жизни все эмоции. Только самообладание представляло ценность для меня. Я не имел права радоваться, злиться, завидовать, жалеть. Я не имел права любить, ведь это могло закончиться для кого-то слишком плохо. Когда мне исполнилось шестнадцать, моя мать заразилась "синей смертью". От трансплантации мама отказалась наотрез и отец согласился ее отпустить. Естественно, моего мнения никто не спрашивал. Амир призвал ее и она растворилась в его энергии несколько часов спустя. Я видел, как это произошло. Я был рядом, когда она исчезла. Я не хотел возвращаться, но отец меня вернул. Его довод был слишком прост: если в наш мир транспортируются другие дети

Амира, некому будет его защитить. Со временем я научился жить с тем, на что обреч меня Ри. Я понял, что подавляя эмоции, загоняю себя в угол, переставая быть человеком и превращаясь в некое подобие машины. Тогда мне помог Орайя. Младший брат, который всегда сторонился меня. Это он посоветовал отцу отправить меня в Академию. Деньги помогли ему "убедить" Совет в моей безопасности для окружающих. Оказавшись среди тех, для кого сила, подобная моей, представляла смысл всего их существования, я ощутил себя самым Амиром. И лишь одна женщина с безразличием отнеслась к моим способностям. Твоя сестра. Это она научила меня смеяться, ругаться и сожалеть. Она показала мне, что чувствовать — не значит подвергать опасности окружающих. Совершенство потеряло для меня всякий смысл. Разговоры о Сатрионе и возможном возвращении детей Амира стали докучать мне. Куда более интересным мне представлялось существование здесь и способность испытывать эмоции, совладав при этом с собственным могуществом. Я стал задумываться над тем, для чего еще существую, кроме как охранять этот проклятый Мир от возможного проникновения подобных мне. Безусловно, мне хотелось завладеть женщиной, подарившей мне новую жизнь. Но она боялась меня, моей второй сущности. Ежедневно она занималась с госпожой Савис, пытаясь постичь приемы психоэмоционального воздействия. Разве мог я попросить ее связать свою жизнь с тем, кого она боится? И вдруг, взрыв на Мийе. Мы сразу поняли, что произошло. Оболочки прорвали грань между пространствами и попытались трансформироваться здесь, в этом Мире. Отец спас "консерваторы", сообщив системе вооружения и Совету зрячих координаты возможного "прорыва". Это наша сторона синтезировала термоядерный сгусток, который уничтожил три миллиона ни в чем не повинных Мийян. Они, а не заблудшие. Только спустя год я осмелился приехать к Ри и посмотреть ему в глаза. Я понимал, что он все сделал правильно, но двойное чувство ненависти и жалости к собственному отцу, раздирали меня на части. И вдруг появилась ты. Словно, бестия, ты перевернула все с ног на голову. Ты говоришь, что испытала страх, заглянув мне в глаза, однако твоего страха я не разглядел. Ты смотрела с насмешкой, словно понимала, что в силе моей таиться и моя слабость. Словно пламя самого Амира, ты вызывала во мне интерес и желание прикоснуться к этому огню. Весь такой выдающийся, я казался тебе лишь странноватым деревом с определенными способностями, которые ты в грош не ставила. Мой внешний облик, моя запущенность и нежелание следить за внешней оболочкой, вызывало в тебе презрение. Презрение к человеку, который мог уничтожить тебя, только лишь пожелав сделать это! Но под риагой ты изменилась. Тот взгляд, который я испытал на себе, в нем не было того презрения или страха, одно лишь вожделение, чистое, искреннее. Ты хотела меня. Ни за деньги, которые я платил шлюхам, что ублажали меня, ни за возможность получить власть, о которой столько лет мечтала твоя сестра, ты просто хотела меня для удовольствия и только ради него. Я никогда не видел, чтобы на меня так смотрели. И, Амир побери, я решил, что смогу подарить тебе это удовольствие, не присоединив к себе. Я не хотел кончать, но когда горишь в огне, не кончить просто не возможно. Я почти не пожалел о том, что сделал. Ты не поняла ничего, но тебе понравилось, и ты пожелала продолжения, не смотря на то, что сил у тебя практически не осталось. Я посчитал, что став моей матриати ты будешь всегда так же смотреть на меня и желать, желать не смотря ни на что! Но, твою мать, кончая во второй раз ты назвала меня этим паскудным именем "Сайми". И я понял, что ты, на самом деле, трахаешься с ним, а не со мной.

Кимао разжал свои пальцы и отнял руку от ее волос, отворачиваясь и поднимаясь на

ноги.

— Вот, как ты умеешь унижать. Поверь, это куда более мерзко, чем послать меня, Великого зрячего, при свидетелях.

Данфейт подскочила и, сжав кулаки, наклонилась в его сторону.

— Унижать? Да, что ты знаешь об унижении? Родиться в семье, которая может купить всех и каждого и понять, что ничего из себя не представляешь! Бросить вызов судьбе и отправиться в неизвестность, чтобы только переплюнуть собственную сестру. Пять лет вкалывать днями и ночами, чтобы ничего не добиться, кроме физического совершенства, которое в мире, где ты живешь, ничего не значит! Привозить в деревню провиант и воду, и даже не догадываться о том, что кто-то спит с тобой только ради возможности получать все это регулярно! Стать матриати для того, кто с жалостью смотрит на тебя и с вождением на твою сестру! Проиграть во всем и осознать, что в жизни твоей кроме соперничества, ничего нет! Вот настоящее унижение!!! Тебя любили! Твоя мать любила тебя. Твой отец любит тебя. Твой брат тебя любит. Даже моя сестра любит тебя!!! А меня никто не любит! Ни мать, ни отец, ни сестра! Только Учитель, и даже не меня, а мою слабость и способность уравновесить тебя! Так что, пошел ты, Кимао Кейти, со своим унижением! Пошел ты!!! — закричала Данфейт, размахивая своими кулаками перед его искаженным непониманием лицом.

Она редела. Бессильная и, одновременно, слишком сильная. Слабая и, в то же время, не сгибаемая. Она редела и презирала себя за это. Она ломалась и собирала себя по частям вновь. Она — его матриати, его противоположность, его половина, его связь и зависимость.

— Ты — голая, — ответил Кимао, протягивая ей полотенце.

Данфейт замолчала, на мгновение, и, втянув в себя воздух, закричала вновь. Ее протяжный вой, больше напоминающий стон, эхом отразился от стен и ударился в уши Кимао. Наконец, когда воздух в груди ее иссяк, она рухнула в ванную, облив Кимао мыльной водой с головы до пят.

— Закончила? — спокойно спросил зрячий, вытирая полотенцем свои мокрые волосы.

Она поникла на глазах и отвернулась от него, сворачиваясь калачиком в остывшей воде.

— Уходи, — прошептала матриати и втянула с себя воздух. — Уходи отсюда...

Кимао ничего не ответил, понимая, что и ему тоже требуется одиночество после всего того, что они обнажили друг перед другом. Он, вдруг, ощутил то же опустошение, что и она. Никаких эмоций, никаких волнений. Лишь ровная гладь безразличия среди бескрайнего океана постоянной борьбы.

Ближе к вечеру Ирия вошла в комнату Данфейт и нашла девушку в удручающем состоянии лежащей на разостланной постели.

— Ужин через час. Приведи себя в порядок, приберись в своей комнате и сделай то, что должна!

— Это все, что ты готова сказать мне спустя месяцы моего отсутствия?

— Я никогда не жалела тебя. Ты знаешь это. И теперь жалеть не собираюсь. Амир не выбирает слабых, Ри не обучает бездарных, Кимао не рискует собой ради недостойных. Так что, поднимайся и начинай делать то, за что я всегда уважала тебя.

— И что же это?

— Вкалывать. Через двадцать минут жду тебя на кухне.

С этими словами Ирия положила на край кровати старое льняное платье в заплатках и направилась к двери.

— Спасибо, Ирия.

— Всегда пожалуйста, Данфейт.

Дани закрыла глаза на мгновение, а затем, будто вспомнив, что никогда не позволяла себе валяться в кровати в этом доме, поднялась на ноги. Ужин. Неужели Ирия заставит ее готовить? Когда вообще она в последний раз что-то готовила для себя? Данфейт задумалась и поняла, что последний месяц всю работу по дому выполняла за нее Эрика. Эрика!!!

Данфейт вылетела из комнаты и побежала вниз. Перепрыгивая через ступеньки, она, все-таки, запрыгнула на перила и съехала вниз по ним.

— Кимао!!! — закричала Дани, понимая, что не может найти его. — Кимао!!!

— Что за манеры, Данфейт?! — прогремел голос Ри за ее спиной.

Дани по старой привычке склонила свою голову и спокойно произнесла:

— Извините, Учитель.

— Кимао в тренировочной. Медитацию на фрирайне запустил так же, как и ты. Никакой выдержки — одни эмоции, на грани взрыва!

— Спасибо! — кивнула Данфейт и понеслась к тренировочной.

Открыв дверь настежь, она нарушила покой и единение своего зрячего, спящего под потолком, раскинув свои руки.

— Кимао!!!

Дерева открыл глаза и чуть было не врезался в лампочки подсветки.

— Что опять?!

— Эрика!!! Что с Эрикой?!

— Юга... Да, все с ней в порядке!!! — раздраженным тоном ответил Кимао и перевернулся в воздухе, продолжая висеть высоко над ее головой.

— Где она?

— На Дереве.

— А Айрин?!

— И она там же.

— А...

— Орайя, Террей и Йори, — все на Дереве.

— Они знают?

— Наверное.

— Дай мне свой наушник! Я хочу связаться с ними!

— Сейчас ты никому звонить не станешь! Не понимаешь, что за ними следят сейчас все?! Отец уже связался с Роэли и тот пообещал ему, что уговорит Совет не ставить на нас крест. Пока мы нужны им, мы в безопасности. Как только необходимость в нашем присутствии отпадет — нас отправят, сама знаешь куда!

— Данфейт Белови! — прогремел голос Ирии, которая остановилась за спиной матриати. — Я же сказала тебе идти на кухню! И в каком виде ты стоишь здесь?! Переодеваться! Немедленно!!!

Кимао злорадно усмехнулся и перевернулся в воздухе, отворачиваясь от матриати.

— Ты слышала меня, Данфейт!? — вновь повысила голос Ирия.

— Да, — выдохнула Дани и зашагала к себе в комнату.

Спустя пятнадцать минут она уже чистила плоды верстушки, из которых Ирия собиралась сделать жаркое. Руки Данфейт приобрели во время этого трудоемкого процесса синеватый оттенок, и по-своему опыту Дани знала, что смоеся эта синева только через несколько дней.

— Все, закончила.

— Порежь мясо, разложи на подносе и поставь на стол.

— Да, Ирия, — вздохнула Данфейт.

Когда на подносе витееватым образом были выложены тонко нарезанные куски разных сортов мяса, Данфейт сняла передник и направилась в столовую. Войдя внутрь, она скривилась и, поставив поднос прямо перед носом Кимао, плюхнулась на стул возле него.

Зрячий не стал дожидаться появления собственного отца и приступил к трапезе, судя по всему, минут десять назад. Данфейт подперла рукой голову и начала наблюдать за тем, как Кимао накалывает кусочки мяса с подноса и отправляет их в свой рот, даже не успевая, толком, пережевать.

— Приятного аппетита, — произнесла матриати и улыбнулось той натянутой улыбкой, при виде которой Эрика начинала хохотать.

Кимао посмотрел на нее и закашлялся.

— Ну и лицо! — прохрипел он, поднося бокал с вином к своему рту. — Такое ощущение, что твои губы сейчас лопнут посередине.

Учитель вошел в столовую и, смилив Кимао недовольным взглядом, занял свое место.

— Твоя матриати обучена манерам лучше, чем ты.

— Я могу себе это позволить.

Данфейт выпрямилась на стуле и опустила запястья на стол.

— Приятного аппетита, произнес Ри и взял в руки приборы.

Дани посмотрела на него и потянулась к графину с соком, наполняя свой бокал.

— Я полагал, что ты предпочтешь вино, — заметил Кимао, осушая свой бокал. — Или присутствие Учителя не позволяет тебе употреблять спиртное?

— Учитель никогда не запрещал мне пить спиртное, — ответила Данфейт и посмотрела на Ри. — Так ведь?

— Прекратите, оба! — повысил тон Ри и стукнул приборами по тарелке. — Что изменилось с момента вашего отъезда? Чему вы научились за те месяцы, что провели вместе? Искусство препираться, насколько я вижу, вы постигли в совершенстве, однако, гордости это во мне не вызывает!

Учитель вопросительно посмотрел на Данфейт и прищурился. Дани знала, что означает этот взгляд. Наказание при любом исходе дела. Данфейт усмехнулась, задумываясь над тем, стоит ли ей вообще задумываться над этим, и, откинувшись на спинку стула, скрестила руки на груди.

— Из всех теорий, которые я изучала, ни одна не далась мне с практической точки зрения. Я подралась в первый же день своего появления в Академии, подружилась с двумя сомнительными матриати и их зрячими, слетала на Атрион, заработав денег на жизнь, опозорилась перед всеми преподавателями и курсантами, и заслужила славу бездарной взбалмошной сестрицы Айрин Белови. Я умерла, и как теперь оказалось, не в первый раз. Воскресла, то же, кстати, не в первый.

— Ты показала *sihus* своему зрячему в присутствии других курсантов, — добавил Кимао.

— Да, это тоже сделала я.

— И побывала в больнице два раза.

— Да, — кивнула Данфейт.

— Поссорилась с сестрой бесчисленное количество раз.

— Да.

— Поссорилась со мной бесчисленное количество раз.

— Да.

— А еще ты заставила своих безнадежных друзей поверить в себя, обнаружив у некоторых из них скрытый потенциал, проучила зрячего из моего факультета, уложив его на лопатки в первой части вашего бесчестного поединка, заслужила доверие Пире Савис, симпатию преподобного Матье, господина Ло и господина Апри, прости, покойного господина Апри, почти побил рекорд Орайи по скорости пробега на длинные дистанции, спасла мне жизнь на Атрионе и убила фантом, который пришел за тобой. Я все перечислил?

— Вроде бы... — пожала плечами Данфейт.

— Да, забыл упомянуть, что ты смогла влезть в тайны прошлого нашей семьи, да и всего этого маленького "кружка", который называет себя "Советом зрячих". И блокировку сознания освоила. Ты заметил, Ри?

Учитель, на этот раз, с удивлением посмотрел на Кимао.

— Ты тоже не можешь ее прочесть?

— Нет.

— Ты же ее зрячий!!! — повысил тон Учитель.

— Рядом с ней я — полный ноль. Это подтвердили измерения.

— К Амиру измерения! Полным нулем ты станешь, когда покинешь этот Мир навсегда!

Учитель ударил кулаком по столу и отвернулся.

— Что они намерили? — спустя несколько секунд спросил он.

— Отсутствие амплитуды колебаний наших оболочек при взаимодействии.

— Идиоты! У вас частота другая!

— То есть?

— Дело не в амплитуде. Я, в свое время, выдавал только девятьсот процентов прироста рядом с твоей матерью, но вместе мы могли в два счета уложить Роэли и Пире. Дело не в амплитуде, а частоте. У тех же Пире и Роэли она около двух тысяч в минуту. У меня и твоей матери была около трех тысяч. У тебя одного — девять тысяч. У нее после трансформации — под четыре тысячи.

— А, до? — перебила его Данфейт.

— Около пятиста, — буркнул Учитель и продолжил свою отповедь: — И даже если она "глушит" тебя, то всего на четыре тысячи. А то, что Вы оба просто обманули прибор, меня нисколько не удивляет!

— Но, я проиграл Роэли, вызвав его на поединок.

— Значит, ты в этот момент не о том думал! Включи ты свои мозги вовремя, Роэли бы никогда не смог сломить тебя! Ни Роэли, ни кто-либо другой! — перешел на крик Ри. — Посмотри на нее! Она опять елозит на этом стуле! Данфейт, уймись, в конце концов!!!

Дани замерла и подняла руки в воздух.

— Это же я, Учитель. Я всегда ерзаю на стульях.

Кимао прикрыл рот рукой, чтобы не расхохотаться. Учитель посмотрел на Дани и отрицательно покачал головой.

— Вы оба так ничему и не научились. Не для этого я вернул тебя к жизни, слышишь? Я рисковал всем, всем, что у меня было, предпринимая эту попытку. И, Слава Юге, что мои предположения относительно тебя оказались верны! Ты гасишь его, а не потенцируешь. Знаешь, за что меня изгнали? — вдруг спросил Ри, обращаясь к Данфейт.

— Нет, — покачала головой матриати.

— За неверное предположение. Даже когда я трансплантировал его, — Ри указал пальцем на Кимао, — они не подняли на меня руку, но когда я попытался исправить то, что все мы наделали, — они вышвырнули меня вон! Я трансплантировал часть детей Амира в тела и воздействовал на них той же энергией, что и создала их, но ничего, кроме тридцати трупов и обозленных фантомов не получил! Эксперимент по возможности уничтожения влияния Амира на своих детей с грохотом провалился. Фантомов мы обезвредили, но Совет решил, что попытки вернуть в жизни тех, кто живет по другую сторону, слишком опасны для всех нас и избавился от меня в один день! "Он убил тридцать человек! Тридцать ни в чем не повинных мийян!" — кричали их вшивые свидетели на суде. Да, я проиграл, но для них это был хороший повод убрать меня с дороги.

— Вы убили тридцать не рожденных оболочек и живого ребенка, искалечив жизнь собственного сына! Вы виновны, Учитель!

— Я знал, что когда-нибудь ты это озвучишь. В этом вся ты. Ничего, кроме приговора. Ни осуждения, ни ненависти. Простая констатация факта. "Виновен".

— Судить Вас будете Вы сами, Ваш сын и Кейти. Не я, — покачала головой Данфейт и отвернулась от него.

— Я рад, что ты не перестала называть меня Учителем.

— Просто, Вы очень сильно любили своего сына, вот и все. Будь у моего отца шанс вернуть мать — он бы уничтожил весь Сайкайрус, лишь бы только сделать это.

— А ты? Ты бы убила ради того, кого любишь?

— Я? — переспросила его Данфейт.

— Да, ты?

— Ребенка бы не смогла. Взрослого — возможно.

— Даже перед собой ты честна. Мне всегда нравилось это качество в тебе.

— Скажите, когда в Ваш светлый ум пришла мысль уравновесить Кимао с помощью меня?

— Как только увидел, что мийяне приняли тебя, как свою.

— Почему тогда?

— Самый консервативный народ из тех, что мне довелось встречать. Слово "чужак" для них все равно, что "враг". А ты втерлась в доверие за считанные часы. В тот день, пять лет назад, когда я вернулся за тобой в племя, и ты вышла меня встречать с толпой перемазанных детей, которые так и норовили залезть тебе на спину, я понял, кем ты станешь. Медиатор для моего Кимао.

— Расскажите о Сатрионе, — попросила Данфейт и посмотрела на Учителя.

— Сатрион. Даже тот мир, в котором теперь заперты дети Амира, называется теперь "Сатрионом". Случайность, наша ошибка. Это Совет создал направленный опытный взрыв проводя очередной эксперимент по синтезу термоядерной энергии. Идеальное оружие, по силе и мощности превосходящее даже наш дар. Вот только взрыв этот повлек за собой цепную реакцию в атмосфере, и вся планета с тремя миллиардами жителей исчезла в один бесконечно долгий миг. Мы потеряли своих аркаинов, матриати, зрячих, наших жен и детей, мы убили простых людей и не понесли наказания за это. Когда я предложил вернуть хоть часть из тех, кто погиб, мне ответили "нет". "Мы не знаем, как повлиял взрыв на их "тонкие тела". Они могут быть опасны для нас и нашего Мира". Они оказались правы. Дети Амира подобные Кимао, опасны для нас. Подобные тебе, — Учитель посмотрел на Данфейт, — нет. Только определить это невозможно, не трансплантировав вас. Кимао, как опытный образец, мне разрешили оставить. "Пусть живет, раз ты его создал", — ответили они. — Вот, живет, — Ри взглянул на сына, — только меня "отцом" больше не называет.

— Ты это заслужил.

— А что заслужил ты, Кимао?

— Все вздохнут с облегчением, когда я уйду и не смогу вернуться.

— Вы уйдете, — исправил его Ри.

Кимао взглянул на Данфейт и натянуто улыбнулся:

— Мы уйдем.

Он знал, что он-то вполне заслуживает подобной участи. Но она... В чем она виновата перед ними? Эта мысль вызвала в Кимао чувство тревоги. Она жива только до тех пор, пока живет он. Если его оболочка взорвется или раствориться в Амуре, ее постигнет та же участь. Она умрет вместе с ним во всех смыслах.

— Кто же выдумал все те легенды о детях Амира и Юги? — разрушила тишину Данфейт.

— Никто не знает, — ответил Учитель. — Возможно, подобное уже случалось однажды. Возможно, когда-то мы уже уничтожили друг друга...

— Как же "заблудшие" смогли проникнуть в наш Мир?

— Фантомов было всего двое. Роэли лично подтвердил это. И где они взяли энергию на подобное перевоплощение, я понятия не имею. Но, они появились здесь сейчас, а значит, появятся снова. Остается только ждать и гадать, где и когда.

— Но, почему они пришли именно к нам?

— Думаю, для начала они хотели устранить Кимао и тебя. Лишить всех нас единственных живых детей Амира вполне логично, особенно, когда не знаешь, чего ждать от них.

— Но, они собирались забрать меня с собой. Это подтвердила Соу в разговоре. Зачем им я?

— Ты — матриати Кимао. Им нужна была не ты, а твое влияние на него. Получи они в союзники моего сына — и в этом Мире и в том им больше не с кем было бы воевать!

Наверняка, она пыталась тебя сломать, чтобы пробить и его оболочку. В моменты сильного эмоционального потрясения все становятся уязвимыми, и вы оба — в том числе.

— Кора пришла ко мне в образе Данфейт, — вступил в разговор Кимао. — И кое что было по-настоящему странным. Сначала она видела меня, а потом — нет. Я был прямо перед ней, а она меня не видела.

— Вторая меня тоже не видела.

— Странно...

— Ничего странного, — вздохнул Учитель. — Те фантомы, которые создал я, не воспринимали нашу реальность в том виде, к которому привыкли мы. Они видели все с точки зрения энергетических полей и их колебаний. Я создал "занавес", и они ослепли. Правда, уловка работала недолго. Слишком сильными они получились и сломали защиту за секунды. Обычное колебание человеческой оболочки выглядит как ярко-голубое свечение. Кто знает, как выглядите вы оба, когда взаимодействуете?

— Но мы не взаимодействовали, когда они пришли, — возразила Данфейт.

— По-твоему, взаимодействовать можно только при помощи физического контакта? Ты звала его на помощь, когда столкнулась с тем, чего не смогла понять?

— Да, — прошептала Данфейт.

— Вот и ответ на твой вопрос. Ты вступила с ним в контакт. Ход моих мыслей верный? — спросил Ри, обращаясь к сыну.

— Она перестала видеть меня после звонка Данфейт. Очевидно, что твоя теория верна.

— Вот еще один плюс к вашему тандему. Появись они здесь сейчас, им вас не разглядеть. А это — огромное преимущество.

— Кстати, — подал голос Кимао и искоса посмотрел на Учителя. — Кору интересовал вопрос, сколько нас здесь?

— В смысле?

— В прямом. Она хотела знать, скольких детей Амира мы трансплантировали!

— Тебя и....ее, — учитель посмотрел на Данфейт и прищурился. — Об остальном мне ничего не известно.

Учитель замолчал и посмотрел на полупустую тарелку перед собой.

— Вы когда возвращаетесь? Завтра?

— Утром вылетаем.

Данфейт посмотрела на Кимао и утвердительно покачала головой.

— Спасибо, что предупредил сейчас, а не завтра утром.

— Через три дня ужин курсантов. Мы должны успеть к его началу.

— Ты успеешь, не переживай.

— Не понял... Ты собралась проигнорировать приглашение?

— Я уже проигнорировала его. Смотреть на все эти высокоодухотворенные лица с гнилым нутром, которые спят и видят себя на золотых унитазах среди остальных, керамических, — уволь.

Кимао переглянулся с отцом и оба засмеялись.

— Не вижу ничего смешного.

— А знаешь, ты права. Я тоже не пойду на ужин. Вкусно поесть я могу и дома, да и кампанию собрать подходящую. Все на керамических унитазах, как ты говоришь.

— Удачного времяпрепровождения, — вздохнула Дани.

— То есть, ты собралась проигнорировать и мое приглашение?

— А ты, разве, пригласил меня?

— Я подразумевал это. Иначе вообще бы не стал ничего говорить!

— Продолжайте без меня, — отчеканил Учитель и поднялся из-за стола.

— Уже уходите? — натянуто улыбнулась Данфейт.

— Меньше всего мне хочется выслушивать этот бред. Вместо того, чтобы поговорить друг с другом о том, что вами произошло и почему ты, девочка моя, была в пятницу отчислена из Академии, вы несете какую-то чушь!

Учитель покинул столовую так же тихо, как и вошел в нее. Данфейт, расслабившись, вновь заерзала на стуле и подперла голову рукой, глядя на поднос с мясом.

— Сдадим зачет — и тебя зачислят обратно, — подытожил Кимао и принял ту же позу, что и она.

— И дальше все вернется на круги своя. Насмешки, шепот за спиной, косые взгляды и слабость, с которой не имеет смысла бороться. Я так хотела достичь чего-то. А вышло, что мое предназначение в слабости. Мне было шесть, когда все это началось. Мы с Айрин спустились на завтрак рано утром. Отец вошел в столовую и, потеревив нас по волосам, сообщил, что "выбил" место в особенном месте, где учатся самые талантливые и достойные люди из всех живущих на этом Свете. "Лучшая из вас попадет туда", — сказал он и поцеловал Айрин в макушку. Будто бы с самого начала знал, кто из нас двоих лучшая. Ни разу за все эти годы я не спросила себя, почему хочу стать зрячей. Роэли Гвен задал правильный вопрос, когда прилетел к нам. "Почему Вы хотите пойти с нами?" И правдивый ответ на него он без труда прочел в моей голове. Потому что я хотела быть лучшей, вот и все.

— Какой смысл ты вкладываешь в понятие "лучшая", Данфейт? — вдруг, повысил тон Кимао и, поднявшись из-за стола, подошел к ней, нависая сверху. — Внешность? Способности? Человеческие качества? Что, из вышеперечисленного?

— Почему ты злишься? — произнесла Данфейт и облокотилась на спинку стула, устремляя свой взор в потолок. — Может, и глупо это, но последние восемнадцать лет только стремление быть лучшей заставляло меня двигаться вперед. Я стала той, которая находится здесь, только потому, что выкладывалась на все сто десять процентов. И это — мой предел. Все, дальше некуда двигаться.

— Ты хочешь, чтобы я пожалел тебя?

— Насколько же ты циничен!

— Возможно...

— Странная привычка отвечать "возможно". Ты не соглашаешься, но и не противоречишь заключению, что является прямым уклоном от ответа.

— Возможно, — повторил Кимао и посмотрел на нее.

— Где ты нашел меня? Я не помню, в какой именно момент отключилась.

— Я не видел твоего тела. Почувствовал просто, что тебя больше нет рядом, и все понял.

— И зачем ты сам отправился за мной?

— Я боялся, что одна ты не сможешь вернуться.

— И кто же помог тебе умереть?

Кимао отвернулся от нее и сжал свои челюсти.

— Сюрикэн Эрики.

— Эрика убила тебя? — воскликнула Данфейт, пытаясь заглянуть ему прямо в глаза, чтобы прочесть правдивый ответ.

— Ты в своем уме? Иногда как выдашь, хоть стой, хоть падай! Я сам сделал это, никто

не помогал мне!

— Теперь ты зависишь от облегчения, которое я тебе приношу. Поэтому ты решился на это?

— Я бы никогда не рискнул всем ради облегчения.

Данфейт поморщилась и, взяв в руки салфетку со стола, начала комкать ее.

— Из-за Айрин? Она попросила тебя сделать это?

Кимао медленно выдохнул и попытался успокоиться.

— Ответь, ты когда-нибудь откроешь свои глаза? И если откроешь, сможешь ли ты рассмотреть очевидное?

— Что рассмотреть?

Зрячий небрежным движением выхватил из ее ладоней салфетку, и направился к выходу, бросив белое полотно на пол.

— Признайся, ты просто не хотел лишиться матриати! — закричала она.

Кимао замер и обернулся, глядя все теми же уставшими глазами, только не на нее, а на белую ткань, валяющуюся на полу.

— Мне хочется верить, что сказанное тобой — всего лишь пустые слова, которыми ты хотела меня ужалить. Очень хочется, потому что слышать подобное от женщины, которая не понимает, что я просто могу любить ее, больше, чем всаживать в свою грудь стальной сюрикэн.

Данфейт отвернулась от него на мгновение, чтобы выдохнуть, а когда посмотрела вновь, Кимао в столовой уже не было.

— Сколько еще ты собираешься сидеть здесь? — произнес Бронан, глядя на Эрику, лежащую на диване в разгромленной гостиной.

— Зачем пришел? — осипшим голосом спросила тианка, продолжая смотреть куда-то вдаль.

— Тебя опять допрашивали сегодня?

— Да. Заявились прямо сюда, уроды.

— Что ты сказала им?

— То же, что и в предыдущие четыре раза. Я не знаю, где Кимао и Данфейт.

— Что еще?

— Ты опять начинаешь? — повысила тон Эрика и присела на диване. — Они и так знают, что я видела. Я вру им в глаза, а они читают меня наперед, задавая нужные вопросы. Я увиливаю, а они прут напролом. Они даже не позволили мне увидеть ее! И опять эти бумажки принесли, о не разглашении. Пусть подотрутся этими бумажками! Террей за сегодня позвонил шесть раз. Вы все уже достали меня, понятно?!

— Что ты сказала Террею?

— Что не знаю, где Кимао и Данфейт. Но он видел меня вчера и все прекрасно понял, только взглянув мне в глаза. Спасибо, что хоть вслух озвучивать это не стал. Думаю, к концу этой недели о произошедшем узнают все.

Бронан присел на пол возле дивана и посмотрел на свою матриати. Она запустила себя. Белоснежная ночная рубашка превратилась в измятую серую тряпку, волосы сбились в колтун на затылке, синева под глазами и высохшие искусанные в кровь губы.

— Что ты ела сегодня?

— Ничего, — буркнула Эрика и вновь прилегла на диван, отворачиваясь от него и натягивая плед на ноги. — Закрой за собой дверь, когда будешь уходить.

Бронан посмотрел на новую входную дверь, которую, кстати, он заказал за свои деньги, и хмыкнул.

— Если не расчешешь свои волосы и сегодня, завтра их придется стричь.

— Пошел ты! — услышал Бронан и, покачав головой, поднялся на ноги.

— Ты же аккуратистка! Всегда кладешь вещи на свои места, моешь за собой посуду и гладишь нижнее белье! Посмотри, во что превратилась твоя квартира? Грязь, бардак! Эй, я к тебе обращаюсь! Скоро вонять начнет! Ты слышишь?

Эрика вновь приподнялась на диване и осмотрелась по сторонам. Затем прикоснулась к своей голове и нащупала сбившиеся на затылке волосы.

— С добрым утром! — произнес зрячий и направился на кухню.

Войдя туда и пробежав глазами по грязным тарелкам, стаканам, пустым бутылкам, пакетам из фаст-фуда, он покачал головой. Открыв холодильник, он понял, что кроме трех видов соусов есть в этом доме нечего.

Эрика услышала, как хлопнула входная дверь, и прижала ладонь к своим глазам. Придя в себя, она подняла руку и чуть не задохнулась. Юга! От нее несло потом!!!

Эрика подскочила с дивана и побежала в ванную. Взглянув на свое отражение в зеркале, тианка пришла в ужас. Ведьма! Она — тианская ведьма из сказок, которыми пугают маленьких детей во всей системе Амира!

Бронан с пакетами наперевес, забитыми продуктами, вошел в квартиру и закрыл за собой дверь. В ванной горел свет и слышался шум воды.

— Неужели, — хмыкнул зрячий и отправился на кухню, разгребать свинарник.

Эрика, в чем мать родила, выползла в коридор, и замерла в центре, как вкопанная. На нее смотрел зрячий, стоя в переднике посреди прохода. Эрика отвернулась, осмотрелась и вновь повернулась к нему, склоняя свою голову на бок.

— Я думала, что ты ушел, — заявила матриати и, обогнув его, вошла в свою комнату, оставив дверь открытой.

Бронан вошел следом за ней и облокотился о дверной косяк, глядя, как обнаженная тианка с коротко остриженными огненно-красными волосами, пытается найти в своем шкафу чистое белье.

— Может, выйдешь? — как ни в чем не бывало, произнесла матриати, натягивая на свои длинные стройные ноги кружевные трусики.

— По-моему, я тебя несколько не смущаю.

Эрика посмотрела на зрячего и хмыкнула в ответ.

— Тебе всегда нравилось смотреть, как я одеваюсь.

— А тебе всегда нравилось разгуливать по дому в нижнем белье.

— Я, по крайней, в трусах ходила, в отличие от тебя, — засмеялась Эрика и надела лифчик.

— Глядя на твои трусы я не всегда мог понять, есть они у тебя или их на самом деле нет.

Эрика накинула на себя одну из своих "домашних" рубашек и закатала рукава.

— Это тело принадлежит тебе. Можешь смотреть и оценивать, сколько хочешь. Мне нет до этого никакого дела.

— Ты теперь не отождествляешь себя со своим телом?

— Абстрагироваться от происходящего я научилась давно, так что... — Эрика театрально пожала плечами и, потянув за край одеяла, стянула его на пол, чтобы сменить пододеяльник.

— Я мясо жарю, — будто бы не услышав ее реплики, произнес Бронан.

— Делай, что хочешь. Мне все равно.

Бронан отвернулся и покинул ее комнату. Раньше он бы снял с себя передник и швырнув его ей в лицо, ушел. Но сейчас, в этот день, он спокойно вернулся на кухню и начал нарезать помидоры для ее любимого соуса. Он поступил так не потому, что его не задела ее слова. Все дело в волосах. Его тианка всегда следила за своими волосами. Она расчесывала их чуть ли не каждый час, покупала все эти странные маски и спреи для ухода за ними, укладывала каждое утро, даже если это был выходной день и они собирались провести его дома. Но сегодня она остригла свои огненно-красные длинные волосы, даже не пытаясь расчесать. Выскобленные неаккуратными движениями ножниц, они торчали в разные стороны и подвивались на концах. Эта прическа изменила ее облик до неузнаваемости. Скулы на ее лице начали сильно выделяться, а большие багрово-красные глаза показались ему еще более бездонными, чем когда-то. С этой стрижкой она выглядела, как девочка-подросток, а не взрослая женщина, ни в чем себе не отказывающая. Она перестала быть "Красной леди", и это зародило в душе Бронана некое беспокойство.

Когда Эрика вошла на кухню, Бронан сидел за столом и раскладывал обед по тарелкам.

— Это мне? — не поняла тианка, глядя на толстый кусок мяса в красном соусе.

— Тебе.

Девушка подошла к столу и, отрезав кусочек, попробовала его.

— Спасибо. Остальное можешь забрать с собой, — девушка небрежно помахала рукой в сторону больших салатниц с нарезанными овощами и фруктами. — Мне это не нужно, а Гритхен, может, понравится.

Бронан спокойно опустил приборы на стол и поднялся со стула. Так же спокойно он подошел к ней и остановился рядом, с презрением глядя на ее тарелку. Эрика напряглась, опасаясь, что он ткнет ее туда носом, но Бронан спокойно отодвинул стул и, положив руку ей на плечо, силой усадил на него. Эрика отодвинула от себя приборы, но зрячий вернул все на место и сжал свою ладонь на хрупкой шее своей матриати.

— Ешь! — рявкнул зрячий, продолжая стоять за ее спиной.

Эрика выпрямилась и взяла в руки приборы. Надавливая на нож слишком сильно, она скрежетала им по тарелке, разрезая отбивную на мелкие кусочки. Затем, положила нож и начала запихивать куски мяса в свой рот, пережевывая и глотая. Когда тарелка была пуста, Бронан убрал руку с ее шеи, но с места не сдвинулся.

— Что происходит? — серьезным тоном спросил он, глядя на нее.

— Себе задай этот вопрос.

— Я пережил это и пошел дальше. А с тобой, Ериа, что не так?

— Не называй меня этим поганым именем! — прошипела тианка и обернулась к нему, гневно сверля своими глазами.

— Ты же любишь вспоминать прошлое. Мстить. В чем же сейчас проблема? Найди способ заткнуть меня, а если не можешь, заткнись сама!

Эрика набрала в грудь воздуха и, вдруг, оскалилась. Он ожидал, что она скажет, что-нибудь. Но она промолчала и потянулась к салатнику с фруктами.

Бронан выдохнул и отошел от нее, чтобы включить чайник.

— Что дальше? Напоишь меня чаем и уложишь спать, прочитав сказку на ночь?

— Прочитаю, если посчитаю нужным.

Наушник Бронана задрезжал на столешнице и зрячий надел его, отвечая на вызов. Эрика внимательно наблюдала за ним. Он не улыбался, нет, он был, кажется, раздражен.

— Да.

Молчание.

— Нет, я занят.

Молчание.

— Я сейчас не могу говорить.

Молчание.

— Я не знаю!

Бронан, заметив, что Эрика внимательно на него смотрит, отвернулся и вышел с кухни. Тианка улыбнулась тому, что увидела. Она знала его лучше, чем кто-либо другой. Он говорил с милашкой. И он не сказал ей, где именно находится.

Эрика выпрямилась и вышла в коридор следом за зрячим. Он обернулся, с опаской глядя на нее, и направился вперед по коридору в сторону ванной. Эрика схватилась за полы своей рубашки и скинула ее с себя, оставшись в одном нижнем белье. Бронан обернулся и, осознав, что видит, остановился.

— Я не могу говорить. Нет, потом. Ты слышишь, что я только что сказал? — перешел на повышенный тон дерева.

Эрика улыбнулась и, расстегнув застежку лифчика, скинула его на пол, останавливаясь при этом в дверях своей комнаты и с насмешкой глядя, как зрячий плотоядно смотрит на нее, пытаясь при этом слушать, что говорит ему Гритхен. Наконец, он просто отключил свой наушник и бросил его на пол.

— Твоя патологическая тяга к этому телу меня впечатляет, — уставшим голосом произнесла матриати. — В нем ведь нет ничего особенного. Такое же, как у миллионов других женщин. Но тебя тянет к нему, и это единственное, с чем тебе приходится бороться в твоей скучной жизни. Ты опять проиграешь, Бронан Ринли, наступая на те же грабли, что и прежде.

Она развернулась и направилась к кровати, стягивая с себя трусики на ходу.

— Зачем ты делаешь это? — услышала она над самым ухом и обернулась.

— Я хочу, вот и все, — прошептала матриати, вставая на носки и прикасаясь к его губам.

Она никогда не целовала его трезвой. Вкус ее рта всегда ассоциировался у Бронана с вином или виски, в зависимости от того, что она предпочла выпить перед тем, как приблизиться к нему. А сейчас он почувствовал нечто другое. Острый красный соус мясной подливки и какой-то сладковатый, едва заметный привкус, несомненно, принадлежащий ей самой. Как можно было столько раз целовать ее, заниматься с ней сексом и не знать вкуса ее рта? Как?

Бронан закрыл глаза и, притянув ее к себе, впился в этот незнакомый ему рот. Он знал, что заплатит за этот поступок дорогую цену. Он понимал, что она вновь лишит его всего, к чему он пришел, живя порознь с ней. Но отказаться от женщины, которую он так долго любил, которой отдал все, что было у него, включая собственную гордость и самоуважение, не смог.

Эрика оказалась лежащей на кровати под ним. Зачем же это ей? Чтобы разрушить его отношения с милашкой? Чтобы показать всем, кому принадлежит этот зрячий или просто отобрать его у другой женщины, ради желания доказать себе самой, что для него она все еще существует? Он ведь не нужен ей! Нет, не нужен! Ей никто не нужен! Она — сама по себе! Тогда, почему она вызвала его на этот поединок? Чтобы поставить последнюю точку в этой затянувшейся игре, окончательно размазав его тем, что не сможет трезвой имитировать оргазм? Это — ее месть? Но, за что? За "принуждение", — подумала Эрика, чувствуя, что мысли ускользают из ее головы, словно вода сквозь пальцы.

Ощущения. Ее собственные, живые, яркие, странные и, почему-то, приятные. Эрика распахнула глаза и со страхом взглянула на зрячего, склонившегося над ее обнаженной грудью. Он не заметил того, что она смотрит на него. Ее пальцы замерли на его затылке и погладили шелковистые волосы. Бронан отстранился и приподнял свою голову, как-то странно глядя на нее. Она никогда не делала так раньше. Сжимала его плечи, царапала спину, ягодицы, бедра. Она изгибалась, когда он прикасался к ней, но никогда она не смотрела на него вот так, испуганно, и уж тем более, не притрагивалась к его волосам.

Бронан склонил свою голову и с опаской продолжал наблюдать за ней, скользя рукой вниз и раздвигая нежную кожу ее бедер. Пальцы проникли внутрь и Эрика напряглась, будто никогда не испытывала этого раньше. Ладонь зацепилась за клитор и тианка выдохнула, закрывая глаза и откидываясь на спину. Почему она молчит? Где стоны, где возгласы? Где все это?!

Бронан наклонился к ее животу и, проведя по нему языком, спустился к лону, шире

разводя ее ноги. Эрика прикрыла ладонью глаза и начала чаще дышать. Кожа ее груди покрылась светло-розовыми пятнами, и не понятно стало, почему она не багровеет, а бледнеет?

— Не смей этого делать! — послышался ее сдавленный голос.

— Почему? — не понял Бронан, памятуя, что она всегда являлось поклонницей орального секса.

— Ее лизать будешь, а меня — не смей!!!

— Так вот, как ты заговорила?! — злорадно усмехнулся Бронан и, прижав ее рукой к кровати, прикоснулся языком к влажной плоти.

— Ублюдок! — закричала тианка, пытаясь его скинуть, но силы довольно быстро покинули ее, сменившись странным молчанием, в котором Бронан слышал только шум ее участвовавших вдохов.

Ее ноги ослабли, и непринужденные движения бедрами сменили абсолютное безучастие. Это возбуждало его, распалаяло! Эрика открыла глаза, когда поняла, что он оторвался от нее и навис сверху. Он смотрел так, будто взглядом мог поглотить ее, не оставив ничего, кроме воспоминаний. Он желал ее, вне сомнений, но боролся с этим, продолжая просто смотреть. Что же он видел в ее широко распахнутых глазах? Что узрел в бледном лице, кожа которого стала розовой, а не багровой? Свою победу, поражение или вопрос, на который сам не знал ответа?

Он наклонился и поцеловал ее, погружаясь языком в странную сладость и смешивая такие похожие вкусы, принадлежащие ей. Эрика сама протянула руки к его брюкам, расстегивая их и прикасаясь к его плоти. Она сама прижалась к нему всем телом, позволяя одним движением заполнить податливое тело.

Бронан окружил ее голову пленом своих рук, все так же нависая и продолжая целовать. Эрика распахнула глаза и вжалась в матрац, сминая простынь и комкая ее пальцами.

— Тебе нравится? — прошептал Бронан, прижимаясь губами к ее шее и сковывая ее спину своими руками. — Скажи, что тебе нравится... Скажи...

Эрика глотнула воздух ртом и сжала свои губы. Она никогда не испытывала такой потребности в нем. Никогда не хотела, чтобы он занимался этим исключительно с ней. Никогда не желала двигаться под ним, чтобы вобрать в себя и почувствовать, насколько глубоко он может проникнуть в нее. Пальцы девушки ослабели и она, отпустив простыню, прижала ладони к его спине, приподнимаясь ближе к нему и вжимаясь грудью в его рубашку.

— Бронан... — вздохнула матриати, не понимая, почему голос ее так ослаб.

— Скажи... — простонал зрячий, продолжая прикасаться языком к ее шее. — Скажи...

— Да, — тихо прошептала Эрика, вжимаясь в него, что есть силы и задыхаясь, потому как чувство потребности в нем, сконцентрировалось внизу ее живота и начало стремительно набирать силу.

Она испугалась, напрягаясь всем телом и сжала свои губы, чтобы снова не застонать. Она впервые в жизни ждала с нетерпением его новый толчок. Сердцевину скрутило так сильно, что пальцы на ногах девушки начали неметь. Еще одно движение, еще один раз — и она задохнулась, ощущая, как разрушается ее тело, сокращаясь спазмами до селе неизвестных ей мышц. Бронан придавил ее к матрацу, изгибаясь и испытывая то, чему не мог дать объяснения. По-другому, сильнее, слишком впечатляюще для того, кто был с этой женщиной не в первый раз. Зрячий сжал свои зубы и простонал, осознавая, что кончает не

так, как кончал всегда.

Трепет, смешанный со страхом остаться в этом Мире одной, поглотили Эрику Строун. Противоречивое желание быть рядом с ним и бежать от него, что есть силы, сменило чувство наполненности и совершенства. Она ощутила свободу, власть, всемогущество и одновременное безразличие к этим дарам. В эту минуту она осознала, что обладает ими, но желает совсем иного: всего лишь быть рядом с ним.

Он скатился с нее и уставился в потолок, пытаясь отдышаться. Эрика не двигалась. Ее глаза слезились, но было так спокойно и хорошо, что это нисколько не волновало ее. Она всегда первой убегала в душ, чтобы смыть с себя следы его присутствия, но сейчас ей было приятно ощущать это. Кожа горела там, где он прикасался к ней, и она наслаждалась тем, что испытывала.

Бронан повернулся и посмотрел на нее. Он мог бы засмеяться, глядя на это абсолютно счастливое лицо, но оно произвело на него слишком сильное впечатление, такое сильное, что ему захотелось кричать от боли. Правда, которую она явила ему, оказалась плачевной. Она никогда не кончала. Ни с ним, ни с кем-либо другим. Она не испытывала наслаждения ни разу в своей жизни, и он, ее зрячий, не понял этого раньше. Ариичи Строун, которого он лишил всего, отомстив самым изощренным образом, действительно заслуживал только одного — смерти. Этого же наказания заслуживал и сам Бронан, который насиловал ее, а не любил.

— Теперь, ты действительно отомстила, — произнес Бронан и поднялся с постели.

Улыбка покинула лицо Эрики и на нем остались только лишь слезы. Она ничего не ответила, продолжая в безмолвии лежать на спине.

Она видела, как он застегнул свои штаны и заправил свою измятую рубашку. Она закрыла глаза и свернулась калачиком на кровати. Она одержала победу, но удовлетворения, осознав это, не получила.

Бронан замер, глядя на нее и понимая, что вновь испытывает боль. Поганую, привычную боль. Он присел на кровать возле нее и запустил руки в волосы, стягивая черные пряди.

— Я понял все, что ты хотела мне сказать.

Она молчала, будто произнесенное им, больше не имело смысла.

— Будь я проклят...

Эрика натянула на себя одеяло. Она слышала, как он покинул ее комнату, тихо прикрыв за собой дверь. Словно не из комнаты он вышел, а из ее жизни, так же тихо закрыв дверь за собой.

Где-то около часа ночи ее разбудил звонок. Эрика поднялась с постели и, замотавшись в одеяло, прошагала до порога, открывая гостю.

— Хоть бы спросила, кто это, для приличия, — улыбнулась Данфейт.

Тианка подняла на нее свои глаза и так же улыбнулась в ответ.

— Рада видеть тебя дома, — прошептала она и кинулась на шею подруги.

— Вставай! — услышала Данфейт над самым ухом. — Уже семь утра!

— Мы легли в пять! Какое "вставай"?

— Ты сама просила разбудить тебя! Это же не я пообещала Кимао сдать сегодня зачет

по скалолазанию!

— Зачет... — прошептала Данфейт и открыла свои глаза.

— Я уже помылась, так что ванная свободна.

— Ты тоже пойдешь в Академию?

— Конечно. Пропустить твое возвращение в этот гадюшник я не могу. Не тот характер.

— Бе...

— Кстати, Кимао прислал мне ночью приглашение на ужин курсантов, который состоится у него дома завтра. Я собираюсь пойти. А ты?

— Бе... Дважды, бе...

— Тебе не идет, дорогая.

— Я говорила тебе, что ты отвратительно постриглась?

— Три раза уже. Плевать. На все плевать, — хмыкнула тианка и направилась на кухню, заваривать кофе.

Данфейт, собранная по всем правилам, вышла в коридор и остановилась, глядя на свою подругу. Эрика надела один из самых простеньких своих костюмов, переобулась в бордовые тапочки на низком ходу и перекинула старый рюкзак через плечо. Она была не накрашена и выглядела, при этом, как подросток. Улыбнувшись подруге, Данфейт оставила данный факт без комментария, и приняла из рук Эрики термокружку с кофе.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — улыбнулась тианка и открыла входную дверь.

Как только матриати переступили порог учебного заведения, жизнь вокруг них остановилась. Им не пришлось расталкивать толпящихся внизу курсантов, чтобы пробраться к лифту, не пришлось выстаивать очередь в этот самый лифт. Все вокруг расступались, освобождая им путь и тут же собираясь в толпу за их спинами.

В молчании девушки добрались до своей аудитории и вошли в нее. Террей, увидев их, замер за своим столом. Остальных одногруппников постигла та же участь.

— Юга, да хоть ты перестань так смотреть на меня! — возмутилась Данфейт и подошла к Террею, хлопая его по плечу.

— Я не на тебя смотрел, — ответил матриати и указал пальцем в сторону Эрики. — Что за существо ты привела с собой?

Эрика оценила шутку Террея и громко захохотала, подходя к нему, наклоняясь и целуя в щеку. Террей обомлел и с опаской посмотрел на тианку.

— Только друзей тиане встречают так, — пояснила девушка и так же, как и Данфейт, похлопала Террея по плечу.

— Сумасшедшая...

— Всем привет! — поздоровалась Данфейт, ожидая, что уж Лайри, у которой рот никогда не закрывался, ответит ей.

Но матриати молчала, продолжая внимательно изучать Данфейт, переводя взгляд на Эрику и обратно.

— Отстань от них, — махнула рукой тианка и кинула свой рюкзак на стол.

— Я получил приглашение от Кимао сегодня, — перешел на шепот Террей. — Мы идем?

— Идем, — пожала плечами Данфейт.

— Отлично! — воодушевленно произнес зрячий и потер ладони.

— С чего вдруг такой восторг?

— Йори согласился пропустить другой ужин, если все мы пойдем к Кимао.

— Какая честь! — засмеялась Данфейт.

Дверь в аудиторию распахнулась, и в нее влетели Айрин и Орайя. Сестра остановилась на пороге, гневно глядя на Данфейт и сжимая кулачки от злости. Орайя, наоборот, улыбался. Дани выдохнула и спокойно подошла к сестре, притягивая ее к себе и обнимая за плечи.

— Знаешь, что я похоронила тебя? — прошептала Айрин, так же обнимая свою сестру. — Могла бы хоть позвонить, когда вернулась!

— Я знала, что увижу тебя утром, — рассмеялась Данфейт и подошла к Ораие.

Он обнял ее сам, поглаживая по спине и сдавливая в своих объятиях.

— Хотела нас оставить? — прошептал дерева.

— Не дождешься, — засмеялась Данфейт и, подняв глаза, увидела Кимао, стоящего в дверях.

За его спиной толпились курсанты. Они обступили его со всех сторон, пытаясь заглянуть через спину в аудиторию. Кимао вошел внутрь и громко захлопнул дверь за собой.

— А вы чего уставились? — громко произнес зрячий, глядя на одnogруппников Данфейт, приникших к столешницам своих учебных мест. — Заняться больше нечем?

Затем зрячий посмотрел на Эрику и подытожил:

— Ведьма!

Взяв Данфейт под руку, Кимао вырвал матриати из рук своего брата.

— Пойдем, нас ждут в деканате.

Данфейт проводила взглядом своих друзей и сестру, и вышла следом за Кимао в коридор. Не отпуская ее руки, он прошествовал перед толпой собравшихся здесь курсантов и устремился в сторону лифта. В молчании и под перешептывания за спинами, они добрались до этажа, где теперь организовали пост охраны. Секретарь, без труда узнавшая связанных, тут же набрала внутренний номер и, сообщив что-то, утвердительно кивнула головой. Затем, улыбнувшись, молодая деревийка покинула свое место и открыла перед пришедшими дверь в кабинет декана факультета "F".

Госпожа Пире вышла к ним навстречу и указывая рукой в сторону дивана.

— Проходите. Роэли скоро приедет.

Данфейт с опаской взглянула на Кимао, но тот сильнее сжал ее ладонь и спокойно присел рядом с ней.

Разговор за закрытыми дверями продолжался около трех часов. Роэли периодически выходил из себя, требуя от Данфейт и Кимао дополнительных подробностей, но связанные раскали все, что намеревались ему рассказать. История, которая сходилась в деталях и мелочах, отскакивала от их зубов. В какой-то момент они даже начали поправлять друг друга, кивая головами в знак согласия и серьезно глядя на Роэли и Пире. По сути, им не было, чего скрывать, кроме одной маленькой детали — Данфейт была таким же ребенком Амира, как и Кимао. Роэли пытался прочесть мысли матриати, но она не понимающе смотрела ему в глаза и хлопала ресницами. Он спрашивал ее о том количестве времени, что она провела на Сатрионе, и Данфейт отвечала: "Не больше часа", — вместо положенных трех. Он пытался узнать, как она убила фантом, и Данфейт уверяла его, что ей просто повезло убить его первой. Зрячий чувствовал некий подвох, он знал, что что-то не так в этой истории, но объективных доказательств своему предчувствию не имел.

— Я хочу, чтобы вы оба прошли тест на измерение амплитуды колебаний оболочек.

— Это значит, что она зачислена на прежних основаниях? — тут же произнес Кимао.

— Да. Но тест все равно сдадите.

— Хорошо, — ответил зрячий и поднялся с дивана, предлагая руку Данфейт.

Роэли протянул к нему свою ладонь и напрягся.

— Этот трюк больше не сработает, — покачал головой Кимао. — Ни со мной, ни с ней, — ответил зрячий и заглянул в глаза Гвену.

— Я так и думал, — выдохнул Глава и повернулся в Пире. — Измеришь их и доложишь мне. На этом все. Вы свободны.

Данфейт выдохнула только тогда, когда прибор в "зеркальной" комнате снова показал абсолютный ноль. Пире, заметив, что Дани улыбается себе под нос, исподлобья посмотрела на нее и засмеялась.

Кимао обернулся к госпоже Савис и приподнял свои брови.

— Думаешь, ты — самый умный? Мы не дураки, — продолжила хохотать Пире. — Но она уязвима, в отличие от тебя, теряющего свою силу. Она — твое слабое место! — сорвалась на крик матриати и подняла руку в воздух, указывая пальцем на Данфейт.

— Ты уже заказала себе костюм?

— Нет, — покачала головой Дани.

— А чем, прости, ты занималась все это время?!

— На изготовление костюма уйдет не меньше трех месяцев!

— Ты уже подала заявку в Совет на использование меркапзана?

— Нет, — ответила Данфейт и опустила свои глаза в пол.

— Тебе дали шанс доказать, что ты — не просто ребенок богатого человека, который за деньги пристроил тебя сюда! Тебе дали шанс изменить чье-то представление о таких, как ты! И что ты сделала? Ничего!!! Я разочарована Вами, Данфейт Белови!

— Простите, — прошептала матриати и склонила свою голову.

Пире, глядя на нее, вдруг, снова хохотнула и, развернувшись, покинула зал в приподнятом настроении.

Данфейт стояла молча несколько минут, а затем прикрыла рот рукой и начала тихо смеяться. Кимао то же улыбался, сдерживая в себе радостный порыв.

— Она, кстати, поняла, почему ей так весело, — заметил Кимао, глядя на свою матриати.

— Что же будет, когда мне захочется плакать?

— Заревет вся Академия, — не удержался Кимао и засмеялся вместе с ней.

— Мне пора. Занятия в самом разгаре.

— Сегодня у меня пара с господином Матье. Ты знаешь, чем это чревато для тебя?

— Тогда, встретимся в твоей аудитории, — пожала плечами Данфейт и зашагала к выходу.

— Я провожу.

— Не стоит.

— Ты бегала от меня все три дня, что мы летели сюда. Вчера ты отказалась переночевать у меня, хотя мы вернулись поздно ночью, а ключей от квартиры у тебя не было. Потом, прямо у самых дверей, ты попросила меня удалиться, даже не предложив зайти, для приличия. Утром ты не ответила на мои сообщения, хотя их было восемь, если не ошибаюсь. Теперь мне запрещено тебя провожать. Как долго ты собираешься избегать меня, Данфейт? День, два, всю жизнь? Сколько?

— Я знаю, что Айрин и Орайя ночевали у тебя, — вдруг ответила она.

— Причем здесь это?

— Мне пора, — ответила Дани и быстро зашагала к выходу.

— Причем здесь это?! — прокричал Кимао ей в спину, но ответа так и не услышал.

Когда началась пара госпожи Пире — нового декана факультета "F", Данфейт уже знала, где проведет ближайший час. Вопрос был только в том, какой эксперимент над ней она выберет сегодня. Огласив тему занятия как "Повторение пройденного", Пире обвела взглядом всю аудиторию и, задержавшись на мгновение на Данфейт, подняла руку в воздух.

— Fuitsy! — послышалось на тианском и все обернулись к Эрике Строун, которая оглохла в один момент.

Из правого уха тианки потекла кровь и ей вовремя передали салфетку.

Пире пальцем указала на дверь и кивнула матриати в знак того, что ей разрешено покинуть аудиторию.

Эрика, не оборачиваясь, засеменила к выходу и быстро ретировалась.

— Продолжим, — улыбнулась Пире и хлопнула в ладоши.

Матриати, как по команде, пригнулись к своим столам. Послышались стоны и возгласы, хотя многие их просто не услышали. Савис спокойно присела на стул и достала свой планшетник, взмахом руки указывая всем на дверь.

Данфейт, зажимая кровоточащий нос рукой, посмотрела на Террея и улыбнулась. Он вел себя странно, продолжая сидеть на месте и глядя прямо перед собой.

— Пойдем, — позвала она, но он не обратил ни малейшего внимания на ее слова.

— Он "замкнут", — пояснила госпожа Савис.

— Что это значит?

— Ничего не вижу, не слышу и сказать не могу, — произнесла Пире и хмыкнула.

Данфейт подошла к другу и, взяв его под руку, начала вытаскивать из-за стола. Он вцепился в нее мертвой хваткой и встал на ноги, опрокинув при этом стул.

— Соберись! — разозлилась Данфейт, у которой из носа продолжало капать, как из не закрытого крана.

Она положила его руку себе на плечо и повела вперед. В коридоре, на этот раз, было не многочисленно, но все же больше народа, чем обычно. Данфейт выдохнула и, зажав нос рукой, медленно зашагала вперед.

Эрика постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, который в любом бы случае не услышала, вошла внутрь. Тридцать пар зрячих, аркаинов и матриати из факультета "B" уставились на нее.

Эрика кивнула в знак уважения господину Ари, занятие которого прервала, и тут же указала пальцем на свое ухо. Она видела, как все присутствующие засмеялись, глядя на Бронана и Гритхен, которым стало не до смеха. Эрика уже проходила этот урок. Бронан снял блокировку не сразу, мучаясь минут пятнадцать, пока все остальные хохотали так же, как и сейчас. Еще бы, ведь эрекция Ринли, который испытал оргазм в момент "обхождения" загадочной "петли", вошла в анналы Академии.

Господин Ари что-то сказал зрячему и тот спокойно поднялся со своего места. Он хотел вывести Эрику из аудитории, но Ари, судя по всему, попросил его остаться. Безусловно, такое зрелище хотели лицезреть все.

Эрика мысленно показала всем присутствующим *sihus* и посмотрела на Бронана, остановившегося перед ней. Он прижал свои ладони к ее ушам и закрыл глаза. Эрика смотрела на него долго, наверное, даже слишком, а затем и сама закрыла свои глаза. Раньше он разговаривал с ней мысленно, а теперь, вот, молчал. Что тут удивительного? Она сама научилась закрываться от него, отрезая свои мысли и его слова тоже. Она почувствовала его дыхание на своем лице и зажмурилась. Он не стал ее целовать, просто сделал шаг навстречу и оказался рядом так близко, насколько мог. Эрика ощутила его тяжелый подбородок на своей макушке. Сколько еще ей стоять вот так? Вдруг знакомый трепет коснулся ее живота. Так же, как и вчера, она почувствовала, что ей не хватает воздуха, что сердце ее бьется слишком быстро, а грудь вздымается слишком высоко. Эрика схватилась за костюм своего зрячего, чтобы не упасть, и сжала свои зубы, чтобы не закричать. В тот момент, когда он согнулся над ней, она обняла его и прижала к себе. Молча. Он сделал это молча, цепляясь за ее спину так же, как она за него. Эрика услышала звук своего сердцебиения, шум воздуха, что проникал в ее легкие, и ощутила тепло его дыхания на своей шее. Все молчали. Эрика открыла глаза и посмотрела на Гритхен. Девушка с каменным выражением лица продолжала изучать их и невозможно было понять, что именно она испытывает в этот момент. Эрике стало больно. Раньше это бы развеселило ее, но теперь это причинило боль.

— Прости, — прошептала тианка, обращаясь не то к ней, не то к своему зрячему, и резко отстранившись, бросилась к выходу.

— Как, уже уходите? — вдруг засмеялся Ари.

Хохот присутствующих тут же оглушил Эрику, и она обернулась у самых дверей, с ненавистью глядя на всех них. Бронан стоял посреди этого цирка, словно зверек, выведенный хозяином за поводок на сцену ради потехи и с той же ненавистью, что и она, смотрел, только не на них, а на нее.

— Смеесть так же, как извращенцы, кончающие при виде сношающихся пар в борделе! — прокричала Эрика и вышла в коридор, хлопнув дверью.

Позади нее, вдруг, повисла тишина. Эрика остановилась и приложила ухо к двери, чтобы не ошибиться. Да, они определенно молчали. Интересно, ей влепят выговор за оскорбление курсантов и господина Ари? "Да, к Амиру их всех!" — подумала Эрика и тихо засеменяла обратно.

Данфейт вежливо постучала в дверь. Получив разрешение войти, она распахнула ее и осторожно завела Террея.

— Юга! — воскликнул Йори, поднимаясь со своего места и не обращая ни малейшего внимания на гневный взгляд преподобного Матье.

— Помогите ему, пожалуйста, — произнесла Данфейт, удерживая Террея за плечо.

Преподобный Матье, разведя руками в воздухе, присел на стул и забросил ногу за ногу.

— Приступайте.

Йори подбежал к Террею, осматривая оболочку. Кимао подошел следом и, приподняв голову Данфейт за подбородок, быстро оценил ситуацию.

— Это тот же фокус, что и в прошлый раз, — произнес он, — только сильнее.

— Что значит "сильнее"? — не поняла Данфейт.

— Не могу понять, где зацепиться, — начал нервничать Йори.

— Что значит, "не можешь"? — обратился к нему Кимао. — Найди край и "разверни" его.

— У кокона нет краев! Он — запаян!

— Не может быть!

— Сам посмотри!

Кимао перевел взгляд на Террея и нахмурился.

— Рвать придется...

— Ты в своем уме?! — закричал Йори и посмотрел на Данфейт. — Ее бы ты тоже "рвал"?

— Если бы не было другого выхода, то пришлось бы.

— О чем вы оба говорите! — слапроизне Данфейт, отстраняясь от Кимао и не понимая глядя на Йори.

— Его оболочку запаяли в кокон. Для того, чтобы "развернуть" его, нужно найти край! А края нет!

— А рвать ты не хочешь, — сделала вывод Данфейт.

— Это кощунственно!

— А как ты "развернул" его в прошлый раз?

Все удивленно посмотрели на Данфейт.

— Госпожа Савис сказала, что это "прохождение пройденного". Я это уже пережила. Значит, и он тоже.

— В прошлый раз я нашел край!

— Здесь нет края, — подала голос Айрин и, поднявшись со своего места, подошла к Террею. — Она и вправду "запаяла" его.

— Дай, я посмотрю! — вызвался Орайя и подошел к ним.

Спустя минуту, вокруг них толпилась вся группа.

— Рви! — настаивал кто-то из-за спины, пытаясь перекричать оппонентов, уверяющих, что край должен быть, и они просто не могут его найти.

Кимао взял Данфейт под руку и попытался увести от Террея, но она одернула руку и заявила, что пока ее друг в таком состоянии, она никуда не пойдет.

— Ты кровью истечешь!

— Велика беда! — хмыкнула Данфейт и поближе подошла к Террею.

Погладив друга по плечу, она, вдруг поняла, что все эти лица, мелькающие перед ее глазами, раздражают ее. Они не слышали друг друга, перебивая и споря, настаивая на своем и призывая Йори надорвать оболочку Террея. Им было наплевать на чувства зрячего, на его мотивы и побуждения. Им были не понятны его попытки найти разгадку этого явления. Они смотрели на Террея, как на мужчину, сильного, когда-то равного им, и знали, что он выдержит этот удар. Но его зрячий смотрел на любимого человека, которому не хотел причинить боль.

— Разойдитесь, — вдруг произнесла Данфейт.

Естественно, никто ее не услышал.

— Разойдитесь, я сказала!!! — прокричала матриати и пересеклась взглядом с Сермилли, убудком, словавшим ей два ребра...

— Кто ты такая, чтобы открывать здесь свой рот! — ответил тот и усмехнулся.

— Я - матриати! — с презрением прошипела Данфейт и сжала руку на плече Террея в кулак.

— Нашла, чем гордиться, потаскуха!

— Как ты меня назвал?!

— Как ты ее назвал?! — в один голос воскликнули Кимао и Орайя.

— Смотри, и защитники тут же нашлись! Всем дала или кого-то обидела?!

— Да, как ты...

Кимао бросился на Сермилли первым, ударом в грудь осадив придурка на пол.

— Знай, к кому обращаешься, урод!!!

Орайя тут же оказался рядом с братом, оттаскивая его от сокурсника. Остальные присутствующие начали возмущаться. Кто-то принял сторону Сермилли, кто-то заступился за Кимао и Данфейт. Кто-то начал кричать и, кажется, пытаться ударить другого.

— Видишь, что ты натворила, — услышала Данфейт за своей спиной.

Преподобный стоял возле нее и, кажется, тоже был зол.

— Уходи, пока они не перегрызлись!

— Я?

— Ты! Пошла вон! Немедленно!

Данфейт отняла руку от носа и набрала в грудь воздух. Действительно, раздражение — это ее эмоция, не их. Она не контролирует это, а значит, не контролирует ни Кимао, ни всех остальных.

— Кимао! — прокричала Айрин, бросаясь к Кимао и заслоняя собой Сермилли встающего с пола. — Оставь его! Он — придурок!

— Пусть рот свой закроет, придурок!

— Это ты закройся! Никто больше не боится тебя, Сиа. Твой паразит все из тебя высосал!

Кимао занес руку, но Айрин вцепилась в нее, пытаясь опустить.

— Успокойся, Кимао! Прощу тебя, успокойся!!!

Кимао остановился, тяжело дыша и не отводя глаз от Сермилли.

— Все хорошо, — произнесла Айрин, прикасаясь пальцами к его лицу и поглаживая. — Все хорошо, я с тобой.

— Ненавижу... — прошептала Данфейт и, закрыв глаза, закричала, что было силы.

Выплескивая свои эмоции, она пыталась унять тот гнев, который накрыл ее с головой при одном взгляде на руки сестры, прикасающиеся к Кимао.

Все обернулись, глядя, как сайкаирянка, кричит, зажимая свои уши, а из носа ее на пол хлещет кровь. Когда воздуха в груди не осталось, она согнулась пополам и вдохнула полной грудью, отпуская свой гнев и опустошая свои эмоции.

Все молчали, глядя на нее, и Кимао тоже.

Данфейт разогнулась и, спокойно выдохнув, размазала кровь по своему лицу.

— Дело в нас. Оболочки — это мы. На нас влияют, но это наша реакция, а не того, кто воздействует.

Данфейт обернулась к Йори:

— Он просто не хочет, чтобы ты жалел его. Жалость, для таких, как мы, — унижительное чувство. Освободи его так, как должен! Не можешь "размотать", — "разорви", но не выставляй на посмешище, проводя в поисках утраченного "края" часы!

— Откуда ты...

— Покажи им, что он так же силен, как и ты. Докажи, что мы, матриати, сделаны из того же теста, что вы!

Данфейт снова вытерла рукавом свой нос и посмотрела на Кимао.

— Кажется, мне пора умыться, — произнесла матриати и, развернувшись, спокойно покинула аудиторию.

— Данфейт! — услышала она за своей спиной, влетая в туалет и склоняясь над раковиной.

— Это я во всем виновата. Прости меня. Я не хотела...

Смывая с лица кровь, она пыталась остановить ее, но красная все равно текла сквозь пальцы.

— Юга, да сделай же ты что-нибудь! — закричала Данфейт и посмотрела на Кимао.

— Не могу, — произнес тот. — Ты "запаяна" так же, как и Террей.

— Твою мать! Тогда рви! Рви давай!!!

— Данфейт...

— Рви, я сказала!!! — закричала матриати и поняла, что плачет.

Кимао подошел к ней, стирая с ее лица кровь рукавом своего дорогого костюма.

— Легче сказать, чем сделать, — ответил зрячий и погладил ее по лицу.

— Рви... — прошептала Данфейт, закрывая свои глаза.

— Готова?

— Да.

Она почувствовала его губы на своих губах и, словно найдя спасение от предстоящей боли, впиалась в его рот. Вкус крови, которую он без отвращения пробовал своим языком, пошатнул ее самообладание. Как же... Это ведь все-таки ее кровь, а не его...

Данфейт ощутила его ладони на своей спине. Они сжимали ее костюм и спускались ниже, пока не достигли бедер. Данфейт прилипла к нему, желая только одного: чтобы он коснулся их и сжал, что было силы. Кимао склонился над ней и, положив свои ладони, сжал пальцы, приподнимая ее, чтобы утянуть на себя. И Данфейт застонала. Очень тихо, почти беззвучно, но он слышал ее.

— Done Faitu... — произнес он, наступая на нее и оттаскивая назад, чтобы прижать к стене.

— Kimau...

Почувствовав опору за спиной, она вжалась в нее и, обняв его за плечи, оказалась сидящей на его руках. Ей хотелось большего. Сейчас... Здесь... Она хотела его и плевать было на то, где и как...

— Юга... — услышали они оба где-то позади.

Это моментально отрезвило обоих. Кимао обернулся и сквозь пелену вождления посмотрел на Эрику, стоящую в дверях женского туалета.

— Юга, — произнесла Данфейт, сползая на пол и отстраняясь от Кимао.

Зрячий выпрямился и не сразу обернулся к Эрике, которая, как ни в чем не бывало, подошла к умывальнику и начала мыть свое окровавленное ухо.

— С тобой все в порядке? — спросила Данфейт, останавливаясь возле другого умывальника и включая воду.

— Нет, — односложно ответила Эрика и, вытерев руки салфетками, вышла из туалета.

Данфейт посмотрела на себя в зеркало и только тогда поняла, что кровотечение из ее

носа остановилось.

— Я даже не заметила, как ты обошел петлю.

— Я не обходил ее, это сделала ты.

— Я? — удивилась она и посмотрела на зрячего, лицо и костюм которого были перемазаны кровью. — Сама не знаю, как...

— Расслабилась просто, вот и все, — ответил зрячий и подошел к ней, наклоняясь к умывальнику и смывая кровь с себя и своего костюма.

— Значит, весь секрет был в моем напряжении?

— В твоём напряжении кроется много секретов, но больше их таится в твоём расслаблении.

Данфейт посмотрела на свой костюм и, стянув с себя камзол, начала его застирывать. Кимао повернулся к ней, молча глядя на объемную грудь в кружевном лифчике.

— Как думаешь, быстро высохнет? — спросила она, выполаскивая темно-коричневую ткань в раковине.

— По такой жаре за минут тридцать.

Кимао решил последовать ее примеру и, так же сняв с себя камзол, принялся его намывать жидким мылом. Данфейт повернула к нему голову и застыла. Она разглядывала его обнаженный торс, пробегая глазами по рельефу мышц на груди, животе, спине и руках.

— Нравится? — вызывающе произнес Кимао, бросая камзол в раковину и поворачиваясь к ней лицом.

Дани приподняла брови, не зная, как ей реагировать, а потом улыbnулась и посмотрела на свою грудь в лифчике.

— А тебе? — так же вызывающе произнесла она и провела пальцем по мышцам своего напряженного живота.

— Дурочку не строй из себя! Тебе не идет!

— А ты перестань вести себя так, будто ничего не произошло!!!

— Все дело в моем признании, не так ли? Не скажи я тебе, все было бы намного проще!

— При чем здесь это? — повысила тон Данфейт.

— Ты теперь полагаешь, что несешь ответственность за мои чувства! Ты сторонишься меня, опасаясь спровоцировать в самый неподходящий момент или просто обидеть, потому что у тебя это легко получается. Не надо, слышишь? Не нужно пялится на мою грудь и оценивать! Не нужно целовать меня так, как будто сама не можешь прожить без этого! У похоти и любви разные взгляды, и я прекрасно различаю их!!! Ты ничего мне не должна, слышишь?! Мои чувства — это моя проблема, и справлюсь с ней сам, если тебя это так беспокоит!!!

Данфейт достала из раковины свой костюм и, скрутив ткань, начала его выжимать. Затем отошла в сторону и со всей силы вытряхнула его, чтобы расправить. Внимательно рассмотрев все детали и убедившись, что пятен крови не осталось, она надела его на себя и подошла к зеркалу, останавливаясь возле Кимао.

— Любить, значит нести ответственность. Знать, что любят тебя, — это та же ответственность. Те, кто упиваются осознанием своей необходимости — слабаки. Они пользуются этими чувствами и купаются в своем превосходстве. Моя сестра полагает, что у нее есть эта власть. И я, глядя на то, как она прикасается к тебе, тоже так думаю. Мне не нужна половина или чувства человека, который потерял себя на пути от одной особенной женщины в его жизни к другой. Я готова нести ответственность, но ты, — она посмотрела на

него и отрицательно покачала своей головой, — я не знаю, готов ли ты. Она красива, не спорю. И талантлива — этого тоже у нее не отнять. И она продолжает влиять на тебя, полагая, что у нее есть на это право. Я не такая. Я — взбалмошная, несдержанная личность, которая завидует ей во многом, и которая себя-то удержать в узде не может, не говоря уже о ком-то другом. И мне не нужен человек, который преследует меня по пятам, оставляет мне восемь сообщений по утрам и пытается проводить до дверей в аудиторию на занятиях, потому что в моей жизни был уже один такой, и трахался он с другой, выставляя меня на посмешище перед всем племенем. Мне нужен мужчина, который отвечает на шутки сарказмом и получает удовольствие от того, что кто-то может ему ответить. Он берет то, что ему нравится и не спрашивает чужого мнения на этот счет. Он готов бросить вызов Главе Академии только потому, что тот унизил его матриати. И его бояться все, все, кроме меня! Я не размениваюсь по мелочам, Кимао. Либо я получаю все, либо — ничего. Делить с сестрой того, кто утверждает, что любит меня, я не собираюсь. Хочешь нести за меня ответственность? Докажи, что ты сможешь это сделать. Если хочешь, чтобы я прикасалась к тебе — не давай повода ей прикасаться к тебе. Если хочешь, чтобы я спала с тобой — перестань спать с ней!!!

Кимао выдохнул и, чуть было не рассмеялся. Данфейт, не оценив этого юмора, поморщилась и отвернулась, направляясь к выходу.

— Данфейт! — позвал Кимао, глядя на нее своими проклятыми черными глазами.

— Что?

— Я никогда не спал с Айрин, — ответил он и захохотал.

Данфейт обернулась и, насупившись, с ненавистью посмотрела на него.

— Перестань ревновать меня к женщине, с которой меня, кроме дружбы, ничего не связывает!

— Расскажи про свою дружбу ей, потому что она о происходящем совершенно другого мнения!!! — прогремел голос Данфейт и стих, сменившись звуком хлопающей двери.

— Бестия, — хмыкнул Кимао и продолжил застирывать свой костюм. — Моя бестия.

После занятий измученный Террей, которому Йори все-таки оставил рубец на оболочке, потерянная Эрика, которая вообще не понимала, что с ней твориться, и злая Данфейт, которую ее зрячий выставил припадочной ревнивой идиоткой, остались в аудитории одни.

— Расскажи, что ты чувствовал? — попросила Дани, наклоняясь к другу и заглядывая ему в глаза.

— Одиночество, — ответил матриати и отвернулся от нее.

— Ты же знал, что он справится с этой задачей. Почему усложнил все?

— Думаешь, я специально это сделал?

— Нет, но...

— Для того, чтобы раскрутить оболочку за свободный край нужно было меня расслабить, а ты, как женщина умная, должна понимать, что это значит. В прошлый раз он справился с задачей блестяще, и когда я очнулся не сразу понял, где нахожусь, и что мы делаем на виду у всех. А для них это был настоящий цирк — два мужика посреди занятий и один из них с эрекцией! Думаешь, я хотел испытать это еще раз?

— Мы кончили сегодня на глазах у его одноклассников и Гритхен, — перебила его

Эрика и поднялась со своего места в дальнем углу аудитории. — А в прошлый раз кончил только Бронан. Так что ты, со своей эрекцией, можешь отдыхать в сторонке!

— Из-за меня на занятии началась драка, — вставила свое слово Данфейт и натянуто улыбнулась. — Так что, сегодня мы все отличились.

— Это по этой причине ты запрыгнула на зрячего в туалете?

— Эрика!!!

— Что? — не понял Террей и посмотрел на тианку, медленно расплываясь в улыбке. — Негодница. Да, она та еще шлюшка!

— Эй, знай с кем говоришь, извращенец!

— Ну, давай, выкладывай! Вы уже все? Подружились? Раззнакомились? — произнес Террей и зашелся смехом, пригибаясь к столу.

— Это вас не касается, — Данфейт демонстративно указала пальцем на каждого из двоих друзей, — я же в вашу личную жизнь не лезу?

— Какая там жизнь... — махнула рукой Эрика и вышла из аудитории первой.

Данфейт и Террей не стали задерживаться и последовали за ней. Остановившись у лифта, посреди пустынного коридора, они начали переминаясь с ноги на ногу, когда услышали за собой приветственный возглас Гритхен.

— Привет, а я вас искала!

— Привет, — поздоровались Данфейт и Террей.

Эрика посмотрела на милашку и, просто кивнув, тут же отвернулась.

— Как дела? — начала разговор деревийка, останавливаясь возле тианки.

— Спасибо, все хорошо. А у тебя?

— Все отлично! И если ты полагаешь, что каким-то перепихоном сможешь вернуть его обратно, ошибаешься! Таких потаскух, как ты, пруд пруди, красная дрянь! — прошипела Гритхен и со всей силы ударила Эрику ладонью по лицу.

Данфейт опешила, Террей тут же вклинился между деревийкой и тианкой, заслоня собой Эрику. Только тианка тихо засмеялась и покачала своей головой.

— Будь ты умной, не заявлялась бы сюда!

— Сучка! — закричала Гритхен, пытаясь ухватиться рукой за камзол Эрики.

— Чего ты бесишься? — повысила тон тианка. — Он твой, забирай! И от меня отстань! Нам с тобой делить нечего, все поняла? Хотел бы бросить тебя — бросил бы уже вчера! Так что заткнись, и возвращайся домой, деревийская дура!

— Ты еще ответишь мне за это! — прошипела милашка и вошла в пустой лифт, двери которого как раз открылись перед ней.

— Не сомневаюсь, покачала головой Эрика и потерла ладонью алеющую щеку.

— Что это было? — не поняла Данфейт, обращаясь к подруге.

— Не думала, что он настолько глуп, чтобы рассказать ей обо всем.

— Он не рассказывал, — перебил ее Террей. — Она прочла все на занятии, когда вы... Ну, в общем, ты не о том думала, о чем следовало бы...

— Он убьет меня.

— Не думаю, — подбодрил ее Террей и, похлопав по плечу, вызвал другой лифт.

— Ты спала с ним... — сделала вывод Данфейт и, чуть было, не рассмеялась.

— До тебя только сейчас дошло? — усмехнулся Террей.

— Ну...

— Да, ну вас... Завтра в шесть у Кимао.

— Не уверена, что приду, — ответила Эрика.

— Придешь, — утвердительно произнесла Данфейт и похлопала подругу по плечу. —

Этими пустяками тебя не сломить, или я ошибаюсь?

Тианка улыбнулась и посмотрела на подругу:

— Ты всегда находишь нужные слова.

— Прости, дар у меня такой! — засмеялась Данфейт и подмигнула удивленному Террею.

Кимао, Айрин и Орайя готовили обед вместе. Поначалу, Кимао решил отказаться от их помощи, но Орайя настоял на том, что так будет быстрее и продуктивнее. В итоге, Айрин опоздала на встречу и продукты они смогли закупить только к пяти часам вечера. Если учесть, что через час к ним должны были прийти все остальные, они, мягко говоря, не успевали.

— Все, я пошел одеваться! — заявил Кимао, отодвигая от себя разделочную доску с мясом.

— Что? Еще ничего не готово! — возмутилась Айрин.

— Мне пора принять душ и переодеться. Чего и вам советую.

Кимао вышел с кухни и направился наверх.

— Я тоже пойду, — занервничала Айрин. — Ты тут присмотришь? Я тебя сменю.

— Конечно, — устало произнес Орайя, продолжая чистить овощи.

Данфейт и Эрика встретили Террея и Йори возле дома Кимао. Террей долго смотрел на подруг, которые разоделись в обычные брюки и блузки, только у одной блуза была красной, а у другой — белой, причем красную надела не Эрика, а Данфейт. Ни макияжа, ни причесок, будто они пришли в пиццерию, чтобы перекусить и побегать по своим делам дальше. Йори поправил галстук и прокряхтел.

— Говорил же, что они не оценят!

— Ну, вы даете! — возмутился матриати. — В каком виде вы вообще сюда пришли? Могли бы, в таком случае, и домашние штаны надеть!

— Она предлагала, — ответила Эрика, — но я отказалась.

— Ну, вы даете! А в сумке что?

— Не твое дело, — ответила Данфейт и, поднявшись на крыльцо, позвонила в дверь.

Им открыл Кимао собственной персоной и, посмотрев на Данфейт, хохотнул.

— Хорошо выглядишь!

— Спасибо, — пожала плечами Данфейт и вошла внутрь.

— Мне комплемента ты не сделал, — заметила Эрика и вошла следом.

— Прости, ты выглядишь просто прекрасно! Белый тебе к лицу!

— А мама говорила, что в белом я еще краснее, чем обычно, — ответила тианка и хмыкнула, глядя на Террея и Йори, мнущихся на пороге.

— Вам тоже комплемент нужен? — приподнял брови Кимао.

— Нет, уволь, — ответил Йори и вместе с Терреем вошел в дом.

Кимао провел всех в гостиную, когда к ним вышли Айрин и Орайя. Данфейт натянуто улыбнулась, разглядывая вечерний наряд сестры и вырез до пупка в ее серебристом обтягивающем платье, и перевела взгляд на Орайю в пиджаке и галстук.

— Мужчины, вам не жарко? — заявила Дани. — Двадцать восемь градусов, как никак.

— Я зря, что ли, платок Кимао завязывала? — заявила Айрин и, хмыкнув, направилась на кухню.

— Не давит удавка-то? — спросила Данфейт у зрячего и оскалилась.

Кимао, выхолощенный, словно жених на выданье, с уложенными волосами, выбритыми щеками, в темно-синем костюме и белоснежной рубашке с шейным платком, красиво лежащем на его груди, только вздохнул в ответ.

— Тебе не угодить!

— Почему же? Парфюм мне нравится!

Данфейт демонстративно наклонилась к нему и громко втянула в себя воздух.

— Очень нравится!

Кимао улыбнулся и начал развязывать свой шейный платок.

Ребята, оценив жилище зрячего, как "зажиточное", разбрелись по первому этажу этого двухэтажного строения. Лакированный пол из натурального дерева, кожаная мебель, обои из набитого шелка, резные перила на лестнице, три ванных комнаты, тренировочный зал в подвале и огромная кухня с теплым полом.

— А ты неплохо живешь, — заметил Террей, всматриваясь в свое отражение на натертом до блеска полу.

— Ты хотел сказать, что я отлично живу! — ответил Кимао и включил в гостиной трехмерный голографический проекционный телевизор. — В общем, обед еще не готов.

— Не беда, говори, чем помочь, — ответила Эрика, закатывая рукава своей блузки.

— Боюсь, что он совсем еще не готов.

— Понятно, — как ни в чем не бывало констатировала Эрика и, подмигнув подруге, пригласила ее присоединиться к ней.

Данфейт подскочила с дивана и направилась с тианкой на кухню. Йори снял с себя пиджак, галстук, расстегнул рубашку и закатал рукава. Кимао последовал его примеру и вопросительно посмотрел на Террея, который даже и не думал раздеваться.

— Он не умеет готовить, — тут же пояснил Йори и улыбнулся любовнику. — Вообще по дому ничего не умеет делать! Даже машину стиральную включать!

— Домработница на что? — возмутился матриати и, махнув рукой, направился на кухню.

— Домработница — это ты? — произнес Кимао и приподнял свои темные брови.

— Заткнись! — прошипел Йори и последовал за Терреем.

Эрика, расхаживая с бутылкой минеральной воды наперевес, выдавала четкие указания, пока все остальные мыли, нарезали, варили и раскладывали по емкостям.

— А выпить что-нибудь есть? — не удержалась от вопроса Данфейт, которой, при одном взгляде на сестру, хотелось набраться до невменяемого состояния.

— Что ты будешь? — спросил Кимао.

— Что все мы будем?! — поправил его брат и, открыв шкафчик, уставился на ряд закупоренных бутылок.

— Виски, коньяк, Сильзон...

— Только не Сильзон! — перебила его Данфейт, чем вызвала смех Кимао.

— Вино, много вина, всякого, настойки...

— Виски открывай! — скомандовал Террей, который все это время сидел на стуле за барной стойкой.

— Как скажешь, — пожал плечами Орайя и достал большую бутылку.

Данфейт выхватила емкость у него из рук и, откупорив, тут же приложила к горлышку.

— О-о-о, началось! — заметила Эрика, наливая себе сок в стакан.

В дверь позвонили, и Кимао побежал открывать.

— А это кто? — не поняла Эрика, глядя на всех остальных.

Они молчали, и тианка, хохотнув, опрокинула стакан сока залпом, словно собиралась

быстро от него опьянеть.

— Один или...

— "Или", скорее всего... — прокомментировал Йори и посмотрел на тианку.

— Да, без проблем! — махнула рукой она и, указав пальцем на раковину, напомнила Данфейт, что та не домыла овощи.

— Всем привет! — радостно произнес Бронан, проходя следом за Кимао на кухню.

— И тебе, — ответили все.

— А где Гритхен? — спросила Айрин, смотря при этом на Эрику.

— Ее не будет, — ответил зрячий и поставил на стол пакет, который принес с собой.

— Что здесь? — поинтересовался Кимао.

— Десерт. На ужине курсантов всегда подают десерт.

— Точно, — хмыкнул Орайя.

— Я купил торт и клубничные шарики.

— Клубничные шарики! — воодушевился Террей.

— Сидеть! — рывкнул Йори, скидывая нарезанные овощи в салатницу. — Никаких шариков до горячего!

— Но, это же "клубничные шарики"! Их делают только на заказ!

— Горячее, потом заказ! — так же безоппеляционно отрезал Йори и положил на доску очередной огурец.

Данфейт посмотрела на Эрику, шею которой покрыли бледно-розовые пятна...

— С тобой все в порядке? — тихо спросила она, наклоняясь к подруге.

— Он припер мой любимый десерт — эти проклятые "клубничные шарики". А теперь сверлит глазами и ждет, как же я отреагирую!

— Пусть смотрит, тебе-то что?

Эрика сжала губы в тонкую линию и вздохнула.

— Горячее потом шарики, — прошептала Данфейт и засмеялась.

— Поделитесь с нами своей шуткой! — сделала замечание Айрин, поборница правил приличий и этикета.

— Эрика — сладкоежка, такая же, как и Террей! — громко ответила Данфейт и рассмеялась.

Эрика исподлобья посмотрела на Бронана и тут же отвернулась, пытаясь скрыть свои пятна на шее. Безусловно, зрячий их разглядел, наверное, потому улыбнулся ей в спину и подошел, остановившись рядом.

— Что пьем? — спросил он, обращаясь ко всем остальным.

— Виски, — буркнула Эрика.

— О-о, твой любимый напиток!

Эрика покосилась на зрячего и тут же отвернулась. Кто-то передал ему бутылку, он сделала несколько глотков и, задев локтем свою матриати, вручил ее ей. Эрика тут же протянула спиртное Данфейт и налила себе в стакан яблочный сок. Данфейт, заметив это, пересеклась глазами с Бронаном, и оба сделали вид, что ничего не заметили. Данфейт передала бутылку Террею. Тот хорошо "приложился" и даже поперхнулся напоследок, за что получил немое замечание за несдержанность от Йори. Последними пили Орайя и Кимао Айрин демонстративно отказалась употреблять спиртное и попросила Кимао заварить ей ее любимый чай.

— Я чищу картошку. Завари сама, — ответил Кимао и еще раз пригубил виски.

— А я нарежаю овощи! — словно, обиженный ребенок произнесла она.

— Я заварю тебе твой любимый чай, — махнула рукой Данфейт и, вытерев руки, начала по очереди открывать шкафчики.

— Ты не знаешь, какой чай я люблю!

— От черного на коже остаются пигментные пятна, значит, зеленый, — хмыкнула Данфейт, обнаружив жестяные коробочки с разными сортами чая.

— Риатовый крусполистовой! — отчеканила Айрин.

— Как ни назови, — одно и то же го... — Данфейт осеклась, исправляясь, — ...рячее.

Кимао и Орайя, не сговариваясь, захохотали.

Айрин бросила нож на разделочную доску и, выхватив из рук Данфейт коробочку с надписью "Айрин", начала заваривать чай сама.

— Очень смешно, — пробурчала она и посмотрела на Данфейт. — Хватит пить, иди лучше овощи резать.

— Я их мою, если ты не заметила, — улыбаясь, ответила Данфейт и вернулась к раковине.

— Я порежу, — вызвался Бронан, снимая с себя пиджак и вешая его на спинку стула.

Шейный платок отправился следом. Бронан закатал рукава и вернулся к своему месту за столешницей возле Эрики.

Тианка посмотрела на его темные руки и сглотнула подступивший к горлу ком. Покрутив в руках один из ножей, Бронан улыбнулся:

— Дорогая сталь. Где покупал?

— На заказ сделаны.

— Я хочу такие же, — ответил Бронан и, взяв в руки помидор, в одно мгновение раскромсал его на мелкие кусочки, скинув все в вовремя поданную Эрикой миску.

Тианка хмыкнула и, перехватив у него из руки нож, принялась за второй помидор, раскроив его в одно мгновение.

— Дайте мне! — попросила Данфейт и отодвинула подругу в сторону, прямо на Бронана.

Зрячий сторониться не стал и обнял ее, притягивая за талию к себе. Эрика замерла и напряглась. Бледные пятна медленно покрыли ее лицо и Бронан, увидев это, просто отпустил ее.

Тем временем, не совсем трезвая Данфейт готовилась исполнить трюк, которому ее обучил Учитель.

— Разойдитесь! — скомандовала она, глядя на Эрику, топчущуюся рядом.

Девушка растерялась, но Бронан, снова схватив ее, прижал матриати к себе, отодвигаясь подальше от Данфейт. Кимао напрягся, понимая, что Данфейт намерена сделать, но не стал останавливать ее.

Помидор подлетел в воздух. Взмах рукой, странный свистящий звук и красные крупные куски упали в миску.

— О-па! — воскликнула Дани и чуть было не запрыгала на месте, как ребенок.

Террей громко похлопал, все остальные засмеялись.

Айрин оценивающе посмотрела на сестру и утвердительно покачала головой.

— Мими была бы довольна.

— Мими была бы в шоке! — хмыкнула Дани, и принялась разделяться со вторым помидором.

— Кто такая Мими? — спросил Террей, передавая Йори бутылку с виски.

— Няня наша. Данфейт ей все нервы измотала.

— А, малышка Данфейт была той еще негодницей, — подал голос Йори, приближаясь к сайкаирянке и шлепая ее по упругому заду.

— "Негодницей"? — хохотнула Айрин. — Скорее, ночным кошмаром. Однажды, она подожгла шторы на кухне, пряча бокал с "Сизым Амиром" от отца.

— Я не виновата, что огонь перекинулся на шторы.

— Естественно...

— Я поджег шатер Лиам, когда пытался приготовить лепешки на углях в жаровне, — улыбнулся Кимао. — Хотел раздуть пламя и сжег ей ковер.

— Кто ж дует на угли в жаровне? — засмеялась Данфейт. — Дым потом невозможно выветрить!

— Я еще умудрился потушить все это водой... Умывальня "отдыхала" по сравнению с моей парилкой.

Данфейт захохотала в голос.

— Роби не обиделся на тебя за отобранную пальму первенства топить "умывальню"?

— На меня обиделась Лиам, в шатре которой все это произошло.

— Но лепешки — то, получились? Я имею в виду из тебя и всех, кто помогал тебе тушить пожар?

— Скалкой по спине меня огрели раз десять.

— Лиам никогда не била меня скалкой. Даже когда моими лепешками можно было заколачивать гвозди.

— Она — мастер пекарского дела.

— Да, лепешки Лиам трудно забыть.

— Так же, как и ее рассказы про топчаны.

Данфейт снова расхохоталась, припоминая нравоучения Лиам, которые та устраивала чуть ли не ежедневно.

— Мы Вам не мешаем? — наконец, спросил Йори, вскрывая новую бутылку виски.

— О, знал бы ты те истории! — воскликнула Данфейт. — Сексология чистой воды!

— Ну-ка, просвяти! — попросила Эрика, по-прежнему уютясь в объятиях Бронана.

— Мне нужно еще выпить, чтобы начать рассказывать подобное!

— Не вопрос! — подмигнул ей Террей, передавая подруге бутылку.

— Особенная поза — мужчина на коленях, — ответил за Данфейт Кимао.

— И чего здесь особенного? — хмыкнул Йори. — Женщина на коленях, мужчина на коленях! Удивил!

— Дело нужно делать языком, — ответил Кимао, как ни в чем не бывало.

Данфейт поперхнулась виски и закашлялась, размахивая руками.

— Судя по твоей реакции, дорогая, кунилингусом тебя еще не одаривали, — зашелся смехом Йори.

— Ну и зараза же ты! — прокаркала Дани, пригибаясь к столу.

— А ты, Кимао, как относишься к оральному сексу? — подала голос Эрика, продолжая стоять возле Бронана.

Кимао повернулся к тианке и внимательно посмотрел на нее.

— Пытаешься вывести меня на откровенный разговор? — спросил он.

— А почему бы и нет? Женщина стоит на коленях перед тобой... И ты смотришь сверху

на нее...

— Прекрати! — зашипел Бронан, сильнее прижимая Эрику к себе.

— Для мийян поза "мужчина на коленях" — нечто вроде проявления вечной привязанности. Обычно, ее исполняют в первую брачную ночь.

— Да, брось! Уверена, что молодежь не столь рьяно чтит все эти традиции.

— На традициях построен их мир. Секс, танцы, разжигание костров — на каждый случай есть свои правила и обряды. Не соблюдать их — значит, не уважать тех, от кого зависит твое благополучие.

— Ты так хорошо знаешь их обычаи?

— Только часть из них, и, насколько могу судить, меньшую. Если мийяне вымрут, традиции эти погибнут вместе с ними.

— Скорее, уйдут, а не "вымрут", — уточнил Орайя.

— Они не уйдут. Это место — их дом, а дом для мийян — святыня.

Данфейт посмотрела на Кимао и поняла, что тонет. Он говорил ее словами, так же уверенно и прямо, как хотелось сказать ей. Он верил в эти слова, и гордость за мийянский народ сквозила в его репликах. Чужак для них, он не просто вник в суть этих обычаев, он уважал их, возможно даже, соблюдал. Кимао почувствовал на себе этот взгляд, такой пристальный, будто проникающий в него самого и поджигающий нечто внутри, как поток воздуха, устремляющийся на тлеющие угли в жаровне, грозящий раскалить их до предела, чтобы расплавить сам металл.

— Кимао!!! — закричала Айрин и бросилась к зрячему, выбивая у него из рук рукоять ножа.

Кимао подскочил с места, когда нож упал в кастрюлю с водой и зашипел. Зрячий взглянул на свои руки: ничего. Ни единого ожога. Он посмотрел на Данфейт. Она заставила его сделать это. Она заставила его спроецировать собственные эмоции в жар, плавящий металлическую рукоять ножа, что он держал в своих руках.

— Ничего себе! — воскликнул Террей, доставая из кастрюли нож, на котором отпечатались пальцы Кимао. — Хотел бы — так не сделал!

— О чем ты думал?! — закричала разгневанная Айрин. — Руки тебе не дороги?!

— Прекрати орать на меня! — прогремел Кимао и выдернул свою ладонь из хвата Айрин.

Девушка отстранилась и с неверием посмотрела на него. Он никогда не повышал на нее свой спокойный уверенный голос. Никогда не позволял себе вот так выдергивать свою ладонь. Никогда не унижал ее подобным образом, тем более в присутствии окружающих.

— Что с тобой? — прошептала она.

— Ничего! Твой чай стынет!

— Я уже выпила его, — произнесла Айрин и отвернулась от пристального взгляда темных глаз.

Данфейт продолжала пребывать в оцепенении.

— Что с тобой? — спросил Кимао, приближаясь к ней и склоняясь к ее лицу.

Айрин, услышав это, обернулась. Этот голос... Как быстро он изменил свой тембр, превратившись из стального в мягкий, урчащий на ухо, только не ей, а ее сестре...

— Я устала, пойду прилягу, — произнесла Данфейт и, бросив нож на стол, рванула из кухни.

— Что это с ней? — не поняла Эрика.

— Оставь ее, — ответил Кимао и отправился следом за ней.

Данфейт знала, где ей укрыться. Ванная комната на втором этаже, расположенная в конце коридора, вот куда она намеревалась пойти. Дани не успела закрыть дверь за собой. Кимао вовремя вставил свою руку и распахнул ее настежь.

— Возьми себя в руки и успокойся.

Данфейт посмотрела на зрячего и отвернулась.

— Я не контролирую это, — прошептала матриати. — Не контролирую себя, а значит, подвергаю опасности остальных.

— Ты не можешь контролировать все! Прими это и успокойся!

— И ты так спокойно говоришь об этом?

— А разве у меня есть выбор?

— Я все пытаюсь вспомнить, когда умерла в первый раз, зацепиться за момент, в котором утратила жизнь, и не могу. Я знаю, что это произошло на Мийе, тогда, когда я погибала в шатре Морайи. Но, когда? Когда конкретно?! Это мучает меня. Не дает мне спать. Я вспоминаю их, всех их, кого должна была увидеть там, но их не было, и мне становится тревожно. Вдруг, это произошло не тогда? Вдруг, он сам создал меня, скрыв этот факт от всех остальных?

Кимао подошел к ней и, приложив ладони к ее лицу, заставил посмотреть ему в глаза.

— Ответ кроется в твоём сознании. Не пытайся найти его, просто вспомни и все. Онс придет само, но ты должна захотеть вспомнить, не страшась того, что может тебе открыться.

— Я не могу, — прошептала Данфейт, глядя на него.

— Можешь...

— Не могу...

— Можешь... Ты все можешь...

Данфейт парализовало. Она попыталась поднять свою руку, чтобы прикоснуться к нему, но не смогла. Воля, мысли, все поддавалось его влиянию и противостоять силе, подобной этой, она уже была не в состоянии.

— Вспоминай... — прошептал Кимао, и Данфейт поняла, что тонет в его черных глазах.

Эта чернота окутывала ее и пространство вокруг, она поглощала и затягивала в себя ее сознание, она заставила ее глаза закрыться, а тело окунуться в забытие.

Вокруг больше ничего не было видно. Пыль и яркий свет, белый, слепящий глаза и принуждающий их закрыть. Они все закрыли глаза. Вся деревня опустила свои веки и умолкла. И шум ветра тут, рядом с ними, и нечто ужасное, что может их погубить.

Данфейт прижалась лбом к земле и закрыла голову руками. Кто-то навалился сверху и укрыл ее своим телом. Дани повернулась, пытаясь открыть свои глаза.

— Это я, — прошептал Сайми и прижался носом к ее щеке.

Вдалеке, сквозь ветер бури, накрывшей пустыню, она услышала свист. Данфейт сжалась сильнее и застыла. Звук приближался, и в ушах начало звенеть. Данфейт закричала от этой боли, но собственного голоса так и не услышала. Он утонул в этом гуле, в этой буре, он затерялся в крике Сайми и тех, кто был рядом с ними. Земля застонала и затряслась. Нечто пронеслось над их головами. Они все это ощутили. Поняли, когда звон в ушах сменился немой глухотой. Данфейт приподняла голову и открыла глаза. Свечение погасло, и буря

начала стихать.

— Прошло мимо! — закричал кто-то за ее спиной.

— Оно пролетело над нами и понеслось дальше!

Данфейт обреченно улыбнулась. Они думали, что все кончено, но она знала, что когда это "что-то" столкнется с поверхностью Мийи, даже плазменное поле не сможет их спасти. А оно обязательно встретиться с ее поверхностью, ведь Мийя уже притянула это к себе. Данфейт начала хохотать. Сайми прижал ее к себе и погладил по спине. Что он ей говорил? Она не слышала. А важно ли это сейчас?

— Ты еще не понял? — произнесла Дани, едва улавливая звуки собственного голоса и глядя в лицо улыбающемуся мужчине.

Сайми покачал головой. Стоит ли говорить ему? Зачем? Пусть умрет счастливым. Пусть лучше не знает, что через несколько минут никого из них уже не будет...

Данфейт протянула руку и прикоснулась к иссушенным губам. А почему бы и нет? Когда еще она узнает, что это такое — целовать мужчину? Сайми наклонился и впился в ее рот. Земля под ними затряслась, подбрасывая их в воздух. Данфейт открыла глаза. Вспышка света, — она больше ничего не видела. Страшно умирать глухой в слепоте. Страшно...

Она очнулась от криков людей, голоса которых едва ли могла различить. Кто-то пытался напоить ее чем-то и просил проглотить таблетки. Она сделала, как ей говорили, но уже через несколько минут ее тело отторгло все содержимое желудка. Рвота продолжалась до тех пор, пока ни приехал Учитель. Она уже знала, что осталось недолго. Она хотела в последний раз услышать его голос, и он исполнил ее просьбу.

— Привет, девочка, — произнес Учитель.

Она хотела улыбнуться, но не смогла. Сил больше не осталось.

— Вы живы, — прошептала она, пытаясь протянуть свою руку и прикоснуться к его лицу.

Она почувствовала, как Учитель приподнял повязки над ее глазами. Он молчал недолго, а потом сразу же обратился к Морайе:

— Она приняла таблетки?

— Мы пытались, Ри, но опоздали... Не могу смотреть, как она страдает...

— Я забираю ее.

— Ри, нельзя! Нельзя, она не сможет!

— Продержалась двадцать часов, продержится и еще.

— Не смогу, — прошептала Данфейт и застонала.

— Сможешь...

— Ты не успеешь этого сделать! Это — безумие, остановись!

— Не говори мне о безумии. Кто угодно, но только не ты!

— Освободи ее. Отпусти!

— Нет! Ее время еще не пришло! Не пришло, понимаешь?

— Твой сын перестал называть тебя отцом. Ты хочешь, чтобы она перестала называть тебя Учителем?

— Она поймет. А если нет — значит, я не достоин того, чтобы она звала меня так.

Учитель привязал ее тело ремнями к своей спине и взгромоздил на мотоцикл. Она ощутила, как ветер бьет ей в лицо, а затем и это чувство пропало. Сколько они ехали так? В какой-то момент руки ее свободно повисли по сторонам, а голова откинулась назад. Она будто смогла увидеть небо над своей головой. Такое яркое и золотое. Она словно протянула

к нему ладонь и поток света заструился по ее руке.

— Встретимся позже, — услышала она сердитый голос Учителя.

Данфейт потянулась вверх и поняла, что лежит на песке. Она утратила счет времени. Помнила, как к ней подошел кто-то в белом плаще и взгромоздил себе на спину.

— Учитель, — позвала она.

— Спи, девочка, — произнес мужчина и понес ее к своему квадрациклу.

Она проснулась на кровати в пустой комнате. Место не знакомое, но там, за дверью, слышались чужие голоса.

— Ты в своем уме? — кричал кто-то. — Хватит одного! Я не позволю тебе создать двоих!

— Она его уравновесит! Медиатор, сильный, равный ему! Она позволит ему вздохнуть спокойно!

— А если он не примет ее?

— Я позабочусь об этом.

— А если она не захочет? Об этом ты подумал?

— У них не будет выбора. Как бы не сложились их отношения, связь между ними останется и это то, к чему я готовлю ее!

— А если не получится? Если она не уравновесит его, а потенцирует?

— У нее нет дара, я же сказал тебе. Кроме медиаторства, Юга не дала ей ничего.

— А как же твоя теория "Первоестественности"?

— Она верна. Каждый рождается с определенными способностями и только от него зависит, разовьет он их или нет. У нее дар медиатора. Я его развиваю. И сейчас ты должна мне помочь! — Ты сумасшедший, Сиа!

— Ты тоже, Квартли! Мы все — сумасшедшие!

Дверь в комнату приоткрылась, и в нее вошел Учитель.

— Ты проснулась?

— Что происходит? — прошептала Данфейт, отстраняясь от него.

— Ты слышала... Ничего, девочка. Ничего страшного...

— Не подходите ко мне!

— Она боится тебя... — спокойно прошептала женщина в белом плаще и, обогнув учителя, присела рядом с ней. — У каждого из нас — свое предназначение, — произнесла она и погладила Данфейт по голове. Я покажу тебе кое-что... Несправедливость, неизбежность... А ты сама выберешь, остаться тебе здесь или попытаться оградить от подобного тех, кто тебе близок.

Женщина положила руку на голову Данфейт и Дани поняла, что находится в другом месте. Ветер бьет в лицо, развевая ее волосы. Лицо горит и глаза слепит яркий свет. Люди бегут навстречу, сбивая друг друга с ног, задевая ее плечами и толкая в сторону, а она продолжает стоять, глядя на сияние, которое затмевает собой Амир. Ей уже все равно. Она приняла правду. Она приготовилась к тому, что сейчас произойдет. Ее подбрасывает в воздух и несет куда-то вдаль. Она прикрывает лицо руками и чувствует, как костюм плавится на ее теле. Это так больно! Так больно, Юга! Больно!!!

— Больно!!! — закричала Данфейт и распахнула свои глаза. — Больно...

— Это может случиться со всеми, кто тебе дорог. Никто не застрахован, никто не сможет оградить тот Мир от этого, но защищать его кто-то должен. Такой человек есть и ему нужна твоя помощь. Сила — это ответственность, и одному нести ее слишком тяжело. Ты

готова разделить ответственность с кем-то, кому тяжело, Данфейт?

— Я не понимаю...

— Готова... — произнесла женщина и поднялась с кровати. — Забирай ее. Она — свободна.

— Спасибо, Квартли...

— Я делаю это не для тебя, а для сына, который по-прежнему живет там. Пайли вырастила его, воспитала. Он считает ее своей матерью... А я... Я даже тебя потеряла, Ри. Даже тебя...

— Квартли...

— Забирай свое детище и убирайся отсюда. Просто уходи!

Учитель поднял руку, и Данфейт почувствовала удар по голове. Ее ослепило.

— Учитель! — закричала она.

А потом разряд — и боль, от которой теряешь свой голос. Еще разряд... Сколько же их... Помогите... Больно...

Она проснулась в своей комнате. Она знала, что прошло восемь дней. Она понимала, что смутно помнит обстоятельства, при которых оказалась там. Знала только одно: она жива.

Учитель подошел к ней и склонился. Заглядывая в лицо. Черные глаза смотрели на нее...

Данфейт встрепенулась и распахнула веки. Кимао по-прежнему стоял перед ней, но руку с лица уже убрал.

— Ты не пережила того удара. Ты умерла по дороге, сидя за его спиной. Он предусмотрел все с самого начала. Для того, чтобы создать "заготовку" требуется около года. И он подготовился... Только вот знал ли он, что ты погибнешь от удара или сделал копию просто так, на всякий случай...

Кимао отошел от Данфейт и ополоснул лицо водой в раковине.

Данфейт прикоснулась к своей щеке и потерла виски.

— Тогда, где же все они, кто погибли вместе со мной?

Кимао взял полотенце и вытер лицо.

— Не знаю. Может быть, стали такими же "заблудшими", как и те, другие?

Данфейт подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Прикоснувшись пальцами к щеке, она сжала ее, чтобы почувствовать боль.

— Перестань, — убрал ее руку Кимао. — Ты — жива, и нечего проверять на прочность свое тело.

— Мы убили кого-то... Мы обрекли их на гибель.

— Каждое тело, сотворенные Югой или нами, получает оболочку. Эти тела созданы нами для нас. Оболочки из них вернулись туда, откуда пришли. Если в следующий раз им повезет больше, они родятся в телах младенцев.

Кимао погладил ее по щеке и улыбнулся.

— Все ждут нас внизу. Они беспокоятся.

Данфейт запустила руку в его волосы и растрепала их.

— Так тебе идет больше.

— Думаешь?

— Да, — улыбнулась матриати и поцеловала его, быстро проведя своим язычком по его губам и тут же отстраняясь, не позволяя Кимао ответить.

— Так, значит, — сделал вывод зрячий.

— Да, — хмыкнула Данфейт и попыталась выйти из ванной, но он не позволил.

Схватил ее за талию и, прижав к стене, начал целовать. Его губы, его аромат, его тело, его руки, — Данфейт схватила его за волосы и притянула к себе, отвечая на этот вызов своим вызовом.

— Очень интересно, — прогремел голос Айрин за их спинами.

Девушка стояла в луче света, проникающем из ванной в коридор.

Данфейт отстранилась от зрячего и повернулась в ее сторону.

— Ударь, если хочешь. Твое право.

Айрин улыбнулась и покачала головой. Она спокойно вошла в ванную и остановилась возле зрячего, заглядывая ему в глаза.

— Она опять нашла заступника в твоём лице? Только ты забываешь о том, что нужен ей только тогда, когда ей плохо. Это — нормально, искать помощь там, где тебе готовы ее предоставить.

— Ты так в этом уверена? Сколько предубеждения в тебе, Айрин? Сколько его в тебе и кто воспитал это чувство?

— Говоришь так, будто имеешь право судить! — прошипела девушка в ответ. — Или это твой способ отомстить мне?

— Твоя самонадеянность меня поражает. А если "нет", Айри? Если мстить тебе я не хочу? Что скажешь ты на это?

Айрин засмеялась, оборачиваясь к сестре и глядя на нее.

— Как? Когда? Объясни мне? Каким образом чучело, похожее на тебя, смогло меня обскакать?!

Данфейт закрыла глаза, улавливая в тоне сестры такие привычные презрительные нотки.

— Как ты обращаешься к ней? — не выдержал Кимао, глядя на Айрин не столько удивленно, сколько не понимающе.

— Так, как она того заслуживает! У нас, сайкайрян, тоже есть свои традиции! Если отец узнает, что она отобрала у меня мужчину, он откажется от нее. Так что, когда полетите через неделю отмечать ее день рождения на Сайкайрус, не забудьте, что трахаться в доме, где много посторонних глаз — опасно!

Айрин вышла из ванной, тихо прикрыв дверь за собой, и направилась вниз.

Данфейт осела на пол и спрятала голову. Кимао подошел к ней, пытаясь оторвать ее от пола, но у него не получилось.

— Она расскажет... Отец узнает, и тогда... — Данфейт засмеялась и посмотрела на него, — я перестану зависеть от него! Никогда не думала, что испытаю облегчение, осознав это!

— У тебя истерика, — ответил Кимао и погладил ее по голове.

— Проклятый день рождения... Ненавижу этот день... Ненавижу...

Кимао прикоснулся к ее подбородку и заглянул в осунувшееся лицо.

— Ты не чучело.

— Это не самое обидное слово из тех, которыми она привыкла меня называть. Были еще "тухая", "припадочная", ах да, и мое любимое — "дылда". Я — дылда, — засмеялась Данфейт.

— Глупая, — прошептал Кимао, наклоняясь к ней. — У тебя красивая грудь, я бы даже

сказал, что она восхитительна. У тебя стройные ноги и, чего греха таить, на твою заднюю часть смотрю не один я. Ты высокая, но при своем росте в тебе нет ни намека на неуклюжесть. У тебя интересный цвет волос. Иногда они кажутся темными, а иногда я замечаю, что они совсем светлые. У тебя карие глаза, но на солнце они приобретают медовый оттенок и кажется, будто они и в самом деле плавают. Каждая из черт твоего лица уникальна. Никогда не знаешь, какую гримасу ты состоишь в следующий миг. Это притягивает к тебе взгляд, и я смотрю, пытаюсь уловить момент, когда ты, наконец, застынешь. Едва рассмотрев тебя, я теряю первоначальный образ и нахожу новый, не менее привлекательный, чем все предыдущие.

— Зачем ты говоришь мне все это?

— Не знаю, — пожал плечами Кимао. — Говорю то, о чем думаю. Вот и все.

— Ты некрасивый, — вдруг ответила Данфейт. — Ты высокий и худой, хотя и худым тебя назвать нельзя. словно, с тебя сняли кожу и оставили одни только мышцы. Твои густые черные брови нависают над совсем уж черными глазами, и складывается впечатление, что задержав на них взгляд чуть дольше, можно попросту кануть в лету. Твой белесый шрам слишком сильно выделяется на общем фоне загорелой бронзовой кожи. Он сразу же привлекает к себе внимание и остается только задаваться вопросом, почему ты так и не избавился от него. На твоём лице часто появляются желваки, словно ты специально сжимаешь свои зубы, чтобы показать их. У тебя массивный подбородок и ямочка на нем, как свидетельство того, что тебе постоянно приходится испытывать на прочность свою волю. И другие ямочки у углов твоего рта. Юга! Кто наградил это тело ими, ведь они совершенно не вписываются в твой облик собранного и надменного человека! О морщинках в углах твоих глаз я вообще молчу. Они появляются, когда ты улыбаешься и это, Амир побери, всегда привлекает мое внимание. Где они? Я не вижу их сейчас, хотя, вот эту борозду промеж бровей нахожу впервые. Ты некрасивый, Кимао Кейти, но все же на тебя хочется смотреть.

— То есть, все, что сказано до слова "но" не имеет значения?

— Нет, не имеет.

— Интересно, ты вообще понимаешь, что только что сказала?

— Я назвала тебя "некрасивым".

Кимао улыбнулся.

— Теперь я вижу морщинки в уголках твоих глаз, — вздохнула Данфейт.

— Из всех женщин, которые встречались на моем пути, ты — первая озвучила правду, которую я знал всегда.

— Пожалуйста.

— Я не говорил "спасибо", Данфейт.

— Не говорил... — прошептала Дани.

— Поцелуй меня, — произнес Кимао, продолжая смотреть на нее.

Дани медлила, а затем, обняла его и прижалась к теплему рту.

— Что же ты творишь... — успела прошептать Данфейт, перед тем, как потерялась в омуте его рук.

— Данфейт!!! — услышала матриати крик со стороны коридора.

— Опять... — вздохнул Кимао, поднимаясь с пола и заправляя свою измятую рубашку.

Данфейт подскочила следом.

Эрика влетела в ванную, ничего не видя перед собой.

— Что случилось? — с некой опаской произнес Кимао.

— Они взорвали Югу!!!

— Что?

— Югу взорвали!!!

Они спустились вниз и прошли в гостиную, где все собрались перед экраном трехмерного галографического телевизора. Передавали сообщение о теракте на одной из термоядерных станций Юги, который унес жизни около трех тысяч югуан. Плазменное защитное поле не выдержало удара, перекрытия конструкций расплавились и все подземные уровни станции сложились друг на друга. О точном количестве жертв пока ничего не сообщалось, однако всех предупредили, что в течение первых суток после происшествия жителям Юги следует принять дезактиваторы радиоизлучения и, в случае развития симптомов лучевой болезни, обратиться за медицинской помощью. Затем промельками кадры со спутников, запечатлевшие взрыв станции. Вспышка света и волна, расходящаяся по сторонам, стирая все, что находилось на ее пути. Самым животрепещущим вопросом оказался факт отсутствия действий со стороны военных и Совета Ассоциации Зрячих, которые не смогли предотвратить катастрофу. "Виновные понесут наказание", — сообщил глава Управления по чрезвычайным ситуациям планеты Юга.

— Понесут, как же... — произнесла Данфейт, останавливаясь за спиной Кимао. — Сами взорвали, figo gestomo!

Кимао положил руку ей на плечо, но замечания по поводу сайкаирянского нецензурного выражения, не отпустил.

— Думаете, они попытались снова? — произнес Орайя.

— Странно, что так быстро, — ответила Айрин. — Год прошел с момента прошлой попытки.

— Так, вы все знаете? — прошептала Данфейт, присаживаясь на диван возле Эрики.

— Нам с Бронаном рассказал Роэли, а Террей просто прочел меня, как открытую книгу и посвятил во все дела Йори. Так что, да, мы все в курсе.

— Я не знала, что запасники есть на Юге.

— Никто не знал, — ответил Кимао. — Я думал, что они так и остались на Мийе.

— Глупо было бы оставлять все на Мийе, — покачала головой Айрин. — А вот распределить все равномерно, создав в каждом живом уголке нашей галактики, вполне логично.

— Думаешь, и на Сайкайрусе они есть? — прищурилась Данфейт, глядя на сестру. — Отец бы сказал нам...

— А кто, по-твоему, оплатил пять твоих копий на "черный день"?

— Что?

— Это отец рассказал мне про технологию. Совет предложил вложить ему деньги в разработку, и теперь где-то хранятся по пять наших с тобой копий!

— Юга...

— Только папа ни сном ни духом о том, что тебя убили на прошлой неделе в первый раз.

Данфейт посмотрела на Кимао, а затем перевела взгляд на сестру.

— Надеюсь, и в последний, — произнесла матриати. — Хочу выпить. Что толку сидеть

перед телевизором? Если что-то пойдет не так, нас предупредят, — выдохнула матриати и поплелась на кухню.

— Я ухожу, — произнесла Айрин.

— Куда? — не понял Орайя.

— Домой.

— Так рано?

— Да, так рано.

— Тебя проводить?

— Как хочешь, — ответила девушка и направилась к выходу.

— Не прощаюсь, — пробурчал Орайя и пошел следом за Айрин.

Остальные вошли на кухню и разбрелись по разным углам. Террей и Йори присели за барную стойку. Бронан крутился возле Эрики, продолжая внимательно наблюдать за тем, как она пьет один лишь сок. Данфейт села на столешницу, свесив ноги, и снова приникла к горлышку бутылки виски.

Кимао, скептически посмотрел на всех них, и улыбнулся:

— Может, поедим, наконец? Все готово, по-моему.

— О! — воскликнула Данфейт. — Хорошая идея!

Спустя тридцать минут Данфейт собирала посуду со стола, Кимао загружал ее в посудомоечную машину, а все остальные просто наблюдали за происходящим.

— Вот так должна выглядеть пара связанных, — не удержался от комментария Йори.

Данфейт остановилась и презрительно посмотрела на него.

— И это говорит зрячий, влюбленный в мужчину?

— Вообще-то, я не об этом. Ты знаешь, что "Матриати" с древнедеревийского переводится как "мать моих детей"? Когда в Академии обучали только мужчин, для женщины было честью стать матриати. Они были женами Великих людей, которые творили судьбу всего Мира. Но потом, им захотелось большего. Эмансипация. Женщины должны обучаться так же, как и мужчины. Своими руками вы разрушили то, что имели. Из жен вы сначала превратились в телохранителей, а затем и в рабов, естественно.

— Лучше тебе заткнуться, — разозлился Террей. — Все зиждется на безнаказанности. Матриати не имеют прав — и это узаконено. Когда-нибудь, эта поганая система рухнет и тогда таким, как ты, окажутся нужны такие, как я!

— Ты разрушишь ее? — улыбнувшись, спросил Йори.

— Иногда во мне просыпается желание вмазать тебе по лицу!

— Он не рассказывал вам, как мы стали связанными?

— Заткнись!

— Мы были лучшими друзьями. И я любил его, но не знал, что он может ответно. Мы говорили о женщинах, которых никогда не существовало, делились своими мыслями и знали друг о друге все, кроме главного.

— Замолчи! — повысил тон Террей.

— Ты сам вчера запаял край оболочки! Потому что тебе было стыдно за то, что мы такие. Они — твои друзья! Перед ними тебе тоже стыдно?

— Дело не в этом...

— Это я поцеловал тебя первым. Это я полагал, что ты настолько пьян, что даже не вспомнишь того поцелуя! Это я виноват в том, что произошло. Я, не ты!

— Да, неужели? — возмутился Террей. — Минет себе ты тоже сам делал?

Данфейт прикрыла ладонью рот. Эрика прикусила губу. Кимао и Бронан переглянулись и сделали вид, что не слышали этого.

— Вам обоим, по-моему, хватит, — вмешалась Данфейт, вырывая бутылку из рук Йори.

— Вас же всегда интересует, кто кого имеет! — закричал Йори. — Для вас важно знать, кто из двоих играет роль женщины!

— Это не важно, — спокойно прошептала Данфейт. — Нам это не важно, — повторила она.

— Ты переживаешь, — попыталась утешить его Эрика. — Это нормально, переживать за того, кого любишь.

— Он думает, что мне проще разорвать его оболочку, чем поцеловать при всех этих....конченных...

— Проще! — воскликнул Террей. — Тебе проще! Тебе всегда проще, потому что это я завишу от тебя, а не ты от меня!

— Это они назвали тебя "матриати" и лишили всего, что было у тебя. Это они полагают, что ты должен защищать меня ценой своей жизни и исполнять любую прихоть, которая взбредет мне в голову. Потому что они не знают, что такое любить того, кто зависит от тебя! Для них связь — это сила воздействия на окружающих. Если пара сильна — значит, она достойна того, чтобы войти в ряды избранных. А если нет — они приготовят ей роль служек, которые будут подписывать бумажки сидя в своих рабочих кабинетах. Знаешь, почему мне нравятся эти двое? — Йори указал пальцем в сторону Данфейт и Эрики. — Потому что плевать они хотели на то, что о них думают! В этом их сила! "Черную тень" и "Красную Леди" знают все в Академии, и принадлежат эти имена не зрячим, да и не Великим матриати, а простым, самым обыкновенным девушкам, у которых в жизни осталось так же мало, как и у тебя. Такие, как они меняют ход истории! И они не побоятся кончить на глазах у каких-то там выскочек, потому что им наплевать на то, что о них подумают!

— Ну, не совсем... — протянула Эрика, — но, почти...

Террей посмотрел на Йори и поднялся из-за стола.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось это сделать вчера. Но, это был мой выбор. Мой и тебе пришлось его принять, как и все другое, что зависит от меня! Потому что я — это я, а ты — это ты!

Йори хмыкнул и, подойдя к своему матриати, схватил его за голову и притянул к себе, жадно впиваясь в его рот.

Кимао и Бронан тут же отвернулись от этой сцены, в отличие от девушек, которые как замороженные продолжали наблюдать за поцелуем двоих связанных. Эрика снова прикусила губу, а Данфейт просто улыбнулась. Они видели, как Йори подает свой язык навстречу и ласкает рот матриати, как Террей с силой сжимает его запястья и отвечает тем же. Наконец, они отстранились друг от друга и обернулись к остальным.

— Простите, — произнес Террей.

— Пошли домой, — ответил Йори и, схватив его за руку, потащил за собой к выходу.

— Я провожу, — очнулся Кимао и пошел следом.

— Что это было? — спросила Эрика, обращаясь к Данфейт.

— Думаю, что отстаивание своих прав.

— И кто кого отстоял?

— Йори. Кажется, из них двоих, именно Йори наплевать на то, что подумают окружающие.

— Великий зрячий-гомосексуалист?

— А почему бы и нет? Кстати, как он меня назвал?

— "Черная тень", — ответил Бронан, присаживаясь на стул. — Тебя называют так с тех пор, как ты сломала Сермилли нос.

— "Черная тень", — повторила Данфейт. — Неплохо звучит.

— Ты домой собираешься? — вдруг спросила Эрика. — По-моему, нам уже пора.

— Тебя есть, кому проводить, — ответила Данфейт, вытирая влажной тряпкой стол.

— Ты засранка, Данфейт!

— Не большая, чем ты!

Кимао встретил Бронана и Эрику в холле.

— Вы тоже собрались домой?

— Уже поздно, — ответила матриати.

— Понятно...

Эрика остановилась у дверей в свою квартиру и, открыв замок, вошла внутрь. Бронан остался стоять на пороге, глядя на нее.

— Ты там или здесь? — спросила тианка, снимая обувь.

— А мне нужно выбирать?

— Теперь да. Либо ты там, либо здесь.

— А чего хочешь ты?

— Чтобы ты определился, и я смогла закрыть эту дверь. Сквозит, понимаешь?

Бронан потянулся к ручке и захлопнул дверь перед носом Эрики, оставшись за ней. Тианка спокойно набрала в грудь воздух и сглотнула очередной ком, подступивший к горлу. Глаза защипало от чего-то и стало так грустно, что даже захотелось заплакать. Она никогда никого не любила. Она же не любила его! Никогда! Всхлип вырвался из нее. Еще один. И снова. Она ревела, стоя в холле своей квартиры, зная, что сама во всем виновата. Какими бы ни были мотивы ее поведения когда-то, это она встала на тропу мести, отказавшись от возможности начать жизнь сначала.

Дверь перед ревущей Эрикой распахнулась, и в нее вошел Бронан, запирая с внутренней стороны. Зрячий разулся и, обойдя Эрику, направился на кухню.

— Чай будешь? — прокричал он, включая чайник.

Эрика тихо прошла следом за ним, вытирая рукавом своей блузы слезы со щек.

— Ты все это время стоял там и выслушивал мои стенания?

— Да, — кивнул головой Бронан. — Это тебе нужно было понять, чего ты хочешь. Я для себя уже все определил.

— А милашка?

Бронан приподнял брови и посмотрел на Эрику.

— Я больше никому не позволю оскорблять тебя. Ни ей, ни кому бы то ни было другому.

— Я не про это спросила тебя.

— Мы расстались. Сегодня.

Бронан налил кипятка в чайник и повернулся к Эрике.

— Я никогда не говорил с тобой о том, что произошло год назад. Никогда не задавал

тебе вопросов о твоём прошлом и старался увильнуть от любых тем разговора, которые могли коснуться Ариичи Строуна. Я не был готов выслушать тебя и принять правду такой, какая она есть на самом деле.

Бронан тяжело вздохнул и, скрестив руки на груди, продолжил свой монолог:

— Перед ужином, после которого я присоединил тебя, Ариичи пригласил меня в свой офис и объяснил, для чего приставил тебя ко мне. Он описал тебя редкостной шлюхой, которая смогла не только перетрахать пол Академии, где училась, но и соблазнить его самого. Я поверил, ведь рядом с ним стояла твоя мать и утвердительно кивала своей головой, когда он рассказывал о тебе. Я был зол. Я не мог понять, как не прочел все эти мерзости в твоей голове, как не понял, что ты представляешь из себя на самом деле. Я не хотел спать с тобой. Мне была противна сама мысль о том, что я стану очередным кобелем, которого ты поимеешь. Но, разозлить тебя, унижить, я очень хотел. И ты преподнесла мне сюрприз. Сначала, ты попыталась напоить меня, затем подсыпала какой-то дряни в чай. Я дал тебе понять, что знаю правду, и подумал, что таким образом ты решила отомстить мне. А потом ты напилась. В стельку, так сказать. Я затащил тебя в номер, чтобы уложить спать, но ты разделась и повисла на мне. Ошибается каждый, Эрика. Я ошибся потому, что влюбился в тебя, шлюху с большой буквы "Ш". Я не смог остановиться. Было плевать на зависимость, на связь, на всех мужиков, что были у тебя до меня. Я спал с тобой, и мне было наплевать на все. Когда менять что-либо стало поздно, я принял решение забрать тебя с собой. Ариичи, к моему удивлению, воспринял эту новость спокойно и, кажется, был даже рад подобному ходу вещей. Он предупредил меня, что ты — мстительная натура и не оставишь в покое ни меня и ни его после своего отъезда. Я в ответ на это только рассмеялся. Я купил тебя, как дорогую проститутку у сутенера, и не спросил себя о том, почему ты так легко покинула свой дом. Сомнения часто возникали в моей голове, но каждый раз, когда ты напивалась для того, чтобы лечь со мной в постель, я гнал их прочь. Я не хотел капаться в твоей голове, боясь взглянуть неприглядной правде в глаза. Человек — странное создание. Когда все в его жизни становится хорошо — он забывает о прошлом. Ты перестала утверждать, что Ариичи Строун — чудовище, которое насильовало тебя. Ты перестала проклинать меня и, кажется успокоилась, напиваясь по вечерам меньше, чем обычно. И я расслабился. Я смотрел в твои кроваво-красные глаза и понимал, что не смотреть просто не могу. Какой бы ты ни была, я любил тебя. Но ты бросила меня. Ты уехала и вляпалась в неприятности уже через неделю. Когда мне позвонили, я не был удивлен, но когда они сказали, что именно произошло, что ты убила зрячего, который пытался тебя изнасиловать, сомнения закрались мне в душу. Какой бы потаскухой ты ни была в прошлом, я понял, что смог сотворить невозможное — изменить тебя. Ты не знаешь, каких мне денег обошлась твоя свобода. И я никогда не расскажу тебе о той цене, которую заплатил за возможность подарить тебе другую жизнь. Но, знаешь, что еще я сделал? Я встретился с Ариичи и прочел его. Я заглянул в самые темные уголки его сознания, увидел тебя и не смог понять, почему ты стонала, когда он делал это. Я увидел ваши ссоры, его воспоминания о переговорах и обещания всем тем козлам запихнуть тебя к ним в постель. Я увидел его злобу, когда ты с улыбкой на лице рассказывала ему о том, как напоила кого-то или подложила проститутку вместо себя. Я так же увидел твою сестру и его отношение к ней. Знаешь, что самое странное? Он ведь действительно любил ее. Понимаешь? Любил. И даже тогда я не поверил, что он насильовал тебя. Как можно было? Уважаемый человек, море проституток вокруг и деньги, за которые можно купить любую. Я принял для себя правду о том, что ты сама легла с ним. Так было

проще, понимаешь? С этим можно было жить. Но все же, я отомстил ему. Отомстил за его желание продать тебя любому, кто заплатит. Я лишил его главного — эрекции. К чему похотливому ублюдку деньги, если у него "не стоит"?! Слышал, что он пытался поставить себе протез... Болван. Он даже не знает, кому обязан своей импотенцией, — Бронан усмехнулся и снова посмотрел на нее. — После твоего возвращения все, вроде бы стихло. Ты, как будто, успокоилась, словно, отпустила ситуацию и обратила свой взор на меня. Я боялся, вначале, а потом снова плюнул на все. Я любил тебя, просто любил. А потом начались истерики и борьба за свободу. Ты выставляла меня на посмешище, но я терпел, полагая, что и это пройдет. Я считал, что ты остаешься рядом со мной, потому что любишь, и других причин быть не может. После того вечера, когда я понял, с кем ты собралась провести ночь, я потерял контроль над собой. Принуждение над тобой оказалось так легко исполнить, но смотреть правде в глаза было просто невыносимо. А вчера я занялся с тобой сексом и ты кончила. Твою мать, Эрика, ты кончила в первый раз в жизни! Знаешь, что такое понять, что ты оказался мудаком? Что ты насиловал любимую женщину целый год и не верил ей, когда она говорила тебе правду? Что ты совершил над ней принуждение и не заплатил за это? Вчера я хотел убить Ариичи. И сделал бы это, наверное, не останови меня отец. Я заявился в дом родителей посреди ночи, пьяный в стельку и выложил все, как на духу. Отец убедил меня, что убийство все равно ничего не решит. Эта паскуда лишь освободиться и, учитывая его общественное положение, наверняка будет трансплантирована в более молодое тело. Убедительные доводы. Я с ними согласился. Убийство не решает ничего. Он импотент. Гребаный, богатый импотент! Утром я пришел на занятия, не ожидая встретить там тебя. Но ты пришла, и не просто пришла, ты кончила вместе со мной у всех на глазах и защитила меня. Видела бы ты их лица, после того, как закрылась за тобой дверь... Своим поступком ты зародила во мне надежду, что я могу заслужить твое прощение. Что я могу исправить все и получить право остаться рядом с тобой. Прочсть Гритхен по возвращении домой не составило большого труда. Я был в ярости и едва не ударил ее по лицу так же, как это сделала она. Я бросил ее. Без сомнений и сожалений. С Гритхен не было ничего, кроме секса. На этом строились наши отношения. Мне нужна была физиология, и она готова была ее предоставить. Я предупреждал, что никогда не полюблю, и ее, это, кажется, вполне устраивало. Наверное, я самый настоящий говнюк, но уж лучше так, чем лгать и пытаться сыграть в то, чего нет на самом деле. Кунилингус? Меня задело твои слова про кунилингус. Я никогда не лизал ее. Никогда, слышишь? И если ты еще раз скажешь мне подобное, я перестану делать это и с тобой. Думаю, это хоть немного заставит тебя думать перед тем, как ты начнешь что либо говоришь. Кстати, я пьян, если ты еще не поняла. А ты трезвая. Странно даже... Обычно, выходило наоборот...

Эрика подошла к чайнику и, взяв его в руки, начала разливать чай по кружкам.

— Спасибо, — произнесла она.

— За что?

— За многое. За Ариичи, в первую очередь. Ты лишил его смысла жизни, а это и есть лучшая месть. Спасибо за твое терпение, ведь иногда мне самой хотелось себя убить. Я развела тебя с лучшим другом. Я уничтожила тебя, как личность, заставив собирать заново, по частям. Я мстила. Всем. За все. За хорошее и плохое, только месть имела значение для меня. Но, знаешь, там, в том зале, где не стало Апри на наших глазах, я поняла одно, — я хочу жить. Так сильно хочу жить, что готова рискнуть всем, даже самой жизнью. Я не знала, поймет ли Кимао, что это не нож, а сюрикэны. Сможет ли словить один из них. Сможет ли

убить существо, которое как две капли воды похоже на его матриати. Я не знала этого и рискнула. А потом этот засранец пошел в туалет и убил себя. Разве я могла понять, зачем? Я видела последствия — Кимао Кейти убил себя моим сюрикэном. Мир рухнул, Бронан. Я пропала. Допросы, объяснения, факты и твое лицо, маячащее надо мной по сто раз на дню. Это желание жить, эта нить, которая дороже самой свободы, заставило меня вздохнуть с облегчением. Месть не приносит облегчения, Бронан. Кому, как ни мне знать это. А вот жизнь... Я хотела переспать с тобой, чтобы почувствовать, какого это по доброй воле и без допинга. Я убеждала себя в том, что просто издеваюсь над тобой, пытаюсь обскакать милашку, но потом ты сделал это, и я поняла "почему". Ответ был очевиден. Я просто хотела сделать это с тобой. Понравилось. И в аудитории понравилось. Когда милашка ударила меня, я поняла, что заслужила это. Я — красная сука, которая заслуживает пощечины, да и не одной. Я не желала тебе зла. Я готова была отпустить тебя и не претендовать больше никогда... И тут ты приходишь на ужин. Ты один. И ты приносишь мои любимые красные шарики... Ты всегда приносил именно их, когда хотел помириться... А потом ты закрыл дверь и остался за ней... — Эрика поставила кружку на стол и повернулась к нему, — ...а я поняла, что люблю тебя...

Бронан выдохнул и вылил не допитый чай в раковину.

— Где ты хочешь заняться любовью? В комнате? На диване? На полу? Здесь, на столешнице? Где ты хочешь? Скажи, и я заставлю тебя кончить там, где ты захочешь...

Эрика посмотрела на него и прикусила свою губу. Такой красивый, даже когда пьяный...

— Здесь.

Бронан посмотрел на нее и улыбнулся.

— Я люблю тебя, — повторила она, когда поняла, что уже сидит с разведенными ногами на столешнице.

Бронан провел руками по ее остриженным волосам и заглянул в багровые глаза.

— Я все равно люблю тебя больше, Eria.

Она опять выгибалась под ним, заглатывая воздух ртом и сжимая свои зубы. Но, Юга, как же приятно ему было слушать эту искреннюю тишину, вместо поддельных громких стонов...

Кимао закрыл дверь за связанными и вернулся на кухню. Данфейт там не было. Зрячий нахмурился. Куда она могла пойти?

— Данфейт? — позвал он, обходя первый этаж. — Данфейт! — прокричал он, поднимаясь по лестнице на второй.

В гостевой комнате горел свет. Кимао открыл дверь и остановился.

Данфейт сидела в ночной рубашке на разостланной постели.

— Ты собралась спать? — произнес Кимао, даже не пытаясь войти внутрь.

— Хоть я и пьяна, но все еще в своем уме.

Данфейт оттянула бретельку ее бледно-розовой шелковой рубашки и вопросительно посмотрела на Кимао.

— Я в таком не сплю. Предпочитаю хлопок или лен. Или вообще ничего, если слишком жарко.

Кимао нахмурился и вошел внутрь, оставляя дверь открытой.

— Зачем надела тогда?

Данфейт распахнула глаза и выдохнула. То ли он просто издевался над ней, то ли алкоголь действует на него оупляющее. Дани поднялась с кровати и, обогнув зрячего, закрыла дверь.

— Я надеялась, что ты снимешь ее с меня, — произнесла матриати, заливаясь краской стыда при этом.

Кимао остановился напротив нее и, не выдержав испытания, засмеялся.

— Ты такая трогательная, когда пытаешься раскрутить меня на секс! Разве так соблазняют? Одной рубашкой меня не купишь!

— А так? — ответила Данфейт, рывком скидывая с себя шелковую ткань и престаая перед ним, в чем мать родила.

Кимао уронил свою голову и исподлобья посмотрел на нее.

— Опять не угодила? — произнесла Данфейт, в душе которой, на этот раз, зародились сомнения по поводу верности принятого ею решения.

— Мало! — прошептал зрячий и набросился на нее.

Данфейт оказалась прижатой к двери, и возможности проронить хоть слово у нее больше не было.

Его губы впились в ее рот, словно последним в его жизни был этот поцелуй. Его язык проник в нее и утонул, не желая возвращаться назад и покидать ее. Его зубы коснулись ее нижней губы и зацепились за нее, утаскивая в свой рот и сминая, лаская, обнимая своими губами. Его пальцы ослабли и зарылись в ее волосы, поглаживая кожу и еще сильнее притягивая к себе. Данфейт ответила ему. Погладив шершавую поверхность его языка, она сама вторглась в его рот. И он не захотел ее отпускать. Руки Данфейт коснулись его лица и потянулись к волосам. Они заблудились в ворохе густых черных прядей и сжали его голову с той силой, на которую были сейчас способны. Он приник к ней всем телом, и не понятно стало, кто из них двоих хотел начать это первым.

Руки Кимао оказались на ее обнаженных будрах. Ладони сжали упругие мышцы и, подхватив ее, усадили на себя. Прикасаясь пальцами там, где ей хотелось, он распалял в ее теле пожар. Соски, что прижимались к его груди, начали ныть и Данфейт скинула с него рубашку, чтобы прикоснуться ими к его обнаженному торсу.

Кимао оторвал ее от двери и уронил на пол. Его язык приник к коже ее шеи, и поцелуй запечатал это место. Ладонь соскользнула и упала на грудь, сжимая ее и поглаживая набухший сосок. Он наклонился и теплое дыхание накрыло розовую вершинку. Данфейт выгнулась, отстраняясь от него, но он последовал за ней, не желая отрывать свои губы от ее кожи. Его пальцы пробежались вдоль линий мышц на ее животе и спустились ниже, прикасаясь к плоти. Влага оросила его ладонь и палец, задевая клитор, скользнул в тепло ее тела. Мурашки побежали по телу Данфейт и застряли внизу живота. Ее пальцы запутались в его волосах, сжимая шелковые пряди в своих кулачках. Его руки легли на ее бедра и заскользили по ним вверх. Ее ладони пробежались по рельефу мышц его спины, спускаясь на талию и прикасаясь к поясу его брюк. Ее язык оставил влажный след на его шее. Она прикусила мочку и втянула ее в свой рот, лаская ямочку за ушком. Кимао повернул голову и снова встретил ее губы. Он прикусывал их, он втягивал их в свой рот, глядя ладонями ее бедра и прикасаясь пальцами к ее плоти, скользя, на этот раз, по поверхности, и не проникая внутрь. Она расстегнула ремень и застежку его брюк, снимая их с него вместе с бельем. Он

протянула руку и прикоснулась к тому, что упиралось ей в бедро. Теплый... Бархатный... Она провела по нему пальцем и погладила самый кончик. Кимао вздрогнул от этого движения, и произнес что-то на деревийском.

Ее руки обвили его шею, ее обнаженная грудь прижилась к нему.

— Я люблю тебя, — прошептал Кимао, сжимая ее колени своими ладонями и наполняя трещащее тело собой.

Бледная кожа Данфейт покрылась пятнами, губы распахнулись и изо рта вылетело нечто, вроде тихого придыха. Ее веки приоткрылись и тут же сомкнулись на глазах. Она вздохнула полной грудью и начала двигаться. Прикасаюсь к нему, чувствовать, как жар его тела обжигает ее кожу, испытывать дрожь, когда он, в ответ, подает свои бедра вперед и прикасается к самой ее сути. Он провел языком по ее распухшим губам и больше не смог оторваться от них. Хотелось большего. Еще большего, чем была сейчас. Он подхватил ее и усадил на свои колени, позволяя самой определять, каким образом ей двигаться. Он ласкал ее рукой, заставляя выгибаться и прикасаться к нему своим животом.

Она чувствовала его всего, каждое движение, каждый толчок, каждое прикосновение к сердцевине, скрытой внутри. Она подавала бедра навстречу, хватая воздух ртом каждый раз, когда он заполнял ее до отказа. И маленький бугорок, что терся о его живот... Он специально прогибал спину, чтобы задевать его.

Что такое целое? То, что нельзя разделить или то, что образует совершенство, будучи составленным из разных элементов? Они были целым сейчас. И все казалось правильным, и таким понятным, что по-другому, и быть не могло. Это удовольствие. Такое знакомое и совершенно новое в одно и то же время. Данфейт распахнула глаза и прижалась к его шее.

— Кимао! — простонала она, цепляясь пальцами за его спину и оставляя на ней багровые полосы от своих ногтей.

— Done Faitu...

Ее грудь... Она оказалась прямо перед ним. Он протянул ладони и сжал ее в своих руках, а потом наклонился и начал целовать, растирая вершинки сосков своими ладонями и обволакивая языком нежную молочно-белую кожу. Неспешно, медленно и так....нежно... Данфейт застонала, когда почувствовала, как он посасывает ее. Его ладони легли ей на шею и снова притянули к себе. Его язык заскользил по ее ключице, оставляя влажный след на ее теле. Его губы сомкнулись и покрыли поцелуями кожу под каждым из пальцев его рук. Он взял в ладони ее лицо и осыпал поцелуями каждую из его черт. Брови, веки, виски, скулы, нос, щеки и прикоснулся к губам, раскрывая свой рот и поглощая ее собой. Он вторгся в нее своим языком, лаская ее, играясь с ней, и не позволяя отстраниться или вздохнуть. Его руки заскользили по ее спине и опустились на бедра, сильнее прижимая к себе.

Он отстранился и посмотрел на ее лицо. Красивая... Какая же она красивая... Темные волосы, спутанные на затылке, глаза, в которых хочется тонуть, носик, о который хочется потереться своим носом, ямочки у углов рта, что так и тянут прикоснуться к ним губами и бледная кожа, которая шелушилась на щеках, если она долго пребывала на солнце...

Кто она, его женщина? Она не отказалась от собственных принципов, попав в общество, где все ее убеждения противоречат правилам. Она обижала его, сама того не понимая... С какой легкостью она заставила его страдать? Насколько просто она смогла стереть из его памяти привязанность к другой? Она неправильная... Она не вписывается ни в какие рамки... Она олицетворяет все то, с чем его учили бороться... Но, как противостоять тому, от чего не можешь отказаться? Как отказаться от того, к чему тебя так влечет? Как владеть

той, которую нельзя приручить? Принять такой, какая она есть. Он принял. И долго не мог понять "почему"? Потом понял. Когда почувствовал, что потерял... Понял, что просто любит и точка.

Он приподнял ее за бедра и вновь опрокинул на пол, придавливая своим телом. Он наклонился к ее губам, и, прикоснувшись рукой к ее плоти, развел ее бедра, снова наполняя собой. Она втянула в себя кислород и застонала.

— Мне плевать, что ты пьяна, — прошептал Кимао. — Ты запомнишь все... А если забудешь, я напомню тебе... Ты будешь любить только меня, только меня будешь хотеть. Каждый раз, как посмотришь мне в глаза, будешь думать только о том, что я могу с тобой сделать, — прорычал дерева, приподнимаясь к ней и встречая ее губы на своем пути.

— Кимао... — простонала Данфейт, когда почувствовала, как он надавливает своим пальцем на совершенно недоступное, в ее понятии, место.

— Тебе понравится, — прошептал он и ввел палец внутрь, нажимая и двигаясь, синхронно с собой.

Почему она позволяла ему? Почему не испытывала стыда за то, что он делает? Почему наслаждалась каждым запретным движением, которые он совершал в ней? Другие ощущения. Иные эмоции. Он стал более настойчивым, он знал, что делал и чего требовал от нее.

— Кимао... — пропищала Данфейт, выгибаясь на полу и пытаясь ускользнуть от него, его плоти и пальца.

— Глупая, — прошептал он перед тем, как она выгнулась под ним и сократилась всем своим существом.

Этот взлет... Волны, охватывающие все тело и заставляющие рычать и пригибаться, прижимая ее еще ближе к себе.

Его стон, такой низкий, урчащий на ухо... Его тепло разлилось у нее внутри и запульсировало в самой сути. Он дрожал, так же, как и она. Он рассыпался вместе с ней. И понимать это было слишком приятно, точно так же, как и чувствовать его оргазм, отвечая экстазом на экстаз.

Единственная мысль, которая пришла к ней в голову в этот момент, была приятной. Она почувствовала себя свободной. Столько лет в борьбе, в движении, в стремлении нагнать кого-то, что-то доказать, и, вдруг, на все это стало наплевать.

Он заглянул ей в лицо и улыбнулся. Девушка, не осознающая своей собственной красоты. Творение, выражающее благодарность только за искренние добрые поступки. Существо, говорящее правду в глаза и полагающее, что собственный отец не любит ее. Она не знает, что за силой теперь обладает. Рано или поздно, они начнут ее бояться. Так же, как боятся его самого.

— Если сейчас ты назовешь меня другим именем, я за себя не отвечаю, — прошептал Кимао и рассмеялся.

— Заткнись, — простонала Данфейт, поглаживая пальцами кожу на его спине, покрытую испариной.

— Мало... — прошептал Кимао, прикусывая ее ухо. — Мне мало... Дани потерлась о него щекой и прикоснулась губами к пульсирующей жилке на шее.

— Повернись на живот, — прошептал он.

— Нет! — словно выстрел, прозвучал ее голос.

— Почему "нет"?

— Не хочу так... — произнесла она, закрывая свои глаза.

— Это не принуждение, Дани.

— Я сказала "нет"!!! — повысила тон она и отвернулась от него.

Он приподнялся над ней и заглянул в покрасневшее лицо.

— Тогда, поцелуй меня, — улыбнулся Кимао, прикасаясь к ее лицу. — Просто поцелуй.

Она распахнула веки и потянулась к нему. Мягкие движения бархатного языка. Мурашки по телу от его прикосновений. Губы, закусанные им по странной прихоти. Руки, что вновь побрели по ее телу. Пальцы, что коснулись ее груди. Вздох от того, что он потер ее соски.

— Я схожу с ума по твоей груди, — прошептал Кимао и прикоснулся влажным ртом к набухшей вершинке, втянув ее в себя.

Данфейт запустила пальцы в его волосы и начала перебирать густые пряди. Как же приятны были ему эти движения! И этот неповторимый аромат, исходящий от ее кожи... Он делал из нее раба, трепещущего пред рукой своего хозяина.

Кимао вновь заполнил ее тело. Такое мягкое, такое податливое и родное...

— Теперь я знаю, как ты хочешь заниматься любовью, — прошептал он, склоняясь к ее уху.

— О чем ты? — простонала Данфейт, хватая воздух ртом.

— О нежности, — засмеялся он и провел языком по ее виску. — Ты любишь ласку, таешь от прикосновений. Страсть тебя не привлекает. Ты полагаешь, что искренность может выражаться только в нежности. Я подарю тебе ее. Я дам тебе все, что ты захочешь. Только будь со мной. Просто будь со мной...

Данфейт проснулась в пять утра. Протянув руку в сторону, она нащупала простыню и.....никого. Дани нахмурилась и поднялась с постели. Приняв душ и замотавшись в халат, висевший в ванной на стене, она тихо спустилась вниз и замерла у подножия лестницы. Кимао готовил завтрак на кухне.

— Доброе утро, — спокойно произнес зрячий, заметив ее появление.

— Ты опять проснулся раньше меня!

— В этом тебе меня не переплюнуть!

Дани прошла на кухню и остановилась рядом с ним, глядя на кастрюлю, в которой варилась овсяная каша.

— Солил?

— Да.

— И сахар добавил?

— Да.

— А масло?

— Естественно.

— Опять густую варишь?

Кимао приподнял одну бровь и посмотрел на свою матриати.

— Это — рецепт Ирии.

— Я поняла, — ответила Дани и потянулась за пачкой молока, добавляя его в кастрюлю.

— Вылет в девять, а ты еще ничего не собрала!

— Позавтракаю и поеду домой, — произнесла Данфейт. — Эрика то же еще ничего не собирала.

— Каша готова.

Данфейт заглянула в кастрюлю и поморщилась.

— Переборщила с молоком...

— Ничего страшного.

Кимао достал тарелки и усадил Данфейт за стол.

Матриати поковырялась ложкой в каше и, отложив прибор, подперла рукой голову, глядя, как зрячий быстро справляется с завтраком. В какой-то момент, она заерзала на стуле, словно, подыскивая для себя позу поудобней, и потянулась за кружкой с чаем.

— Почему ты нервничаешь? — спросил зрячий, глядя, как она держит кружку у самого рта и не решается сделать первый глоток.

— Я не видела отца пять лет. Я не общалась с ним четыре года. И не уверена, что хочу услышать его голос вновь.

— Он — твой отец. Он — твои корни, от которых нельзя отказываться.

— По этой причине ты с братом все еще общаешься с Ри?

— И по этой тоже.

— Я хотела попросить тебя кое о чем.

— О чем?

— Я не намерена посвящать отца в наши отношения. Для него все должно остаться так, как было. Я — аркаин, который учится в Академии за его деньги, а ты — друг Айрин,

которого она любит уже более пяти лет.

Кимао положил приборы на стол и внимательно посмотрел на Данфейт.

— Я не стану этого делать.

— Что? — не поняла Данфейт.

— Я сказал, что притворяться и выставить твоего отца дураком не собираюсь. Ты — моя матриати, моя женщина во всех смыслах. Мы едим вместе, тренируемся и учимся вместе, мы вместе спим и живем.

— Мы не живем вместе! — возмутилась Данфейт, вскакивая из-за стола.

— Когда в последний раз ты ночевала дома?

— Что? При чем здесь это?

— Ответь на вопрос, который я тебе задал. Когда?

— Я прихожу домой утром и вечером тоже там бываю. Там — мой дом!

— Но просыпаешься ты со мной, а это значит, что твой дом там, где сплю я!

— Не заносись! — перешла на крик Данфейт. — У отца слабое сердце! Очередное мое предательство он может не пережить!

— "Предательство"? Ты в своем уме? О каком предательстве ты говоришь?

— Я увела мужчину у родной сестры!

— Я не был ее мужчиной!

— Но, он так не думает!

— Это — его проблемы! Его и Айрин, если она позволила твоему отцу думать именно так! Ты боишься, что он откажется от тебя? Так ведь? Это беспокоит тебя? Что отец откажется от тебя только потому, что ты влюблена в меня?

— Я не влюблена в тебя!!! — прокричала Данфейт и, тут же, онемев, приложила ладонь ко рту.

Кимао смотрел на нее и не знал, что ответить. Он вообще не понимал, что должен отвечать в подобной ситуации.

— Прости... — прошептала Данфейт. — Прости, я не...

— Не любишь меня? Это ты хотела сказать?

— Нет! Кимао!

Зрячий отвернулся от нее и посмотрел в окно. Сжав руки в кулаки он напрягся и, кажется, закрыл свои глаза. Данфейт хотела подойти к нему, но уткнувшись в полупрозрачную непробиваемую стену, созданную им по своей воле, отступила назад.

— Если сейчас я скажу, что люблю тебя, ты ведь все равно не поверишь мне?

— А ты скажи! — обернулся он и посмотрел на нее какими-то пустыми глазами.

— Я... люблю тебя...

Зрячий усмехнулся, глядя, как она выдавливает из себя эти мучительные слова признания и рассмеялся.

— Мне все равно, любишь ты меня или нет. Ты — моя, и это — никому не изменить!!! — закричал он, и стены вокруг Данфейт застонали.

Пол затрясся, зазвенела посуда, дверцы шкафчиков раскрылись, и содержимое посыпалось вниз. Матриати ухватила за столешницу и, прищуриив глаза, посмотрела на него.

— Прекрати!!! — закричала она. — Немедленно!!!

Зрячий отвернулся от нее и разжал пальцы. Могла ли она представить себе степень его ярости? Он бы мог разрушить этот дом до основания, не оставив ничего, кроме горстки

пепла. Он бы мог сломать перекрытия этого уровня и обвалить все на нижележащий ярус. Он бы мог стереть с лица Деревы весь девятый сектор! Он знал, что может это. И все почему? Потому что она, женщина, матриати, которая во всем зависит от него, сказала, что не любит его.

— Я твоя по своей воле! Но если ты выкинешь подобный фокус еще раз — я могу изменить свое решение!!! — закричала Данфейт и, разогнувшись, направилась к лестнице.

— Не жди, что я сделаю так, как ты хочешь! Если твой отец задаст мне вопрос — я отвечу прямо и искренне. И плевать, как он отреагирует на это!

— Он не спросит, если ты не дашь ему повода спросить!

— Я не дам, а вот ты — можешь!

Путешествие заняло у них четыре дня. Долгих, трудных дня. Восемь человек, связанных общими секретами, чувствами, родственными связями и отношениями, вынуждены были проводить в напряженной обстановке часы. Данфейт перестала разговаривать с Кимао и Айрин, общаясь только с остальными, словно сестры и зрячего и вовсе не было рядом. Айрин так же не общалась с Кимао, замечая вокруг себя лишь Орайю, который, с усталым выражением темных глаз, молча, выслушивал ее рассказы о Сайкайрусе, которые выучил за пять лет наизусть. Эрика и Террей, понимая, что Данфейт и Кимао находятся в ссоре, старались держать нейтралитет, зная, что принимать чью бы то ни было сторону в этом вопросе слишком опрометчиво. Весело было только Бронану и Йори, которые, отстранившись от дел насущных, погрузились на дно бутылки с коньяком. Террея и Эрику возмущало подобное поведение, но зрячим, пребывающим в состоянии постоянного подпития, было уже все равно. Четыре дня одиночества и замкнутости, девяносто шесть часов осторожности и косых взглядов привели их в грузовой отсек, где сквозь щели открывающихся дверей светило все то же белое солнце. Это была земля последней планеты в системе Амира. Это был Сайкайрус.

— Айрин! — воскликнул Белови и бросился к своей старшей дочери, не дожидаясь, пока трап коснется посадочной платформы и запрыгивая на него.

Данфейт осталась стоять на месте у подножия дороги, ведущей к ее дому. Кое что нельзя изменить, и это она уже поняла. Все остальные непонимающе наблюдали за разыгрывающейся на их глазах сценой. Герольд Белови, пожилой сайкаирянин с проседью в темных волосах, долго держал в объятиях свою Айрин. Наконец, когда старшая дочь отстранилась от отца, он повернулся и посмотрел на свою младшую дочь. Он улыбнулся ей, но грустной была его улыбка. Он даже подошел к ней и обнял, но слишком короткими показались остальным эти объятия.

— Ты изменилась, — произнес Герольд и потряс дочь за плечи, словно сына. — Да, хорошо же над тобой поработал Сиа! Теперь ты сдержанна, как никогда, и спокойна, кажется. Тебе идет это спокойствие, — рассмеялся отец и похлопал Данфейт по плечу. — Надеюсь, ты не заставила своей сестре много хлопот в Академии? Она писала, что ты довольно прилежно учишься, и даже смогла постичь эти... как их... с сознанием что-то...

— Блокировку сознания, — ответила Данфейт и улыбнулась отцу.

— Да, блокировку, — покачал головой Белови и тут же подошел к Кимао и Орайте.

— Приятно познакомиться с Вами, молодые люди, лично! Герольд Белови, — мужчина

по старому общепринятому югуанскому обычаю протянул руку и пожал ладонь каждого из братьев.

Кимао и Орайя тут же прочли мысли пожилого Герольда, и поняли, что кроме возвращения Айрин домой, а так же оценки внешности кандидата в мужья для его старшей дочери, то есть Кимао, его больше ничего не интересовало.

Оставив молодых людей, Герольд подошел к остальным, бегая глазами от тианки к югуанину и пытаясь понять, кто из них кто. Данфейт тут же исправила ситуацию и подошла к друзьям.

— Папа, познакомься. Эрика, Бронан, Террей и Йори — мои друзья. Я писала тебе, что прилечу с ними.

— Да, конечно, — кивнул мужчина и улыбнулся новым знакомым. — Герольд Белови.

Рукопожатие и кивки головой были исполнены и Герольд, с явным воодушевлением, направился по трапу вниз.

— Разрешите, я покажу Вам дом! — произнес сайкаирянин и предложил гостям проследовать за ним. — Айри, распорядись, чтобы ужин подали во время.

— Хорошо, папа.

Айри... Словно Данфейт и не существовало больше. Словно у Герольда Белови не было больше дочерей, кроме Айрин. Кимао оглянулся, чтобы заглянуть в глаза Дани и попытаться пробить ее пресловутую блокировку, но девушки не оказалось рядом.

— Где Данфейт? — не понял Кимао, оглядываясь по сторонам и пытаясь найти на широкой платформе очертания знакомой фигуры в черном термостабильном костюме.

— Не обращайтесь внимания, — послышался голос пожилой женщины, вышедшей к ним навстречу. — Данфейт слишком независима, чтобы посвящать нас, простых смертных, в свои планы, — засмеялась она. — Я — Мими Гринроу — няня тех двух леди, которые за пять лет, наконец, соизволили посетить свой родной дом.

— Очень приятно, — улыбнулись все присутствующие, пытаясь при этом нагнать Герольда Белови.

Дом семьи Белови скорее напоминал музей, нежели жилище. Мраморные статуи украшали его холл и лестничные пролеты. Картины, среди которых Кимао заметил и портрет женщины, очень похожей на Айрин, были вывешены в позолоченных рамах на самых видных местах. Живые цветы, несколько прозрачных стен с аквариумами, зимний сад и огромный бассейн на заднем дворе. Зачем бассейн там, где берег моря простирается в трехстах метрах от дома — Кимао понять не смог, впрочем, как и Орайя. На помощь пришла Эрика, которая объяснила братьям, что богатые люди крайне редко посещают пляж. Куда более безопаснее полежать на шезлонге под зонтиком перед своим собственным бассейном.

Герольд показал молодым людям свою библиотеку, припомнив, что Айрин прочла чуть ли ни все книги, хранящиеся в ней. Затем Герольд провел дерев в оружейную и продемонстрировал ружье, из которого Айрин в возрасте тринадцати лет застрелила кабана на охоте. Потом была галерея картин, где Белови собрал работы лучших сайкаирянских мастеров. Там же Кимао вновь обратил внимание на портрет женщины, очень похожей на старшую из сестер Белови.

— Это — моя жена, Симона Белови, — пояснил Герольд и тут же показал еще один портрет покойной супруги.

Кимао подошел к следующей работе неизвестного мастера и заглянул в рисованные глаза Айрин. Ей было лет пятнадцать, когда кто-то запечатлел ее на этом полотне. Большие

светло-карие глаза и копна волос, уложенная в высокую прическу. Она стояла в летнем платье под деревом, сквозь листву которого пробивались лучи клонящегося к закату Амира. Кимао направился дальше и остановился напротив Айрин в возрасте лет девятнадцати. Прекрасные черты лица застыли во времени, поражая своей изысканностью и красотой. Это было лицо женщины, на которую хотелось смотреть очень долго. В костюме для верховой езды она выглядела по-настоящему взрослой, и только по отсутствию морщинок в уголках ее глаз Кимао понял, что она и не смеется вовсе. Молодой человек отошел подальше от полотна и снова присмотрелся к ее лицу. Губы, как будто, улыбались, но не глаза. В этой красоте не было настоящих эмоций, лишь отблеск той улыбки, которой она могла бы улыбнуться, если бы только захотела.

— А где портреты Данфейт? — спросил Орайя, пытаясь отыскать глазами маленькую темноволосую девчушку.

— К сожалению, из всех сохранился только этот, — ответил Герольд и подвел молодых людей к юной девушке, которая стояла по пояс в воде в дорогом вечернем платье и хохотала.

Прекрасные густые темные волосы струились по ее спине, рассыпаясь по плечам и груди. Белая кожа, которая казалась столь тонкой, будто от одного только этого смеха своей хозяйки могла потрескаться. И грудь, к которой прилипла ткань мокрого платья, укрытая ее роскошными волосами...

Кимао сглотнул. Казалось, будто сейчас Дани склонит свою голову и с осуждением посмотрит на него с этого полотна, прочитав непристойные мысли зрячего о груди его матриати.

— А других портретов Данфейт нет? — спросил Бронан, которого Эрика настойчиво дергала за руку, чтобы он соизволил задать этот вопрос вместо нее.

— Она сожгла их, — произнес Герольд и тяжело вздохнул. — Сожгла за год перед тем, как я попросил одного мастера тайком нарисовать ее снова. Данфейт не знает, что здесь висит ее портрет. Пожалуй, я спрячу его до вашего возвращения на Дереву.

— А почему она сожгла свои портреты? — спросил Террей, помогая Герольду снять тяжелую раму со стены.

— На очередной свой день рождения, Данфейт, как всегда, "отколола" номер, не явившись на прием, который я устроил в ее честь. За это Айрин сняла все ее портреты в галерее и оставила их в подвале. Когда Данфейт нашла свои полотна в луже, что образовалась из конденсата на холодной трубе, ничего умнее, кроме как поджечь их, она не придумала.

Кимао сжал свои губы и отвернулся. Странно, но Герольд Белови, говоря об этом, словно и не понимал, что плохо поступила не только его младшая дочь, но и старшая, которая считала себя вправе распоряжаться портретами своей собственной сестры.

— Мы немного устали, — произнес Кимао.

— Конечно-конечно, — тут же закивал Герольд. — Мими проводит Вас в Ваши комнаты.

— Я бы хотел поговорить с Данфейт перед ужином. Вы не проводите меня к ней? — спросил Кимао, обращаясь к Герольду.

— Боюсь, что сам я не знаю, куда она направилась, — пожал плечами мужчина и с удивлением посмотрел на молодого человека.

Безусловно, логичным представлялся Белови интерес зрячего к одной из его дочерей, но только к старшей, а не младшей... Хотя, учитывая, что все они учатся в одном вместе и

наверняка проводят большую часть времени рядом с друг другом, данное участие вполне объяснимо.

— Я здесь, папа, — послышался знакомый голос за их спинами.

Террей и Йори, от неожиданности, чуть не уронили тяжелую картину, что держали в своих руках, дожидаясь дальнейших инструкций по месту ее перемещения. Эрика ехидно улыбнулась и подмигнула подруге, с которой не сводил глаз только один человек — ее зрячий. Девушка в летнем платье до колен и рукавчиками-фонариками на плечах не была похожа на ту Данфейт, к образу которой он уже успел привыкнуть. Собранные в хвост на затылке волосы и ушки, торчащие по сторонам. Кимао чуть было не рассмеялся, осознав, что ее ушки на самом деле топорщатся...

— Я сама покажу им комнаты, папа.

— Рад, что ты надела его. Красивое платье, — с гордостью произнес Герольд. — Мой подарок, хотя выбирала Мими. Тебе нравится?

— Конечно, папа. Спасибо.

Эрика в этот момент повернулась к мистеру Белови и испепелила его взглядом. Жаль только, что мужчина не понял ее возмущения и, не обратив на тианку никакого внимания, покинул картинную галерею первым.

— Портрет можете вернуть на место! — засмеялась Данфейт, глядя, как Террей и Йори мечутся на одном месте. — Я ничего не стану с ним делать!

— Вот и прекрасно! — рассмеялись мужчины и повесили картину на ее законное место.

— Пойдемте, я провожу Вас в комнаты. Через час запланирован ужин в столовой. Форма одежды свободная. После него я отведу вас на пляж: ночью там есть на что посмотреть. А завтра утром мы отправимся в деревню на винодельню.

— Не плохая программа! — воскликнула Эрика. — А во сколько состоится прием?

— В семь. Надеюсь, мы успеем все посмотреть до того момента, как дом превратиться в место паломничества ста тридцати малознакомых мне людей.

Эрика, взяв подругу под руку, повела ее к выходу.

— Ты же не поселила нас с Бронаном вместе? — прошептала тианка. — Меня это напряжет!

— Можно подумать, что спите вы в разных постелях! — улыбнулась Данфейт и отрицательно покачала своей головой.

— Спасибо, подруга, — выдохнула Эрика и обернулась к Бронану.

Зрячий надменно улыбался, глядя в шаловливые глаза своей матриати. Она пообещала, что отомстит ему за четырехдневную попойку и сделала это, попросив подругу расселить их по разным апартаментам. Глупо, но что тут поделать?

Остановившись посреди длинного коридора, Данфейт распахнула первую дверь и предложила Йори и Террею войти внутрь.

— Так, кто из нас? — не понял Террей.

— Оба, — пожала плечами Данфейт.

— Нет, погоди...

— На Сайкайрусе разрешены однополые браки, в отличие от всех остальных планет.

— У Вас можно жениться?

— А почему "нет"? — рассмеялась Данфейт и вошла внутрь.

— Гостиная, спальня, гардеробная, туалет и ванна отдельные. Прошу!

Йори первым влетел в спальню и, запрыгнув на кровать, похлопал по покрывалу рукой

рядом с собой.

— Извращенец! — ответил ему Террей и, поблагодарив Данфейт, закрыл дверь за собой.

— Йори нравится мне все больше и больше! — прокомментировала Эрика.

Эрику и Бронана Данфейт расселила в комнаты напротив друг друга. Орайе достались апартаменты в самом дальнем конце коридора.

— Мне как всегда везет? — посмеялся Сиа, выглядывая к Данфейт из-за двери.

— Я рада, что тебе понравилась джакузи на балконе!

— У него джакузи на балконе? — не выдержал дальнейшего молчания Кимао и посмотрел на спокойную Данфейт.

— Если хочешь, можешь поселиться вместе с ним.

— Я еще не видел предложенного тобой варианта.

Данфейт спустилась на первый этаж и, завернув за лестницу, проследовала вперед по узкому коридору.

— Ты меня в казематы ведешь?

— Данфейт остановилась у двери и, распахнув ее настежь, вошла внутрь. Просторная комната, с камином, диванами и мягкими подушками, валяющимися на полу. Живые цветы на столе и тумбах и спальня с шикарной трехметровой кроватью, на которой могло бы поместиться пятеро таких, как Кимао. Ванная с душевой кабиной и джакузи, стоящей на постаменте у самого окна, сквозь которое открывался прекрасный вид на берег моря, отливающего в лучах Амира бирюзой.

— Мне нравится, — улыбнулся Кимао, опираясь на борт ванной и заглядывая в окно.

— Это еще не все, — ответила Данфейт и вернулась в гостиную, беря в руки пульт, лежащий на столе и автоматически раздвигая темные шторы, расположенные вдоль всей стены. Там, за ними были двери, ведущие на террасу. Кимао вышел в этот внутренний дворик и, вдохнув полной грудью, подошел к самому обрыву, огороженному стальными кованными перилами. Там, внизу, свистал ветер и волны, ударяясь о прибрежные скалы, превращались в брызги пенящейся воды, долетающие до него и падающие каплями на лицо.

— Тебе нравится? — спросила Данфейт, останавливаясь возле него и склоняясь над перилами, чтобы заглянуть вниз.

— Да, — ответил Кимао, хватая ее за руку и не позволяя перегнуться через преграду, как она намеревалась сделать.

— Не волнуйся! Я не упаду! — засмеялась она, отстраняясь от него и возвращаясь в дом.

Кимао прошел следом и, закрыв дверь на террасу за собой, остановился возле замершей в центре Данфейт. Он склонился к ее шее, разглядывая причудливые колечки волос, выбившиеся из ее прически, и подул на них.

— Комната Айрин слева от твоей, — произнесла Данфейт. — Там тоже есть выход на эту террасу.

Она ждала, что он скажет что-нибудь в ответ, но он молчал, будто этот факт его совершенно не касался. Данфейт ощутила его дыхание на своей шее и закрыла глаза, чтобы дожидаться прикосновения теплых губ.

— А где твоя комната? — спросил Кимао, не предпринимая никаких попыток, для дальнейших действий.

— Справа от дома есть двухэтажная пристройка. Там живу я.

— Меня мучает один вопрос и я не нахожу в себе сил промолчать и не задать его.

— Я слушаю.

— Почему ты сожгла свои портреты?

Данфейт выдохнула и открыла глаза, разглядывая узоры на ковре под ногами.

— Отец рассказал вам.

— Потому что она оставила их на полу в подвале?

Он говорил шепотом и голос его пробирал до самых кончиков пальцев. В этот момент, при упоминании истории давно пройденных лет, ее должен бы обуять гнев, но эта дрожь в пальцах и шепот, проникающий в ее кожу с его дыханием, заслонили собой все отрицательные эмоции, оставив только покой и трепет на сердце.

— Она не просто "оставила их в подвале", — так же тихо прошептала Данфейт. — Она свалила их друг на друга на полу, поцарапав рамы и краску на полотнах. А потом она не закрыла за собой дверь и за ночь воздух в помещении прогрелся. Прогрелся настолько, что с холодной трубы начал капать конденсат. Я вернулась домой только на следующий день. Ми намекнула мне, что стоит заглянуть в подвал. Когда я нашла свои портреты, от них мало что осталось. И тогда я приняла решение довести дело до конца. Вот так, я сожгла работы Джонатана Сирии, который все эти годы из нас двоих рисовал только меня.

— Только тебя?

— Да. Айрин рисовать он отказался, сославшись на то, что устал от обыденной красоты. Мое же лицо ему показалось "интересным". Я посчитала, что мне оказана честь. Что еще я могла подумать в пять лет? А потом я действительно приняла его слова за комплемент. Он никогда не называл меня "красивой". Он говорил: "Ты интересна, глядя на тебя, я вижу лицо, а не маску". Отец полагает, что я не знала о последней работе Сирии. Но это я позировала Джонатану в течение двух часов, что, как ты сам понимаешь, для меня — настоящее испытание. Самое смешное, что отец бережет ее не потому, что сетует за единственный мой портрет. Нет. Эта картина — последняя работа руки Сирии, и, полагаю, она стоит целое состояние.

— В каждом поступке отца ты ищешь какой-то подвох. Это — не правильно. Почему ты не подумала о том, что он просто дорожит этой картиной?

— Поэтому что он произвел оценку полотна.

— И во сколько тебя оценили?

— Ми сказала, что на сто тысяч акропей.

Кимао приподнял брови и улыбнулся.

— Я бы дал больше.

— Неужели, — прищурилась Данфейт и обернулась к нему.

— За тебя на этом полотне — да.

— Кимао, ты заигрываешь со мной? — произнесла Данфейт и, почему-то, улыбнулась.

— Да, — ответил зрячий и посмотрел на нее.

— Не люблю флирт. Это — пустые слова, за которыми не кроется ничего, кроме обмана.

Кимао провел пальцем по ее щеке и спустился на подбородок, приподнимая ее лицо и заставляя смотреть прямо ему в глаза.

— Я знаю, что мерой для тебя являются поступки. Еще я знаю, что ты благодаришь только за искренне свершенные дела. Ты прямолинейна, упряма и эмоциональна. И ты гордишься этими качествами, хотя Ассоциация не считает их положительными. Я тоже горжусь ими.

— И ты больше не злишься на меня?

— Этого я не говорил, — покачал головой Кимао и провел пальцем по ее губам.

Данфейт распахнула их и потянулась к нему, но он отрицательно покачал головой и усмехнулся.

— Если я поцелую тебя сейчас, это будет означать, что я смирился с тем, что ты готова скрывать от всех наши отношения. А я не смирился, и продолжаю настаивать на своем.

Данфейт склонила на бок свою голову и улыбнулась:

— Спасибо, — прошептала она, прикусывая свои губы.

Кимао не понял, за что она поблагодарила его. Но матриати смотрела на него с таким воодушевлением, что он сам начал гордиться своей непреклонностью в этом вопросе. Ей важно знать, что он "против". Для нее имеет значение его взгляд на происходящее и нежелание мириться с ее страхом быть отвергнутой собственным отцом из-за него. Только сейчас он прикоснулся к понимаю мира своей женщины и смог, кажется, узреть то, что для всех остальных останется тайной. Она — ребенок, который стремится к пониманию и любви, но который так и не обрел их в месте, где родился.

В дверь постучали, и Данфейт тут же отскочила от Кимао, перемещаясь в другой конец комнаты.

— Войдите! — произнес зрячий, и прищурился, глядя на лицо пожилой Мими, "застрявшей" глазами на Данфейт.

— Простите, господин Кейти, но мистер Белови ждет Данфейт в своем кабинете.

— Конечно, я с радостью ее отпускаю!

Данфейт посмотрела на Кимао так, что он чуть было не рассмеялся в голос. Улыбнувшись, матриати кивнула Мими, давая знак, что та уже свободна. Но женщина продолжала стоять в дверях, не намереваясь покидать комнату молодого человека без своей подопечной.

— Увидимся за ужином, — вежливо произнесла Данфейт и, попав в руки Мими, была тут же вытолкнута за двери.

— Ты что это творишь?! — зашипела нянька ей на ухо. — Совсем совесть потеряла? Отец, если узнает, что ты ошиваешься в его комнате, с тебя три шкуры спустит!

— Подумаешь, — хмыкнула девушка. — Мне не в первой!

— Побойся Юги, Данфейт!

— Мими, свои старообрядные штучки можешь оставить при себе. Мы живем в современном обществе, где находиться в комнате с мужчиной наедине не является чем-то зазорным.

— В общественном месте — может быть, но не в комнате, где он живет! — прошипела няня и отвесила ей подзатыльник.

— Ой!

— Вот тебе и "ой"!

Мими проводила Данфейт до дверей рабочего кабинета мистера Белови, словно боялась, что девушка в последний момент развернется и "сделает ноги".

— Папа? Ты звал меня? — произнесла Дани, проходя внутрь комнаты, где в последний раз была более пяти лет назад.

— Да, дорогая, — улыбнулся отец со своего рабочего места и подал знак рукой, что дочь может присесть в кресло у окна.

За время ее отсутствия в этой комнате ничего не изменилось. Два кресла, стоящие друг напротив друга, рабочий стол, сделанный на заказ и обитый золотом, стеллажи с книгами и

папками, как две капли воды похожими на обложки рукописей, маленький стол для бухгалтера, который приезжал к ним раз в неделю с докладом, когда отец проводил дома более двух недель подряд.

Отец поднялся со своего кресла и переместился в другое, присаживаясь напротив дочери и закидывая ногу за ногу. Он устремил свой взор к окну, будто бы опасался слишком долго смотреть на нее.

— Как твои дела? Как учеба?

— Все хорошо, папа. Я сдала все зачеты и теперь продолжаю постигать новые науки.

— Мне пришли бумаги о твоём отчислении на прошлой неделе, а на этой неделе меня известили, что семестр ты закончила на положительные оценки. "Положительные", я так понимаю, это не "отличные"?

— Нет, папа.

— Что ж, каждому свое, — вздохнул Белови. — А так? Чем вообще ты живешь? Твои друзья произвели на меня хорошее впечатление, хотя отношения тех двоих молодых людей, которых ты против моей воли все равно умудрилась поселить в одной комнате, я не приветствую.

— Это их личное дело.

— Согласен. А тианку с деревой почему ты расселила?

— И это ты тоже понял?

— Он смотрит на нее так, что мне даже неудобно становится.

— Это ее воля, папа.

— Да, тиане — мстительные натуры. Будь осторожна рядом с такой подругой. Она будет тебе верна до гробовой доски, но если ты предашь ее — она сама загонит тебя в этот гроб.

Данфейт рассмеялась и сложила ладони лодочкой, глядя на отца.

— А в личной жизни что?

— Ничего, — подала плечами Данфейт.

— Так же, как и у твоей сестры. Пять лет она потратила на этого дереву. И что? Предложения он до сих пор не сделал. Не могу понять, в чем дело, ведь, что греха таить, он должен быть рад уже тому, что такая женщина, как она, тратит на него свое время. Если сравнить их с братом, то внешне он намного уступает ему. Худой, высокий, и этот шрам на брови... Мне страшно смотреть ему в глаза, хотя страшного, вроде бы, в нем нет ничего. Когда мужчина любит, он не тянет так долго с женитьбой. Если за пять лет он не взял то, что ему нужно, значит, это ему не нужно. Вы, кажется, ладите с ним? Почему бы тебе не помочь своей сестре и не намекнуть своему другу, что вечно ждать она не будет?

— Мне?

— Да, тебе. Ты — ее сестра, а с Кимао, кажется, у тебя есть нечто общее. Ему наплевать на общественное мнение, как и тебе. Он не является обладателем выдающейся внешности, как и ты. Тебе может показаться, что это — глупости, но мужчина склонен свободнее чувствовать себя рядом с женщиной, которая не пользуется популярностью среди противоположного пола, нежели рядом с той, на которую смотрят все. Боюсь, что именно по этой причине он медлит. Айрин — это звезда, что сияет на небосклоне, а он лишь один из зрителей, которому она позволила прикоснуться к себе.

У Данфейт перехватило дыхание на вдохе и она, чуть было не закашлялась.

— Я говорю не вполне приятные для тебя вещи? Извини, конечно, но пока твоя сестра

не пристроена, тебе придется тяжелоатлетично на личном фронте.

— Хотя бы сегодня ты мог бы не напоминать мне о том, что я не вписываюсь в твои представления о "красоте"?

Герольд, в ответ на эту реплику, только рассмеялся.

— Сирия рисовал тебя потому, что ты не похожа на всех остальных. Этот портретист всегда славился своей странной любовью ко всему необычному и к некрасивым женщинам в частности. Не думала же ты, что рядом с сестрой тебе будет проще найти себе спутника среди тех, кто на голову выше тебя по способностям?

— Спасибо, папа, за все те комплементы, которыми ты только что удостоил меня. Мог хотя бы в канун моего дня рождения не вспоминать об этом.

— Я просто хочу, чтобы ты реально смотрела на вещи! Поможешь сестре — поможешь и себе! Прием состоится завтра в семь вечера.

— Не хочу я никаких приемов...

— Твоего мнения я не спрашивал.

— Не сомневаюсь...

— Проведешь там час, встретишь гостей, а потом можешь идти, куда хочешь. Айрин и я, как всегда, уладим все детали.

— Папа!

— Я сказал "час"!!! — закричал отец и ударил кулаком по подлокотнику своего кресла.

Данфейт выдохнула и опустила голову. Пять лет — а по сути, ничего не изменилось. Все тот же покровительственный тон и не тени сомнений на лице. Будто он — Всемогущий, и только ему известно, как будет лучше для всех них.

— Скоро ужин. Иди, переодевайся.

Данфейт, по привычке, поднялась с кресла и наклонилась к отцу, позволяя ему прикоснуться к своему темени губами.

— Я люблю тебя, девочка моя. И рад видеть тебя дома.

— И я люблю тебя, па...

Заученные фразы, от которых на душе не становилось теплее. "Я люблю тебя", произнесенное Кимао, заставляло ее замирать, останавливало ход ее времени, а это пустое "я люблю..." — ничего. Данфейт покинула кабинет в молчании и, встретившись глазами с сестрой, которая остановилась перед дверями, улыбнулась ей.

— В деревню я поеду с вами, — спокойно произнесла Айрин, давая понять, что в этой игре она сделает все так, как нужно, не предоставляя повода отцу задать лишние вопросы.

— Привет папа! — услышала Данфейт позади себя.

— О, Айри, проходи, дорогая, присаживайся. Попросить Ми, чтобы принесла тебе чай?

Хлопок — и дверь закрылась за спиной Данфейт. Девушка посмотрела вперед и увидела Кимао, стоящего возле лестницы. Он не сводил с нее глаз несколько минут, и лицо его приобрело озадаченный вид.

"Некрасивая"...Мужчина склонен свободнее чувствовать себя рядом с женщиной, которая не пользуется популярностью среди противоположного пола, нежели рядом с той, на которую смотрят все". "Айрин — это звезда, что сияет на небосклоне, а он лишь один из зрителей, которому она позволила прикоснуться к себе".

Кимао, словно, очнувшись из забытая, направился к ней и, схватив за руку, потащил за собой.

— Ты что? — зашипела Дани, пытаясь вырваться.

Кимао затащил ее в свою комнату и, захлопнув дверь, прижал ее к стене, нависая и заглядывая в глаза.

— Ты что... — повторилась она, закрывая свои глаза, когда почувствовала, как его ладонь прикасается к ее волосам.

— С моими способностями я мог выбрать себе любую из женщин. Но мне не нужна любая, мне нужна ты. Не важно, что он думает по поводу твоей внешности. Он — дурак, если не видит очевидного. Ты — самая красивая. Ты — моя звезда, что сияет на небосклоне. И другой мне не надо, — ответил зрячий, раскрывая ее губы своими и вторгаясь в сладостный ротик.

Его нога оказалась промеж ее ног и, с силой надавив, заставила ее втянуть в себя воздух.

— Ты слышал...

— Его читать так просто... А твое молчание сводит с ума... Нужно было сказать ему... Выплеснуть в лицо свое негодование и ответить, что я люблю тебя, а не ее...

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать...

— Зато я могу! — прошипел Кимао и отстранился от нее.

— Нет!

— Если не скажешь ты — это сделаю я.

— Ты не посмеешь!

— Посмею! Еще как посмею! — ответил Кимао и отвернулся от нее. Иди. Тебе еще нужно переодеться...

— Нет, Кимао...

— Уходи, Данфейт...

Дани прижала ладонь к губам, что несколько секунд назад он целовал, и, спрятав свою горечь за наклепленной на лицо полуулыбкой, покинула его апартаменты.

Через пятнадцать минут все собрались в столовой на ужин. Овощи, фрукты, мясо, закуски. Ничего особенного, никаких излишеств или незнакомых блюд. Графины с разными сортами вина, вода, соки и нектары.

Герольд Белови восседал во главе стола. По обе руки от него заняли свои места дочери, а дальше те, кто приехал сюда вместе с ними. Беседа протекала на тему виноградников, которые в этом году из-за сильной жары пострадали от пожаров больше, чем обычно. Герольд был искренне обеспокоен этим фактом, ведь часть своего состояния он сделал именно на вине.

— Значит, виноделие — Ваше хобби? — спросила Эрика и улыбнулась пожилому сайкаирянину.

— Это не хобби, это — страсть. Безусловно, для этого рода занятий необходим и талант. Айрин может распознать любой сорт вина, изготовленного на наших винодельнях.

— Так уж и любой? — приподнял брови Орайя, который о данном таланте своей подруги никогда не слышал.

— Однажды, отец устроил состязания, и я смогла безошибочно определить двенадцать сортов красного вина разных годов выпуска.

— А Данфейт? — вступил в разговор Террей. — Сколько сортов определила она?

Герольд Белови в ответ на этот вопрос рассмеялся.

— Наша Дани предпочитает более крепкие напитки. "Сизый Амир", "Янтарный коньяк", виски или просто виноградный спирт. Первое ее знакомство с виноделием началось в четырнадцать лет, когда она на спор решила очистить бут от винного камня. Рабочие достали ее из бочки через пятнадцать минут, потому как идти самостоятельно она уже не могла.

Данфейт улыбнулась, вспоминая эти "трогательные" моменты своей жизни и чуть было не скривилась, когда припомнила, что провела в туалете после этого "спора" всю ночь.

— Это — тяжелый труд — очищать бут от винного камня, — ответила девушка. — Мужчин не берут в эту профессию. Только женщин. Но часть из них становятся зависимыми от спиртного уже к сорока годам. Вот — цена, которую они платят за хорошее качественное вино.

— Никто не принуждает их идти на эту работу, — заметила Айрин и улыбнулась сестре.

— Но кто-то ведь должен ее делать? — парировала сестра и улыбнулась в ответ Айрин.

Отец положил свою ладонь на руку Данфейт и заставил посмотреть на себя.

— Ты снова делаешь это.

Дани нахмурила свои брови и выпрямилась на стуле. Конечно же, она снова ерзала на сидении, а это всегда приводило отца в бешенство.

— Как видишь, папа, кое что нельзя изменить... — вставила свою реплику Айрин.

— Теперь, по крайней мере, она не делает это постоянно, — улыбнулся отец и тут же засмеялся вместе со старшей дочерью.

Кимао посмотрел на свою матриати, потупившую взор, и вопросительно приподнял свои брови.

— Вы знаете, какое прозвище дали Вашей младшей дочери в Академии? — обратился он к мистеру Белови.

— Нет, — покачал головой тот.

— "Черная тень". Среди женщин-аркаинов она — самая быстрая и ловкая в бою.

— А среди мужчин кто самый быстрый?

— Я, — ответил Кимао и улыбнулся.

— Но Вы же не ерзаете на стульях, когда Вам становится скучно?

— Нет, когда мне становится скучно, я начинаю издеваться над окружающими, выпуская едкие замечания на их счет. Многие называют это сарказмом, но я полагаю, что это — просто моя дурная черта. У каждого свои недостатки, хотя лично я манеру Данфейт все время пребывать в движении вообще не принимаю за таковой.

Данфейт молча повернула голову к зрячему и улыбнулась ему краешком своих губ. Кимао сделал тоже самое, когда понял, что мистер Белови пристально за ним наблюдает.

— А Вы довольны вольны в высказываниях, господин Кейти.

— Извините, но это еще один из моих недостатков, мистер Белови.

— И Вы склонны гордиться этими качествами?

— Я склонен принимать окружающих такими, какие они есть, рассчитывая, что и они, в ответ, простят мне эти мои "недостатки".

— Вы — интересный человек, господин Кейти. Думаю, нам будет о чем поговорить с Вами в приватной беседе.

— Взаимно, мистер Белови, — ответил Кимао и кивнул Герольду в ответ.

Эрика подняла бокал с соком и, подмигнув Кимао, пригубила немного. Зрячий, заметив это, лишь ухмыльнулся в ответ.

— Данфейт, после ужина твоя сестра проводит наших гостей на пляж, а ты, тем временем, поможешь Мими с организацией завтрашнего приема. Она не знает, как лучше рассадить гостей, и какие именно цветы ты предпочитаешь видеть на столах. Еще там есть вопросы с меню, в общем, у тебя много дел, моя дорогая.

Данфейт изогнулась на стуле неестественным образом и вперила в отца свои широко распахнутые глаза.

— Ты желаешь показать себя во всей красе перед друзьями или, на этот раз, решишь промолчать?

— Прием — это не мои заботы, — очень спокойно прошептала Данфейт.

— Этот праздник Мими готовила для тебя на протяжении трех месяцев. Я прошу уделить человеку, который вырастил тебя, всего несколько часов твоей драгоценной занятой жизни! Или и это для тебя невыполнимая миссия?! — прогремел голос отца, словно раскат грома посреди ясного неба.

Террей и Эрика пригнулись к столу. Айрин демонстративно отвернулась и опустила голову, глядя в пол. Орайя переглянулся с Йори и Бронаном, понимая, что и они пребывают, мягко говоря, в протрации. И только один Кимао в этот момент смотрел на тарелку, сжимая, до боли в руках, свои пальцы. Герольд Белови не просил младшую дочь, он приказывал, выражая свою волю грубо и прямо, совершенно не обращая внимания на присутствие посторонних рядом с ними.

— Извини, папа. Я помогу Мими.

Герольд, как ни в чем не бывало, повернулся ко всем остальным и произнес:

— Попробуйте вино — это прекрасные образцы из моего личного запасника...

— Ты слышал, как он с ней разговаривал? — шептала Эрика на ухо Бронану, пока все они следом за Айрин спускались по тропе к морю. — И даже наше присутствие несколько не смутило его!

— Зато Айрин, как всегда, осталась при своих интересах.

— Теперь я понимаю, почему у нее с сестрой такие натянутые отношения.

— Все теперь это понимают.

— О чем шепчитесь? — спросил Террей, беря под руку Эрику и продолжая идти рядом с ней.

— О мистере Белови.

— Да, на первый взгляд он кажется весьма добродушным и милым человеком. Но, это только на первый взгляд.

— Посмотри на Кимао. Он темнее тучи.

— Еще бы... Данфейт разложили на обе лопатки, а он ничего не может с этим сделать.

— Меня поражает поведение Айрин. Кажется, ее в этой ситуации все вполне устраивает.

— Она выжидает, — ответил Террей. — Когда все пойдет не так, как нужно, она окажется рядом с ним и протянут свою руку.

— Кимао не дурак. Его этим не проймешь.

— Бронана проняло. Почему Кимао не сможет?

Эрика посмотрела на матриати такими глазами, что тот просто отпустил ее руку и

вернулся к Йори.

— Зацепило? — усмехнулся Бронан.

— "Зацепило"? — покривлялась Эрика и, оттолкнув его от себя, предпочла идти в одиночестве.

Они пробыли на пляже недолго. Купаться никто не хотел и все разбрелись по сторонам, мирно прохаживаясь взад и вперед. Кимао первым ушел обратно в дом. Никто не стал его убеждать остаться, лишь проводили взглядом темную фигуру, поднимающуюся по тропе вверх.

Было уже поздно, когда к Кимао в комнату постучали.

Зрячий поднялся с кровати и, накинув халат, открыл. Айрин стояла на пороге в одной ночной рубашке и скептически смотрела на него.

— Улыбнись ипусти меня. Я уйду через несколько минут.

Кимао распахнул свою дверь и громко ею хлопнул, когда она вошла.

— Ты что творишь? Ми с меня глаз не сводит!

— Что за представление ты устраиваешь? Что за вид? — раздраженно произнес он, указывая пальцем на кружевной лиф ее шелковой ночной рубашки.

— Не кипятись! — зашипела Айрин и без разрешения присела на его кровать.

— Где Данфейт? — более спокойным тоном спросил Кимао и присел возле нее.

— Не знаю. Я не видела ее. Может, катается на мотоцикле по неосвещенным горным дорогам, а может, отправилась на пляж искупаться. В планы своего времяпрепровождения она никого не склонна посещать.

— Ты завидуешь ей, потому как она вольна так поступать, а ты — нет?

— На мне всегда лежала ответственность за ее поступки. И если она вляпывалась, получала непременно я.

— Но и она тоже...

— Ей — все равно, а мне нет!

— Почему ты так решила? Потому что она улыбается, когда отец кричит на нее или выставляет на посмешище перед друзьями?

— Он всегда был таким, и ей это известно. Так что не думай, что твоя несчастная матриати страдает, в то время как от меня все отскакивает, как от стены!

Кимао опустил глаза и посмотрел на белоснежную грудь, скрытую темным кружевом. Айрин прикоснулась ладонью к своей шее и перекинула распущенные волосы за спину, проводя пальцем по тонкой бархатистой коже. Кимао не двигался, а она, тем временем, скользнув рукой зацепила бретельку и скинула ее с себя, приоткрывая его взору контур розоватого ареола ее соска. Зрячий молчал, и Айрин, продолжая смотреть в пол, скинула вторую бретельку рубашки. Ткань сползла вниз, соскальзывая с набухших вершинок и собираясь в складки на талии. Кимао напрягся, продолжая пристально изучать контур ее идеальной груди. Айрин провела пальцем по ложбинке в центре и заскользила к соску, задевая его и вздыхая при этом.

— Ну, и сука же ты... — прошептал зрячий, поднимаясь с кровати и презрительно глядя на нее. — Да, можешь хоть раздеться посреди этой комнаты! Этим меня не зацепишь!

— Так, значит... — ухмыльнулась Айрин и посмотрела на него, поднимаясь с кровати.

Тонкая шелковая ткань соскользнула с ее талии и упала на пол.

— А что ты скажешь на это? — прошептала она, прикасаясь своей рукой к животу и проводя по нему ладонью. — Она никогда не сделает для тебя того, что могу сделать я. Ее тошнит от этого. Наверное, поэтому ее друг Сайми предпочел ей другую женщину, — Айрин обвела свои губы языком и улыбнулась.

— Вот, смотрю я на тебя, и думаю: каким образом ты умудрилась пудрить мне мозги все пять лет? Я знаю имена всех, с кем ты спала. Но я понимал, что для таких, как мы с тобой, это вполне нормально. И я спал с другими, не испытывая при этом ни стыда ни стеснения перед тобой. Но разница в том, что при одной только мысли о подобной возможности для Данфейт, я перестаю себя контролировать. Это — эмоции, отличные от тех, которые я испытывал к тебе. Это то, чего ты, доселе, никогда не испытывала. И, так, напоследок. Данфейт не обязательно раздеваться для того, чтобы вызвать во мне возбуждение. Ей для этого достаточно просто заглянуть мне в глаза.

Кимао подошел к Айрин и, схватив с пола покрывало, метнул в нее.

— Прикройся! И проваливай! Немедленно!

— Ты еще пожалеешь об этом...

— Уже пожалел....что когда-то позволил ей думать, что люблю тебя.

Данфейт долго сидела у подножия лестницы. Чего она ждала? В чем сомневалась? Прошлый опыт давил на ее плечи, а слова, сказанные ее отцом, свербели в голове. Десяти минут вполне достаточно для решения всех вопросов. Поднявшись со ступеньки, она в последний раз взглянула на запертую дверь в комнату зрячего и, отвернувшись, направилась к выходу.

— Доброе утро, — поздоровался Кимао с пожилой няней по имени Ми.

— И Вам, господин Кейти.

— Я полагал, что в этот день все соберутся на совместный завтрак?

Ми тут же начала отрицательно качать головой.

— Нет-нет. Айрин и мистер Белови отправились в храм Юги, а Данфейт, — няня неопределенно повела плечами, — хорошо, если она объявится к обеду.

— То есть...

— Всем известно, насколько Данфейт пренебрежительно относится к своему дню рождения. Однажды она и вовсе не пришла на прием, организованный отцом в ее честь.

— Вообще-то, я спрашивал не об этом, — улыбнулся Кимао. — Не думал, что Айрин посещает храм.

— Ах, это... Так, служба ведь... Она чтит память матери так же, как и ее отец.

— Сегодня?

— Но, Симона Белови покинула наш мир в этот день... — не понимая произнесла Мими и искоса посмотрела на зрячего. — Данфейт досталась этому дому очень дорогой ценой. Все ожидали появления мальчика, а тут она... Их мать умерла сразу после ее рождения. Кровотечение унесло ее жизнь.

— И в этот день с самого утра мистер Герольд и Айрин обычно отправляются на поминальную службу?

— Конечно, — кивнула Ми и оставила Кимао одного посреди коридора.

"Я утратила веру в искренность любви моего отца". Какими нелепыми ему показались эти слова несколько месяцев назад. И только сейчас он смог проникнуть в их суть и узреть истинный смысл. Герольд Белови любил свою младшую дочь, только не искренне, не бескорыстно, а потому, что отцу положено любить дитя, которое он вырастил. А растил ли Герольд Белови Данфейт? Или девочка всю жизнь была предоставлена сама себе, лавируя на грани между дозволенным и тем, что ей забыли запретить? Странно, но Данфейт никогда не упоминала о том, как проводила время с отцом... Как ходила с ним на охоту... Как стреляла из его ружья... Все эти истории он слышал от Айрин, и в них не фигурировало имя ее младшей сестры... Ежегодно, просыпаясь утром в один и тот же день, Данфейт не получала поздравительную открытку и причитающийся ей подарок. Нет, ее отец и сестра в это время уделяли внимание той, кому было давно на все наплевать. Маленькая девочка в день, когда все остальные дети радуются и смеются, оставалась наедине со своим горем, потому как ей навязчиво напоминали о том, по чьей вине ее семья лишилась матери. Вот она — горькая правда жизни. Герольд Белови любил свою младшую дочь, но не искренне, а потому, что он должен был ее любить. Вот почему за искренность чувств Данфейт всегда держалась обеими руками... Если она благодарила, то только от "чистого" сердца, если ненавидела — то всей своей душой, если верила, то не оставляла места сомнениям, если любила, то.....желала, чтобы ее любили не меньше...

Кимао закрыл глаза и попытался пробить изоощренную защиту, которой овладела его матриати. Видеть ее глазами, слышать ее ушами... Она не знала, что все это ему подвластно. Подвластно, если только захотеть.

Перед ней раскинулась долина, причесанная ровными рядами виноградников. Ветер дул ей в лицо, развевая волосы и заставляя глаза слезиться. Что она чувствовала сейчас? Было ли ей безразлично, может, грустно, или, что еще хуже, невыносимо в данный момент? Прикоснуться к ее эмоциям он по-прежнему не мог, но внутри нечто шептало правильный ответ. Кимао огляделся и направился в сторону кухни. Застав Ми за расстановкой приборов, он несколько оживился.

— Могу я еще раз побеспокоить Вас? — произнес Кимао и улыбнулся женщине одной из своих коварных улыбок, от которых в особах старше пятидесяти просыпался материнский инстинкт.

Ми взглянула на молодого дереву и улыбнулась в ответ.

— Я сразу раскусила, что здесь к чему. Мистер Белови полагает, что Вы влюблены в его старшую дочь, хотя очевидное, порой, трудно заметить, особенно когда человек выглядит не так, как мы привыкли.

— А Вы, значит, заметили?

— Вы пытаетесь встретиться с ней взглядом всегда, когда оказываетесь рядом, хотя, она старательно прячет от Вас глаза. Вы расспрашиваете мистера Белови обо всем, и в то же время Вас интересуется только ее история. Перед тем, как встретить меня, Вы, наверняка, заглянули к ней в домик, но ее там не оказалось. Теперь Вы желаете узнать о том месте, куда она могла бы направиться этим утром, и спрашиваете об этом меня — ее няню, пытаюсь смягчить мое сердце этой милой улыбкой.

— Проницательно. Весьма, я бы даже сказал. А что, в таком случае, Вы можете сказать

мне про саму Данфейт?

— Она попросила Вас скрыть тот факт, что вы спите вместе?

— Верно, — словно вызов бросил Кимао в ответ.

— И это не столько обидело Вас, сколько возмутило, не так ли?

— Именно.

— Все пять лет, что девочек не было дома, мистер Герольд постоянно получал письма. Это были электронные послания Айрин и краткие отзывы об успехах Данфейт от Ри Сиа. От Данфейт мистер Герольд не получил ни строчки. Айрин описывала новый мир, в который попала, рассказывала о своих друзьях и парне, от которого была без ума. Ваше имя, Кимао Кейти, звучало в каждом письме. Естественно, что когда все вы прилетели сюда, мистер Герольд посчитал, что Вы претендуете на его старшую дочь, но никак не на младшую, с которой Вы и знакомы-то месяца три, от силы. Данфейт предвидела эту ситуацию наперед. Какой бы избалованной и испорченной она ни была, признаться отцу в том, что "увела" мужчину из-под носа сестры, она не сможет.

— Она не "уводила" меня.

— Хотите сказать, что наша Данфейт уколола Вас в самое сердце за это короткое время, при том, что Айрин этого сделать за все пять лет так и не смогла?

— Разве любовь — это то, что мы можем контролировать? Мне казалось, что это чувство не подвластно нашим желаниям.

— Судя по тому, что Вы все-таки влюбились в нашу Дани, контролировать это Вы действительно не можете.

— Так что? Вы скажете мне, где искать вашу младшую воспитанницу?

— Когда мистер Герольд узнает о вашем романе, он разорвет ее... — покачала головой Ми.

— Вы полагаете, что я при этом останусь стоять в стороне?

— Она не позволит Вам вмешаться, потому что знает, что отец — прав. Будь она хорошей сестрой — Ваши глаза, Кимао Кейти, никогда бы не посмотрели в ее сторону.

— Иногда мне кажется, что кроме меня в этом мире на нее больше никто не смотрит, а иногда я замечаю, что смотрят все, но не видит никто, — произнес Кимао.

— Вы говорите странные вещи, господин Кейти.

— Мне положено, ведь я — зрячий, — ответил Кимао и направился к двери.

— За домом начинается дорога к "Святой горе". Если пройдете тропой пару километров, наверняка, найдете ее у обрыва...

— Спасибо, — обронил Кимао перед тем, как закрыть за собой дверь.

— Пожалуйста, — пробурчала Ми и присела на стул. — Пожалуйста...

Данфейт пила кофе из термоса, глядя на долину с высоты птичьего полета. Казалось, здесь она должны была почувствовать себя свободной. Но, нет. Ничего не менялось в ее восприятии. Зависимость, желание, страсть и неминуемый конец, рано или поздно...

— Красиво, — произнес Кимао, присаживаясь рядом с ней на зеленую траву.

— Я почувствовала тебя еще у подножия.

— Долго ждала?

— А я не ждала... — ответила матриати и, запустив руку в свои волосы, потеревила

густые локоны.

Кимао посмотрел на нее и понял, что что-то изменилось. Она отстранилась, она охладела, словно не он присел рядом с ней, а совершенно незнакомый, чужой человек.

— Я приготовил подарок для тебя, — как ни в чем не бывало произнес он.

Данфейт усмехнулась и поставила термocupку с кофе на траву.

— Так, где подарок?

Кимао потянулся за своим рюкзаком и достал из него блестящий термостабильный костюм.

— Это тебе.

Дани повертела в руках костюм с напыленным на нем меркапаном и снова усмехнулась.

— Как же ты сделал его?

— Ну, разрешения на изготовление я получать не стал...

— Приплатил за услугу? — надменно произнесла она. — Что ж, спасибо. Кимао, — выдавила она из себя, небрежным движением отбрасывая от себя костюм.

— Что происходит? — спросил зрячий, едва ли сдерживая свои порывы возмущения и гнева.

— Зачем, ответь мне? Зачем ты сделал это?

— Изъянйся конкретно. Я ничего не могу понять.

— Конкретно? — усмехнулась она. — Зачем ты пудрил мне мозги своими признаниями и заверениями? Чтобы развлечься? Чтобы отомстить ей и вернуть ее в свою постель?

— Ты видела ее вчера, так ведь? — спросил зрячий, наклоняясь к ней и пытаясь заглянуть в глаза.

Данфейт резко обернулась и, схватив его пальцами за лицо, сама заглянула в его темные глаза.

— Она пришла к тебе... Она разделась перед тобой... И ты захотел ее...

— И дальше что?

Данфейт прищурилась и начала смеяться, отворачиваясь от него и отбрасывая свою руку.

— Представь себе: я прихожу к Айрин, потому что она сама позвала меня, и понимаю, что сейчас она пойдет к тебе, разделется и....и я пойму, чего на самом деле стоят твои заверения. Я жду. Сажу на лестнице, как идиотка, и верю в то, что через несколько минут дверь откроется, и она выйдет от тебя ни с чем. Проходит три минуты — а ее все нет. Четыре... Пять минут... Сомнение... Оно переворачивает мой внутренний мир, онс зарождает во мне самое скревное и темное, напоминая о том, что ты — далеко не совершенное создание, а всего лишь мужчина. Десять минут... Ждать не имеет смысла. Нужно решить: остаться и посмотреть или уйти и не видеть. Однажды я осталась. Более того, я приоткрыла занавеску и подсмотрела. И меня затошнило... Ни боли, ни презрения... Только отвращение и рвота, которую невозможно было унять. И снова выбор: остаться и посмотреть или уйти и не видеть. Я уйду... И меня не тошнит... Меня выворачивает наизнанку, но не тошнит. Я представляю себе все происходящее там, за дверями. Я будто стою там и наблюдаю за вами со стороны. И это не столько противно, сколько омерзительно. В тот раз я знала, что произошло. Как, конкретно. А сейчас я только представляю себе, подбирая вновь и вновь наиболее изощренные сцены. Я бы так хотела, чтобы ты испытал подобное... Чтобы действительно любил и, в то же время, представлял себе, как я захожу в

платер к Сайми и медленно раздеваюсь перед ним. И он смотрит на меня, на мое обнаженное тело и хочет меня...

— Заткнись!!! — заревел Кимао, зажимая ей рот и толкая на траву, нависая сверху.

Данфейт закрыла глаза и продолжила смеяться.

— И дальше что? — прокричала она. — Это твои слова! "И дальше что?" Мы квиты! Ты переспал с ней, а я с Сайми! В своей голове! И не один раз за ночь! Много раз!!! Мы квиты, зрячий!!! Мы квиты, Амир бы тебя побрал!!! — простонала она и заревела.

— Я так хотел увидеть твою ревность... Когда ты сказала, что не любишь меня, я подумал именно об этом. Я мечтал об удовлетворении, которое испытал бы, осознав, что тебя трясет так же, как трясло меня. Но, теперь, глядя на тебя, я ничего, кроме боли, не испытываю.

Кимао прижал свою руку к ее голове и сдвинул пальцами тонкую кожу. Данфейт почувствовала, как череп ее трещит по швам. Как кровь приливает к голове, и терпеть подобное становится невозможно! Образы... Картинки... Айрин... Ее грудь... Ее рубашка... Ее живот... И покрывало, брошенное в нее... Ее спина... Она выходит, хлопая дверью...

— А-а-а!!! — прокричала Данфейт, чувствуя, что ее переполняет гнев.

— Еще раз подумаешь о нем, и я сотру твою память! У тебя не останется ничего, кроме настоящего. Ничего, кроме того, что есть у тебя сейчас...то есть, меня.

— Ненавижу!!! — прохрипела она, закашливаясь и поворачиваясь на бок.

— Это я тебя ненавижу, — ответил Кимао. — Ты высасываешь из меня жизнь. Ты топишь меня своими руками и умудряешься улыбаться при этом. Я ненавижу, когда ты улыбаешься мне этой пустой улыбкой. Я ненавижу эту улыбку!

Данфейт закричала, ударяя его руками по груди, пытаясь попасть ими по лицу и скинуть с себя.

— Давай!!! — ревел он, отбрасывая ее руки. — Давай, покажи мне силу своей ярости, матриати!!!

Спустя несколько минут, она успокоилась и, откинувшись на траву, уставилась в небо над головой. Голубое мирное небо с воздушными белыми облаками. Внутри было пусто, там было так же свободно, как и в этом небе. И лишь тени пережитых несколько минут назад эмоций, похожие на такие же облака, напоминали о том, почему она до сих пор плачет.

Кимао сидел рядом и смотрел в пропасть перед своими ногами. Наверное, ему стоило бы уйти, но этот поступок ведь ничего не решит. Ревность... Что это такое? Предостережение, что у нас могут что-то украсть или напоминание о том, что никто в этом мире не может никому принадлежать полностью? Мы воздвигаем стены, мы доверяем и верим, что кто-то не обманет нас, не оставит, когда соблазн предать будет очень велик. Но на самом деле в этом вопросе от нас мало что зависит. Нести ответственность мы можем только за свои поступки, но никак не за чужие.

— Встань на колени, — произнес Кимао, поворачиваясь к ней.

— Зачем? — прошептала она, продолжая смотреть в небо над головой.

— Разденься и встань на колени, — более настойчивым тоном повторил он и расстегнул застежку своего костюма.

"Принуждение". Извращенная форма доказательства, что кто-то принадлежит кому-то. Напоминание, что ни что в мире не в силах изменить этот простой факт. Данфейт и подумать не могла, что он когда-нибудь сможет сделать подобное. Ошиблась? Не в первый раз, да и не в последний...

— Раздевайся и вставай на колени!!! — прогремел голос Кимао, и Данфейт закрыла слезящиеся глаза.

Рука потянулась к "молнии" на костюме и расстегнула ее, оголяя грудь и живот. Дани медленно поднялась на ноги, и стянув его со своих ног, отбросила в сторону. Дело за бельем. Его тоже снимать? Естественно, ведь он-то уже разделся...

Данфейт, освободившись от последних элементов своей одежды, отвернулась от него и встала на колени. Не страшно, тяжело только. И противно. Как же все это противно...

— "Принуждение", — произнес Кимао. — Зрячий ставит матриати на четвереньки и имеет, пока у той не подкосятся ноги. Он кончает столько раз, сколько ему вздумается, дергая ее за волосы и царапая спину, чтобы принести боль. А потом он режет ее оболочку, чтобы оставить на ней рубец, как напоминание о том, что ее ждет, если она ослушается его воли в следующий раз. Это — истязание и насилие, в результате которых жертва должна понять, что принадлежит только одному человеку, который и является для нее хозяином. Ты знаешь об этом, потому что Бронан в свое время сделал это с Эрикой.

— Приступай, — словно плевком, прошептала Данфейт и зажмурилась.

Кимао прикоснулся рукой к ее бедру и погладил нежную кожу. Данфейт сжала свои зубы, чтобы не заплакать. Приятное прикосновение... Как же мерзко осознавать это... Что же у нее осталось от гордости? От ее личности? От убеждений и взглядов? Это?! Удовольствие от насилия, которое он собирался совершить?

Кимао снова погладил ее и развел ноги шире. Его рука скользнула вперед и она заревела снова, потому что и это ей понравилось.

— Я никогда не понимал, почему при этом нужно ставить женщину на колени, — вдруг произнес он. — А сейчас понимаю, — прошептал Кимао и Данфейт закричала, припадая головой к траве и вжимаясь в нее.

Его язык, ласкающий... Его дыхание там, стало так горячо... Его поцелуй и снова язык, от движений которого вся она начала плавиться...

Так много обычаев, так много культур. Одни ставят на колени, чтобы изнасиловать и причинить боль, а другие, чтобы исполнить обряд и доставить наслаждение человеку, без которого не хотят больше жить. Зависимость не может быть удобной, и "мужчина на коленях" — это тот, кто должен преклониться еще ниже перед той, которую любит.

Он обхватил ее бедра руками и снова прижался к влажной плоти, продолжая свои ласки с самого начала. Мысли Данфейт о нем и том, что он делает, сменились тихим стоном. Он ощущал ее удовольствие, словно свое собственное... Странно испытывать все это, но по-другому уже не хочется, нет, совсем не хочется...

Кимао отстранился от нее и, прикоснувшись рукой к ее лону, нашел пальцами ее теплоту. Дани замерла на мгновение, а когда вновь попыталась вздохнуть, почувствовала, как он наполняет ее.

— Кимао, — вырвалось из ее рта, и она согнулась под ним, продолжая всхлипывать.

Кимао наклонился и провел носом вдоль ее спины, оставляя влажные следы на коже от своих поцелуев.

— Разве, я царапаю тебя? — прошептал Кимао, целуя ее за ушком и проводя ланью по напряженному животу. — Разве я дергаю тебя за волосы? — вновь спросил он, припадая носом к ее затылку и вдыхая аромат сбившихся волос, продолжая двигаться в ней и с каждым новым движением хватать воздух ртом. — Разве тебе больно, Данфейт?

— Нет, — прошептала она.

— Мне нравится чувствовать тебя так. А тебе?

— Да...

Он прижал ладонь к ее груди и погладил нежную кожу, а затем, обвив рукой талию, ближе притянул к себе.

Его движения стали более напористыми. Он требовал. Он хотел окунуться в это чувство сам, зная, что единственным источником ее удовольствия является только он.

— Кимао, — жалобно простонала она и выгнулась под ним, но он легонько сжал ее шею и опустил голову, опять прижимая ее к траве.

Она вцепилась пальцами в его колени и подалась ему навстречу. Он ее раздавит. Он ее уничтожит. Он поработит ее, обязательно, потому что с этим наслаждением не имеет смысла бороться, его хочется испытывать вновь и вновь.

— Дани, я больше не могу... — простонал Кимао, перед тем, как она сжалась под ним и с криком приняла его оргазм в себя.

Тяжелое тело придавило ее к земле и у нее не осталось сил на то, чтобы пошевелиться. Она не улыбалась, она не плакала. Ей казалось, что она парит в воздухе, и нет необходимости больше ходить по земле. Она так долго искала свободы. Так много времени она потратила на мысли о ней. Теперь она вновь испытывает это чувство. Это он, что лежал рядом и вжимался носом в ямочку за ее ушком, подарил ей его. Это он сделал ее самой несчастной и, в то же время, самой счастливой сегодня.

— Я бы мог сказать тебе, что люблю, но боюсь, что ты ударишь меня и просто уйдешь. А я не хочу, чтобы ты уходила от меня. Не хочу, слышишь?

Он оторвался от нее и присел, глядя на бледное тело, сжимающееся в комок на траве.

— Иди сюда, — прошептал он и, подхватив ее на руки, усадил себе на колени, прижимая к своей груди, словно ребенка.

Данфейт открыла глаза и, потянув свою руку, прикоснулась пальцами к его щеке.

— Кимао? — позвала она, глядя на него своими раскрасневшимися, отечными глазами.

— Да?

— Скажи мне... Скажи...

— Я люблю тебя. Люблю тебя, — ответил он и наклонился к ее губам.

— Спасибо, — прошептала она, закрывая свои глаза. — Спасибо...

Странное чувство — грусть. Оно не плохое, не хорошее, оно выткано из печали и сожаления, из любви и привязанности, из разочарования и новых надежд. Кимао был сейчас олицетворением этой грусти. Он был ее сожалением, он был ее печалью, он был ее разочарованием в себе. Он олицетворял ее привязанность. Он стал для нее любовью, и все ее надежды теперь были связаны с ним. Кимао — это ее грусть, чувство, от которого хочется бежать, но сил нет, и он опутывает, принуждая глаза становиться влажными, а губы пересыхать.

Кимао убрал прядь волос с ее лица и улыбнулся.

— Это все, что ты хотела мне сказать? — прошептал он, прикасаясь губами к ее носу.

— Не дождешься, зрячий, — пробурчала Данфейт, проваливаясь в сон.

— Я так и подумал, — усмехнулся Кимао, сильнее прижимая ее к себе. — Я так и подумал...

Данфейт распахнула глаза и вцепилась в плечи Кимао.

— Тише, спокойно...

— Сколько я спала? — пробурчала она, пытаясь подняться на ноги.

— Час, не больше. Но руки у меня уже отваливаются, если честно, — ухмыльнулся зрячий и посмотрел на нее, крутящуюся на одном месте в поисках своих вещей.

Кимао потянулся назад, и, схватив ее трусики, протянул ей.

— Ты не их, случайно, ищешь?!

Данфейт посмотрела на зрячего исподлобья, и вцепилась пальцами в черную кружевную ткань.

— Отдай!

— Ты мне больше нравишься без них!

— Хочешь, чтобы я в таком виде направилась домой? — спросила она и прищурилась.

— Лучше, не стоит, — улыбнулся зрячий и разжал пальцы.

Быстро одевшись, она вновь начала метаться вокруг, на этот раз, разыскивая нечто другое.

— Что опять? — спокойно спросил Кимао, разминая свое онемевшее плечо.

— Костюм! Где он?

— Какой костюм? — приподнял брови зрячий.

— Мой костюм! Из меркапзана!

— Ты бредишь! У тебя есть костюм из меркапзана?!

— Кимао!!! — сорвалась на крик Данфейт. — Где мой костюм?! Где он?!

Кимао, продолжая спокойно одеваться, пожал плечами. Данфейт направилась к его рюкзаку и, убедившись, что костюма в нем нет, снова повернулась к зрячему.

— Куда ты его дел, Кимао Кейти!!!

— Он тебе нужен? Я полагал, что мой подарок показался тебе чем-то вроде бесполезного сувенира, который и выкинуть жалко, и на полку ставить не хочется.

— Верни мне мой костюм! Он — мой! Ты его уже подарил, так что...

— Что?! — воскликнул Кимао, разводя свои руки по сторонам. — Что?!

Данфейт посмотрела на него и, почему-то, усмехнулась.

— Как ребенок, честное слово...

Матриати подошла к зрячему и, заглядывая ему в глаза, прижалась к его губам. Ее руки оплели его спину и притянули к себе, принуждая немного согнуться.

— Верни мне мой костюм... — прошептала Дани, прерывая поцелуй и вновь возвращаясь к его губам.

— Плохо просишь... — усмехнулся Кимао, обнимая ее и подтаскивая за бедра вверх.

Данфейт отстранилась от его рта и повернула голову к уху, проводя по нему языком.

— А как ты хочешь, чтобы я попросила?

Кимао напрягся и отпустил ее, отворачиваясь.

— В чем дело? — не поняла Данфейт.

— Йори зовет нас. Что-то случилось.

— Что случилось?

— Костюм на теми кустами, — ответил Кимао и указал рукой в заросли по правую сторону от нее. — Забирай и возвращаемся в дом.

— Что случилось, Кимао! — медленно и громко повторила она.

— Взорвался девятнадцатый сектор Деревы. Нам велено вернуться в Академию

немедленно.

— Юга...

— Пойдем, времени нет.

Данфейт бросилась к кустам и, достав из них свой блестящий костюм, прижала его к груди.

— Никогда не думала, что все начнется именно так...

— Я люблю тебя, Данфейт, — вдруг ответил Кимао.

Данфейт повернулась к нему и, глядя в черные, как сама бездна глаза, просто произнесла:

— И я люблю тебя, Кимао.

Они расстались у самого дома. Данфейт не захотела заходить внутрь и, оставив его одного, направилась в свою пристройку. В холле Кимао встретило две пары глаз: мистера Белови и Айрин. Мужчина был не столько напуган, сколько зол. Прочитав его мысли, зрячий тут же понял, в чем и дело и, не говоря ни слова, отправился в сторону кабинета мистера Белови

- Распахнув дверь, он вошел внутрь, дожидаясь, когда сам хозяин дома соизволит пройти туда же.

— Айрин может идти собираться, — отчеканил Кимао, глядя, как подруга бежит глазами от отца к нему.

Мистер Белови обернулся к старшей дочери и, кивком головы, дал понять, что она — свободна.

Кимао присел на подлокотник одного из кресел, стоящих у окна, и посмотрел на пожилого мужчину, трясущейся рукой наливающего себе спиртное в бокал.

— Айрин рассказала мне о Вашем с ней романе. Честно говоря, я был не столько удивлен поведением Данфейт, сколько Вашей глупостью, господин Кейти. Пять лет отношений Вы перечеркнули ради сомнительной интрижки с девушкой, смысл жизни которой — соперничество с собственной сестрой. Это по-настоящему глупо.

— Пять лет отношений? О каких отношениях Вы говорите, мистер Белови? Ваша дочь все это время жила собственной жизнью, в которой я, не спорю, занимал определенное место, но не большее, чем мой брат, Орайя. Никаких отношений, кроме дружеских, у нас не было!

— Но, Вы дали ей надежду! Вы позволили ей думать, что все может быть! А это лишь форма обмана, вот и все!

— Вдаваться в особенности наших с Айрин взаимоотношений я не собираюсь. Есть законы и правила, которые все мы, зрячие, должны соблюдать. Ваша старшая дочь была хорошо с ними знакома и пять лет хождений вокруг да около вполне ее устраивали. И если теперь ее гложет мысль о том, что я выбрал другую, это — ее проблемы, не мои.

— Ваша позиция на этот счет мне понятна, — ответил Белови и присел в кресло рядом с ним. — Делайте, что хотите.

— Вот и прекрасно, — заявил Кимао, поднимаясь на ноги. — Кстати, я хотел бы купить у Вас работу Джонатана Сирии. Цена в пятьсот тысяч Вас устроит?

Мистер Белови повернулся к дереву и приподнял свои брови.

— А Вы располагаете подобной суммой?

Кимао усмехнулся, качая своей головой.

— Пятьсот тысяч, мистер Белови. Деньги я перечислю в течение часа.

— Картина не продается!

— Шестьсот?

— Я не продам ее, господин Кейти. Ни за шестьсот, ни за миллион. Она останется дома, где ей — место!

— Не ожидал, если честно... — произнес Кимао, глядя на мистера Белови.

— Вы и вправду любите ее? — произнес сайкаирянин, не понимаясь глядя на зрячего.

— А для Вас это является таким же непостижимым фактом, как мой отказ вчера Вашей старшей дочери?

Мистер Белови поджал свои губы и отвернулся.

— Если Данфейт и не рассказала мне, что инициатором вчерашнего инцидента были Вы, то это только потому, что не хотела растоптать Вас в моих глазах еще больше, чем есть сейчас. Она любит Вас, мистер Белови, хотя я считаю, что Вы этой любви еще не заслужили.

Кимао поднялся с кресла и тихо покинул рабочий кабинет Белови. Он знал, что пожилой сайкаирянин не оценит слов, обращенных к нему. Знал, что дав своей дочери имя "Данфейт", он так и не разгадал смысл древнего деревийского придания. Но все же, он не продал последнюю картину, с которой ему улыбалась упрямая, взбалмошная, и, вроде бы, предрешенная судьба.

Данфейт покинула родной дом с легким сердцем. Отец обнял ее и, поздравив с днем рождения, подарил очередную "побрякушку" с камнями. Дани, как благодарная дочь, восхитилась подарком и тут же повесила его на шею. Затем отец, как обычно, поцеловал ее и, сказав на прощание: "Я люблю тебя, девочка моя", — спустился по трапу вниз.

Когда тяжелая металлическая дверь отрезала взор мистера Белови от своих дочерей, Данфейт выдохнула. Вряд ли она когда-нибудь вернется сюда. Странно, но эта мысль показалась ей пугающей, ведь причин к ее "невозвращению" могло быть слишком много.

— Подарки дарить сейчас? — подала голос Эрика, беря подругу под руку и уводя из грузового отсека.

— Можете и сейчас, — улыбнулась Данфейт и поцеловала тианку в щеку.

Эрика потянулась в карман и достала из него лакированную рукоять лазерного ножа.

— Это тебе!

Данфейт повертела "игрушку" в руках и, нажав на кнопку, полюбовалась ярко-красным свечением мерцающего лезвия.

— У нас и так денег немного осталось, а ты потратилась на такую дорогую вещь!

— Бронан потратился, я всего лишь выбирала, — хмыкнула тианка, за что заслужила подзатыльник от подруги.

Террей и Йори подарили Данфейт белый термостабильный костюм, на спине которого золотыми нитками была вышита надпись: "Я — одна из Великих, и пошли Вы все!"

Данфейт долго смеялась, показывая всем остальным злополучную надпись, из-за которой костюм, кроме как дома, нельзя было никогда одеть.

Ораяя преподнес девушке наручный навигатор с загруженными картами всех обитаемых

и не очень планет.

— В прошлый раз ты брала подобный напрокат, теперь у тебя будет свой собственный, — улыбнулся дерева и обнял Данфейт, целуя ее в щеку.

Кимао прищурился, глядя на эту сцену, но замечаний не отпустил.

Айрин ничего не стала дарить Данфейт. Еще бы! Свой подарок она преподнесла сестре еще вчера...

— Меньше всего мне хочется омрачить этот день разговорами о фантомах, — замялась Данфейт, — но не пора бы нам подумать о том, что произошло, и зачем нас вызывают?

— Это — призыв, — ответил Кимао и, обняв ее за плечи, прижал к себе. — Если они взорвали девятнадцатый сектор Деревы, значит, все было крайне плохо. А если они призывают курсантов — значит, все еще хуже, чем могло показаться вначале.

— Хочешь сказать, что нам грозит война?

— Я хочу сказать, что эта война уже началась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net